

Аркадий Твист

Профессия: аферист игра на интерес

Цель создания книги не в том, чтобы вызвать симпатию к героям, с легкостью ориентирующимся на обман в любых ситуациях, а в том, чтобы лишить аферизм главных козырей в игре с неискушенным обывателем.

Я бы назвал это энциклопедическим аферником. Он раскрывает большинство тех тайн, которые блатной мир накапливал годами, внося каждую новую аферу в арсенал своих побед.

Комментарии и пожелания автора:

Имена всех героев книги **ВЫМЫШЛЕНЫ**.

В случае совпадения – считать **СОВПАДЕНИЕМ**.

Более комментариев не существует.

СЛОВАРЬ ЖАРГОННОГО СЛЕНГА

АЙКА – икона.

БАКЛАН – драчун, любитель завязывать драки.

БАЛАНДЕР – тот, кто развозит еду по камерам.

БОЧИНУ НЕ ЗАПОРОЛ – не нарушил воровские заповеди (законы).

ВАНТАЖ – разрешить проигравшему уплатить раньше срока меньшую сумму.

ВЕСЛО – ложка.

ВИСЕЛ – сидел, отбывал срок.

ВЛОМБАРДИТЬ – предать, донести.

ВОРОНОК – машина, в которой перевозят заключенных.

ВЫКАТАТЬ – выиграть.

ВЫПИСАТЬ – предъявить претензии.

ВЫСМЫКНУТЬ – познакомиться с целью обмана в дальнейшем.

ВЫСТАВИТЬ – показать и помочь обмануть.

ВЫШКА – высшая мера наказания, расстрел.

ДЕЛЮГА – дело.

ЖУКИ – воры в законе.

ЗАЛЕТНЫЙ – приезжий.

ЗАСАДИТЬ ФУФЛО – не отдать проигранные деньги вовремя.

ЗАСУХАРЕННЫЙ – завуалированный.

ЗАЯВА – заявление.

ЗЕЛЕНКА – доллары.

ЗУЗЫ – деньги.

ИГРАЮЩИЙ – картежник.

КАЛДЫРЬ – алкоголик, бомж.

КАРАНТИНКА – камера, где содержатся лица с подозрением на инфекционные заболевания.

КАТАЛА – карточный игрок.

КАТРАН — место, где собираются для азартных игр.
КИВАЛЫ — народные заседатели.
КИДНЯК — афера.
КИЧА — тюрьма.
КИШКИ — вещи.
КОНЬ — записка, передаваемая из камеры в камеру при помощи веревок за решетками окон.
КОРМУШКА — окошко в центре двери, через которое передают пищу в камеру.
КПЗ — камера предварительного заключения.
КСИВА — документ, удостоверяющий личность.
КУКОЛЬНИК — аферист, оставляющий «куклу».
КУМ — начальник оперчасти.
ЛАВЭ — деньги.
ЛЕПИЛА — врач.
МАЛЕВКА — записка, письмо.
МАРОЧКА — носовой платок.
МАСТЫРКА — притвориться больным.
МОЧИТЬ — убивать.
МОЧКАНУТЬ — побить.
НАКОЛКА — сообщение информации о человеке для преступных действий по отношению к нему.
НЕПОНЯТКА — конфликтная ситуация.
НЫЧКА — тайник.
ОБЩАК — камера, зона общего режима.
ПАСТИ — следить.
ПЛЕТКА (ВОЛЫНА, СТВОЛ) — пистолет.
ПОНТОВАТЬСЯ — возмущаться, скандалить.
ПОПКАРЬ — надзиратель.
ПРИЗНАНКА — камера для душевнобольных.
ПРИНЯЛИ — арестовали.
ПРОПУЛЬ — предоставление возможности терпиле нажать деньги для того, чтобы в дальнейшем его кинуть.
РАБОТЯГИ — мошенники, находящиеся возле обменного пункта валюты.
РАЗБИТЬ ПОНТЫ — сделать вид, что незнаком с кем-то.
РАЗМЕНЯЛИ — расстреляли.
СВАЛИТЬ — уйти, убежать.
СКАТКА — матрац с постельным бельем.
СКОСТИТЬ — уменьшить срок заключения.
СЛЕДАК — следователь.
СРОСЛОСЬ — получилось.
СУХАРИТЬСЯ — жить по чужим документам.
ТЕРПИЛА — потерпевший.
ТОРМОЗОК — еда в дорогу.
УРКА — вор в законе.
УРЯДНИК — отрядник (в лагере).
ФАБУЛА — поддельные купюры.
ФАНТИКИ — чеки Внешпосылторга.
ФАРТОВЫЙ — удачливый.
ФЕНДИКОС — поддельное кольцо.
ФУФЛОВЫЕ — ненастоящие, например, деньги, кольца и пр.
ХВОСТ — слежка.
ЧИСТОДЕЛ — тот, кто изготавливает фальшивые документы.
ШИЗО — штрафной изолятор.
ШКОНКА — нара.
ШЛЕНКА — тарелка.
ШНИФТЫ — глаза.
ШНЫРЬ — «шестерка».

ЭТАПКА — камера, где ожидают этап.

АРКАН

— Наш самолет приземлился в аэропорту города Вильнюс. Температура за бортом плюс три градуса, влажность воздуха девяносто семь процентов. Хочу пожелать, чтобы цель, с которой вы прибыли в этот город, оправдала ваши средства, — прозвучал в гнусавый микрофон веселый голос стюардессы.

Высокий, симпатичного вида мужчина лет 35 поднялся со своего кресла, взял шапку и кейс с полки. Какой-то девушке, стоявшей рядом, он с широкой открытой улыбкой помог надеть пальто. И крепкой походкой, в которой чувствовалась уверенность, отправился к выходу. На нем была дорогая, с большим меховым воротником, дубленка ниже колен. На голове — норковая шапка, в руках он держал кейс из крокодиловой кожи. Его блестящие каштановые волосы слегка вились.

У трапа его ждал товарищ, внешность которого была значительно проще: невысокого роста, небольшой, но явно выраженный живот, лысина на темени при совершенно нестаром лице. Маленькие глазки резко и неприятно стреляли в собеседника, тонкие губы находились в состоянии полуулыбки.

— Привет, — сказал маленький, когда его товарищ спустился с трапа. И они обнялись, искренне похлопывая друг друга по спине.

— Как дела? Как ты оказался в Вильнюсе? Зачем меня вызвал?

— Есть интересная работа. Тебе, как я знаю, деньги совсем не лишнее. Но об этом потом. Как оно, на свободе? Дышится веселее, не так ли? Я познакомлю тебя с элитой этого города. Некоторым немного рассказывал о тебе, о тех работах, которые довелось нам с тобой делать. Кстати, среди них тоже кое-что мутанем. Ты взял с собой зарядки и вообще весь «набор афериста»?

— Да, это все со мной. Рома, ты мне скажи другое, как ты здесь оказался? Почему уехал из Москвы? Сидя в самолете, вот о чем подумал: на дворе 1977 год. Я «висел» четыре года, и все это время от тебя ни одной весточки. Сейчас ты здесь. Не могу припомнить, чтобы ты собирался когда-либо из Москвы в какую бы ни было сторону. Решил не наводить справки. Мы ведь с тобой друзья, и ты сам расскажешь все, о чем я должен знать.

— Четыре года пролетели как один день, не успел оглянуться. Чтобы убрать все твои сомнения, я скажу сразу, что, несмотря на трудности и неприятности, которые подбросила мне судьба, бочину не заперол и по всем понятиям без греха. Тебя ведь это волновало?

Ромин собеседник кивнул. Действительно, это обстоятельство очень волновало его. Он начал было думать, что Рома засадил фуфло и поэтому рванул из Москвы. Ромино объяснение вполне его устроило.

— Ты же слышал, — продолжал Рома, — лох дал заяву, пришел в райотдел и сказал: «Я хотел купить тысячу западногерманских марок, а меня обманули, и вместо валюты я получил вот что». И он достал «куклу» и положил на стол. Мусора посчитали бумагу, вырезанную из журнала, за поддельные, фальшивые марки, потому что там среди прочих была картинка с изображением пятидесятимарковой банкноты. Они возбудили дело не по 147-й, а по статье 88-й, «Нарушение правил о валютных операциях». Ну, в общем, десяточка корячилась. Я и свалил. А лох шел тоже по этой же статье, только у него часть другая — «Скупка валюты». Был суд. Лоху — пятерочка. Меня — в отдельное судопроизводство. Ну, в общем, розыск. И вот я в

Вильнюсе уже два года. Расскажи-ка лучше о себе. Как ты сидел? Что-нибудь про зону. Расскажи, как семья? Как дома?

— Да что рассказывать! Тюрьма, зона — все такие же. Скучно. А в семье все в порядке полном. Тоське уже 17 лет. Молодой, красивый, здоровый, упрямый, а, главное, дух у него есть и очень крепкий. Уже кидает в полный рост. Потерпевшие осаждают.

— Ну-ка, дружок, поверни направо, на Упорявичуса, — обратился Рома к шоферу, а затем к товарищу: — Наверное, устал? Тебе надо отдохнуть с дороги. Я жду тебя второй день.

— Да Вильнюс не принимал, и я провел ночь в Борисполе, куда посадили самолет. Я не прочь выпить кофе и принять душ.

Они сидели за столом посреди большой уютной комнаты. Тяжелые велюровые шторы изумрудного цвета висели на окнах. Мягкая уютная мебель с таким же велюром обрамляла комнату. Он удобно развалился в кресле. Белый халат на смуглом теле казался еще белее. Аккуратно расчесан, гладко выбрит, весело поигрывая сигаретой, он излучал радость, наслаждался жизнью и вдыхал ее полной грудью.

— ...Я все понял, Рома, и готов начать хоть сегодня.

— Да, мы начнем сегодня, но не с того, с другого. Сегодня появится один фуцан, у него будет порядка пяти тысяч рублей. Он всегда носит с собой такую сумму, считая, что в жизни может выиграть лишь тот, у кого при себе деньги. Чем больше денег — тем больше куш. Для себя он остановился на пяти тысячах, считая это оптимальной цифрой. Мы его разведем на твои фокусы. Надо спешить, пока ты свеж. Как только приобретешь «ночной вид» — начнем основную работу. К этому времени познакомлю тебя с нашим третьим долистом.

МОНЕТКА В ФУЖЕРЕ

Услужливо снуют официанты в белых перчатках, черных костюмах, бабочках, полотенце наперевес. Рома, как и обещал, познакомил своего товарища со всеми. Пришлось сдвинуть три стола, чтобы все поместились. Собрались одни мужчины, все приблизительно одного возраста. Одетые в тон, надменно-недоступные. Все они имели свою изюминку — какую-то их тайну. Рома рассказывал что-то смешное. Вдруг он достал из кармана монетку достоинством пять копеек и бросил ее в пустой фужер.

— Кто сможет, не дотрагиваясь до стола и не касаясь фужера, вытащить монетку так, чтобы она оказалась лежащей на столе. То есть одним взглядом?

Все смеются, улыбаются и говорят, что это невозможно.

— А вот я, — сказал Рома, — смогу. Свое действие могу подкрепить материально. Опять улыбки, обмен взглядами.

— Ну, что? — продолжает Рома. — Найду я здесь мужчину, который свое мнение может подкрепить чем-то весомым?

Крепкий молодой человек плотного вида, сидящий напротив Ромы, неуверенно заметил:

— Ни до чего не дотрагиваясь... Это невозможно.

— Это ваше мнение? — тут же устремился к нему Рома. — Если это так, тогда позвольте узнать, во сколько вы оцениваете свое мнение?

— Да, это действительно невозможно, — обратился к здоровяку Ромин товарищ, еще час назад никому не известный. — Он просто блефует, пытается нас прижать своими фантазиями.

– Мое мнение крепко. И, если здесь нет никакой игры слов, монету вытащить из фужера невозможно. Я могу поспорить с тобой на любую предложенную сумму, – решил наконец атлет.

– Я думаю, рублей за триста я смог бы придать своему взгляду силу, достаточную для того, чтобы монетка оказалась вне этого фужера, – заметил Рома.

– Слушай, давай поставим пятьсот. У меня есть двести, – обратился к крепышу его новый знакомый. – Возьмешь в долю? Я бы с удовольствием утер нос своему товарищу. Он очень любит блефовать и продолжал бы это занятие, даже если бы находился на краю пропасти.

Кто-то перебил рукопожатие между атлетом и Ромой. Деньги к этому времени в сумме тысяча рублей находились в руках у Роминого друга. Атлет уточнил время: за две минуты монетка должна покинуть фужер. Рома склонился над фужером и пристально смотрел на самое дно, где невозмутимо лежала пятикопеечная монетка. Время шло, а он изображал всякие усилия. За столом воцарилась тишина. Все внимательно смотрели, как закончится спор. Когда время подходило к концу, Рома, отчаявшись, что у него не получается, что есть силы дунул в фужер. Монетка тут же, позвякивая о стенки, взвилась вверх и упала на скатерть.

– Вот так, – заключил Рома и потянулся за деньгами, которые тут же получил.

– Это нечестно! Мы так не договаривались, – взвыл чемпион спорта, но его тут же успокоили собравшиеся, возразив, что все в порядке.

Тогда атлет заметил:

– Это детская шуточка. Я так легко на нее попался. А давай сделаем так, – начал фантазировать проигравший. – Давай положим монетку на скатерть и накроем тарелкой... Давай монетку, я покажу как.

– Нет, пользуйся своей, – огрызнулся Рома.

– Ну хорошо, – продолжал заведенный и оскорбленный крепыш. – Монетку можно заменить рублем.

Он достал из кармана бумажный рубль, положил на центр стола, накрыл тарелкой, сверху поставил графин с соком и сказал:

– Ни до чего не дотрагиваясь – ни до графина, ни до скатерти, ни до стола – в течение двух минут нужно вытащить рубль из-под тарелки.

– Ну что ж, это будет сложнее, а стало быть, дороже. Я готов поставить тысячу на то, что сделаю, что ты просишь.

На какое-то мгновение атлет растерялся и вопросительно посмотрел в сторону своего недавнего долиста, с которым разделил проигрыш. Тот в ответ подмигнул и сделал жест, говорящий, что Рома блефует. Атлет достал деньги, но их оказалось девятьсот. Тогда Рома указал на цепь, которая свисала с бычьей шеи спортсмена. Снова кто-то перебил крепкое рукопожатие. Ромин друг держал все деньги и цепь. Вся компания напряженно следила за Ромой, который ерзал на стуле, корча какие-то гримасы, то приближаясь, то отдаляясь от стола, заставляя при этом нервничать атлета. Уже начала подходить к концу вторая минута, когда Аркан – так звали Роминого друга – стал передавать мятый рубль Роме, стараясь делать это незаметно. При этом взгляды обоих были устремлены к графину. Атлет заметил, как Рома тянется к рублю под столом, вскочил с места и начал кричать:

– Это нечестно! Спор был – не дотрагиваться! Никому не дотрагиваться! Ему тоже нельзя трогать! – И с этими словами он стал разбирать пирамиду: сначала графин, потом – тарелку, и когда на столе открылся рубль, Рома взял его двумя пальцами, поднял вверх и сказал:

– Я выполнил все условия спора и, похоже, уложился вовремя. – И тут же стал примерять цепь.

Сидящие развеселились. На атлета посыпались насмешки, а на Рому – одобряющие и поздравляющие восклицания.

– Аркан, пойдём поговорим о деле с нашим новым долистом, – вставая, сказал Рома. – Чеснок, глотнем воздуху? – громко обратился он к сидящему в торце стола высокому худощавому парню, одетому в дорогой костюм.

Они удобно расположились в глубоких креслах вестибюля. Разговор шел очень оживленно. Чеснок и Рома отвечали на различные вопросы Аркана.

— ...Рад знакомству, — прощаясь, заключил Аркан, обращаясь к Чесноку.

— Он неплохо стоит в этом городе, — заметил в машине Рома. — Вообще-то он из Омска, но в Вильнюсе уже давно. У местных жуков пользуется авторитетом. — Сейчас они направлялись в другой ресторан, куда должен был заявиться, по словам Ромы, один подпольный делец с пятью тысячами рублей.

НА ЧЕТЫРЕ ТУЗА

И вот они за столом. Вокруг все гудит, официанты — как заводные, при этом не забывают быть подчеркнуто любезными и предупредительными. Наконец-то появился тот, кого они ждали. Это был не очень высокий, с плотным большим животом парень средних лет, с голубыми глазами. Звали его Миша.

Раскланявшись в приветствиях, Рома познакомил его с Арканом и усадил за стол. Пили, ели. И вот беседа начала становиться скучной. Тогда Рома достал колоду карт и заявил, что хотел бы показать несколько новых фокусов. Он вынул из колоды три туза и положил их на скатерть рубашкой вверх, а остальные карты рядом.

— Берем один туз, — начал Рома, — кладем на него прокладку — карту, взятую из колоды. Сверху кладем второго туза — опять прокладочку. Кладем третьего туза и прокладку. Теперь, кто следил внимательно, скажет мне: сколько здесь будет тузов? — Говоря это, он взял получившуюся маленькую колоду из тузов и прокладочек и положил сверху основной колоды. А затем сверху снял подряд три карты и разложил рубашкой вверх на столе. — Сколько здесь будет тузов? — повторил вопрос Рома, смотря на Мишу.

— Два, — не очень уверенно ответил тот.

— Это ваше мнение? — не унимался Рома.

— Да, это мое мнение, — несколько раздраженно заметил Миша.

— А во сколько вы оцениваете свое мнение?

— Ни во сколько я его не оцениваю. Я считаю, что здесь два туза, вот и все.

— А как вы считаете? — обратился Рома к Аркану.

— Я тоже думаю, что здесь два туза, — тут же ответил последний, весело улыбаясь.

— А во сколько вы оцениваете свое мужское мнение?

— Я думаю, что мы собрались не для того, чтобы играть под деньги. — Аркан стал серьезным.

— Безусловно. Но все-таки, насколько сильно ваше мнение, и хотелось бы увидеть его в денежном выражении, — заключил Рома.

— Хорошо. Свое мнение оцениваю в десять рублей, — сказал Аркан, доставая из кармана тугой пресс денег.

Аркан и Рома положили по десять рублей на тарелку, и последний открыл по очереди три карты: оказались все тузами. Аркан удивился, усмехнулся и, сказав, что ему нужно в туалет, вышел из-за стола. Пока его не было, Рома обратился к Мише:

— Ты видел, сколько у него денег?

— Да. А кто это такой?

— Я познакомился с ним в Москве. Он наживается на наркотиках, но все благодаря своему брату. А сам он — обычный лох, которому просто повезло в этой жизни, вот и все. И если удастся, мы постараемся забрать у него все эти деньги.

В этот момент Аркан подошел к столу и уселся на свое место.

— Хороший фокус, — заметил он. — Ты не мог бы показать его еще раз?

– С удовольствием. Смотрите внимательно.

Рома снова выбрал три туза, перетасовал остальные карты и проделал все то же самое. Разложив на скатерти три карты, он обратился с вопросом:

– Сколько здесь тузов?

– Два, – твердо ответил Аркан.

– Как вы считаете? – Вопрос был задан Мише.

– Я думаю так же.

– Хорошо. Тогда подкрепите свое мнение, и мы проверим.

Аркан положил десять рублей. Миша сказал, что он воздержится от спора. Рома открыл карты. Оказалось три туза.

– Как это у тебя получается?

– Уметь надо, – улыбаясь ответил Рома, засовывая в карман деньги. – А сейчас я покажу другой фокус.

Он взял колоду карт, извлек из нее четыре туза и разложил их на скатерти следующим образом: черный – вертикально, красный – горизонтально рубашкой вверх, черный – вертикально, красный – горизонтально рубашкой вверх. Получилось: два черных туза видны и находятся вертикально на скатерти, а два красных, немного прикрывая черные тузы, находятся горизонтально рубашкой вверх, то есть не видны. Построив тузовый крест, Рома обратился к Мише, который к этому времени целиком был поглощен игрой. Его внимание было приковано к происходящему. Мозг был мобилизован, и ясно представлялась картина сказанного. Он пытался уловить изюминку фокуса, найти его латентную сторону.

– Смотрите внимательно. Вот верхняя пара тузов. – И Рома взял два верхних туза, положил один на другой, разделил колоду на три кучки. В среднюю кучку положил эти тузы, – а оставшиеся два туза я беру.

Он встал со стула, взял в руки два туза, надвинул один на другой и понес за соседний столик, где положил их под тарелку.

Вернувшись, сел за стол, собрал три кучки карт в одну колоду, в которой тузы лежали вместе где-то посередине. Затем Рома сказал:

– Как вы считаете, в этой колоде тузы находятся вместе или отдельно?

– Вместе, – утвердительно ответил Аркан, который сидел и сосредоточенно следил за Ромой, всматриваясь в каждый его жест и делая вид, что очень при этом нервничает: потирал руки, тер глаза, ерзал на стуле. В этот момент он превращался в ребенка с наивными открытыми глазами. На самом деле этот фокус был хорошо известен и проигрывался им чуть ли не каждую неделю. Действия были доведены до автоматизма.

– И во сколько вы оцениваете свое мнение на этот раз? – ехидно спросил Рома.

– В десять рублей, как обычно, – пожал плечами Аркан.

– Раз вы так уверены, давайте сыграем на те двадцать рублей, что вы проиграли ранее, – продолжал Рома.

Когда Аркан согласился, Рома перевернул колоду так, чтобы были видны карты, и начал искать тузы, которые должны были лежать вместе. Так и оказалось. Аркан забрал сорок рублей и заметил:

– Ну и что же здесь такого, в этом фокусе? Миша тоже недоумевал.

– Хорошо. Фокус прост. Если это так, тогда вы сможете его показать, – обратился он к Аркану с суровым видом.

– Ладно. А что здесь показывать? Запросто. – Аркан взял карты, принес два туза с соседнего столика. Тузы сложил: черный, красный, черный, красный. Положил их вниз, перевернул колоду рубашкой вверх, стал раскладывать их крестом на скатерти. – Черный открываем, – он положил на скатерть черный туз, – красный, – вытащил карту, перевернул и посмотрел на красный туз.

Рома тут же поправил, сказав, что нельзя смотреть, его нужно класть закрытым. Аркан положил красный туз крестом к черному рубашкой вверх.

– Черный открываем, – достал следующий туз снизу и положил рядом с остальными, – и красный. – Он вытащил снизу карту и положил ее рубашкой вверх. Итак, собрался нужный крест.

– Теперь, – подсказал Рома, – делим колоду на три кучки.

Аркан так и поступил.

— Клади эти два туза в среднюю кучку, — продолжал Рома.

Аркан положил.

— Теперь... — начал было Аркан.

— Подожди, — остановил его Рома. — Ты помнишь, что я сделал с этими двумя тузами? — И он указал на оставшиеся две карты. — Тогда пойд и отнеси их за соседний столик.

Аркан встал и направился с тузами к соседнему столу. В это время Рома поднял верхний туз из средней кучки и бросил на его место две карты, взятые из соседней кучки, многозначительно подмигнув Мише, и положил туз на место. Таким образом тузы, которые сверху средней кучки положил Аркан, стали разделены двумя картами.

Аркан вернулся и сел за стол.

— Покажи, пожалуйста, нам тузы, — попросил Рома.

Аркан взял две верхние карты из средней кучки.

— Сам не смотри, — командовал Рома.

Аркан показал друзьям карты. Это были один туз и червовая десятка. Рома крепко сжал локоть соседа.

— Хорошо. Теперь клади их на место и собери колоду.

Аркан послушно исполнил. Среднюю кучку он накрыл сначала правой кучкой карт, а потом левой. Получилась одна сплошная колода, в которой тузы должны были находиться раздельно через две карты.

— Все, — заметил Аркан.

— Ты знаешь, — начал Рома, — я обладаю очень большой внутренней энергией, достаточно сильной, чтобы растасовать тузы в колоде, дотронувшись до нее лишь одним пальцем. Могу сделать так, что тузы окажутся через одну, нет, даже через две карты. — Он вопросительно посмотрел на Аркана.

— Да ты, наверное, надо мной смеешься. Как это возможно?

Аркан глянул на Мишу. Тот сидел улыбаясь и утвердительно кивал. Он был доволен тем, что наконец уловил смысл фокуса.

— Ты тоже решил похихикать надо мной? А между тем мы с тобой не такие уж близкие друзья, что могло бы давать тебе право смеяться мне в лицо. Ты что, считаешь меня идиотом? Я сам делал фокус и знаю, что тузы вместе. И могу поспорить с любым и на любую сумму. — Аркан с грозным видом смотрел на Мишу, вплотную придвинувшись к столу.

— Тише, тише, ша! — встрял Рома. — Я должен попробовать. — И он слегка притронулся к колоде пальцами, шепча какую-то тарабарщину. — Все, теперь они разделены и лежат через две карты. У меня получилось! — весело крикнул Рома и наклонился к Мише. — Это наш шанс, — шепнул ему в ухо.

— Если вы такие шутники, тогда позвольте узнать, во сколько вы оцениваете свое мнение? — Аркан достал из кармана деньги. — Здесь семь тысяч рублей, и я готов поставить все на то, что тузы вместе.

Миша подвинулся к Роме.

— У меня есть пять тысяч, — шепнул он.

— А у меня немного не хватает до двух тысяч, а именно пятисот.

— Ну что, шутники? — не унимался Аркан. — Дошутились? Шуты гороховые... А как до дела — в кусты. А ты, умник, боишься? Ты только хихикать мастак исподтишка, а вот в глаза глянуть — тут ты, дружок... — Он не успел закончить речь в издевательско-насмешливом тоне. Миша перебил, сказав:

— У нас есть шесть с половиной тысяч, и мы их ставим.

— Что, а семь слабо? — поинтересовался Аркан. — Поставь часы, цепь, кольцо, вон у тебя на пальце.

Миша был зол. Кровь прилила к голове.

— Хорошо, я ставлю все.

Еще минуту назад у него и в мыслях не было разбить под орех симпатичного, приветливого, добродушного паренька. Хотя показавшаяся на свет огромная пачка денег и разожгла огонь зависти в Мишином сердце, он все же не собирался воспользоваться приемом, который предлагал ему Рома, так как усматривал в нем

что-то воровское. Но после наглого, издевательского тона Аркана в нем все клокотало, и теперь он думал, что деньги Аркана будут ему сатисфакцией за пережитое унижение.

Деньги завернули в матерчатую салфетку и завязали узлом. Аркан перевернул колоду и медленно начал искать тузы. Когда появился первый туз, у Миши перехватило дыхание. И вдруг, к большому его удивлению, за первым тузом оказался второй вместо вожаденной десятки. Миша, отвесив челюсть, глянул на Аркана голубыми глазами. Тот заметил:

— А как иначе? Рома почесывал лысину и пожимал плечами.

Аркан засунул деньги вместе с салфеткой в рукав пиджака и со словами:

— Было приятно с вами провести вечер, — направился к выходу.

— Подожди, — вспомнил Рома и побежал за ним.

— ...Теперь на расходы у тебя есть, — продолжал Рома, развалиясь в кресле. На столе перед ним лежали куча денег, перстень и часы. Он пил кофе, курил и разглядывал трофеи.

— А если бы он захотел пересчитать твои семь тысяч? Сколько там было?

— Сотка, — ответил Аркан, — и сорок шесть единичек.

Рома ухмыльнулся:

— Теперь к настоящей работе. Как тебе Чеснок?

В это время раздался звонок в дверь и на пороге показался Чеснок.

— Легок на помине, — заметил Аркан.

Удобно расположась на диване, Чеснок закурил и обратился к друзьям:

— Как это у вас получилось с Мишей? Он прибежал, стал что-то рассказывать про тузы, но я ничего не понял. Может, поведаете?

Аркан, заметив одобрительный кивок Ромы, был в нерешительности, но все-таки сказал:

— Когда я разложил на скатерти три туза и подошла очередь доставать четвертый, достал нижнюю карту из колоды, которой должен был быть туз. Но это был не туз. Я применил трюк, который играющие используют в игре под названием «Двадцать одно». Лохи называют ее «очко». Колоду держат пять пальцами так, чтобы снизу можно было выдавать по одной карте. Чтобы не дать нужную карту, ее слегка отодвигают мизинцем или безымянным пальцем. Так и поступил. Вместо туза положил какую-то следующую карту рубашкой вверх. Когда собрался нужный крест, Рома подсказал: «Дели колоду на три кучки». Я разделил. Красный туз остался внизу правой кучки. После этого взял черного открытого туза и положил сверху липового красного. У Миши к этому времени — полная уверенность, что я держу в руках два туза. Затем кладу эти две карты сверху средней кучки. Рома говорит, чтобы я отнес оставшиеся два туза за соседний столик. Иду. В это время за моей спиной Рома поднимает верхнего туза и бросает на его место какие-то две левые карты. Кладет туза на место. Делает Мише знаки, чтобы тот молчал и помог убрать меня за лавэ. Миша внимательно за мной следил. Мое поведение убедило его, что я ни о чем не подозреваю. Рома мастерски разжигал в нем уверенность в победе. Он просит меня показать два туза. Показываю две верхние карты. Они весело смеются, поскольку видят туз с какой-то десяткой. «Сам не смотри», — сквозь смех говорит Рома. Я положил две карты на место, собрал три кучки в одну и тут, как бы поняв, что смеются надо мной, обрушился на Мишу. Наши отношения натянулись. Рома тем временем пытался точно определиться с Мишей по поводу того, как они будут делить выигрыш. Он шептал Мише, что «сложившаяся ситуация — это подарок Божий, который бывает один раз в жизни».

Когда Миша достал деньги и глянул на них в последний раз, странная дрожь пробежала по его спине, но он не придал этому значения, не мог даже подумать, что его деньгам может угрожать какая-либо опасность. И, если даже в голове промелькнула подобная мысль, он никогда бы не осмелился произнести ее вслух, так как поведение его «товарища» Ромы не оставляло места сомнениям. Выигрыш был очевиден, и его ничто не волновало, лишь дальнейший раздел денег. Миша понимал, что у Ромы нет налички, и, решив, что здесь он — хозяин положения, счел

своевременным объяснить Роме, что более полутора тысяч рублей с выигрыша он ему дать не может.

...Друзья весело смеялись. Уже давно ушел Чеснок, а они все болтали и болтали, вспоминая минувшие деньки.

Аркан лежал на диване, накрыв ноги пледом. Ему нравилась эта квартира, и он разглядывал ее с интересом.

– Со вкусом обставлена хата, – заключил он.

В БИЛЬЯРДНОЙ У ГРУЗИНА

В центре города находился магазин. В нем же – кафе, а с другой стороны – бар. В подвальном помещении – бильярд и несколько комнат для гостей. Держал этот комплекс тучный грузин с большим животом. Дела у него шли успешно, потому как, помимо этого, он имел целых три подпольных цеха и один небольшой заводик. Больше всего на свете он боялся милицию и блатных. Первым он ежемесячно платил мзду, но все равно боялся, так как знал, что те и не подозревают о той сумме, которая прилипает к его рукам. Со вторыми он пытался быть «в хороших» и всячески ублажал их. Он разрешал им собираться у себя и всегда оплачивал любой заказ.

Настал долгожданный день. Чеснок увел своих друзей из бильярдной, где они собрались. И тогда туда спустился Аркан. Он был одет в старенькое пальто, стоптанные ботинки, на лице – семидневная щетина. Весь этот ансамбль завершала фуражка, сдвинутая на глаза.

– Вы директор? – Он подошел к тучному грузину, сидящему за столом.

– Я. Что вы хотели? – с любопытством поднял глаза директор.

– Я четыре дня назад вышел из тюрьмы. Только сейчас добрался до города. Я слышал о вас как о человеке, который с понятием относится к нашему брату. Как о человеке, который может помочь встать на ноги. И вот я здесь. Прошу денег на первое время, пока оклемаюсь. В дальнейшем смогу вам пригодиться.

– А от кого ты слышал обо мне? – Директор разглядывал гостя с пренебрежением. Он привык видеть бандитов, они всегда уверены в себе. А этот – переминается с ноги на ногу... «Он никто», – заключил директор.

– Я не стану называть имен. Если это так, тогда вы поможете мне. А если я ошибся, – он с угрозой посмотрел в глаза директору. У того побежал холодок по спине, – тогда, значит, я пришел не по тому адресу.

Тучный человек заколебался. «Что это за взгляд? Он прямо выстрелил в меня...»

– Сэйчас я занят. Вот тебе дэньги на первое время. – Он достал сто рублей и протянул их Аркану. – Потом зайды как-нэбудь, поговорим, подумаем, – отмахнулся директор в надежде, что при следующей встрече будет присутствовать кто-либо из его знакомых авторитетов.

Аркан медленно взял сторублиевку из рук директора, сквозь зубы процедил что-то, означющее благодарность, еще раз грозно глянул в глаза грузину и удалился, хлопнув дверью.

Прошло два дня. В бильярдной собралось семь человек, включая Чеснока и грузина директора.

Резко распахнулась дверь. На пороге стоял Аркан. Он был пьян. Пальто расстегнуто, и шарф, казалось, вот-вот упадет на пол. Фуражка съехала набок.

– Ты оскорбил меня своей подачкой, пузатая свинья! – обратился он к изумленному директору. Воцарилась тишина. Все, недоумевая, смотрели на Аркана.

Тот с грозным видом пьяным шагом, широко расставив руки, сжатые в кулаки, решительно шагнул в сторону грузина.

Когда он поравнялся с парнем, стоявшим у стены, тот что есть силы ударил Аркана в живот. Аркан согнулся. Когда разогнулся, в руке у него был нож.

— Ну, сука, — сказал Аркан, глядя на перепуганного директора, — держись! — И снова двинулся вперед.

В этот момент прозвучал выстрел. Аркан остановился, присел, схватился рукой за живот. Грянул второй, третий. Аркан выронил нож, сделал еще один шаг, поднял голову и глянул в изумленные глаза директора.

В это время пальцы его рук разрывали под рубашкой кондом, в котором находился литр крови, взятой час назад у колхозника — тот зарезал свинью сегодня утром. Наконец резина поддалась, и его руки обгарились кровью. Он поднял одну руку кверху и попытался что-то сказать, но не смог: упал к ногам толстого грузина, успев испачкать тому рубашку кровью. Вокруг Аркана образовалась кровавая лужа приличных размеров. Все глянули в сторону Чеснока. Именно он стрелял. Директор испуганно отодвинулся от Аркана, пытаясь закрыть кровавые пятна на рубашке лацканом пиджака.

— А что было делать? — сказал Чеснок. — Он бы зарезал тебя, Валико.

— Да... но... А сэйчас что? — неуверенно, слабым голосом заговорил Валико.

— Для начала проверим пульс, — продолжал Чеснок. Он присел над Арканом и потрогал артерию на шее. — Пульса нет, — заключил он. — Убирай его куда-нибудь, это ведь твой гость.

— Чэснок, я тэбя умоляю, — завопил Валико, — я нэ хочу к нэму касаться! Я вообще его нэ знаю! Убэры его куда-нибудь... с рэбятими... Я заплачу... вам.

Чеснок и двое парней завернули Аркана в ковер и через черный ход вынесли в машину.

— Всем расходиться! — скомандовал Чеснок. — Хорошо вытри кровь, тряпку и рубашку спали, — тихо шептал он перепуганному насмерть Валико. — И давай деньги.

Валико достал десять тысяч и трясущимися руками протянул Чесноку. Тот заметил, что маловато, но деньги взял.

Прошло несколько дней. Чеснок заявился к Валико. Тот сидел в своем кресле, но вид у него был отнюдь не веселый.

— Плохи дела, Валико. Кто-то наверху слышал выстрелы. Стукнул ментам. Они начали следствие. Назавтра вызывают того пацана, что ударил в живот твоего гостя. У тебя есть знакомые менты, ты водишь дружбу с прокурором. Ты должен замять это дело, пока не поздно. Если вдруг ты сам захочешь прыгнуть к мусорам, знай: у тебя нет ни единого шанса. Во-первых, соучастие в преступлении. Ты три дня молчал об убийстве, а должен был сообщить сразу. Соккрытие преступления, смекаешь? Во-вторых, все подтвердят, что я сделал это только из-за того, чтобы спасти тебя. И ты дал деньги за то, чтобы я молчал. Вот они. — И он достал десять тысяч.

— Чэснок, я тэбя прошу, сдэлай, что возможно. Я дам дэнег, сколько нужно. Только нэ надо, чтобы я касался вообще хоть как-то к этому. Я нэ хочу разговарыватъ по этому поводу с прокурором и вообще с кэм бы то ни было. Я умоляю тэбя, Чэснок!

— Ладно, я постараюсь что-нибудь сделать, а ты сиди у себя на даче и не высывайся, пока я не появлюсь.

Прошло еще два дня. Чеснок приехал на дачу к Валико. Два огромных чемодана на веранде говорили, что тот собрался куда-то уезжать. Выглядел грузин человеком в состоянии третьего инфаркта.

— Мусора нашли труп, — с порога заявил Чеснок. У Валико подкосились ноги, и он сел на какой-то дохлый табурет.

— Но ты не отчаивайся, все можно уладить. Нашего товарища недавно взяли за двойное убийство. Мне удалось переговорить с ним, и он согласился взять на себя еще одно. Одним больше, одним меньше... Мусора тоже согласны. Пришлось мне соглашаться на любые суммы. Ведь ты меня заверил, что финансируешь эту кампанию.

Аркан получил двадцать пять тысяч рублей. Это была его доля. Он не знал, сколько всего денег получил Чеснок с этого грузина, но был счастлив. Эти деньги могли существенно поправить его жизнь. Аркан стремился домой к жене и сыну, по которым очень скучал.

Он был готов отправиться в путь хоть сию минуту. Но Рома предложил съездить к Чесноку, чтобы попрощаться.

– Жалко с вами расставаться, – пожимая крепко руку Чесноку, заметил Аркан.

– Весело и профессионально было с тобой работать. Приезжайте, буду всегда рад вас видеть, – улыбаясь ответил Чеснок.

– Рома остается. Я еду один, – сказал Аркан.

Рома прощался с Арканом, обнимая и целуя его.

– Хорошее ты взял мне купе, – заметил Аркан. – Интересно, кто будет второй сосед? Может, разведу его на пару копеек?

– Это купе спального вагона, сюда очень дорогие билеты, и поэтому можешь остаться на всю дорогу в одиночестве.

Поезд тронулся. Рома спрыгнул на ходу, весело помахивая рукой уезжающему другу. Но как только вагон, в котором ехал Аркан, исчез из виду, Рома тут же запрыгнул в последний вагон уходящего поезда. Показал проводнику билет:

– Опоздал немного.

В это время в ресторане, на втором этаже здания вокзала, у окна сидел Чеснок и с интересом наблюдал за этой сценой. Когда поезд скрылся из виду, он встал, хмыкнул, потер затылок и направился к выходу.

Тося плавал в бассейне. Он давно занимался плаванием и очень любил этот вид спорта. Вообще-то его звали Антоном, но отец с самого детства называл его только Тосей. Так это имя и прилипло к нему. Теперь его так звали все.

Он увидел у лестницы, ведущей в воду, стоящего рядом с тренером Рому, старого друга отца, которого он знал с детства. «Что-то случилось», – промелькнуло в голове. Он тут же оказался рядом.

– Дядя Рома, что это вы заявились сюда? – спросил Тося.

– Поехали домой, малыш, есть очень серьезный разговор.

Дома сидела мать на самом краешке дивана с опухшими от слез глазами.

– Что с отцом? – спокойным голосом спросил Тося.

– Твоего отца мусора застрелили в поезде, когда он ехал к вам с матерью. Он вез деньги. Из-за них все и случилось.

– Как это случилось? Я хочу все знать, каждую мелочь, слышишь? Каждую мелочь! – Он смотрел в Ромины глаза широким бесстрашным взглядом.

– Да я не много знаю. Он уехал первым. Мы делали работу, и мне надо было задержаться, чтобы нанести последний штрих. А после собирался догнать его в Киеве. Но когда прилетел туда самолетом, было уже поздно. Он был застрелен у себя в купе. При нем не оказалось ни денег, ни документов. Я заплатил проводнику. Тот сказал, что были два мусора. Они показывали ему ксивы. А это было и без надобности: он их видел не впервые. Но, кроме меня, никому больше это не повторит, потому как боится их до усирачки. В купе я нашел гильзу, вот она. Это из «макара» – новая плетка, которая поступила на вооружение к ментам.

Ни масть, ни понятия не дают мне права делиться своими знаниями с прокуратурой.

Тося очень любил отца. Они дружили, по-настоящему дружили. Он мог разговаривать с ним как с равным, и в то же время отец всегда мог дать совет. Лаконично, емко, всего несколько слов, но как точно, всегда в «десятку».

За всю жизнь тот никогда не ударил его. И Тосе всегда было странно слышать, когда его сверстники нелестно отзывались о своих отцах.

Когда ему было десять лет, как-то вечером отец усадил его за стол напротив себя и сказал:

— С этого дня у тебя добавится еще один урок. Относись к нему серьезно, потому что учителем здесь буду я. Вот тебе десять десятирублевых купюр. Ты должен будешь украсть на первый раз одну из них. Я покажу тебе один из возможных способов, и ты сегодня будешь делать так, как покажу. Если что-нибудь не понятно, поправлю. Но если завтра, в это же время, вытащишь купюру и я замечу, то ударю тебя этой палкой по рукам. — Он достал бамбуковую палку, напоминавшую удилице, и положил на стол. — И буду бить каждый раз, когда будешь «ломать» — а это называется именно так, когда заметно.

На следующий день он не ударил. Это произошло, когда надо было «отломать» четыре купюры из десяти. Тогда он получил крепкий удар по кистям. За все время, сколько отец вел эти уроки, еще два или три раза Тосе досталось палкой, но это не в счет.

— Алик, — обратился Тося к товарищу, — с этого дня хочу, чтобы меня называли Тося Прикуп, в честь памяти отца. Он часто любил говорить, когда мы играли с ним в карты: «Знал бы прикуп — жил бы в Сочи. А ты — мой прикуп, никогда не знаешь, что из тебя получится, пока не вырастешь. Но хочется верить, что это будет желанная масть».

В этот день на свет появился Тося Прикуп, молодой, красивый, энергичный человек с затаенной горькой обидой на всех ментов за смерть своего отца, образ которого остался в его памяти и превратился в кумира. Это был единственный человек, которым он восхищался. В любом другом, пусть даже признанном всем человечеством, он видел изъяны.

Так начался жизненный путь афериста.

Он знакомился с людьми на каждом шагу, оценивая собеседника, стараясь определить толщину его кошелька. Мило улыбаясь, он нащупывал в разговоре слабинку и умело пользовался ею, изображая из себя то аспиранта, то бизнесмена, то «играющего», то убийцу и так далее. После этого всегда новоиспеченный знакомый оставался без денег. Каждый раз в ход шли все новые и новые методы.

Их было три друга. Они сдружились еще со школьных лет, хотя учились все в разных школах. Алик учился в спецшколе, куда был переведен после шестого класса как трудный ребенок за то, что выбил глаз одному из своих соучеников. Тот был боксером и постоянно донимал Алика. Был суд. С помощью маминых денег он закончился всего лишь переводом в эту школу. Алик был красивым парнем. Высокий, с правильными чертами лица английского типа. Криминал в нем был заложен генетически.

Второго друга звали Игорь. Впоследствии получил от друзей прозвище Вася. Он был тоже симпатичным парнем, с прямыми черными толстыми волосами и немного длинным носом. По натуре был флегматиком, говорил размеренно, иногда на заданный вопрос долго молчал, соображая, что ответить, и в этот момент его ничто не могло смутить.

Все трое считали, что весь мир брошен к их ногам. Они шли по жизни весело и беспечно, точно уразумев, что все решают деньги. В поисках больших денег они разъезжали по городам.

НА БУТЕРБРОД

Был теплый осенний солнечный день. Тося договорился встретиться с Аликом у чекового магазина в надежде найти какого-либо простачка с увесистым кошельком.

В назначенное время Тося подъехал к магазину и увидел Колю Колича, который весело его приветствовал. Не успели они обмолвиться и двумя словами, как подбежал запыхавшийся Алик.

— Я выдернул двоих лохов. Военные. Полковники. Едут с Афгана. Чеки продают по три рубля. Но чеков у них столько, что я не стану называть. Все равно не поверите.

Коля Колич и Тося задумались.

— Это подстава, — первым нарушил тишину Коля. — Сейчас мусора открыли отдел по борьбе с кидальщиками, и это наверняка их штучки. Кроме того, все нормальные люди знают, что чеки стоят два рубля, ну, два двадцать... а тем более большая сумма...

Так, рассуждая, они добрались до парикмахерской.

— Тебе не мешало бы побриться, — заметил Тося, обращаясь к Коле.

— Дайте рубль кто-нибудь. У меня ни копейки. — И Коля перевел взгляд с Алика на Тосю.

— Технично пробивает, как у нас с тузами, — весело заметил Алик.

В карманах Тоси и Алика было так же пусто, как и у Коли. Катастрофическое безденежье развеселило всех. Наконец рубль был найден у прохожего малознакомого гражданина. Коля, побрившись, заплатил рубль широким жестом.

— Давайте рискнем, — заявил Тося.

— Если что-то не выйдет и кого-либо примут мусора, платить будем в равной доле, отмазывая того, кто окажется на киче, — резюмировал Коля Колич — огромный парень, в котором угадывалась цыганская кровь.

Алик взял у полковников адрес. Они жили в гостинице «Москва» на Крещатике.

Друзья зашли к Тосе, взяли кейс дорожного вида, остановили частного, пообещав ему 15 рублей в час, и отправились в гостиницу.

В номер поднимались пешком, хотя работали лифты. Между пятым и шестым этажами решили оставить кейс за шторой.

Полковники, одетые в военную форму, со знаками танков в петлицах, радушно встретили гостей. Беседа шла спокойно. Тося объяснил, что денег они с собой не взяли, так как опасались, что при подобной махинации могут быть задержаны милицией, «но вообще это вопрос получаса». Затем попросил показать чеки и уточнил цену. Чеков оказалось тридцать пять тысяч. Пересчитывая и рассматривая купюры, Тося с трудом подавлял волнение и сдерживал дрожь в пальцах: ранее такой суммы он никогда не видел. (Новые Жигули — «шестерка» стоили девять тысяч сто, а здесь — семьдесят тысяч — семь машин.)

Пересчитав чеки, он аккуратно сложил их и поместил в пустой стакан, стоявший на столе. Затем взял газету и на полях в столбик стал переводить в рубли. После недолгих торгов цену сбить не удалось. Оторвав кусочек с подсчетами, он встал, сказав, что через полчаса привезет деньги, направился к выходу, предложив своим друзьям следовать за ним.

По дороге они забрали кейс. Внизу сели в машину, шофер которой был старый ворчливый дедушка. Они ездили полчаса по городу, остановились у газетного киоска, в котором Тося купил газету. Выходя из машины, он сказал:

— Алик, хорошо пробей «хвост».

Убедившись, что «хвоста» нет, они подкатили к гостинице. Два полковника прогуливались у входа в ожидании гостей.

Все трое вышли из машины. Кейс был у Тоси. Уже собрались идти внутрь, когда Тося отдал кейс Алику и сказал:

— Посиди в машине с деньгами... пока.

Он с Колей Количем и двумя недоумевающими полковниками поднялся в номер.

Тося зашел в туалет, там он скрутил газеты, стараясь, чтобы они по форме и толщине походили на чеки. Вернувшись, он еще раз пересчитал чеки, взял кусок газеты, который ранее оставил на столе, завернул в него чеки и сказал:

— С чеками все в полном порядке. Давайте оставим их в номере, спустимся к машине, чтобы вы могли посчитать и рассмотреть деньги. И тогда осуществим обмен.

— Зачем так? Можно все сделать, не выходя из комнаты, — возразил один из полковников.

— Мы боимся. Деньги большие. А все это несколько противозаконно, — заметил Тося.

Тут вмешался Коля Колич:

— Понимаете, я бздю.

Полковники переглянулись, не зная, что ответить.

— Давайте чеки закроем в этом шкафу, — предложил Тося.

Он открыл шкаф и сунул в один из ящиков завернутые чеки. Но на самом деле на дно ящика легла газетная «кукла», умело подмененная им. Он закрыл шкаф и ключ положил в карман.

— Это чтобы знать, что в наше отсутствие их не поубавится, — пояснил Тося. — Спускайтесь к машине, — обратился он к военным и, потянув Колю за рукав, направился к выходу. Полковники не отставали.

Все вместе они вышли из гостиницы. Подошли к машине. Первым сел Коля, потом — Тося.

— Трогай, отец, — сказал он.

И дедушка, не включая зажигание, выжал сцепление. Машина медленно покатилась. Один из военных подошел и, открыв дверь, спросил:

— Вы что, передумали?

— Нет, — нашелся Тося, — но нам нужно время, чтобы кое-что обдумать.

Наконец дедушка завелся, и они умчались.

В квартире, которую снимал Тося, разделили деньги. Тося с друзьями расстался. Через пару дней он заехал за Васей-Игорем в Одессу, и они отправились «гастролировать» по городам.

НА СУМКУ

— Игорь, вот мы и в Харькове, — сказал Тося, толкая товарища, уснувшего рядом на сиденье. Его укачала дорога. — Сегодня отдохнем, а завтра ходим на рынок и подберем новые «кишки». Надо поменять гардероб, — заключил Тося.

Они подкатили к гостинице «Центральная», где взяли великолепный трехкомнатный люкс, уплатив портье кругленькую сумму.

Вечер они провели так. В ресторане, где они ужинали, нашлось все, что нужно: музыканты играли только для них; окружив столик, появились неизвестно откуда две девицы, и пир пошел горой. После закрытия кабака все участники торжества, включая музыкантов, переместились в номер.

Наутро, выгнав проституток и допив последнюю бутылку шампанского, друзья с большими головами отправились на центральный рынок под названием «Благбаза». Тося отыскал спекулянтов, подошел к ним с видом бизнесмена.

— Ребята, — начал он, — мне необходимо купить хорошие дорогие вещи, а не эту дешевку. — И указал на лежащие на прилавках рубашки и джинсы.

— А что именно вам нужно? — поинтересовался один из ребят.

— Сначала посмотрим, что у вас есть, а там решим.

Они долго разговаривали, смотрели товар и наконец решили, что Тося купит четыре лайковые куртки, три пары джинсов, два клубных костюма и еще некоторые вещи на сумму четыре с половиной тысячи рублей. О такой сделке спекулянты могли только мечтать. И все-таки они побаивались незнакомца. Да и всего товара не было при них, а Тося отказывался покупать частями, так как считал, что оптовая покупка позволит сэкономить ему деньги. Договорились встретиться через два часа дома у одного из барыг. На этом и распрощались.

К назначенному времени Тося с Игорем взяли такси и направились по указанному адресу. У них были две одинаковые сумки, купленные час назад в универмаге. Одну из сумок они набили простынями, полотенцами и разным тряпьем, найденным в гостинице. В середину положили два кирпича, взятые на соседней стройке. Когда сумка была наполнена до отказа, Тося закрыл ее и сломал «флажок» замка. Вторая сумка была абсолютно пустой.

На такси подъехали к самому входу в подъезд. Квартира находилась на третьем этаже, и ее легко можно было определить по количеству лиц, собравшихся в одном окне.

Тося с пустой сумкой вышел из такси и направился в подъезд. Когда Игорь убедился, что у окна никого не осталось, он тоже вышел из такси и вошел в подъезд. В руке у него была вторая сумка.

Тосе отворили дверь, и он оказался в маленьком коридорчике, который не мог вместить всех собравшихся.

— Заходите в комнату, — предложил один из спекулянтов.

— Какая комната? Я сюда не чай пришел распивать, а дело делать. Все готово? Вот и хорошо. Деньги тоже при мне. — Он показал тугую пачку денег. — Давайте товар, я буду проверять каждую вещь и складывать вот в эту сумку. Если все окажется так, как мы говорили, плачу деньги, забираю весь этот хлам и пожимаю каждому руку.

Он расположился в коридоре, так что входная дверь с четырьмя замками оказалась у него за спиной. Сумку он поставил на пол перед собой.

— Неси, — скомандовал главный барыга, и из комнаты начали выносить разные вещи.

Тося внимательно рассматривал каждую и аккуратно укладывал в сумку. Когда сумка была наполнена до отказа и нужных вещей не осталось, Тося закрыл сумку на «молнию», сказал, что все в порядке, сунул деньги в руки главному барыге. Тут же повернулся, открыл дверь, выбросил руку с сумкой вперед и собрался выйти. Но чья-то жесткая рука ухватила его за шиворот.

— Подожди, еще не посчитаны деньги.

Тося обернулся, закрыл дверь и бросил сумку к ногам пересчитывающего деньги. В действительности сумки поменял Игорь, стоявший за дверью, прижавшись к стене спиной.

Когда спекулянт закончил считать, он с удивлением заметил:

— Здесь не хватает четырехсот пятидесяти рублей, — и протянул деньги Тосе.

— Не может быть! Как же так? Я просил жену, чтобы она отсчитала ровно четыре с половиной тысячи, а она... Ну-ка дай, хочу показать ей. Она как раз сидит внизу в такси. Сейчас вернусь.

Он не спеша спустился по лестнице, сел в такси и сказал:

— Можно ехать.

Был август. Весь катран собрался в городе Сочи, куда переехали все участники азартных игр из Ялты, где катран работал три предыдущих месяца на городском пляже «Массандра».

Тося с Колей Количем также прибыли в Сочи, чтобы посетить это место. Здесь можно было найти простачка, случайно заблудившегося среди множества лежаков, стоящих под навесом, на каждом из которых играли в карты или нарды. Зазевавшегося отдыхающего надо было сразу же окружить вниманием. Все привыкли, что каждый из новеньких попадал в руки Тоси и Коли Колича, и конкуренцию им составлять никто не решался. Друзья имели в своем арсенале множество способов отобрать у зеваки все деньги, и они умело применяли свои знания.

Как-то Тося позвонил в Харьков и выяснилось, что им необходимо немедленно вылетать туда, так как в противном случае на блатной сходке, куда съехалась из трех городов братва, вопрос о причитающихся им по доле деньгах мог решиться не в их пользу. Прецедент возник, когда они втроем с Шулаем катили одного шпилевого из Донецка. Шулай – вор в авторитете, высокий, крепкий, немногословный. Он утверждал, что, во второй половине игры, а именно, когда начал проигрывать дончанин, Тося и Коля Колич вышли из доли, о чем ему и сказал сам Коля. Спор между друзьями и Шулаем длился уже полгода. Начали греметь выстрелы. Тогда их решили рассудить вора.

Итак, им сегодня же требовалось быть в Харькове.

Они вбежали в переполненный зал аэровокзала. Возле каждой из двух работающих касс собралось по плотному кольцу разъяренных отдыхающих, каждый из которых проверял другого, чтобы тот не попал к кассе без очереди.

– Нам никогда отсюда не улететь, – заметил Тося.

– Все будет в полном ажуре, – успокоил его Коля Колич, большой обрусевший цыган с надменным взглядом. Лицо его было толстым, отчего казалось добрым. Они дружили с детства, периодически ссорясь и мирясь. Вот они в очередной раз вместе.

– Все будет олл'райтинг, – пошутил Коля. – Как только лохи отвернутся от кассы, смело подходи и бери билет.

Коля подошел к какому-то худощавому интеллигенту в очках, который стоял четвертым от кассы, и громко пукнул. Очередь притихла. Затем еще раз – громче и продолжительнее. Он повернулся к интеллигенту и сказал так, что его слышали в каждом уголке большого зала:

– Ты что пердишь?

Тот выпялил на него округлившиеся глаза и недоуменно заморгал из-под очков.

– Ты что пердишь? Здесь люди, дети... Неужели нельзя отойти в сторону? – продолжал с пеной у рта Коля Колич.

Никогда не слышав подобного монолога, вся очередь пыталась рассмотреть, кто же осмелился так дерзко, громко, нагло, с легкостью наплевать на окружающих, отчего все повернулись и смотрели на позеленевшего от стыда, слабо бормотавшего что-то под нос очкарика. Тося подошел к освободившемуся окошку кассы, подал деньги в паспортах, сказав:

– Два билета на Харьков.

– Как это у тебя получается? Неужели возможно пердеть на заказ? – спросил Тося в самолете Колю Колича.

– Это результат долгой и упорной тренировки.

Тося так и не понял, шутил Коля или говорил серьезно.

Во время получения багажа, уже в Харькове, Тося познакомился с молодящейся женщиной лет тридцати. В процессе разговора выяснилось, что они с Колей Толичем работают в чековом магазине города Москвы и им необходимо обменять чеки на рубли. Женщина сразу изъявила желание приобрести чеки, так как цена была очень выгодной. Но денег у нее не оказалось, и договорились встретиться через пару часов, чтобы она успела их привезти.

Пока дожидались знакомую, спорили между собой, кому «кинуть лошцу». Тося говорил, что это должен сделать он, а Коля возражал:

– Я сделаю, а ты посмотришь. И обещаю тебе, что ты не пожалеешь.

Женщина приехала. Ей удалось привезти семь тысяч рублей, что превзошло ожидания друзей. Коля протянул ей четыре тысячи чеков в крупных купюрах и стал следить за тем, как она пересчитывает. Когда чеки были посчитаны, Коля взял их из рук покупательницы и сказал:

– С чеками, как вы видите, все в полном порядке. Теперь покажите, пожалуйста, деньги и давайте их сосчитаем.

Он держал только что посчитанные и перетянутые резинкой чеки в руках. Когда любительница подешевле купить полезла в сумку за деньгами, Коля умело перевернул портмоне, с одной стороны которого были чеки, а с другой – такая же «кукла», наполненная лотерейными билетами. После того как на свет появились деньги, Коля предложил покупательнице забрать чеки и спрятать. Посчитали деньги, и Коля распахивал их по карманам, женщина «нырнула» в сумочку за купленными чеками. Тогда Коля Колич засунул руку в карман брюк и демонстративно стал чесать в паху. Затем он громко пукнул, посмотрел в глаза удивленной женщины и сказал:

– Вот и все. А теперь пойдем поедемся. – И он приблизился к ней почти вплотную.

Та отступила на шаг и нервно стала кричать:

– Вы что это, молодой человек, себе позволяете?! – Затем бросилась прочь, изумленная и огорошенная таким переходом, забыв на некоторое время о сделке.

Друзья успели на воровскую сходку вовремя. Вопрос был решен быстро и в их пользу, чего они не ожидали. Собравшиеся блатные авторитеты объяснили Шулаю, что, хорошо зная Тосю и Колю Колича, никто не может допустить мысли, чтобы те вышли из игры в подобной ситуации.

Итак, Шулай признал долевыми деньги и тут же их выплатил.

ЧЕТЫРЕХХОДОВКА

– Как можно заставить человека проиграть деньги в шахматы, если он не играет в азартные игры и в шахматы в том числе? Не понимаю. Мне кажется это невозможным. – Задавая вопрос, Алик пытался свое недоверие изобразить на лице, отчего уголки рта опустились вниз, а кожа у глаз собралась морщинами.

Они сидели в креслах в уютной гостиной Тосиной квартиры.

– В наше время все, даже если и не играют в шахматы, тем не менее знают, как ходят фигуры. Нужно только убедить лоха, что он – гений. А дальше деньги он отдаст тебе сам. Обещаю тебе, Алик, что покажу один из возможных способов, но несколько позже. Сейчас сам еще ничего толком не знаю. Для начала мне нужно решить одну маленькую шахматную задачку. Ее решение обменяю на несколько шахматных трюков, а уж тогда... новая работа, большие деньги.

– Расскажи, что знаешь. Я не могу поверить, что шахматы могут помочь нам выбить лоха за деньги. А еще ты говоришь, что это может быть работой. Да, я согласен, если бы такое было возможно – криминала в шахматах нет. – Алик потянулся к большой инкрустированной шахматной доске карельской березы, лежавшей на журнальном столике.

Тося остановил его, положив руку на доску, костяные поля которой потрескались от времени.

– Я же сказал, позже. А сейчас – наверное, ты забыл – нас ждет Вася. Ведь ты сказал, обедаем в «Аркадии» в три часа.

Тося взял с собой портативную шахматную доску с шахматами на магнитах, и они спустились останавливать такси.

В ресторане Вася сидел за столом с холодными закусками и налегал на осетрину, которую приправлял дольками лимона. Он встретил друзей с безразличием. Лицо его не выражало никаких эмоций. («Вася Отмороженный» – шутя называли его друзья.) Заметив на столе рядом с Тосей черный плоский коробок, он поинтересовался:

– Что это? Тогда Тося открыл шахматы и, расставляя на них фигуры, сказал:

– Один мой очень близкий знакомый – респектабельный, серьезный человек. Так вот, он показал мне эту задачку. – И Тося расставил на доске следующую композицию: белые – Кр. G1; Сл. A1; Кн. F6; Пш. A4, H6. Черные – Кр. H8; Сл. A8; Пш. A5, G3, где белые начинают и ставят мат за четыре хода. – И сказал, что если найду решение, обменяет его на то, что даст мне несколько новых бескриминальных работ, каждая из которых может принести в день от пятисот рублей. Не напрягаясь. Так что, если вы сумеете помочь мне найти это решение, без разговоров уплачу пятьсот. Сразу же.

Друзья переглянулись и стали внимательно рассматривать незамысловатую композицию. Вася играл в шахматы и делал это на уровне второго разряда. Алик же в эту игру играл один раз в раннем детстве, и то только потому, что других игрушек не оказалось, но все права шахматных фигур знал в точности.

Так как ресторанный обстановка не располагала к подобной игре, Тося решил ускорить процесс.

– Я давно думаю над этой задачей, – начал он. – Здесь черный король не имеет возможности никуда пойти. Вот если бы этого офицера как-то сюда завести... – И он взял в руки белого слона и, перешагнув через черного коня на поле G7, поставил рядом с королем. – Но ничего не выходит. Уже сломал мозги об эту задачу. – С этими словами он вернул слона на прежнее место. – Вы тут подумайте, а я пока схожу в туалет.

Алика и Васю поглотила игра, и они не заметили, как ушел Тося. Вася чувствовал, что решение где-то рядом. Он покусывал губы и нервно поправлял фигуры. Алик сделал ход слонем.

– Подожди, подожди, – остановил его Вася. – А если пойти так. – И он передвинул слона на поле E5, затем на D6, F8 и, наконец, на G7. – Мат!

– Мы нашли решение! – завопил Алик.

– Давай еще проверим, – остановил его Вася. – Ты играй белыми, а я – черными.

И они проиграли пару партий, что еще больше убедило их в правильности найденного решения.

– Где Тося? Давай покажем ему и пусть платит. Сколько он там говорил? Пятьсот?

Они оглянулись по сторонам, но Тоси нигде не было.

– Мы что, будем с Тоси брать деньги? – поинтересовался Вася.

– Почему бы нет? Раз он говорил, что ему выгодно заплатить, тогда зачем платить кому-то? Лучше же своим.

В это время в зал вошел Тося, легко и весело подошел к столу.

– Какие классные телки дожидаются внизу. Они согласны прокатиться с нами на пару часов.

– Подожди с телками, Тося, мы нашли решение, Придется тебе платить нам пятихатку.

– Вы нашли решение? Не может быть! Я так долго бился над этой задачей, а вы за пять минут ее решили? Что-то мне не верится. Но если вы так говорите, давайте поспорим по пятьсот рублей и проверим, насколько правильно ваше решение, – обратился Тося к друзьям, которых несколько смутил такой поворот дела.

– Подожди еще пять минут. Мы хотим хорошо все обдумать, – ответил Вася.

Тося сказал, что спустится к девушкам, но Алик говорил, чтобы тот этого не делал, так как сейчас они будут играть. Алик и Вася еще несколько минут пошептались и, не найдя никакого подвоха, заключили спор. Началась игра. Друзья сделали первый ход слонем на E5. Тося ответил черным слонем на поле H1. Белые –

слон D6. Черные – пешка G2. Белые – слон F8. Тогда Тося, некоторое время подумав, сказал:

– Ребята, мне больше ходить некуда. Здесь пат. А стало быть, чтобы вас не огорчить, – разрешите получить.

Алик вскочил со своего стула и склонился над доской.

– Как это так, некуда? – Переминаясь с ноги на ногу, он водил в воздухе рукой, останавливаясь над каждой фигурой.

– Да, это пат, – сказал Вася. – Придется платить. Алик, давай двести пятьдесят рублей.

– Не нужны деньги, – остановил их Тося. – Я сделал это, чтобы вы на себе почувствовали, может ли заньрнуть в такое лох.

– Хорошо, – сказал Алик, у которого после Тосиных слов поднялось настроение. – Ну, а как ты говорил, шахматы могут быть работой? Как их находить, этих лохов на шахматы? Сколько на это нужно времени?

– Все вам расскажу, – успокоил Тося своих друзей, – но только когда придет время.

НА ПАПКУ

Они мотались по городам страны в поисках поляков. Самыми удачными для этой цели были Львов и Киев. В то время поляки приезжали в Союз, чтобы продать тряпки, а вырученные деньги они пытались превратить в конвертируемую валюту. Но закон был суров и не поощрял этих действий, а даже наоборот, приобретение валюты могло закончиться шестью годами лагеря.

Итак, они замечали поляков, один из них подходил и спрашивал:

– Пан мае покупить девизы?

Тот утвердительно кивал и интересовался, по какой цене и в какой валюте. Обычно предлагали доллары по цене, вдвое ниже базарной. Когда поляк был согласен приобрести доллары на выгодных условиях и если сумма устраивала друзей (обычно она должна была быть не ниже трех тысяч рублей), тот, кто «выдернул пана» – чаще этим занимался Алик, – договаривался с ним о встрече возле одного из центральных ресторанов города. Он объяснял, что брат его работает мэтром в этом ресторане, а доллары продает именно он.

Встретившись в назначенное время у входа в кабак, Алик просил поляка показать деньги для того, чтобы убедиться в серьезности его намерений. Обычно поляк тащил с собой двоих-троих друзей, которые тоже горели желанием приобрести «девизы». После того как Алик видел деньги, он просил польских спекулянтов обождать у входа, а сам шел звать «брата». Он поднимался в ресторан, находил Тосю за одним из столиков, показывал ему толщину денег, на которые будет приобретаться валюта, тот собирал «куклу» нужной толщины, и они вместе выходили к ожидавшим у входа покупателям. На Тосе – костюм. На лацкане пиджака – значок с надписью «Администратор». В руках дорогая папка, разделенная перегородкой, за которой безучастно разместилась «кукла».

Поздоровавшись с панами, он предлагал немного отойти от входа, чтобы избежать ненужных взглядов сослуживцев.

Они садились на одну из пустующих скамеек где-нибудь в парке или у подъезда дома, и Тося начинал:

– Пенензы треба класты до куперты.

Он доставал обычный почтовый конверт, папка оставалась открытой на коленях. Когда деньги были посчитаны и лежали в конверте, он брал конверт и заклеивал, клал в открытую папку, доставая ручку и делая вид, что собирается расписаться на конверте. В этот момент ручка якобы случайно выскользнула из рук, он тянулся за ней. Папка на какой-то миг закрывалась, так как середина ее слегка проваливалась между ног «неловкого администратора». Вот ручка поднята, и папка вновь открыта. Толстый конверт лежит на прежнем месте. Тося оставляет на нем какой-то малопонятный иероглиф и предлагает полякам взять конверт с деньгами, подняться в кабак, сесть за третий столик от входа у левой стены и, когда подойдет официант, показать конверт с надписью. После чего официант принесет доллары, которые будут лежать в меню.

— Только после того, как вы сосчитаете и проверите все доллары, отдайте ему конверт. Вместе заходить не будем. Идите вперед, а я — за вами, — говорил Тося тоном, исключая всякие сомнения.

Поляки спешили в ресторан. Дождавшись, когда за ними закроется входная дверь, Алик и Тося спешили в другую сторону.

«ПАПА, ПОДАРИ МНЕ КУКЛУ»

Однажды, когда Алик рыскал в поисках очередного поляка, к нему подошел парень невысокого роста, русоволосый, аккуратный, модно одетый, по имени Саша. Он сказал, что часто видит, как тот с товарищем подыскивают поляков для того, чтобы кинуть. Алик воздерживался от ответов в ожидании, что же за этим последует. Оказалось, что Саша познакомился с поляком, которому нужны две с половиной тысячи долларов. Он бы и сам его кинул, но поделник приедет только через неделю. А время не ждет.

Алик испытующе смотрел на нового знакомого.

— Почему ты решил, что мы сможем помочь тебе отобрать деньги у этого типа?

— Да мы с тобой одного поля ягода. Босьяк босьяка видит издалека. Я давно понял, что вы «кукольники», только виду не подавал. Да и вообще здесь ухо надо держать востро. Нельзя никому ничего говорить, так как кругом — одни мусора.

Алик успокоился в своих подозрениях и посмотрел на Сашу другими глазами, узнав в нем коллегу.

— Хорошо. Мы сделаем эту работу. Можно прямо сегодня.

— Есть на закат зеленка? — поинтересовался Саша.

— А как же, — утвердительно ответил Алик. — Приводи своего пана сегодня к восемнадцати часам к гостинице «Турист».

Они приехали за полчаса до назначенного времени и решили подождать в баре на втором этаже.

Два молодых красивых парня в лайковых пиджаках зашли в полумрак бара. Это было небольшое длинное помещение, наполненное девушками на любой вкус, которые сидели за столиками и, потягивая коктейли, слушали музыку. Друзья направились через весь зал к угловому столику под пристальными и восторженными женскими взглядами. Они удобно уселись и заказали коньяк и лимон. Тося положил на стол папку, в которой лежала толстая «кукла» из старых газет.

Не успели они выпить по рюмке коньяка, как вдруг, откуда ни возьмись, их окружили какие-то люди, одетые на один манер, и, угрожая пистолетами, заковали в наручники. В таком виде их вывели из бара под изумленными взглядами все тех же посетителей.

У входа стоял «воронок», в который заталкивали поляка. Тот кричал, что хотел купить всего лишь один доллар, и почему-то громко пукал.

В райотделе, куда привезли друзей, их обыскали. Из папки извлекли конверт с бумагой. Милиционеры весело смеялись, указывая на качество «куклы». Они называли Тосю с Аликом дилетантами.

— Вот мы видели «куклу». Вот это «кукла»! Не отличишь от четвертаков. А у вас?.. — И они снова смеялись.

Но смех начал перерастать в бурный гнев, когда они поняли, что у друзей нет ни единого доллара.

Они крепко били искателей приключений, ломая на них стулья, мощно массируя почки и печень огромными кулаками.

Друзья провели пару дней в этом «гостеприимном» месте. Алик пел из камеры на весь райотдел: «Папа, подари мне куклу». Их выпустили, отдав папку. Вот только конверта с «куклой» в ней не оказалось.

— Хороший у тебя появился товарищ, этот Саша, — заметил Тося, закуривая сигарету. — Спасибо, хоть денег немного оставили. — Он глянул на несколько мятых купюр.

— Надо навести справки и узнать, что это за Саша, чтобы сказать ему спасибо за поляка, — заметил Алик.

— Нам дали двенадцать часов, чтобы мы слиняли из города. Не надо об этом забывать, — напомнил Тося.

— Пока не доберусь до этого Саши, не двинусь с места. — Алик жевал спичку и смотрел куда-то сквозь Тосю.

Они быстро узнали от местных спекулянтов об этом Саше, который оказался Игорем по прозвищу Ебунок. Проживал он в городе Киеве, куда друзья решили отправиться с визитом. Но в этот раз они его не нашли. Встреча состоялась лишь спустя десять лет. Ебунок умудрился узнать, что к нему приехали «гости», и тут же прикрылся милицией, встреча с последней для некоторых из свиты Тоси и Алика закончилась одиннадцатью и семью годами отдыха в обществе без женщин.

ПО КРАЮ ПРОПАСТИ

Они втроем подъехали к Курскому вокзалу. Алик здесь договорился встретиться с несколькими наркобарыгами. Те должны были сообщить место, где покупатели, которыми были Тося, Алик и Вася, смогут получить триста граммов опия-сырца. Барыги предупредили Алика, что тот должен приехать на встречу с деньгами, так как место обмена находится рядом с вокзалом.

— Барыги явно не доверяют, — сказал Тося друзьям после того, как Алик поведал о разговоре с наркодельцами. — Они сильно шифруются. Поэтому к встрече нужно подготовить не одну, а несколько «кукол». Каждый из нас должен будет стать само внимание и не расслаблять «булки». Я буду крутить, а вы — тулить отвод.

Настроившись на предстоящую работу, трое друзей прибыли на вокзал. У них был кейс, который скрывал в себе двадцать тысяч рублей, две тщательно изготовленные «куклы» и пистолет с полным магазином патронов.

Все трое стояли в указанном барыгами месте и всматривались в прохожих, пытаясь определить в них тех, кого они ожидали. Время шло, а продавцы не появлялись. Друзья начали нервничать.

– Алик, – сказал Тося, обращаясь к товарищу, – отнеси в камеру хранения кейс. Возьми монетку. – И он протянул Алику пятнадцатикопеечную монетку. – Глупо гулять здесь с таким багажом. Того и гляди пробьют мусора по шмону.

Вася одобрил опасения Тоси, и Алик отправился в здание вокзала, где оставил «дипломат» в свободной ячейке автоматической камеры хранения.

Друзья еще час прождали наркобарыг, но те не появились.

– Что-то их повело, – заключил Вася, глядя на часы.

– Не будем огорчаться, – успокоил Тося расстроившихся товарищей. – Все, что ни делается, – к лучшему. А сейчас давайте перекусим. Я думаю, в вокзале найдется подходящий кабачок. Там и решим, чем займемся дальше.

– Пора обедать, – сказал Алик, – мы и так здесь намаячили. Уже мусора поглядывают. Вот этот с усами уже четвертый раз здесь проходит, шею тянет в нашу сторону.

И друзья отправились в привокзальный ресторан, где хорошо, плотно поели и забыли об огорчениях, которые доставили им опиумные барыги тем, что не явились на «стрелку».

– Ну что ж. Теперь завезем кейс домой и отправимся в сауну. Там поймем жирного лоха и запутаем в «лоховскую», – сказал Вася, вставая из-за стола.

Друзья подошли к железной дверце камеры хранения. Алик взялся за первую ручку набора цифр и замер.

– Что это ты застыл в такой гусиной позе? – заметил Тося. – Или это ностальгия по школьному драмкружку?

Алик повернулся к товарищам, и по выражению его лица они легко догадались, что тот забыл цифры кода.

– Интересный сюжет, – проговорил Вася, – есть над чем задуматься.

И они задумались. Подбирать цифры шифра не было возможности, так как через пятнадцать минут подобной работы ими тут же заинтересовались бы работники охраны.

– Можно сказать этому черту, который имеет ключ от всех ящиков, что мы забыли цифры. Пусть открывает, – неуверенно промолвил Алик.

– Этот черт возьмет с собой мусора, который спросит: А что лежит в вашем «дипломате»? А затем проверит, все ли совпадает, – парировал Вася.

– Нам не остается выбора, – заявил Тося, – без денег и вольны мы уйти не можем. Значит, придется рисковать. Разыграем, кому идти к дежурному. – И он достал из кармана колоду карт. – Кто вытяжит меньшую, тот и пойдет.

– Я не согласен, – запротестовал Вася. – Алик наломал дров, а мы теперь должны совать голову в петлю.

Алик стоял молча, потупив взгляд, осознавая ошибку. Тося внимательно взглянул на своих друзей. Немного подумав, сказал:

– Для дела нужно, чтобы шел я. Дай-ка мне свой галстук, братка.

Тот быстро снял галстук и протянул другу. Вася хотел что-то сказать, но Тося его остановил:

– Помолчи минутку, мне нужно сосредоточиться. Вы пока погуляйте у входа.

Тося завязал галстук. Застегнул плащ на все пуговицы и твердой походкой направился к дежурящему в камере хранения милиционеру. Увидев приближающегося к нему человека, тот встал со стула и одернул китель. По его выправке Тося почувствовал, что произвел положительное впечатление.

– Извините, что приходится беспокоить, – сказал Тося, подойдя к держащему руки по швам сержанту. – Произошла оказия. До отправления поезда осталось пять минут. Только что объявили. Я прибежал за своим «дипломатом» и тут понял, что забыл цифры кода. А в «дипломате» командировочное удостоверение и документация из министерства. Прошу вас, поспешите помочь мне, так как времени осталось совсем мало.

Тося говорил, насупив брови, чеканя каждое слово, При этом он пристально и уверенно смотрел в глаза сержанта, который не мог выдержать этот взгляд – взгляд генерала, корящего за малодушие своих бойцов.

Как только Тося закончил свою речь, сержант подозвал мужчину в униформе и попросил Тосю указать ячейку с дипломатом.

Когда работник вокзала открыл ключом нужную дверцу, сержант взял кейс и извлек его из стального ящика. Он подставил колено и, положив на него «дипломат», приоткрыл рот, желая что-то сказать. В этот момент Тося поднял правую руку, согнутую в локте, и тут же выпрямил ее, чем акцентировал значение поступка. Сержант посмотрел на Тосину ладонь, направленную для рукопожатия, и инстинктивно протянул свою. Когда их руки соединились, милиционер почувствовал хруст новенькой банкноты в своей руке.

— Большое спасибо за оперативность, — сказал Тося.

Высвободив свою руку, он потянулся за кейсом. Сержант, борясь с противоречиями между долгом и полученным четвертаком, протянул кейс Тосе.

— Честь имею быть вам полезным, — вымолвил он.

Но Тося уже спешил прочь. У выхода его нагнали Алик и Вася, и все трое весело помчались на стоянку такси.

— Ну и умняк ты состроил, — сказал Вася, обращаясь к Тосе, когда такси несло их по широкому проспекту подальше от места, где в течение нескольких часов они успели пережить разочарование и пройти по краю пропасти. — Ты бы видел себя со стороны. Работник партаппарата, не иначе. Глядя на тебя, у домонхана и мысли не появилось проверить кейс. Хотя это странно: вдруг он вовсе не твой? Ведь так можно любую вещь насунуть.

— Наверное, можно, — ответил Тося, подумав. — Но попробовать мы не станем. Скажу вам честно: я и не надеялся, что этот болван так легко отдаст чемодан. Я решил, что, если он потянется к замку, чтобы открыть его, скажу: «Извините, но это не мой дипломат» и тут же укажу на другую дверцу. А когда кейс закроют на прежнем месте и в другой ячейке окажется какая-то сумка, можно было сыграть рассеянного командированного, который перепутал камеры хранения, и пойти за женой на перрон. Так что не такой уж большой был риск. На крайняк мы бы остались без денег и без плетки, но зато на свободе и вместе.

— Да-а-а, — протянул Алик, — все зависит от того, как подходить к образовавшейся проблеме. Я вот ноготь стрыг, ожидая тебя. Ау Тоси все легко и просто: ну попросил мусора открыть дверцу, за которой лежат как минимум шесть лет, делов-то. А если что — извините, ошибся...

— Ты бы не умничал, — заступился Вася за друга. — Это из-за тебя он поперся в пасть к зверю. Сейчас можно смеяться и шутить, но скажу тебе со знанием дела, что нервы у Тоси гуляли не меньше нашего.

Друзья добрались до сауны. Но в этот раз они не стали никого запутывать. В этот вечер они забыли о своей профессии и принялись резвиться и наслаждаться жизнью с юношеским задором, чем уберегли какого-то гражданина от треволнений по поводу «случайно» проигранных им всех своих денег.

ЯЛТА С РОБЕРТОМ КВАДРАТ

Тося с Робертом отправились из Одессы в Симферополь поездом. Роберт — мужчина сорока пяти лет с седьми волосами, невысокого роста. В очках с мощными диоптриями. Волосы его были постоянно взъерошены, и поэтому он напоминал фотографа, вылезшего из-под попоны фотоаппарата.

Тося был подтянутый, аккуратный молодой человек. Резкий возрастной контраст и противоположность внешностей делали Тосю и Роберта в глазах будущей жертвы

совершенно разными и непохожими, что исключало возможность их знакомства между собой.

Всю свою жизнь Роберт разрабатывал и претворял в жизнь аферы, многие из которых были не очень тщательно продуманы, и потому исправить ошибки, предоставив для этого время, давал возможность суд. В результате Роберт трижды посетил тюрьму.

Итак, друзья сели в поезд. Тося взял себе билет в купе спального вагона, а Роберту – билет в купейный. Роберт появился в купе у Тоси сразу после отправления поезда.

– Как у тебя красиво и хорошо! Почему я не еду в таком купе?

– Ну, во-первых, ты сам говорил, что нужно разбить понты. А, во-вторых, в СВ был только один билет.

– Ну ладно, ладно, давай лучше куранем. – И Роберт достал большую «гальку плана» и положил на стол рядом с пепельницей, где дымилась Тосина сигарета. Дым сигареты моментально растворялся в воздухе. – Как хорошо здесь проветривается, – добавил Роберт.

– Это работает кондиционер. Так ты хочешь курить свой план у меня в купе? – усаживаясь поудобнее, спросил Тося.

– А почему бы и нет? Смотри, какая вытяжка! – Роберт забил косяк, прикурил, сделал несколько затяжек и передал Тосе.

– Да, отличная техника.

Но в этот момент кондиционеры выключили, и купе наполнилось липким и густым дымом. Тося вернул папиросу Роберту, а сам направился к проводнику. Он уговорил его за пять рублей включить кондиционер. Тот согласился, но предупредил, что мамаша из соседнего купе очень боится простудить своего и без того не очень здорового ребенка. Это по ее требовательному настоянию был выключен кондиционер.

Тося вернулся в купе. Они не успели докурить папиросу, потому что кондиционеры вновь были выключены. И тут же послышался чей-то панический голос за перегородкой:

– Ой, по-моему, что-то горит! Что же это горит? Вы разве не чувствуете?

За стеной с правой стороны также послышались какая-то возня и бормотание насчет подозрительного запаха.

– Скандальные соседи попались, – заключил Роберт. – Я пройду по поезду. Загляну в вагон-ресторан. Может, удастся кого запутать. А ты, Тося, сиди отдыхай, а когда понадобится, я за тобой загляну.

Когда Роберт ушел, Тося принялся просматривать газеты. Вскоре Роберт вернулся. С ним была симпатичная молоденькая девушка. Он познакомил ее с Тосей. Они принялись втроем пить шампанское, которое предусмотрительно захватил с собой Роберт. Шутя и смеясь, друзья предложили этому невинному созданию принять участие в фокусе «на четыре туза». Девушка поглядывала на толстую длинную золотую цепь, которая обвивала Тосину шею. В споре он ставил ее на кон. Также он ставил пачки денег. Девушка была уверена в выигрыше. Уверенность эту подогревал в ней Роберт. Он говорил:

– Как же мы будем делить эту цепь, когда выиграем? Ну ладно, цепь я отдам тебе. Уступлю. Я ведь мужчина. Ну а деньги поделим пополам.

Девушка так уверовала в победу, что на кон поставила свою девственность и самое себя.

После того как она проиграла, жуткое разочарование и испуг поселились в ее глазах. Тося приблизился к ней и почувствовал дрожь ее тела, Роберт подошел с другой стороны. Он положил ей руку на плечо, ближе к шее, и надавил. Девушка робко, послушно встала на колени. Он расстегнул ширинку, отчего брюки упали до колен, и, взяв за волосы, приблизил ее лицо к своему паху.

Тося смотрел, как дрожала девушка, как восприняла свою обреченность.

– Роберт, – резко окликнул он своего товарища, – отпусти ее.

– Что? – Роберт зло глянул на Тосю.

– Я сказал, отпусти ее, – повторил Тося еще более требовательным тоном.

Он подошел вплотную к Роберту, и теперь они стояли, смотря в глаза друг другу.

– Ладно, пусть идет. Вставай и вали отсюда, – обратился Роберт к девушке. – Ив следующий раз не зарься на чужое.

Та встала с колен и, всхлипывая, вышла из купе.

– Ну и правильно, – сказал Роберт, – зачем нам этот «квадрат»?

– Какой квадрат? – не понял его Тося.

– Пятнадцать на пятнадцать. Сколько лет, столько и дадут, – пояснил Роберт, намекая на возраст девушки. Он сообщил Тосе, что эта девушка и была тем ребенком, которого так боялась застудить заботливая мамаша.

НА ГАЗЕТКУ

– Так мы доехали до Симферополя, – продолжал Тося. Они сидели на большом пушистом, мягком ковре, который лежал на полу комнаты. Тося сплел ноги под собой, подобно йогу, и с наслаждением курил «Мальборо». Рома сидел рядом, опершись спиной о диван. Он слушал рассказ Тоси с интересом.

– В Симферополе мы поселились в гостинице «Москва», где вечером решили посетить бар то ли на седьмом, то ли на девятом этаже. Барменом был высокий молодой парень аккуратного вида. Бар был полупустой. Один из столов оккупировали молодые крепкие узкоглазые ребята в спортивных костюмах. Сразу было видно, что это спортсмены, приехавшие на соревнования.

– С них и начнем, – заметил Роберт.

Они сели за стол, стоявший рядом, и завязали разговор.

Уже была ночь, и в баре остались только четверо спортсменов в обществе Тоси и Роберта. Разговор шел о видах борьбы. Бармен стал проявлять интерес и подавать реплики из-за стойки. Потихоньку перешли к теме игр.

Роберт достал маленькие кости из кармана, и началась игра. Играли на большее. Тося постоянно выигрывал. И тогда бармен, который начал сомневаться, что так долго может везти одному человеку, предложил играть на меньшее.

Тося сходил в туалет, поднял штанину и из спортивного наколенника извлек магнит. Он поменял его полярностью и вернул на место, аккуратно опустили поправил брюки. Затем вернулся за стол, и они продолжили игру.

Когда бармен и спортсмены проиграли изрядное количество денег, разговор пошел на повышенных тонах. Больше всех сомневался и возмущался бармен, который к этому времени успел поведать друзьям о своем спортивном прошлом. Тося обратился к нему с вопросом:

– Ты такой здоровый и крепкий, как ты говоришь, и в честности моей ты постоянно сомневаешься. Стало быть, ты смог бы меня ударить?

Бармен удивленно смотрел на него, не понимая вопроса.

– Я не собираюсь тебя бить, – выдал наконец он.

– Да если бы и собирался, то вряд ли у тебя что-нибудь смогло бы получиться, – продолжал Тося. – Я готов поспорить с тобой на любую сумму, что ты, стоя от меня на расстоянии, ну, скажем, одного метра, не сможешь меня ударить. Чтобы определить расстояние, возьмем газетку. И тогда будем говорить так: стоя на газетке, ты не сможешь меня ударить.

Бармен удивленно продолжал смотреть на него.

– Тося, не надо, ты посмотри, какой он здоровый, – обратился Роберт к разошедшемуся другу. – Этот сможет. Ты только глянь на него.

Но Тося продолжал:

— Я готов поставить все выигранные деньги и плюс к этому вот эту цепуху и даже часы. — Тося снял мощную цепь, часы, достал деньги и все это положил на стол.

Окружающие оживились. У бармена жадно загорелись глаза, и он согласился принять участие в споре. Он пошел в подсобку и долго рылся, подсчитывая деньги.

Когда спор был заключен и деньги стояли на кону, Тося развернул газету на всю ширину и, держа ее в вытянутых руках, направился к стойке бара. Все участники спора двинулись за ним. Он зашел за барную стойку, открыл дверь в подсобное помещение и постелил газету на пол в дверном проеме. Одна ее половина находилась в комнате, а другая — в баре. Затем он сказал, обратившись к бармену:

— Ты помнишь? В течение пяти минут. Засаекаем время. — И захлопнул дверь перед носом оторопевшего бармена.

Когда Тося закрыл дверь и провернул замок, он заметил, что рядом с ним стоит Роберт.

— Почему ты здесь, а не рядом с нашими деньгами? — обратился он к Роберту.

Но в этот момент послышался сильный удар в дверь, от которого слетел замок. Тося с Робертом уперлись в дверь, пытаясь ее удержать. За первым ударом последовали второй и третий.

— Какая интенсивная осада! — заметил Тося.

В это время с той стороны крепко налегли на дверь, и в образовавшуюся щель над дверью просунулись две руки, ладони их крепко легли на стену. Это был разъяренный бармен. Ногами он упирался в стойку. Устроившись таким образом, он рассчитывал легко расправиться с аферистами. Главное — найти упор, думал он. Но Тося рассудил иначе.

— Держи крепче, — сказал он Роберту. А сам отбежал в сторону, разогнался и что есть силы ударил ногой в дверь. Затем еще раз и еще. Послышался хруст костей. Бармен издал глухой стон.

— Хватит, Тося, — остановил товарища Роберт.

Они открыли дверь, и бармен кулем упал на пол. Оторопевшие спортсмены стояли рядом. Они помогли подняться бармену и усадили его на один из стульев. Тот перепугано смотрел на висящие плетью руки. Роберт, предварительно собрав все деньги и ценности со стола, хозяйничал за стойкой бара. Он налил полный фужер дорогого коньяка и поднес бармену.

— Это за наш счет, — пояснил он.

Тот хотел взять фужер, но руки не слушались. Спортсмены вяло пытались прокомментировать события. Тося, пообещав, что они вернут бармену все деньги и возместят ущерб, выпроводил спортсменов и закрыл за ними дверь.

Роберт принес лед из холодильника. Бармен запустил в него руки.

— Я пойду за врачом, — говорил Роберт еще не пришедшему в себя бармену, — а Тося сходит в номер, принесет то, что поможет тебе извинить нас и завязать дружбу.

В коридоре он сказал Тосе:

— Мотаем ланцы и валим отсюда. Сейчас он отдуплится и вызовет мусоров. И тогда плакала наша с тобой гастроль.

– Итак, мы прибыли в Ялту, – продолжал Тося, закуривая очередную сигарету. – Это была середина весны, и пробыли мы там до поздней осени. Причем все это время мы жили в лучших номерах лучших гостиниц, обедали в дорогих ресторанах с роскошными телками.

Где наживались деньги? В месте, где могут быть денежные лохи, например, в скверике возле главпочты, куда люди приходят посмотреть какую-либо корреспонденцию, получить денежный перевод или дождаться переговоров. Там они сидят в тенечке, отдыхают.

У нас была миниатюрная шахматная доска. Именно ее брал с собой Роберт на работу. Определив жирного лоха, он подходил к нему, расставлял шахматную композицию и предлагал принять участие. При этом он все делал для того, чтобы тот уверовал, что Роберт – шахматный аферист. Обычно лох сразу не проявляет никакого интереса. Говорит, что не любит шахматы, или не умеет, или еще какую-то отговорку. Тогда Роберт дает маяк, чтобы я подошел. Подхожу, обязательно высвечиваю печатку на пальце и толстую цепь на шее. Спрашиваю: «Ребята, не найдется ли у вас спичек?» После того как они дают прикурить, Роберт обращается ко мне:

– Молодой человек, не хотите ли нажать денег? Здесь вот совершенно простенький этюд расставлен, и вам осталось только правильно выбрать цвет и сыграть.

Тося проявлял интерес и, пару раз сыграв, проигрывал деньги. А потом, уже собравшись уходить, он вспоминал:

– Знаете что, у меня дядя очень богатый, состоятельный человек. А во мне он не видит серьезного человека. И вот он хочет, чтобы я был умным, сообразительным, эрудированным... И он мне постоянно подбрасывает задачки всевозможные: то кроссворды, то шахматные ребусы. И вот, кстати, в последний раз он мне тоже показал одну из шахматных задач. Если вы действительно соображаете и поможете мне ее решить, я за такую задачу мог бы вам заплатить деньги. Мне это выгодно: он мне поменяет мою старенькую «тройку» на новую «шестерку».

И он им расставлял уже известную нам четырехходовку, а сам уходил в сторонку.

Роберт всегда делал так, чтобы его товарищ по игре нашел решение. Когда последнему удавалось это сделать, его радовал тот факт, что вдруг в нем определилось такое прозрение, такая острота ума, чего раньше он не замечал за собой. И этот факт приводил его в восторг.

Когда Тося появлялся в поле их зрения, напарник Роберта кричал: «Решение найдено, плати деньги, сейчас мы тебе его покажем». Тося со спокойным видом подходил и говорил уже знакомое нам: «Так не пойдет... давайте поспорим». Затем он делал свою любимую ставку – цепь, печатку и пачку десятирублевых банкнот в банковской упаковке.

Роберт обрабатывал напарника. Он доставал свои деньги и предлагал поставить пополам. Но пополам никогда не получалось, потому что у Роберта были лишь копейки. Также Роберт интересовался, как же они будут делить цепь, то есть всячески добавлял уверенности напарнику в выигрыше.

– В оконцовке лох ставил все, – заключил Тося, потягиваясь от усталости. – Все, что у него было. Я залазил на него еще какой-то суммой денег, которых у него на тот момент не было. Это было обязательное условие катки, как говорил о четырехходовке Роберт. В случае, когда терпила проигрывал и оставался должен, ему нужно было возвращаться домой за деньгами. Он искал предлог поскорее смыться от случайных знакомых, и мы всегда предоставляли ему такую возможность. Это было грамотно придумано: не надо от него валить, он сам от тебя бежит! – Тося ухмылялся.

К этому времени они с Ромой перебрались на кухню. Прикуп заканчивал готовить кофе.

Они так отточили эту аферу, что она стала занимать всего пятнадцать-двадцать минут времени, потому как вокруг весело светило солнышко. Его лучи согревали

Тосино сердце. Веселые загорелые женщины будоражили воображение. Его влекло к противоположному полу с неистовой силой.

ОБРУЧАЛКА ИЛИ ПЕРСТЕНЕК?

Как-то утром в номер к Тосе зашел Роберт. В постели у товарища он заметил Настю, которая, по-видимому, проснулась давно. То, что происходило в номере в предыдущие полчаса, было написано на ее лице. Щеки горели красным, губы налились и явно выражали сожаление по поводу прихода гостя. Отуманенные сексом глаза были полуприкрыты.

Тося познакомился с Настей три дня назад. Это была интересная молодая москвичка. Роберт три дня не мог разыскать Тосю: тот со своей новой подругой провел их на яхте в море. Они вернулись лишь этой ночью.

— Наконец-то я нашел тебя, Тося! Рад, что ты жив, здоров и ничего плохого с тобой не произошло. — Роберт похлопал по плечу товарища, который стоял перед ним голый. — Собирайся, нужно заработать немного денег. Расходы выбивают.

— Хорошо. Я и сам поистощился, — живо ответил Тося. — Вот только Настю нужно завезти домой. Собирайся, милая, — обратился он к Насте. Ему очень понравилась эта девчонка, и он не хотел ее отпускать.

Настя остановилась в домике в горах. Там они жили вместе с подругой, с которой она не хотела знакомить Тосю из ревности. Но Тося и не настаивал на этом знакомстве.

Они втроем сели в такси и поехали забирать Настины вещи. Настя попросила шофера остановиться в каком-то проулке, а сама дворами пошла к дому.

Неподалеку от машины, из которой друзья перебрались в тень деревьев, они заметили молодого парня с голым торсом в выцветших спортивных штанах. На среднем пальце его левой руки солнце оставило след от кольца.

— Давай выьем за перстенок этого поца, — обратился Тося к безразлично стоявшему Роберту.

— Да это обручалка, — ответил тот, глядя на парня, перелопачивающего цементный раствор в корыте.

— Заодно и посмотрим, что это.

Прятели приблизились к парню. Роберт достал шахматы и попросил того помочь разрешить их спор...

...Когда Настя спускалась с небольшой сумкой по тропинке, она заметила, как Тося примеряет на палец золотой перстенок.

— Что это? — удивилась она.

— Это то, что оказалось перстеньком, проигранным мне этим молодым человеком, — сказал Тося, указывая на понурого парня, который оперся на черенок лопаты и опустил голову.

ПОСМОТРИ, КАКОЙ Я МАЛЕНЬКИЙ

Придя как-то на катран, друзья заметили, что сегодня к привычной публике добавилось несколько здоровенных парней. Они демонстрировали свою силу и мощь, перекачивая огромные шары мышц. Эти громады бицепсов и трицепсов привлекали внимание ротозеев, которые, проходя, задерживались, чтобы полюбоваться атлетами.

— Откуда пригнали этих быков? — обратился Тося к Роберту, который поправлял кепку, налезшую на очки, — Тося купил ее в подарок другу в одном из киосков набережной. Кепка представляла собой носовой платок в большую клетку с прикрепленным к нему пластиковым козырьком с надписью «Крым».

— Да, это крепкие ребята, — заметил Роберт, — спортсмены, не иначе. Сегодня намечается у кого-то большая игра, и присутствие этих амбалов подтверждает это. В это время к ним подошел Ренат.

— Тося! Как поживаешь? Привет, Роберт.

— Ренат, рад тебя видеть. Что это, в Ялте проходит конкурс «Кто чаще видел гиру»? — сказал Тося, поглядывая на мускулистые шары спортсменов.

— Это Картавый их привез из Москвы. И все для того, чтобы усмирить фраера, если вдруг возникнет непонятка.

Тося и Роберт, попрощавшись с Ренатом, направились в чашу лежаков террасы «Массандра».

Пока Роберт, разложив открытыми по шесть карт, уговаривал зеваку сыграть с ним партию в дурачка этими картами, Тося беседовал с уже немолодым Рафиком. Перед тем стояла красивая доска с нардами. Рафик рассказал, как вчера ему удалось выиграть ощутимые деньги у луганского — Коровы. Как выяснилось, Корову усадил за стол Зануда. Он катил его по доле.

Тося заметил, что к Роберту проявляет интерес один из здоровенных охранников. Высокий, поигрывающий мускулатурой, он стоял, внимательно слушал и наблюдал за разговором Роберта с любопытным отдыхающим. Тот отказывался играть на деньги, хотя отдавал явное предпочтение тем картам, где имелись четыре козыря.

— И ты предлагаешь играть любыми картами? — спросил спортсмен, отодвигая нерешительного отдыхающего.

— Да, — ответил Роберт, понимая нежелательность игры со спортсменом.

— Как ты там сказал? Играешь на любую сумму? Сейчас я подумаю еще пару минут и сыграю с тобой.

Роберт оставил его думать, а сам подошел к Тосе.

— Этот бык ныряет в игру, — сообщил он другу.

— Я вижу по тебе, что ты готов начать сегодняшней день с него. — Тося смотрел в очки Роберта, которые прикрывал козырек носового платка.

— Если бы я хотел, я бы не стоял здесь, а уже давно бы его запутал.

— Так ты не хочешь?

— Хочу — не хочу... Посмотрим, как будут развиваться события.

Спортсмен в это время, пригласив своего товарища, проигрывал предложенные Робертом варианты. Убедившись в правильности выбранных карт, он громко сказал:

— Ну где ты там? Иди сюда и прихвати денег.

Вокруг, на каждом лежаке, шла игра и велась запись. Делалось это в основном тихо. Лишь изредка слышались матерные ругательства.

Когда спортсмен на весь катран обратился к Роберту, все оторвались от своих дел и с любопытством глянули на последнего. Тот с невозмутимым видом подошел и уселся напротив атлета.

— Решились наконец-то? — спросил Роберт.

— Я буду играть вот этими, — и он указал на карты, — и играть будем по двести.

— Ну что ж, попробуем, — согласился Роберт. Тося к этому времени перебрался ближе и сидел рядом с Робертом и двумя атлетами.

Началась игра, в которой очень скоро победил Роберт. Атлет встал и отошел к стоящим неподалеку товарищам.

— Ты только посмотри, — сказал Роберт, рассматривая совещающихся атлетов. — День начался с бычьих двухсот. — И он улыбнулся из-под надписи «Крым».

В это время спортсмены гурьбой подошли к сидящим друзьям.

— Чтобы через пять минут вас здесь не было, — сдавленным голосом сказал проигравший. — Ты меня понял? — Он подошел к Роберту ближе и, взявшись за козырек, резко дернул вниз.

Роберт смешно пытался высвободиться от кепи двумя руками. Наконец у него это получилось. Он поправил очки. Укрепил кепи. И подошел к смеющимся спортсменам. Он стоял, упираясь козырьком своей кепки в грудь обидчику. Тот поигрывал мускулами. Роберт поднял голову и через мощные диоптрии смотрел на висящее в небе лохотное лицо культуриста.

— Ты посмотри, какой я маленький, — сказал жалостливо Роберт.

Спортсмены рассмеялись. Вдруг Роберт что было силы ударил в нос должника. Брызнула кровь в разные стороны. Атлет пошатнулся, сделал полшага назад и сел на стоящий рядом деревянный диванчик.

Наступило замешательство. Товарищ пораженного атлета двинулся на Роберта. Тот упал спиной на лежак, согнул ноги к груди и что есть силы ударил в грудь нападавшего. Тот отлетел и, споткнувшись, упал. Роберт, перевернувшись через голову, побежал через лес лежаков. Перед Тосей вырос спортсмен.

— Я не имею к этому никакого отношения, — поспешил остановить приближающуюся громаду Тося. Правое его плечо упиралось в нетолстую железную трубу навеса.

Тося слегка повернул голову вправо, подставив челюсть под удар. Рука его в это время крепко сжимала трубу. Последовал удар. Тося оттолкнулся от трубы. Послышался хруст и рев нападавшего — его рука угодила в железо. Тося, не разжимая руки, провернулся вокруг столба и с силой ударил того ногой в почку.

В этот момент он почувствовал, как кто-то тянет его сзади за рубашку. Это была молоденькая симпатичная девушка в модном купальнике.

— Сюда, — сказала она, указывая дорогу.

Они побежали, перепрыгивая через множество преград. Тося на ходу стянул рубашку, и теперь он ничем не выделялся среди множества отдыхающих.

Они сбежали по ступенькам и уселись на неудобную гальку. Тося обнял девушку, и она положила голову ему на плечо.

— У тебя рубашка вся в крови, — сказала она, складывая рубашку так, чтобы скрыть огромные пятна.

Они видели, как спортсмены пробежали у самого моря, поглядывая на загорающих.

— Где же Роберт? Не мог он уйти. Он где-то рядом, — сказал Тося, лаская красивое загорелое тело девушки.

Вдруг он узнал в мужчине, сидящем прямо перед собой, Роберта. Тот снял очки и фуражечку. Разделся до трусов и, обняв колени, мирным инженером поглядывал на гладь моря.

— Роберт, — позвал Тося.

Тот обернулся, и они рассмеялись.

— Будем пробираться отсюда, — сказал Тося.

Они легко прошли мимо бдительных, устрашающих мышц. Тося при этом целовал и лез под лифчик наслаждающейся этим девушке. Роберт в одних трусах, подвернутых как плавки, твердой, уверенной походкой, со взъерошенными волосами, прошел перед самым сломанным носом своего обидчика. Тот, запрокинув голову, зажимал разбитый нос окровавленным платком.

— Как ты смотришь на то, чтобы отправиться в Сочи? — спросил Роберт в гостиничном номере Тосю, когда тот выходил из ванной.

— Возьмите меня с собой, — сказала Зоя из спальни.

ШАХМАТНЫЕ КУРЬЕЗЫ

С Лешей Тося познакомился давно. В Одессе, его родном городе, на Тосю был объявлен розыск, и он решил махнуть на недельку в Москву, а там решить, куда двинуть дальше.

Как-то, обедая в ресторане «Россось», Тося встретил друга детства Гришу Рябого. Тот уже больше года жил в этом городе. Гриша моментально сориентировался, что на этой встрече можно хорошо нажиться. Зная, что Тося обладает невероятными способностями, знает тысячи «примочек» в различные игры, имеет большой опыт во всевозможных спорах, Гриша решил бросить под него своих знакомых, которые наживались тем, что работали в разных кабаках и барах столицы. Они ловили простаков в различные игры, когда те собирались отдохнуть в уютных креслах вестибюля. В ход шли в основном нарды и шахматы.

В один из осенних вечеров в бар под названием «Тритон», что на Таганке, постучал молодой человек. Открылось окошко в центре дубовой двери.

– Мест нет, – прозвучал твердый голос бородатой головы, появившейся в окошке и с безразличием разглядывающей незнакомца.

– Заказан столик, – ответил тот, доставая червонец из портмоне.

Дверь отворилась, и бородатый здоровяк впустил гостя. Тося шагнул в залитый светом холл, небольшой, но уютный. В середине у стены стоял стол и несколько кресел. На столе – шахматная доска с расставленными на ней фигурами. Рядом лежали закрытые нарды. «Все точно так, как и описывал Гриша, – подумал Тося. – А вот это, наверное, Леша и есть: высок, полноват, суетлив, все время говорит – путает лоха во что-то».

Тося сдал в гардероб дорогой кожаный плащ апельсинового цвета. (Он выиграл его в карты неделю назад в «Руси».) На нем был безупречный костюм. Он производил впечатление человека хорошо обеспеченного, но какого рода деятельностью занимается этот человек – оставалось загадкой для всех. Да и сам он никогда не знал, чей образ примет через минуту. Все зависело от того; с кем предстояло общаться.

Он не спеша направился в зал, где кипела жизнь. Но по дороге все же на минуту задержался у шахматной доски и заметил:

– Какие красивые у вас шахматы.

Леша прошелся по нему изучающим взглядом.

Тося сидел за столиком у самого бассейна, в котором плавали рыбки, бил фонтан и жил тритон. Он кадрил одну из двух девок, сидевших за столиком рядом. Он весело описывал вкус цимлянского шампанского, которое находилось у него в номере, куда они и направятся чуть-чуть попозже.

– Ты девочка, которую я искал всю жизнь, – заметил Тося в самое ухо раскрашенной блондинке и отправился к выходу.

В вестибюле он закурил сигарету и подошел к столу, за которым собрались пять человек.

Леша сидел в кресле, держа в руке деньги. Он объяснял что-то парню с несколько длинноватой шеей, переставляя шахматные фигуры на доске. Тося постоял некоторое время, наблюдая за происходящим, а потом спросил:

– Что это так мало фишек на доске? Или это какие-то задачки? – Сказав это, он повернулся в сторону стоявшего рядом молодого человека. По всему было видно, что этот парень имеет самое отдаленное отношение к игре.

Тося вопросительно глянул в глаза парня. Тот, не зная, что ответить, подался назад.

– Да, это задачки. Можно и так сказать, – прозвучал голос Леша. – Решая эти простенькие, как вы выразились, задачки, можно заработать немалые деньги. Вот, например. – Он стал отодвигать того, кто мешал Тосе подойти к столу.

Тося оказался напротив Леша. Тот уже развернул доску и выстраивал на ней какой-то этюд. Тося с искренним интересом наблюдал за ним, а затем заявил:

— Дело в том, что я очень плохо играю в шахматы. Но у меня есть дядя, который считает, что шахматы — это лучший способ развивать мозги. И он постоянно заставляет меня решать всевозможные задачки. А в последний раз он показал мне задачу и сказал, что если я ее решу... — И он рассказал уже известную нам историю о своем дяде.

Все вокруг оживились:

— Покажи свою задачку.

— У меня где-то записано. — Тося достал портмоне и стал в нем искать записку. При этом все заметили пачку стурбулевых банкнот. — К сожалению, нет. Ну, ничего. Я попробую расставить по памяти. — И он начал расставлять фигуры, проявляя забывчивость и рассеянность.

В конце концов на доске появилась известная нам четырехходовка. Все, включая Леша, склонились над доской и стали двигать фигуры, проигрывая разные варианты. Тося молча наблюдал за ними, и, когда заметил, что его задачка вот-вот будет решена, он сказал:

— Сейчас я подойду. Мне надо вернуться к столу. Там меня ждут обалденные телки.

Он вернулся за стол, заказал еще шампанского и продолжил сальную беседу с уже высматривавшей его блондинкой.

Он рассказал анекдот, все смеялись, когда в зал зашел Леша и стал рыскать взглядом по столам в поисках «богатого маменькиного сынка». Он быстро его нашел, так как смех последнего гремел по всему залу, аккомпанируемый мелким и писклявым смешком девчонок.

— Пойдем, мы все тебе решили, — подойдя к столу, выпалил Леша.

Тося медленно и недоуменно посмотрел на него, а затем, как бы вспомнив, сказал:

— А-а, нашли... быть того не может!

— Да точно, нашли. Пойдем, платить надо.

Тося нехотя встал из-за стола и, подталкиваемый Лешей, пошел к выходу. Подойдя к столу с шахматами, Леша сказал:

— Все решено, сейчас сам убедишься.

— Я же сказал тебе, что не верю в то, что ты мог решить эту задачу за такое короткое время. Если ты другого мнения, давай разрешим наш спор, поставив какую-то сумму денег. Я, например, считаю, что ты зря оторвал меня от девок, и могу рискнуть, поставив тысячу или даже полторы.

Леша задумался. Четверо его друзей придвинулись к нему ближе и стали шептать: «Давай скинемся и поставим полторушку, ведь решение-то стопроцентное». Но Леша думал, исподлобья разглядывая незнакомца: «А что, если здесь какой-то зехер, ведь я сам убираю лохов на подобное? И какой переход от „заплачу“ к „давай поспорим“? Нет, он не лох. Этот парень не подарок. И я — шухер московских шахматистов — чуть не попался как последний шлеец. Но как поступить?» Он решил посоветоваться со своим товарищем, которого звали Пионер.

Рассказывают, что с Пионером когда-то отказался играть в блиц Карпов, так как знал силу ума этого человека. Пионер действительно был очень способным шахматистом с феноменальной памятью. Только он не стал участвовать в разного рода соревнованиях. Он попал в среду «играющих», и этот мир ему пришелся по вкусу. Сейчас он крепко шел по стезе шулерства. Он стал экспертом далеко не только шахматных дел: нарды, преферанс и еще ряд коммерческих игр увлекли и поглотили несостоявшегося чемпиона целиком.

Леша, сказав, что ему необходимо сходить за деньгами, направился к телефону для разговора с Пионером..

— ...Здесь не ставится мат, так как черные на втором ходу залазят в пат. Этюд, не имеющий решения, — заключил Пионер.

— И что же я могу сделать в этой ситуации? — осаждал его Леша.

– Проиграй ему небольшую сумму, а затем скажи, что это ловушка. Решения нет. Он начнет доказывать, что оно есть. Тогда предложи ему сыграть белыми. Но учти, что здесь нужен тонкий психологический подход. Ударяй на то, что он хотел вас кинуть в оконцовке.

Повесив трубку, Леша направился к столу.

– Не получается с деньгами. Сколько у нас вообще налички? – обратился он к четверем компаньонам, которые ждали его с нетерпением и были полны решимости начать игру.

Леша попросил Тося оставить их на пять минут, чтобы они могли подсчитать деньги и еще раз проверить найденное решение. У четверых Лешиних компаньонов оказалось восемьсот пятьдесят рублей.

– Слушайте внимательно, – начал Леша. – Этот парень не так прост, как кажется. Здесь после третьего хода белых черным некуда ходить – пат, и плакали ваши денежки. – Он показал, как после первого хода белых черный слон идет на Н1, а вторым ходом закрывается пешкой на G2.

– Значит, мы нашли не то решение? – заметил кто-то из шахматистов.

– Нет, решение здесь одно, и оно является ловушкой. Этот парень хотел нас кинуть.

– Ну а что же нам теперь делать? Набить ему морду?

– Нет, делать мы этого не станем. Доверьте мне свои деньги, и через пять минут я разделаю его как Бог черепаху. – Леша смотрел на своих дольщиков с таинственной улыбкой.

– Будь по-твоему. – Они передали ему восемьсот пятьдесят рублей.

Когда Тося вернулся к столу с заговорщиками, Леша сказал, что они настолько уверены в своей победе, что готовы поставить три тысячи рублей. Вся четверка стала нервно переглядываться. Этого было достаточно, чтобы Тося понял, что происходит в действительности. Он ответил, что готов играть и поставить такую же сумму.

– Позвольте напомнить вам правила, по которым проходят подобные споры, – начал Леша. – Вы выстраиваете этюд на доске. Объявляете условия. В данном случае они таковы: белые начинают и ставят мат через четыре хода. Это является выигрышем для белых, а для черных является выигрышем, если белые не ставят мат в четыре хода по какой-либо причине, будь то мат белым или еще что. Затем оговариваем сумму. В нашем случае каждый ставит по три тысячи рублей. После того как мы скрепляем наш спор рукопожатием и все деньги стоят на кону, мы вправе выбрать цвет шахмат и начать игру в соответствии с общеизвестными шахматными правилами. Если вам понятны условия игры и вы не передумали, предлагаю ставить деньги и начинать игру.

– Я ничего не понял из того, что вы сказали. Но все равно игру начать готов. И побыстрее. Потому как меня ждет красавица, которая вскружила мне голову.

Он отсчитал три тысячи и предложил положить деньги в нарды, лежащие на столе. Леша согласился. Он взял деньги, полученные от долистов, добавил свои и положил в нардовую доску. Перебили рукопожатие.

– Теперь осталось выбрать цвет, – ехидно заметил Леша.

– Как цвет? Какой цвет? А разве... – испуганно, открыв широко глаза, прошептал Тося, лоск с которого слетел в одну секунду. Теперь он казался слабым и беззащитным.

– Я выбираю черные, – твердым голосом победоносно заявил Леша. – А вам, стало быть, играть белыми. Ваш ход.

А в это время Гриша кругами ходил вокруг машины и нервно курил. «Что же там происходит? Почему так долго? Вот бы взглянуть хоть одним глазом», – думал он, поглядывая на часы.

Тося сел в кресло, которое стояло на углу стола, а доска с шахматами оставалась в центре. Он взялся за ее край и придвинул к себе, отчего все фигуры попадали. Леша стал ставить их по местам, а Тося, извиняясь, начал ему помогать. Когда этюд был возобновлен и Леша внимательно проверил, все ли стоит правильно, началась игра. Тося сделал ход слоном на В2. Черные ответили слоном на Н1. Белые

– слон А3. Черные – пешка G2. Белые – слон F8. Сделав паузу, Леша заявил, что ходить ему более некуда и это пат. На что Тося спокойно ответил:

– Черная пешка с поля А4 может, я думаю, шагнуть на поле А3. – С этими словами он моментально извлек деньги из нардовой доски и засунул в рукав пиджака.

– Он свольтировал пешки, – с досадой в голосе заключил Леша. – Надо же, способный, твою мать...

Остальные четверо проигравших, негодуя, начали было что-то кричать, но Тося их успокоил:

– Не надо глотничать, братва, следите за здоровьем. – Он весело улыбнулся и пошел в зал, где его заждалась блондинка.

Так он познакомился с выдающимся картежником, нардистом, бильярдистом города Москвы Лешей Кушевым. Впоследствии они крепко сдружились и сделали не одну работу вместе. Они расставались и встречались в разных городах страны в самое неожиданное время. Всегда эти встречи их очень радовали и были как нельзя кстати.

Когда Тося встретился с ожидавшим его Гришей, он отдал ему половину выигранных денег и сказал:

– Ох, и крученный этот Леша. Это тебе не поц. Мама дома?

НА ПРАВА

Леша нашел Тосю, когда тот с Гришей выходили из ресторана «Белград».

– Какая встреча! – весело воскликнул Леша. – Вот тот, с кем ты разделил мои три тысячи. Тот, жадность которого свела нас с тобой. – И он, продолжая улыбаться, взглянул на Гришу.

Тот опустил голову, не зная, что возразить.

– Сейчас не об этом. Гриша, не огорчайся. Я благодарен тебе за это знакомство. Во-первых, этот случай многому меня научил. Во-вторых, я нашел чудесного поделщика и хорошего, веселого товарища.

Все трое вышли на улицу.

– Я целый день мотаюсь по городу в надежде отыскать тебя, – обратился к Тосе Леша. – Есть очень интересный и стоящий лох. Давай возьмем такси, а по дороге я все объясню.

Они забрались в такси.

– Первый часовой завод, к Ямским баням, – сообщил Леша шоферу.

Они с Тосей расположились на заднем сиденье, а Гришу усадили вперед, что давало им возможность пошептаться.

Леша рассказал: выдернул на бегах одного парикмахера, с которым крепко сдружился. Его можно хлопнуть за пятнадцать тысяч. Когда Тося поинтересовался, как он собирается того «хлопнуть», выяснилось, что конкретного плана у Леша нет и он искал Тосю, чтобы вместе его разработать.

Тося рассказал, что как раз вчера в «Битце» он встретил знакомого чистодела.

И тот предложил ему фальшивые водительские удостоверения с талонами предупреждений и печатями. По всей видимости, у него их много.

– Куда мы едем? – поинтересовался Тося.

– Я покажу тебе парикмахерскую, в которой ты познакомишься с этим лохом, – ответил Леша.

– Подожди, – возразил Тося, – сначала мы съездим к чистоделу и купим все права, что у него есть. А уж потом поедем знакомиться.

Всего они купили 86 водительских удостоверений с талонами по 20 рублей за штуку.

Дождавшись, пока образуется очередь к объекту изучения, Тося зашел в парикмахерскую и, не обращая внимания на ожидавших, уверенной походкой направился к нужному мастеру.

– Побрить, и срочно!

– Молодой человек, ведь здесь же очередь, – неуверенно возразил рыжеватый, высокий, средних лет мастер. В кресле сидел клиент.

– Пятнадцать рублей. – И Тося сунул ему в карман деньги.

– Вы извините, буквально пару минут придется обождать, – пролепетал счастливым голосом рыжий мастер прически.

Действительно, пришлось ждать недолго. Наскоро добрав клиента, он пригласил Тосю в кресло.

Во время бритья между ними завязалась беседа, в которой Тося поведал парикмахеру о своих финансовых делах и планах на ближайшее будущее. Как-то: он приобрел новенькую «шестерку» за пятнадцать тысяч, разумеется, в Южном порту (в то время как это же можно было сделать за двенадцать). Затем он заметил, что парикмахер очень общителен и наверняка имеет дружеские и деловые связи со значительными людьми этого города, что дает надежду на то, что Рыжий поможет ему достать водительские удостоверения с талонами. Если такое произойдет, он может заплатить шестьсот рублей за одну «корочку».

Рыжий занервничал, так как вспомнил, что в воскресенье на ипподроме Леша предлагал ему водительское удостоверение за четыреста рублей. Кажется, с талоном.

– Вы не могли бы зайти завтра? Я постараюсь вам помочь.

– Конечно, зайду. С меня магарыч, как говорят у нас в Харькове.

Леша заглянул к Рыжему под вечер. Накануне они условились о встрече, чтобы решить вопрос приобретения валюты парикмахером. Леша уверял, что у его знакомых фарцовщиков и проституток это будет дешевле. Рыжий радостно встретил гостя. Он рассказал ему, что нашел покупателя на водительское удостоверение. Леша, к счастью, его не продал. Они условились, что Леша оставит «корочку», а потом зайдет за деньгами.

Тося рассматривал водительское удостоверение, которое вручил ему с победоносным видом парикмахер, в подсобном помещении за закрытой дверью.

– Да-а, отличные права с талоном, да еще с печатями. Как раз то, что нужно. Беру. – И он стал отсчитывать из тугой пачки денег шестьсот рублей. – Послушайте, мне надо еще минимум сто штук. Деньги сразу.

– Я постараюсь узнать. Пообещать ничего не могу. Оставьте свой телефон, я позвоню, как только что-нибудь прояснится.

– Гостиничный телефон я оставлять не стану. Сами понимаете, – многозначительно заметил Тося.

– Хорошо. Тогда зайдите ко мне через день. Я сообщу вам результаты своих стараний.

– С меня магарыч, – прощаясь, улыбнулся Тося.

Когда Леша зашел за деньгами, кутюрье мужской прически рассказал ему, что клиент очень денежный и хочет купить сто водительских удостоверений, но цена несколько высока. И он рассчитывает, что при оптовой покупке она будет снижена. Леша заверил, что завтра привезет, сколько сможет, и поговорит о цене.

В назначенный день Тося пришел в парикмахерскую.

– Похоже, ваш вопрос решился, – приветствовал его Рыжий. – Сегодня вы, по всей видимости, получите то, что заказывали.

Тося заверил его, что это замечательно и ему не терпится получить то, на поиски чего у него ушел целый месяц. Рыжий попросил Тосю зайти несколько позже. При этом сам он сильно нервничал, так как боялся, чтобы Тося не встретился с Лешей.

Спустя полчаса в дверях появился Леша. Он спокойно и доходчиво объяснил, что человек, у которого он брал «корочки», завтра уезжает в Киев и везет с собой 90 водительских удостоверений своим проверенным покупателям. А здесь он боится с кем-либо иметь дело, так как занимает высокий пост в ГАИ. Мастер стал уговаривать Лешу, чтобы тот убедил своего знакомого продать водительские удостоверения ему, рыжему парикмахеру с Ямского переулка. Леша предложил съездить вместе к работнику ГАИ, чтобы убедить того изменить решение.

— Иди посиди немного у меня в подсобке, — предложил хозяин расчески и ножниц. Он хотел дождаться Тосю и взять у него деньги на покупку водительских удостоверений.

— Да что я буду здесь рассиживаться! У меня дел невпроворот. Я заеду за тобой через пару часов.

Рыжий кутюрье наконец-то дождался Тосю.

— Не совсем получается все гладко. Это ведь сейчас такой дефицит! Все как с ума посходили. Каждому подавай вдруг права. Вот если бы неделей раньше... Но ничего, я постараюсь что-нибудь для вас сделать.

— Минуточку. Как это — что-нибудь? Ты сказал мне, что я смогу получить все сто карточек с техталонами. И вот я здесь. Деньги при мне. — Он стал доставать из целлофанового пакета пачки денег и бросать их на тумбочку, стоящую рядом. — Здесь ровно шестьдесят тысяч. Можно не пересчитывать. И ты теперь говоришь, что постараешься сделать... Да я уже позвонил в Харьков и сказал, что права привезу!

Рыжий тупо смотрел на пачки денег, и у него кружилась голова. Он не совсем понимал, что говорит Тося. В висках стучало: «Почти половина этого может быть моей».

— Да вы не нервничайте, все будет в порядке. Я сейчас съезжу и все вам привезу. Только нужны деньги — там в долг не дают.

— Деньги? Вот они. И ты их получишь, как только я увижу права. Ты поезжай, а я подъеду сюда через час и буду ждать твоего возвращения. Оставляю тебе задаток в сумме трехсот рублей. — Он протянул деньги рыжему коммерсанту.

— Может, дадите хоть пару тысяч? — вяло спросил тот. — Без денег взять их будет очень сложно.

— Как только привезешь, получишь все, — повторил Тося. — И постарайся скорее, чтобы я не ждал долго. — Он вышел, забрав пачки денег с тумбочки. Как всегда в подобных делах, эти пачки были «куклами».

— Ты готов? — спросил Леша что-то подсчитывающего на клочке бумаги парикмахера.

— Да, да, едем, — спохватился тот; Когда они подкатили к дому, Леша объяснил, что в квартиру зайдет лишь он один, а Рыжему придется подождать в машине, «пока я получу визу на твою гостевую».

Леша вошел в подъезд дома на Кутузовском проспекте. Следующие двадцать минут он провел, общаясь с каким-то мужчиной, курившим на площадке между этажами. Рыжий нетерпеливо ходил вокруг машины.

Когда Леша вышел из подъезда, он объяснил парикмахеру, что босс и слушать не желает о том, чтобы дать все корочки на целый час. Он отдаст права только в том случае, если за них будут тут же уплачены деньги.

После недолгих раздумий Рыжий помчался домой за нужной суммой.

Леша вынес 86 корочек, сказав, что 4 только что кто-то купил по 550 рублей. Он получил с парикмахера 34 тысячи рублей и вошел в подъезд, чтобы отнести деньги «боссу».

Но Рыжий уже ничего не видел: он спешил отдать так тяжело полученные водительские удостоверения «богатому харьковчанину».

МОСКОВСКАЯ БОЛГАРКА

Тося зашел в бар с единственной целью – купить шампанское. Дома он не был вот уже две недели. Там его ждала Верочка, с которой к этому времени они прожили вместе три месяца, и он успел крепко в нее влюбиться. Она отвечала взаимностью, но инерция прежней жизни увела его в очередной кутеж.

Он познакомился с видной и красивой девчонкой. Увлечшись ее нестандартным подходом к сексу, он потерял счет времени. И только через две недели вспомнил о Верочке. Сердце зануло. «Заеду куплю шампанское и тут же домой», – подумал он.

Переступив порог бара, он заметил, как бармен, увидев его, стал заталкивать какую-то девушку в подсобку. Тося подошел к барной стойке.

– Привет, Валик! – обратился он к высокому бармену с гусарскими усами.

– Тося! Как дела? Давно тебя не было. Чомба с ребятами только что ушли, – стрекотал явно чем-то взволнованный бармен.

– Ну и хорошо, что ушли. Я никого не хочу видеть. Дай мне пару бутылок шампанского, и я пойду, совсем не имею времени.

Валик, уточнив, какое именно нужно шампанское, протянул его Тосе.

– Что это за девчонку ты прячешь? – спросил Тося, вспомнив об увиденном.

Волнение бармена усилилось.

– Какая девчонка? Нет никакой девчонки. – Он смотрел на Тосю, стараясь выглядеть естественно. Его чрезмерное усердие бросалось в глаза, и Тося захотел узнать причину наглого вранья.

– Открой подсобку и покажи мне ее.

Валик что-то пытался говорить, но Тося его не слушал. Он подошел к закрытой двери подсобного помещения и с угрожающим видом глянул на стоявшего рядом что-то бормотавшего бармена. Тот решил не утруждать Тосю повторением просьбы дважды, так как из опыта знал, что характер его непредсказуем и круто пропорционален выпитому. А тяжесть Тосиной руки была хорошо известна всем обитателям этого бара.

Валик открыл дверь, и Тося зашел в длинное помещение, наполовину заставленное ящиками. Там в углу стояла высокая, стройная, элегантная и привлекательная Лиза – так она представилась ему.

– Почему этот тип прячет тебя здесь?

– Не знаю, – скромно ответила Лиза.

– Твое место на людях. Ты создана для того, чтобы тобой любовались. – Он взял ее за руку и повел из бара.

Валик бежал за ними. Он с жаром что-то объяснял, но Тося его не слышал. Он был занят своей спутницей. Уже через пять минут визит домой он отложил до завтра.

Они сели в такси и долго ездили по улицам города, пока Тося решал, где бы им уединиться. Они чуть было не налетели на машину, которая пулей выскочила из-за угла. Шоферу в последнюю секунду удалось избежать столкновения. Такси выбросило на тротуар, и оно остановилось, уткнувшись бампером в дерево. Другая машина тоже остановилась, и Тося увидел за рулем Колю Колича. Тот подал назад, открыл окно и поинтересовался:

– Все целы? – И тут же добавил, заметив появившегося шофера: – Что ты гоцаешь, как угорелый? Бухой, что ли?

Тося выбрался из машины и направился к Коле. Оба обрадовались встрече. Коля пригласил их к себе. Заплатив таксисту за проезд и за «божью», перебрались в Колину машину.

Когда допили шампанское, Коля, видя нетерпение Тоси, предложил гостям комнату.

Лиза поразила его нежностью и страстью.

...Выкурив сигарету, он вспомнил о Коле, который остался в соседней комнате. Тося робко, неуверенно сказал:

– Мы давно с ним не виделись. Вообще-то мы как братья. Я не знаю, как тебе сказать... Мне хотелось, чтобы ты была с ним ласкова и... – он не успел договорить, какой еще надлежало быть Лизе.

– Хорошо, – опустив глаза, скромно сказала она.

Тося слушал музыку, пока Коля развлекался с Лизой. Затем они резвились втроем.

Первые лучи утренней зари упали на упругое, красивое тело Лизы. Тося смотрел на нее. Та, стоя коленями на стуле, делала минет лежащему на диване Коле. Спина ее была сильно прогнута. Голова находилась много ниже уровня колен. Белоснежная попка аппетитно раскачивалась.

...Коля и Тося устали, чего нельзя было сказать о Лизе. Она танцевала под музыку посреди комнаты. При этом постоянно находя весьма откровенные позы, она на мгновение задерживалась в каждой. То, повернувшись спиной к друзьям, она нагибалась и с силой раздвигала ягодицы, которые, казалось, вот-вот разорвет. То вдруг принималась нежно и медленно ласкать грудь и бедра. Став на «мостик», она раздвинула ноги и принялась делать волнообразные движения телом, отчего ее плоть вздымалась и казалась чувственной, трепетной и зовущей.

– Откуда ты взялась такая? – спросил ее Тося.

– Я болгарка, живу в Москве. Здесь у тетки. Это мой муж меня всему научил.

– У тебя есть муж? – удивился Коля.

– Да, он танцует в Большом театре. Иногда приводит домой кучу людей. Женщины, мужчины. Все они раздеваются догола, и начинается такое, о чем раньше я никогда не слыхала. Бывает, он кого-то трахает, бывает – его. Однажды он написал мне в рот.

– И что ты сделала? – Коля приподнялся и скривился в гримасе.

– Выпила. Что мне было делать? Это ведь мой муж.

Коля заказал такси, на котором уехала Лиза.

КОЛЯ КОЛИЧ «ЛОМАЕТ» НОВОБРАНЦАМ

– ..Итак, я попал в армию, – рассказывал Тосе Коля Колич. – Самые прикольные дни там – это когда приходил новый призыв. Как только они появлялись в казарме, первый, с кем им было суждено познакомиться, был я. «Ребята, – говорю им, – в этой казарме хочется выть от скуки. Как раз сейчас в универмаге есть новые магнитофоны. „Юпитер“ называются. Четыре дорожки. Давайте скинемся кто сколько может и купим этот магнитофон, чтобы скрасить наш быт музыкой». При этом я доставал из кармана пятьдесят рублей одной бумажкой и бросал на кровать. Остальные следовали моему примеру и давали кто три, а кто и рубль, ну, в общем, жлобили... Затем я пересчитывал деньги, отламывал половину и говорил: «Кого пошлем за магнитофоном?» Они выбирали какого-то поца, я отдавал ему деньги, и тот отправлялся в магазин.

Когда через некоторое время он, потный, с глазами на лбу, вбегал в казарму, я его уже ждал там. Он начинал рассказывать историю, как он пришел в универмаг... считать деньги... их оказалась половина. Внимательно выслушав до конца это фуфло, говорю: «Некрасиво получается, ребята. Ну, в общем, вы разбирайтесь здесь, что и как, а я пока заберу свои пятьдесят рублей». Забирал свой полтинник, а остальные бросал и уходил. Никто не понтовался, так как все знали, что это мой полтинник.

Вот так и проходила служба. — Ну, а ты? Как ты? — спросил Коля. — Расскажи что-нибудь о работах. Я ведь знаю, у тебя в запасе всегда что-нибудь новенькое! Я слышал, вы с Васей работали в Москве на обратку. Знаю, что о подобных вещах не рассказывают, но прошу тебя: научи по старой дружбе, как вы швыряли кидал возле чекового.

— Ты прав, об этом не говорят, — согласился с ним Тося. — Но тебе, так и быть, можно. Я расскажу тебе, как кинуть мелких мошенников, стоящих возле магазина или на базаре и предлагающих обмен валюты. Для примера возьмем магазин на Таганке, в котором торгуют товарами за чеки Внешпосылторга, то есть за фантики.

КИДАЛУ НА ОБРАТКУ

Тося подошел к магазину, причем вид у него был необычный. На нем были брюки, несколько коротковатые, высшего офицерского состава с легкими тонкими лампасами по бокам. На ногах — коричневого цвета офицерские ботинки. С брюками их соединяли синтетические носки с яркой гипюровой строчкой. На нем также была надета короткая фиолетовая куртка по моде прошлого тысячелетия. Он был аккуратно подстрижен дебильной прической комсостава.

И вот в таком виде он медленно направился к двери магазина. В дверях он показал швейцару, что имеет валюту, вытащив кончик десятичековой купюры из портмоне.

Уже тогда его заметили и внимательно рассматривали «работяги».

Купив в магазине коробку с какой-то игрушкой, Тося вышел из него и не спеша закурил у входа. К нему подошел один из «работяг» и спросил:

— Не желаете продать чеки по хорошей цене? А именно по два двадцать за чек!

Тося внимательно, недоверчиво рассматривал подошедшего и сказал, что цена его устраивает и он продал бы, но чтоб это было по-честному. При этом он с угрозой посмотрел на «работягу». Тот уверил его, что честнее не бывает, и спросил, какую сумму можно приобрести. Тося ответил, что чеков у него предостаточно и если тот честный парень, то он готов ему продать хоть семь тысяч.

Условившись, что чеки Тося привезет к сберкассе, которая находится несколько выше, они расстались. В назначенное время Тося приехал на такси. Это был старый, выцветший в голубой цвет из некогда ультрамарина «Москвич-408».

Он вышел из машины быстрой армейской походкой. Он так вошел в роль военного, что стал чувствовать себя майором Советской Армии, отчего на лице обозначились мышцы, взгляд оступел и сдвинутые брови говорили о серьезности намерений.

Тося заметил двоих молодых кидал, которые ждали его у входа в сберкассу. Он сделал несколько шагов по направлению к ним и тут же столкнулся с девушкой, у которой от неожиданного удара слетел с головы черепаховый гребешок. Тося ухватил ее за плечи и тем самым уберег от падения. В этот момент он узнал в ней Ксюшу, дочку дипломата, с которой он два дня назад провел незабываемую ночь в мотеле «Солнечный». При этом Тосе очень хотелось произвести впечатление на обворожительную, избалованную папиным вниманием, великосветскую Ксюшу. Он дважды ездил домой, чтобы переодеться и щегольнуть своими костюмами фирмы «Эроу» и «Пако Рабанн».

— Привет, Тося! — сказала изумленная девушка, но тут же заколебалась. В первую секунду она была уверена, что это он. А сейчас... она смотрела на него и не могла узнать того современного обаятельного парня, который с первой минуты

знакомства прочно поселился в ее сердце. Она внимательно посмотрела на него, и ее взгляд остановился на носках с яркой гипюровой ниткой, которые виднелись из-под коротких брюк.

— Честь имею! — бодро, отрывисто сказал Тося, приложив левую руку к голове, и прошел мимо открывшей рот Ксюши.

«Не он», — подумала та и направилась к стоянке, где стоял «мерседес», на котором с азартом и огоньками счастья в глазах Тося вместе с ней еще позавчера несся по улицам ночного города.

Твердой походкой Тося подошел к сберкассе.

А в это время Вася, его хороший давний товарищ, находился в пятидесяти метрах на противоположной стороне улицы возле газетного киоска и делал вид, что внимательно разглядывает журнал.

Возле входа в сберкассу Тосю с нетерпением ожидали двое кидал, а третий их товарищ сидел в машине у края дороги.

— Ну наконец-то! — обратился один из кидал к Тосе. — Принесли чеки?

— Да, чеки со мной, — с напускной суровостью ответил Тося. — Семь тысяч, как договаривались, по два двадцать, ребята. Но смотрите, чтобы по-честному, я вас прядупрыдил.

Молодой кидала достал пятнадцать тысяч рублей — толстый пресс из соток, согнутый пополам и стянутый резинкой, чтобы не рассыпались, — и протянул Тосе.

— Вот, здесь пятнадцать тысяч четыреста. Пожалуйста, посчитайте.

Тося взял деньги, снял резинку, выбросил ее и, не торопясь, стал считать. Когда он закончил, сказал:

— Да, все правильно, пятнадцать тысяч. — И быстро положил деньги в карман.

Кидалы не ожидали такой молниеносности и на секунду оторопели. Один из них схватил Тосю за руку и закричал:

— Подожди!.. Как? Куда? Что же ты прячешь деньги? Достань! Давай сначала посчитаем твои чеки. — И стал тянуть Тосю за рукав.

Тося нахмурил брови, достал из кармана деньги и поднял высоко над головой.

— Ах, вот как! — закричал он. — Аферисты! Мошенники! Я так и знал! Я ж прядупрыждал: по-честному давайте! — Он кричал, размахивая деньгами над головой. — Я за эти чеки в Афганистане, под пулями!.. А вы, аферисты! «Достань!» Я знаю это «достань»! Меня уже не раз так дурили! — И он, схватив одного за грудки, кричал в самое его лицо: — Милиция!

В это время третий кидала выскочил из машины и подбежал к ним.

— Что здесь происходит, товарищ?! — обратился он к Тосе, оттаскивая от него своего приятеля.

— Аферисты! — не унимался Тося. — Милиция!

Освободившийся кидала подбежал к Тосе и попытался выхватить деньги, которые тот продолжал держать над головой и вовсю размахивать ими. Тося успел отдернуть руку, и у того ничего не получилось. Он попробовал второй раз. На сей раз удалось: он схватил деньги.

В это время подбежал Вася, схватил того парня, который только что заполучил деньги, за руку и сказал:

— Что здесь происходит? Ну-ка, пройдемте.

Тот резко вырвался, и все трое бросились к машине. Тося кричал им вдогонку:

— Держи их! Аферисты! Когда те немного отбежали, Тося и Вася бросились вниз, вдоль дома, где их ждала машина.

— Я думаю, ты сам догадался, как деньги превращаются в «куклу», — обратился Тося к внимательно слушавшему его Коле.

РАЗБОРНЯК

— Однажды я привез в Луганск девчонку по имени Маша. Она была невероятно красивой и эффектной: очень длинные ноги и длинные белые волосы. И вот, при помощи этой красавицы я убрал одну бригаду грузин, которые работали под фантиковым магазином.

Когда звери поняли, что их кинули, они стали носиться по городу в надежде выяснить, кто же это сделал. От местных жуков я узнал, что меня разыскивают, и решил сам встретиться с зимогорами. Встреча происходила в ресторане «Шахтер» и носила официальный характер. Меня представлял один мой приятель по имени Валера Алим. Он был очень уважаем и держал четвертую часть города. А трое грузин тоже нашли покровителя — человека, не менее значительного. Его звали Минайлук Женья.

И вот все собрались за одним столом. Грузины требовали возврата денег, так как считали, что я не имел права их кидать. Я же говорил, что делал свою работу, а так как мы были незнакомы, то они представлялись для меня точно такими же лохами, как и все остальные, и ни о каком возврате речи быть не может. Алим сказал, что я абсолютно прав, и будь они на моем месте, то поступили бы так же.

Немного подумав, Минайлук сказал:

— Схавал — терпи. — И он похлопал по плечу главного говорящего из троих грузин, давая понять, что разговор окончен.

Так я узнал, что такой кидняк ненаказуем. То есть «работяги» никогда не дадут заяву, в блатном мире считается, что я прав и не должен делать возврат. А если вдруг не получится кидняк, по каким-либо сверхъестественным причинам, то тогда я тоже не внакладе. Мы только познакомимся да останемся друзьями. В дальнейшем я никогда не упускал такой возможности.

— «Что говорить Вере? Как объяснить, где я мог быть две недели?» — думал он, поднимаясь по ступенькам родного подъезда.

Верочка встретила его молча. В первые дни его исчезновения она сильно волновалась. В голову лезли разные мысли: от измены до несчастного случая. Но на третий день она узнала, что его видели в ресторане в обществе вызывающе разукрашенной девицы. Жуткое разочарование наполнило ее сердце. Горькая обида подступила к горлу. Она поверила и отдалась ему вся, до последней клеточки! Он не понял и не оценил этого.

Ирина собрала вещи и ушла к матери, там не находила себе места в ожидании звонка. Звонка не было.

Так как ранее подобной силы чувства были ей неведомы, она решила любой ценой удержать его. Подруги говорили: «Нагуляется — придет».

Она вернулась к нему. Развесила вещи в шкафу и принялась покорно ждать.

Когда Тося переступил порог, она увидела большой красивый букет алых роз. Внимательно взглянула на него и прочитала в глазах сожаление и раскаяние.

— Верочка! — неуверенно начал Тося. — Я пришел пригласить тебя в ресторан. — Он робко вручил ей цветы и с надеждой глянул в ее глаза. Тут он заметил, что горят они счастьем и радостью. Странное чувство шевельнуло сердце. Он переполнился нежностью и желанием.

Они сидели в ресторане, небольшом, но уютном. Казалось, музыка играет только для них. Они счастливо смотрели друг на друга, грезя о большой и чистой любви.

Рядом за столом собралась компания из шести молодых крепких парней, которые изрядно выпили и поглядывали в сторону привлекательной и жизнерадостной Верочки.

Тося вышел в туалет, оставив Верочку на пять минут. Когда он вошел в зал, то увидел, как какой-то парень склонился над ней и что-то говорит. Превозмогая негодование, Тося подошел к столу и, стараясь быть любезным, заметил:

— Молодой человек, вы не могли бы вернуться к себе за столик?

Тот пренебрежительно отмахнулся от Тоси и положил руку на плечо Верочке. Злость закрыла пеленой глаза Тосе. И когда пелена рассеялась, он взял хама за плечо, повернул лицом к себе и что есть силы ударил в челюсть. Тот перелетел

через стол, снеся всю сервировку, и упал без чувств. На расстоянии вытянутой руки справа от Тоси находились пятеро друзей поверженного. Безжизненное тело их товарища не придавало им прыти. И потому какое-то время они сидели безучастно. Но как только администратор и официант под ропот посетителей направились к Тосе, двое из них вскочили и приблизились к нему с разных сторон с единственной целью – нанести удар. Тося угрожающе наклонился в сторону одного из них и второго ударил ногой в область сердца, отчего тот упал на поднимающегося с кресла третьего товарища. Разбился графин, и бутылки покатались по полу. Подоспевшая администратор обрушилась на Тосю:

– Хулиган! Устроил драку! От тебя одни неприятности! Сколько перебил посуды!

– Я никого не хотел обижать, – пытался оправдаться Тося. Но администратор его не слушала.

– Вызовите милицию! – кричала она. – Кто оплатит все это?

– Я оплачу все.

Официант с трудом успевал подсчитывать называемые администратором предметы и блюда. Тося поспешил оставить деньги халдею и, прихватив Верочку, вышел из ресторана.

– С тобой всегда не как у людей, – улыбаясь, сказала Верочка. Она лежала у него на плече и крепко прижималась всем телом. «Это любовь», – думала она.

НОВЫЙ ГОД В «ВЫСОТКЕ»

Он удобно расположился в кресле у журнального столика. Год подходил к концу, и Тося подытоживал результаты. «Неплохой был год», – заключил он.

Раздался звонок в дверь. Это были Алик и Вася. Они с порога захлеб стали рассказывать, что Рома Ялтинский заказал им два номера в гостинице «Ялта».

– Тося, поехали с нами, – говорили они. – Встретим Новый год в «высотке».

– Но вы ведь заказали только два номера.

– Поехали, а там постараемся найти еще один. Ну, а на крайняк потеснимся. Мы же свои..

– Нет, и не уговаривайте. Сегодня двадцать девятое число, а «высотка», я ведь знаю, это очень популярный отель. И никакого номера мы там не сможем взять.

– Алик звонил в Питер и пригласил Риту и Валерию, – говорил Вася, – а из Одессы мы возьмем Эллочку, так что телки будут классные.

– Если бы я и поехал, то только с Верочкой, – ответил ему Тося, задумавшись. Ему очень хотелось встретить Новый год в этой гостинице, которую так долго строила одна из лучших строительных фирм Югославии. Летом этого года отель принял первых посетителей и теперь был у всех на устах.

Тося побаивался, что этот замок денег и развлечений покажет ему, насколько он слаб еще в этом мире. Поселиться в номере гостиницы было весьма непростым делом. «Интурист» тогда был только для интуристов.

После того как ушли гости, Тося обратился к Верочке:

– Тебе хотелось бы встретить Новый год в гостинице «Ялта»?

Но он не услышал ее ответа, так как в этот момент ясно представил публику, состоящую из одних иностранцев-миллионеров в сопровождении рок-звезд.

– Да, мы едем в Ялту и делаем это немедленно, – сказал Тося, перебив Верочку на полуслове.

Затем он позвонил Алику и сообщил о своем решении. Встретившись втроем, они условились, что поедут на шесть дней и каждый возьмет с собой по тысяче рублей, что друзья считали вполне достаточным.

Тося в этот же день вылетел самолетом в Симферополь, а оттуда на такси приехал в Ялту. Там он взял отличный люксовый номер в гостинице «Украина» и поселился с Верочкой.

На следующий день они поехали в гостиницу «Ялта», где Тося, пользуясь своим обаянием, уговорил портье дать им номер. Таким образом, у Тоси к моменту приезда Алика и Васи было по номеру в двух гостиницах.

Он нашел приехавших друзей в огромном просторном холле «высотки». Взъерошенный Алик носился от окошка к окошку.

— Что произошло? Что ты в таких тасовках? — обратился к нему Тося.

— У Ромы что-то не срослось, и мы остались без гостиницы, — ответил тот, узнав товарища.

— Да ты не паникуй, что-нибудь придумаем!

— А еще приедут Рита с Валерией и Эллочка, — говорил Алик удрученным тоном. — Куда же их поселить?

— А зачем ты понаприглашал столько телок? — поинтересовался Тося.

— А разве они не стоят того? — вопросом на вопрос ответил Алик.

В конце концов друзьям удалось снять еще два номера. Это произошло к пятнадцати часам тридцать первого декабря. К этому времени приехала Рита со своей подружкой Валерией. Это были две высокие, экстравагантные девицы. Они путанили в Питере. Зная Алика, они приняли приглашение, но решили перестраховаться. Так как сеть клиентов была разнообразна, им удалось снять двухместный номер в гостинице «Ялта». А Эллочку решено было поселить в Тосином люксе в «Украине».

Когда все были размещены, между друзьями возник спор, где встречать Новый год. Алик говорил, что это нужно делать в «Хрустальном», Вася — в «Мраморном», а присоединившийся к ним Рома считал, что в варьете будет гораздо веселее.

— В любом случае, — говорил он, — нам нужно обратиться в бюро заказов.

Посетив бюро, Тося приобрел входные билеты и оплатил часть заказов во всех трех ресторанах гостиницы. Затем он собрался смыть с себя все грехи и неприятности уходящего года под душем.

Он остановился в ожидании лифта в большом холле недалеко от портье. Иностранцы медленно и важно прогуливались в ярких одеждах по мраморным плитам холла. Тося любовался их раскрепощенностью. Тут он увидел Алика, в бешеном темпе перемещавшегося среди степенных иностранцев.

Тося остановил его, когда тот подходил к портье, держа в вытянутой руке сторублевую банкноту.

— Что опять случилось, братка? — обратился он к Алику.

— Эта хуна поселила меня в номер с каким-то фраером. Я хочу дать ей еще сто рублей, чтобы она его перевела. — И Алик подошел к портье, сунул ей сторублевку и сказал: — Пожалуйста, лапонька, пересели этого быка из моего номера. Я хочу там жить один.

У девушки в униформе округлились глаза, и она, ничего не понимая, смотрела на Алика. Затем, вспомнив, что час назад поселяла его в гостиницу, принялась щелкать клавишами компьютера. Повернувшись к Алику, заметила:

— У вас одноместный номер, и вы живете один.

— Так там же две кровати: одна застененная, а другая — нет. Я и подумал, что какой-то лох уже себе постелил, — объяснял Алик Тосе в лифте. — А это оказалась моя кровать, мне постеленная, а второй — диванчик.

Стол в «Хрустальном зале» ломился от яств. Здесь были два стеклянных бочонка с черной и красной икрой. Осетрина изящно возлежала вдоль линии нарядной скатерти. Дорогой коньяк и хорошее шампанское украшали пиршество. Собралось двенадцать человек. Нарядные разукрашенные девицы делали стол привлекательным для окружающих.

Рома, которого пригласили на праздник, пришел с женой и двумя друзьями.

Началось веселье. Вокруг за столами сидели иностранцы. Тося, немного опьянев от шампанского, беседовал с Ритой, которая ему очень понравилась: необычное надменное поведение – и в то же время доступность. Такой контраст возбуждал его.

На его просьбу где-то уединиться она ответила согласием. Но рядом была Верочка. «Что же делать?» – думал он. Верочка пила мало, и только шампанское. Он уже больше полугода встречался с этой девчонкой и, так как взял ее с собой, чувствовал ответственность за ее настроение.

Он «отмаячил» Васе, сидевшему напротив, чтобы тот в Верочкин фужер долил водки. Тот так и поступил. Затем, предложив Верочке тост, касающийся их счастья, он велел ей выпить шампанское до дна. Верочка выпила, и Тося крепко ее поцеловал в губы. В это время Вася наполнил смесью второй фужер, Тося тут же предложил Верочке тост за вечную любовь. Он подал ей бокал и многозначительно сказал:

– До дна! Последовал еще один крепкий, продолжительный поцелуй, после чего у Верочки закружилась голова и подкосились ноги. Еще через несколько минут она заявила, что неважно себя чувствует, и Тося отвел ее в номер.

Она закрылась в туалете и некоторое время провела там, обняв унитаз, стараясь приглушить некоторые звуки организма. Когда она закончила это занятие, он уложил ее в постель, положив на голову влажное полотенце.

– Тебе нужно уснуть. Я посижу с тобой. – И он сел рядом, держа ее руку в своей.

Но сердце рвалось к Рите, и усидеть было невозможно. Превозмогая страсть, он старался быть спокойным и удрученным.

Наконец Верочка уснула. Он тихо вышел из номера, закрыл дверь и ключ положила карман. Спустился в ресторан, забрал Риту, и они уединились в варьете. Там ждал столик с холодными закусками и шампанским.

Тося с Ритой танцевали под разноцветные блики юпитеров и приятную эстрадную музыку. Полумрак ресторана и присутствие шикарной Риты пьянили Тосю больше шампанского. Он хотел ее, и она прижималась к нему всем телом. Извиваясь в танце, она нежно целовала его шею, затем ухо. Он с силой привлек ее к себе, но опомнился, что они здесь не одни. Было решено продолжить вечер в номере.

Они поднялись в «Хрустальный», чтобы взять ключ у Васи. Рита пошла в туалет поправить прическу. Тося упал в глубокое кресло и рассматривал себя в зеркалах стены. Вася пошел в зал за ключом, который остался в кармане пиджака на стуле.

В это время что-то до боли знакомое пронеслось перед Тосей. Он глянул вслед девушке с большим вырезом на спине. «Да это же Вера». – Тося не мог поверить. Машинально сунул руку в карман и нащупал ключ.

– Вера, – позвал Тося, вставая с кресла.

Оказалось, что, как только Вера проснулась, определила, что Тоси нигде нет, почуяв неладное женским сердцем, она моментально протрезвела. Набрав телефон дежурной, она попросила открыть номер запасным ключом. И вот уже целый час она носится по гостинице в поисках Тоси.

Подшел Вася, держа в руке ключ.

– Привет, Верочка, – удивился он.

Тося, поняв, что оставшуюся часть ночи ему не удастся провести с Ритой, пригласил всех в варьете. Там они шутили, пили и танцевали. Через пару часов решено было вернуться в ресторан.

Зайдя в большой зал, они заметили, что за их столиком сидят какие-то незнакомые девушки в обществе столь же незнакомых кавалеров в строгих черных костюмах с бабочками и с аппетитом поглощают деликатесы с новогоднего стола.

Друзья весело уселись за свой стол. Гости несколько смутились и перестали есть. Алик достал из кармана деньги, выбрал две рублевые купюры и, зажав их в кулаках, протянул одному из гостей и сказал:

– Угадай загадку, в какой из купюр будет большая сумма чисел. Если ты угадаешь, я плачу тебе четвертак.. – Он не завершил фразу, так как его собеседник вдруг заговорил на непонятном языке.

– Ты представляешь, – обратился Алик к подошедшей к столу Рите, – я думал, они халдеи, а они оказались иностранцами. Наверное, думали, что мы ушли, и

уселись за наш стол покушать. Так мы решили мужиков убрать, а девки.. вот они, видишь? Остались. А вот эта вот – мадьярка, по-русски ни бум-бум. Но Вася, видишь, нашел с ней общий язык. – И он указал на Васю, который, обняв девушку, засунул другую свою руку ей по локоть под платье.

Близилось утро. В зале опустели столы. И только за одним столом веселье было в разгаре.

Официант остановился между Тосей и Аликом.

– Извините, пожалуйста, я уже сдал кассу, и остались только вы одни. Вы не могли бы рассчитаться: кассир требует. – И он положил счет перед Тосей. «1600 рублей», – говорил счет.

Тося глянул на Алика.

– У меня тоже нету столько денег, – ответил тот. – Сейчас я скажу Васе, и Рома, заплатит с друзьями.

Но Вася не мог оторваться от своей мадьярки. Рома вдруг очень оживленно стал что-то рассказывать своей жене, а один из его товарищей спал, уткнувшись в тарелку.

– Тося, отломай ему, – обратился Алик к пересчитывающему деньги другу. – Ну что? Сколько не хватает?

– Дай хотя бы четыреста. Тысяча у меня есть. И побольше мелких. – Тося посчитал деньги и с надменным видом положил тысячу четыреста сверху счета, сказав: – Спасибо, братик. Здесь есть тебе на чай. – И он постучал пальцем по деньгам.

Официант со словами благодарности взял деньги и стал их пересчитывать. Затем – еще раз, а потом – еще.

– Что-то не так? – спросил его Тося.

– Вы знаете, здесь не хватает двухсот рублей. Вот возьмите, посчитайте сами.

Тот взял деньги и, пересчитывая, «отломал» девятьсот рублей, а оставшиеся отдал официанту.

– Да, непорядок, – сказал Тося и сунул в карман руку, в которой держал деньги. Затем вытащил их из кармана веером, отсчитал двести рублей и протянул официанту: – Держи, это двести. Теперь сколько получилось? – спросил он.

– Получилось тысяча шестьсот, как и должно быть, – ответил официант.

– А это тебе на чай. – И Тося протянул еще двести рублей.

Официант долго благодарил, а затем удалился.

– Теперь надо всех подорвать из-за стола? – спросил Алик. – Я думаю, минут через десять – пятнадцать он отдуплится. Ты «отломал» девятьсот рублей. Да он за всю ночь и половины не заработал.

– Да, конечно, лучше уйти, – согласился Тося.

В тот момент, когда Тося рассчитывался с официантом, все собравшиеся притихли и внимательно наблюдали. Они понимали, что стол дорогой, и каждому хотелось знать, за сколько же они встретили этот Новый год. Даже уснувший в тарелке приоткрыл один глаз. И еще всех очень интересовало, хватит ли денег у Тоси, и волновало, не станет ли он у них просить. Но когда расчет был произведен, все почувствовали облегчение и радость, отчего заинтересовались сразу же друг другом и алкоголем. И как друзья ни пытались поднять разошедшуюся публику, ничего у них не получалось.

– Раз такое дело, – сказал Тося, – садись и отдыхай.

Сам он при этом повернулся к Верочке и стал весело ей рассказывать анекдот.

Подошел официант со втянутой в плечи головой и жалким видом.

– Извините.. вы тут.. мы там..

– Какие проблемы, дружок? Ну что ты буксуешь? – обратился Тося к слабо бормотавшему официанту.

– Я пришел в кассу, а кассир говорит: «Не хватает девятисот рублей».

– Не хватает? Значит, обронил где-то. Ты считал?

Тот утвердительно кивнул.

– Сколько было?

– Тысяча шестьсот... ой, тысяча восемьсот, – заикаясь, ответил официант.

– Ну так чего же тебе еще нужно?

– Да я, нигде не останавливаясь, дошел до кассы, а кассир говорит: «Не хватает девятисот», – повторил официант.

Тут вмешался Алик:

– Слушай, может, кассир насунула? Может, ты что-то ей сделал? Ну, дочку трахнул... Или еще чего...

– Да нет, она при мне считала, – вяло отбивался тот.

– Ну, тогда извини. Ничем помочь не можем, – проговорил Алик с серьезной миной.

За столом снова притихли и прислушивались к разговору.

– Что там случилось, Тося? – спросил Рома.

– Да официант чего-то путает. Молодой. Буханул лишнее, наверное.

– Так там что, все по-честному? – Рома вопросительно посмотрел на Тосю.

Тот прямо и честно ответил:

– Рома, ты меня знаешь. Или я не сказал бы тебе? Конечно, все по-честному.

Рома объяснил своим друзьям и всем любопытствующим, что пьяному или укуренному официанту мало дали на чай, и поэтому он возмущается.

Здесь все десять ртов открылись одновременно. Бедный официант подался назад. Он готов был бежать через все эти джунгли столов и стульев, но, вспомнив о материальной ответственности, решил остаться.

– Да ты посмотри, с кем ты разговариваешь! – кричал испуганному официанту один из Роминых друзей, голоса которого доселе никто не слышал. – Да как тебе могло прийти такое в голову?! Подходить с этим к таким авторитетным людям, как мы!

Тося жестом подозвал официанта:

– Сегодня праздник, и я хочу поднять тебе настроение. Ты сегодня потерял деньги. Сколько, ты говоришь?

– Семьсот, – еле слышно ответил официант.

– Ты в эту ночь умудрился потерять семьсот рублей. Мускатное шампанское у вас стоит шесть рублей. А я на семьсот рублей куплю этого же шампанского, только платить буду по 15 рублей за бутылку. Я думаю, это должно тебя утешить.

Официант не долго думая схватил деньги и умчался на кухню. Не прошло и нескольких минут, как весь стол был уставлен шампанским.

Еще неделю друзья гуляли в этом отеле, содрогая его рестораны. Но вот деньги закончились, несмотря на то что каждый из троих взял с собой еще по полторы тысячи.

Проснувшись как-то утром, Тося обнаружил в кармане всего десять рублей.

– Вот все, что осталось, – сообщил он удивленной Верочке.

Через несколько минут в номер постучался Алик. Он сказал, что Вася уже пару дней как уехал, и денег у него самого нет вовсе.

– Не беда. Дома деньги есть. А сейчас мы зайдем триста у Ромы и спокойно доедем до Одессы с нашими девчонками, – говорил Алик.

Они заехали к Роме, но его не оказалось дома, А поезд отправлялся через час. И вдруг они повстречали девушку, которая отмечала в ресторане встречу Нового года с одним из Роминых друзей. Узнав об их проблемах, она предложила восемьдесят рублей, так как больше у нее не было.

– Ну что ж, спасибо на этом, – поблагодарили ее приятели, пообещав выслать долг сразу по приезде.

На автовокзале стояла группка частников, которая ловила клиента. Двое молодых парней, одетых в длинные модные дубленки и высокие норковые шапки, в сопровождении двух красивых девушек в шубах из дорогого меха остановились в поисках такси. Выяснив, что тем нужно до Симферополя, один частник сказал:

– Восемьдесят рублей.

– Хорошо, – согласились те и сели в машину.

– Я смогу ему заплатить лишь пятнадцать рублей, – говорил Тося Алику, когда машину остановили на перевале работники ГАИ.

– Значит, столько и давай, – отвечал тот.

Попрощавшись с таксистом, они направились в кассовый зал, где удалось договориться с женщиной в закрытой кассе о приобретении четырехместного купе до Одессы.

— Мы вас отблагодарим, мамочка, — уверял ее Алик.

— Погуляйте пять минут, — отвечала та.

— А сколько стоит билет?

И когда выяснилось, что стоит он 16 рублей, Тося сказал:

— Отблагодарить придется одним рублем.

Когда зашли в поезд, вспомнили, что нужно платить за постель. К счастью, в карманах у Элочки нашлась пара рублей. За постель проводник получил два рубля и узнал, что четверым молодым людям, оказывается, вполне достаточно двух постелей. Проводника очень удивили девушки с большими бриллиантами и в дорогих шубах, которые утвердительно кивали.

Через месяц он расстался с Верочкой. А когда позвонил через год, то узнал, что она вышла замуж. Его расстроило это известие, и он забыл о ней навсегда.

НА ТЕЛЕЦВЕТЫ

Тося снимал трехкомнатную квартиру на Варшавском шоссе возле универмага «Прага». При этом он платил сто пятьдесят рублей в месяц. Жил он в ней с девушкой по имени Лера, которую привез из Краснодара. Квартира эта была очень уютной, располагала к отдыху и развлечениям, поэтому в ней всегда было много гостей. Среди последних были и старые друзья, и новые знакомые, а также ее посещали московские путанки.

И вот однажды, в разгар веселья, раздался звонок в дверь и вошел запыхавшийся Леша. Он сказал, что есть потрясающие новости. Нужно срочно все обмозговать. Они уединились на кухне, и Тося приготовился внимательно слушать. Информация была следующей.

Леша узнал от своего товарища, который только что приехал из Душанбе, что в одном из овощных магазинов города работает директор, у которого есть миллион рублей. При этом он ведет скромный образ жизни. Пока не все об этом знают, Леша предлагал каким-нибудь образом забрать у директора этот миллион.

— Да, но каким образом ты собираешься это сделать? — недоумевал Тося. И тут же сам предложил: — Давай уберем его на телецветы.

Они целую неделю собирали участников предстоящего спектакля. В итоге набралось пять человек. На роль главного героя они взяли Толика Хуберта. Это был зрелый седовласый мужчина пятидесяти лет. Всю свою жизнь он посвятил аферам и сидению в тюрьме. Вид у Хуберта был солидный. Язык умело подвешенный. А ум не оставлял желать лучшего.

Толик, в свою очередь, взял с собой женщину с ребенком — милой девочкой десяти лет. Также к ним присоединились Гриша Рябой и Вася-Игорь. Таким составом выехали в Душанбе.

Там они сняли трехкомнатную меблированную квартиру в самом центре города. В этой квартире поселился Хуберт с женщиной и ребенком. Вторую квартиру они сняли через два квартала. Там остановились все остальные. Она была менее уютной, менее шикарной и гораздо дешевле.

Итак, началась трудовая жизнь.

Хуберт познакомился с директором магазина, придя к нему в кабинет и заказав пару ящиков каких-то экзотических фруктов. При этом он показывал большие суммы

денег и вообще был очень щедр, давая возможность директору погреть руки на заказе.

— Засухарившийся миллионер пообещал через пару дней все достать, — весело рассказывал Хуберт Тосе.

В назначенный день Толик пришел, и вот тут началась настоящая дружба. Хуберт восхищался умением директора работать, тем, что тот в такой короткий срок достал все необходимое, а главное — качество товара было на высоте. И он пригласил директора скоротать вечер в одном из центральных ресторанов. Тот принял приглашение с радостью, тем более что Хуберт брал на себя все расходы.

Через некоторое время они стали дружить семьями, ходить вместе в театры, кино. Их дети также имели много общего. Они с удовольствием играли подаренными игрушками и поглощали сладости, которыми завалил их добрый Хуберт.

Они ходили друг к другу в гости. Жены о чем-то сплетничали и обменивались кулинарными рецептами. Друзья, пользуясь их отсутствием, делились своими похождениями с женщинами. Так дружба шла и набирала обороты.

А в это время Вася познакомился с продавщицей этого же магазина. Как-то раз он зашел туда, небритый, усталый, и сказал, что он работает дальнобойщиком. А сейчас, проезжая через Душанбе, машина поломалась, и очень нужны деньги на ремонт, а так как он везет очень дефицитные радиодетали, решил какую-то незначительную их часть продать. Вася попросил продавщицу помочь ему в этом и выставить их на витрине, где лежали дыни, капуста, морковь.

— Детали дорогие, — говорил он, — а я продаю их за полцены. Да и делать вам ничего не придется. Положите детали — да и все. Кто знает, возьмет, а кто не знает — ну что ж... а сами можете никому и не предлагать.

Продавец поддалась на его уговоры и взяла несколько радиодеталей, которые Вася называл телецветами. Она выкладывала их на прилавке, когда зашел Тося под руку с Лерочкой. Пока та выбирала дыню, он «случайно» заметил детали и спросил:

— Что это такое? Так походит на телецветы.

Продавец, достав из кармана клочок бумаги, на которой было написано «телецветы», заметила:

— Это они и есть.

Тося, сетуя на то, что не захватил с собой достаточное количество денег на покупку всех деталей, купил всего несколько штук и спросил:

— Сколько всего у вас таких деталей? Я только съезжу домой за деньгами и куплю все.

Через пятнадцать минут после ухода Тоси в магазин зашел Леша, который также купил несколько деталей. Затем Гриша забрал все остальные.

Когда Вася пришел, чтобы забрать свои детали, продавец с радостью и гордостью вручила ему деньги.

Хуберт с директором все дружили и дружили. Толик не скрывал, что он миллионер, и при любой возможности всячески показывал это. Он разбрасывал деньги налево и направо. А настоящий миллионер скрывал, что у него есть миллион, все время плача, что денег не хватает, жена просит и сын растет.

В один прекрасный день Хуберт пришел к директору несколько выпивший, очень нервный и раздражительный. Тот никогда таким не видел своего друга. Он пытался узнать причину. Толик долго колебался, но в конце концов поддался на уговоры и, поверив заверениям в дружбе и искренности, рассказал директору:

— Деньги, и очень крупные, я наживаю на том, что покупаю радиодетали, которые только недавно изобрели на одном секретном заводе. Эти детали я переправляю в Киев. Таким образом очень большие деньги поднимаю на этом. Но сейчас случился сбой. Поставщики подвели, а покупатели требуют и хотят налезть на меня неустойкой за то, что в срок не смог обеспечить их товаром.

В расстроенных чувствах он достал из кармана бутылку коньяка и предложил своему товарищу выпить с ним. Он очень подробно описал внешний вид деталей и несколько раз повторил их название.

Они расстались. Но у директора перед глазами все время была их последняя встреча. Рассказ Хуберта произвел на него сильное впечатление.

В своем магазине он заметил, как Вася передает продавщице какие-то детали. Он вызвал женщину к себе и узнал, что та давно поддерживает с Васей контакт. И как только тот появляется в городе, каждый раз приносит радиодетали, которые называются телецветами и имеют большой спрос. Директор долго рассматривал детали и несколько раз переспрашивал название. Затем собрал все и отвез Хуберту.

Тот очень удивился, обрадовался, похвалил его и высказал уверенность, что у того наверняка очень значительные связи, так как детали именно те. Он достал деньги, заплатил и сказал:

— Узнай, о какой партии может идти речь. А вообще-то сколько будет — столько и куплю.

Миллионер помчался в магазин. Сказал продавцу, что, как только появится Вася, чтобы немедленно зашел к нему.

Вася не заставил себя долго ждать. Всего у него оказалось деталей на десять тысяч рублей, которые он и отдал директору. Тот отнес их Хуберту и получил двадцать две тысячи рублей.

«Неплохая арифметика, — думал директор. — За пятнадцать минут двенадцать тысяч. Это тебе не копейки к концу дня». И он был счастлив.

Дождавшись Васю, он стал его упрощать, чтобы тот продал ему деталей побольше. Вася говорил, что деталей нет, но в следующий раз он постарается привезти. Директор пытался заинтересовать Васю. Обещал заплатить ему дороже. Но тот твердо стоял на своем:

— Постараюсь привезти в следующий раз.

Когда друзья собрались все вместе, Хуберт сказал:

— Этому жлобу необходимо сделать двойной пропуск.

И Вася продал директору деталей на двадцать тысяч рублей. Тот отнес их Толику и нажил двадцать четыре тысячи. Ему очень понравилась такая работа.

Директор овощного магазина купил деталей на один миллион рублей и тут же отправился сообщить радостную весть по знакомому адресу. Но в квартире, куда он долго звонил и стучал, не открывали дверь. От соседей он узнал, что здесь никогда не жили мужчина, женщина и ребенок подобного описания.

Впоследствии Тося много раз прибегал к похожей работе. Они впятером разъезжали по всему Союзу. Один из них, заросший, усталый, ходил по рынку, предлагая колхозникам положить детали на прилавок. При этом детали покупались самые разные и самые дешевые и названия у них всегда были разные.

Так они разъезжали, меняя город за городом. Но потом появилась новая работа, которая вытеснила предыдущую.

ВСЕ УЧТЕНО МОГУЧИМ УРАГАНОМ

Как-то, обедая в «Красном», Тося встретил Пупсика. Они не виделись последние полтора года, хотя раньше их пути часто пересекались не только в Одессе, но и в других городах страны. Встречи эти приносили радость и хороший доход обоим. Сейчас Пупсик был в подавленном настроении и жаловался на то, что оброс долгами, из которых не знает, как выпутаться.

— Последнее время неприятности и неудачи всюду идут за мной, наступая на пятки, — говорил Пупсик, осушив последнюю рюмку коньяка. — Козлячья масть прет во всем. Не знаю, как ее перебить.

— Забудь о своих неприятностях. Выбрось их из головы. Настройся на другую волну. Вспомни, как легко и просто мы наживали крупные суммы. Вспомни и поверь в

удачу, поверь в себя. И все пойдет как по маслу, — пытался Тося приободрить друга. — Внутренний настрой и уверенность часто подсказывают исход делу.

— Все это так, Тося. Но сам я не могу настроиться. Вот если бы ты согласился съездить со мною поработать. Рядом с тобой я бы обрел былую удачу и уверенность.

— Нет проблем, Володя. Можем выезжать хоть завтра. Твоя машина на ходу? Выдержит пробег, скажем, в пять тысяч километров?

— Машина-то выдержит. Но ты меня озадачил таким расстоянием. Не в Петропавловск ли мы собрались? — удивился Пупсик.

— В «Атласе автомобильных дорог» возле названий некоторых городов нанесен черный якорек. Это портовые города. В каждом из них имеется боновый магазин — Торгсин называется. Я предлагаю тебе: выберем наиболее крупные из этих городов и наиболее удобные территориально и посетим их с целью хлопнуть тамошних скупщиков фантиков под названием «боны». Спекули, как правило, стоят под этими магазинами в ожидании купить как можно больше этого дерьма у приезжих поморцев или у членов их семей.

— А где мы возьмем боны на засвет? — поинтересовался Пупсик.

— Доверься мне. По приезде в такой город мы разобьем понты. Ты будешь искать барыг, чтобы продать боны, а я — чтобы купить. А дальше будем действовать сообразно ситуации.

— Не пойму, как мы свяжем купца и продавца? — недоумевал Пупсик.

— Мы поедем? Или тебе дороже получить полное разъяснение в этом кабаке?

— Тося, поедем, когда скажешь. Машина готова к маршпробегу в десять тысяч, даже в пятнадцать тысяч километров.

На следующий день друзья выехали лишь под вечер. И тщательно разработанный маршрут, который начинался с Херсона, пришлось изменить, так как ночью все гостиницы этого города были закрыты. Поэтому они решили начать с города Жданова (Мариуполь), куда добрались ранним утром.

Боновый магазин «Альбатрос» находился в тупике небольшого проулка, напротив гастронома, недалеко от 37-го районного отделения милиции. Работники отделения часто наезжали с облавами на скупщиков, что привело последних в состояние крайней издерганности и запутанности. И они скрывались в полупустом гастрономе, стоя за большими сводчатыми окнами, чем оживляли скудную витрину этого гастронома.

Тося, подойдя к «Альбатросу», остановился в растерянности, не найдя ни одного скупщика у входа в магазин. Он закурил и стал озираясь по сторонам. Не зная, что предпринять, он достал из кармана толстую пачку денег и начал их пересчитывать, соображая, как разыскать скупщиков. Но тут, как по мановению волшебной палочки, его обступили неизвестно откуда взявшиеся спекулянты. Поборов удивление, он объяснил, что срочно хотел бы приобрести двести бон. Когда скупщики узнали, что он готов платить по четырнадцать рублей за одну бону, они пообещали подвезти нужное количество к гостинице «Спартак», где «остановился» богатый покупатель. Чтобы собрать нужную сумму, спекулянтам понадобилось время, и они условились на семнадцать часов. И Тося отправился к себе в номер отдохнуть и дожидаться Пупсика.

Появившийся Пупсик с гордостью объявил, что ему удалось найти покупателя на сто пятьдесят бон по девять рублей за одну бону, встреча с которым была назначена на четырнадцать часов у той же гостиницы.

— Отлично, — сказал Тося, — часик отдохнем и тогда подумаем, как мы сварим эту кашу.

Отдохнув и подумав, Тося сказал:

— Мне не дает покоя твой вопрос о том, как связать купца и продавца? А давай рискнем и попробуем.

Сразу же после этого решения Пупсик отправился к «Альбатросу». Подойдя к швейцару, он предложил тому пятьдесят рублей за восемь обложек от боновых книжек, объяснив, что хочет похвастать перед друзьями, разбросав эти обложки по палубе корабля. «Вот, дескать, сколько пришлось потратить на жену и тещу». Так

как обложки ценности не представляли и валялись возле урны в магазине, швейцар с радостью подобрал пять штук и еще четыре взял у кассира и вручил Пупсику.

В четырнадцать часов Пупсик встретился с покупателем и передоговорился на семнадцать пятнадцать, объяснив, что его друг, у которого бонны, раньше не успевают.

– Всего привезут продавать двести бон. Из них сто пятьдесят – вам, – говорил Пупсик, – а пятьдесят вы отдадите мне после того, как расстанемся с продавцом. Недостающие деньги мы добавим. Но если продавец узнает, что часть боннов приобретается вами, он не станет продавать, так как опасается незнакомых и малознакомых людей.

Тот заверил, что будет себя вести как старый добрый товарищ Пупсика.

В шестнадцать сорок пять Тося стоял у входа в гостиницу «Спартак». Трое продавцов так же приехали раньше назначенного времени.

– Я предлагаю застраховаться от всяких неожиданностей, которые могут произойти на улице, – сказал Тося после отпущенного им комплимента о пунктуальности и серьезности спекулянтов. – Так как сумма немалая, хочу всех пригласить в ресторан, где, сидя за столом в спокойной обстановке за чашкой кофе, мы сможем совершить обмен.

Они уселись за столик у окна. Тося заказал коньяк и кофе, после чего сообщил, что сейчас подойдет брат с деньгами. Он поставил на стол барсетку, из которой извлек сигареты и зажигалку. Заметив Пупсика, подающего условный знак, он извинился и вышел из-за стола встретить брата.

Когда Пупсик познакомил его у входа с покупателем, Тося сказал:

– Мы пойдем покупать бонны, а ты погуляй в фойе, там и так много народу.

Пупсик остался у входа, а Тося с новым знакомым под руку направился к столу, где скупщики нервно крутили головами.

– Все в порядке. Познакомьтесь, это мой брат, Сеня.. Итак, Сеня, ты должен был привезти одну тысячу триста пятьдесят рублей, – обратился Тося к «брату».

– Так я и сделал. – Сеня достал из кармана деньги. Тося извлек из барсетки пачку сторублевков. Отсчитав одну тысячу четыреста рублей, он достал из – кармана еще пятьдесят рублей, положил на стол.

– Прошу пересчитать.

Спекулянты пересчитали Тосины деньги и недоуменно смотрели на «брата». Тот нервно крутил в руке принесенные деньги, не решаясь их отдавать, не видя бон. Понимая его сомнения, один из скупщиков достал и положил на стол восемь белых книжек по двадцать пять бон в каждой. «Брат» протянул деньги скупщику и хотел взять книжки, но Тося его остановил, сказав:

– Чтобы не было путаницы, сначала закончим с рублями.

Когда деньги были посчитаны и собраны в одну пачку, скупщик положил их на стол. Понимая, что толстая пачка денег привлекает внимание посетителей ресторана, потянулся, чтобы их убрать. Тогда Тося предложил:

– Раз с деньгами все в порядке, положите их в мою сумочку. Я сейчас ее освобожу.

Он достал из барсетки записную книжку и подвинул «брату».

– Передай.

Когда тот взялся, чтобы передать барсетку, Тося добавил:

– Посмотри, все ли я из нее забрал.

Сеня убедился, что сумка пуста, передал ее спекулянту. Тот заглянул в барсетку и положил в нее деньги.

– Когда с деньгами все выяснено, перейдем к чекам, – сказал Тося, отодвигая барсетку на центр стола.

Один из скупщиков протянул ему книжки. Но Тося их передал «брату». Пока тот их рассматривал и проверял – все ли книжки содержат по двадцать пять чеков, Тося пытался выяснить у скупщиков:

– С какой целью бонны засунули в эти обложки? И вообще как давно это произошло? И какова судьба тех старых чеков, которые шли без этих оберток?

Спекулянты принялись рассказывать и объяснять причины и сроки введения новых боновых книжек. В это время Тося доставал под столом из носков восемь обложек с вклеенными в них журнальными листами и устанавливал их у себя под коленкой. Когда «брат» закончил осмотр и пересчет бон, он сказал:

– Вроде все в порядке.

– Давай-ка я посмотрю, – сказал Тося. – Впервые вижу такие боны. Они точно настоящие? – И он взял все восемь книжек, сложил их перед собой в одну колоду и добавил: – Я знаю, что должна быть серия «Д».

– Наоборот, не «Д», а «А», – наперебой заголосили скупщики. – «Д» – это старые чеки, и сейчас они не действительны.

– Так что, здесь серия «А»? – Тося открыл верхнюю книжку и, увидев серию, тут же ее закрыл. – Я знаю, что именно эта серия не имеет действия на сегодняшний день.

Спекулянты принялись уверять, что он перепутал и это самые что ни на есть настоящие боны. Тося предложил проконсультироваться у нейтрального человека, например, у официанта. Все принялись разыскивать взглядами официанта, когда в зал влетел разгоряченный Пупсик. Подбежав к столу, он выпалил скороговоркой:

– Только что подъехали трое мусоров из горотдела. Те, что брали тебя и Яшу за валюту. Сейчас они будут здесь. Скорее спрячься на кухне.

После такого сообщения все собравшиеся за столом оцепенели.

– Убери боны со стола, – добавил Пупсик.

Тося нервно сунул все восемь книжек под стол, но так неловко, что они рассыпались по полу. Спекулянты бросились под стол собирать книжки, которые тут же исчезали в их карманах. Побледневший «брат» потянулся к барсетке. Тося опередил его, встав. Взял сумочку и поставил ее перед «братом».

– Бери все деньги и дожись меня. Я тебе верю. Как только уедет милиция, позови. Я буду на кухне.

«Брат» трясущимися руками достал деньги из барсетки и, не смотря, засунул за пазуху. Тося, забрав сумочку, исчез за перегородкой, отделяющей зал от кухни. Пупсик последовал за ним. Они пронеслись, подобно урагану, по небольшой кухне к черному ходу.

Вот они в машине мчат вдоль моря. Тося разложил на коленях восемь боновых книжек.

– Я и вправду впервые держу их в руках, – сказал Тося, пролистывая одну из них.

– Налюбуешься потом, – проговорил Пупсик, нервно вдавливая педаль газа в пол. – А сейчас спрячь в барсетке. Надо быстро линять из этого города.

Тося открыл отделение в барсетке, которое крепко держала липучка, достал из него деньги:

– Сначала я отделил свои деньги от денег «брата». Наверное, как только я скрылся на кухне, он тут же рванул из того кабака и сейчас бежит где-нибудь впереди нас. Он ведь думает, что на свои 1350 он поднял 1450, больше, чем 100 процентов.

– Да, здорово получилось, – засмеялся Пупсик. – Но почему ты не перетянул книжки резинкой? Когда я увидел их рассыпанными по полу, то подумал, что мы сладились. Что, если один из барыг захотел бы открыть свою книжку?

– Во-первых, ты уже можешь сбросить газ. Никакой заявы, а тем более погони не будет, так как барыги еще меньше хотят видеть ментов, чем мы. Во-вторых, ни один барыга не мог открыть подобранную под столом книжку по причинам: а) все произошло на его глазах, и он был уверен, что это именно те книжки, что лежали на столе; б) боясь появления мусоров в кабаке, они отупели прямо на глазах, и, наконец, в) они не могли ее открыть, потому как я все их проклеил точками клея по середине каждого листа. Так что: все учтено могучим ураганом! Веди машину спокойнее, потому что я собираюсь вздремнуть.

В Одессу они вернулись спустя две недели. За это время друзья исколесили множество городов. Но ни в одном из них подобную аферу не проделывали, так как

Тося считал: «Нет необходимости сводить лохов вместе. Имея боновую натуру, проще всего вставлять терпиле элементарную „куклу“».

ЗВОНОК „ИГРАЕТ НА СКРИПКЕ“

В Москве возле ЦУМа в полуподвальном помещении находилась камера хранения, в которой любили собираться фарцовщики для игры в карты. Среди них был один крупный спекулянт по прозвищу Звонок. Получил он его, потому как первоначальный капитал нажил на звонках с мелодией, которые были выпущены в Ереване. Он ездил в Армению, скупал звонки и быстро распродал в Москве.

Теперь это был степенный, солидный мужчина с наметившимся животом. Он был очень осторожен и к новым знакомым относился с недоверием.

Когда Тося узнал от Лешы о Звонке, он попросил Лешу подыграть ему в придуманном спектакле.

Однажды Леша спустился в камеру хранения к Звонку и сказал:

– Я знаю, вы здесь любите играть в деберц. Я покажу тебе, как ты сможешь все время выигрывать у своих партнеров.

Звонок знал Лешу как играющего с именем и потому спросил:

– Леша, какой смысл открывать то, что приносит тебе хлеб?

– Ты прав, Звонок. Мне очень тяжело это делать. Но дело в том, что сейчас очень нужны деньги. Вот и решился на это. Из всех, кому я мог бы продать этот трюк, ты – самый достойный. Если ты заплатишь мне полторы тысячи рублей, я научу тебя, как „играть на скрипке в деберц“.

Звонок задумался. Затем молча достал полторы тысячи и положил перед Лешей.

Леша показал ему, как изготовить „скрипку“ и как она работает.

Смысл „скрипки“ таков. В колоде легко находятся нужные, заранее приготовленные девять карт. Они вытаскиваются легким движением двух пальцев вдоль колоды. Партнер, потасовав карты, кладет их на стол и дает снять. Тогда „скрипач“ легким движением двух пальцев вытаскивает из колоды девять карт и кладет их сверху. Партнер раздает. Из девяти положенных сверху карт „скрипачу“ приходят шесть. Таким образом можно легко выиграть, так как известны еще три карты партнера.

Счастливый Звонок поблагодарил Лешу, купил в ЦУМе несколько колод карт и поехал к себе домой делать „скрипку“.

Прошло несколько дней. Звонок успешно выигрывал большие суммы денег у своих коллег.

Однажды в камеру хранения спустился аккуратный молодой человек в дорогом костюме и с золотым „роллесом“. Он сдавал в камеру хранения ручную кладь и, когда заметил, что играют в карты, заинтересовался игрой.

Звонок, поглядывая на „Роллес“, сказал, что играют они в деберц. И так как молодой человек плохо знал правила, он показал ему эту игру. А затем предложил сыграть под интерес.

У парня не оказалось денег. Тогда он забрал сумку из камеры хранения, извлек из нее икону и сказал:

– Эта икона очень дорогая, предлагаю разыграть ее из пяти раз.

Звонок достал колоду со „скрипкой“, поставил напротив иконы пятьсот рублей, и началась игра. Все пять партий выиграл Звонок. Молодой парень встал, отдал икону, поблагодарил за игру. Звонок сказал:

– Заходите. Еще как-нибудь сыграем.

– Вы сильно играете. И играть с вами очень опасно и тяжело. Вот если бы вы дали фору очей сорок, тогда я бы подумал.

– Хорошо. Я дам вам сорок очей, – согласился Звонк. – „Для меня он булка с маслом даже при форе в сто очей“, – говорил Звонк своим друзьям, когда за молодым человеком закрылась дверь.

На следующий день снова пришел молодой парень и принес другую икону. Звонк опять достал пятьсот рублей и „скрипку“.

Играли пять партий, каждая до трехсот одного. Парень играл с форой в сорок очей. Но Звонк опять выиграл. То же прощание. Но, уходя, проигравший сказал:

– Если я и буду еще с вами играть, то не ниже, чем при девяносто очей форе.

– Смотря на сколько мы будем играть, – весело ответил ему Звонк, поглядывая на „роллекс“.

На следующий день парень пришел несколько пьяным. На нем было длинное серое пальто, из кармана которого торчала бутылка красного вина. Он достал золотой портсигар старинной работы с бриллиантовой россыпью и большим изумрудным глазом в центре, открыл его, достал и закурил сигарету.

– Ну, как вещичка? – поддразнил он Звонка.

Тот, увидев столько золота сразу, потерял дар речи. А когда минуту подержал портсигар в руках, нехотя отдал его обратно.

– За двадцать пять тысяч, – сказал пьяный молодой человек, – я смог бы разыграть из пяти партий этот портсигар.

– Хорошо, – согласился Звонк и полез за „скрипкой“.

– Я еще не договорил, – продолжал парень. – Игра состоится в том случае, если вы дадите фору в сто двадцать очей.

– Ну уж нет, – сказал Звонк, – столько я дать не могу.

– Что ж. Как хотите. Ваше право. Тогда поеду по бабам.

Он встал и направился к выходу. Но Звонк его остановил:

– Ладно, я согласен.

– Тогда ставьте свои деньги напротив.

Не прошло и десяти минут, как Звонк появился с двадцатью пятью тысячами в руках.

Они сели за стол, на котором лежали портсигар и деньги. Звонк положил свою „скрипку“, а молодой человек достал бутылку красного вина. Звонк начал тасовать карты. Парень стал открывать вино. Когда Звонк предложил снять, неуклюжий пьяный парень зацепил бутылку и красное липкое вино намочило карты, разлившись по скатерти. „Скрипка“ перестала работать. Звонк покраснел от злости. Ругаясь, принес полотенце, выбросил вино и вытер со стола.

К счастью, у него оказалась вторая колода со „скрипкой“, которую он держал про запас. Сейчас он извлек ее из коробки. Потасовав карты, положил их на стол. Но в это время молодой человек открыл под столом вторую бутылку вина и, когда увидел перед собой колоду карт, достал бутылку, но зацепился за край стола и снова залил карты вином.

Звонк побагровел. Обе „скрипки“ не работали.

– Придется перенести игру, – сказал он.

– Это невозможно, – ответил парень. – На кону стоят деньги, и они должны быть разыграны. И преграды к этому не вижу.

Он достал из бокового кармана колоду карт и положил на стол. Звонк, вне себя от гнева, приступил к игре.

Тося с Лешей возвратили портсигар знакомому ростовщику. Тот вернул им пятнадцать тысяч залога.

– Спасибо. Выручил, – сказал Тося.

– Да пустяки, – ответил ростовщик. – Его ко мне на месяц заложили, за десять тысяч лежит. Интересно, сколько такой может стоить? Говорят, он графа Юсупова.

– Не знаю, графа, не графа, но фартовый, – сказал напоследок, улыбаясь, Тося.

ГЛАВНОЕ В АФЕРЕ

Они вдвоем с Гришей бродили по Москве. Тося рассказывал товарищу истории из своей жизни, которые, как он считал, могли пригодиться Грише в дальнейшем.

— Я тебе только что рассказал, — говорил Тося, — как можно познакомиться при помощи обыкновенной монетки. И, если человек окажется любителем азартных игр, в дальнейшем запутать его на всю наличку.

Они подходили к Главпочтамту. Был жаркий день, и Гриша обратил внимание на большую очередь за мороженым.

— Скажи, — обратился он к Тосе, — сможешь ли ты применить свой опыт и знания в маленьком бытовом вопросе?

— В каком это? — удивился Тося.

— А вот, например, сможешь ли ты взять мороженое без очереди, причем так, чтобы никто не сказал на тебя плохого слова? — И Гриша указал на длинную очередь пеструю очередь.

— Проще не бывает, — весело сказал Тося. — Смотри внимательно.

И он твердой, уверенной походкой направился прямо к голове очереди. Очередь заметила это и внимательно за ним наблюдала, в любую секунду готовая наброситься.

— Позвольте, мужчина, — сказал Тося в спину плотного гражданина.

Тот повернулся, что-то хотел было ответить, но Тося, не замечая его, вплотную подошел к прилавку. Он протянул рубль девушке и громко сказал:

— Возьмите, пожалуйста, восемьдесят копеек.

Очередь расслышала каждое слово. Она сразу же успокоилась, узнав, что молодой человек принес долг.

Девушка в белом халате машинально взяла рубль, вопросительно подняла глаза на Тосю:

— За что восемьдесят копеек?

— За одну порцию мороженого, — бодро ответил Тося.

— Порция стоит семьдесят копеек, — поправила его девушка.

— Ах, пожалуйста, извините, — смутился Тося. — Тогда возьмите семьдесят.

Он оставил на чай удивленной девушке тридцать копеек, а сам подошел к Грише.

— Поди, заждался? — сказал Прикуп, откусывая мороженое.

— Почему же ты мне не взял? — глотая слюну, спросил Гриша.

— А ты меня не просил. А потом, я подумал, что тебе было бы полезно самому попробовать.

— Это просто психологический трюк, — заметил Гриша.

— Ты прав. Но в афере все построено на этих, как ты говоришь, трюках.

Послушай один пример. Могу рассказать тебе полностью о какой-либо работе. Причем со всеми точками и запятыми. После этого ты попробуешь сделать все точно так же, и у тебя может не получиться. А все почему? Да потому что плюс к этому, плюс к своим знаниям, ты должен использовать этот психологический момент. Чтобы тебе было понятно, объясню на примере. Ты поставил машину под окном. Зашел к тебе Леша Кушевой и говорит: „Гриша, твою машину украли“. Ты бы мог ему поверить и, не выглянув в окно, принять соответствующие меры?

Гриша открыл рот для ответа. Но Тося продолжал:

— Нет, Гриша, ты бы не поверил Леше. А вот если ты переберешь всех своих знакомых, подставляя к каждому фразу о похищенной машине, ты наверняка сможешь отыскать хоть одного, которому бы поверил и, не выглядывая, отдал распоряжения к розыску. Главное каждой аферы — это подобрать для себя маску того человека, которому бы лох поверил.

- Но ведь это невозможно, – задумчиво произнес Гриша.
- Это возможно. И гораздо проще, чем ты думаешь.

ТОТ ВАСЯ

Они с Гришей зашли в ресторан „Пекин“ пообедать. Войдя в зал, Тося заметил нескольких приятелей по ночной жизни в „Руси“. Те сидели за большим столом в обществе каких-то парней. Тося с Гришей были приглашены и представлены собравшимся. Продолжалось застолье. Беседа шла вяло, разговор не клеился, так как молодые люди за этим столом были обособлены недоверием, которое таилось в каждом из них.

Обед подходил к концу, когда Тося услышал, как справа от него громко беседуют двое незнакомых ему ребят. Один говорил другому:

– И вот я проводил этого Васю в аэропорт и посадил в самолет. Ты представляешь, в такое для нашей компании время он решил оставить нас и улететь к этой бабе. А все задуманное, стало быть, по боку.

Тося обратился к говорящему:

– А вот я знаю точно, что он никуда не улетел и сейчас находится в Москве. Скажу больше того: через десять минут тот Вася появится здесь, в ресторане „Пекин“. – Сказав это, он с безразличием продолжал пить шампанское.

– Да как это? Да быть этого не может! Я сам посадил его в самолет сегодня утром! И Вася улетел на четыре дня.

– Ну что ж. Если ты уверен, что так все и было, предлагаю тебе поспорить. – И Тося предложил сумму в две тысячи рублей.

Было самое подходящее время, когда плотно, вкусно, но скучно поев, братки желали пищи для разговоров. Им было глубоко все равно, кто и какие действия предпринимал за этим столом. Лишь была бы возможность их комментировать.

– Уверен – спорь.

– Мало ли людей с лишними деньгами?

– Давай. Выиграешь.

Настроение друзей вселило бодрость и уверенность в товарища уехавшего Васи.

– Да я и сам знаю, что выиграю.

И они поспорили, что не пройдет и десяти минут, как тот Вася зайдет в зал ресторана. Счастливчик улыбался, так как всего час назад он звонил в Ленинград и беседовал с прибывшим туда другом. Спорщик весело поделился своим секретом с друзьями. Те отреагировали бурными поздравлениями и одобрением его поступка в отношении сокрытия этой тайны от Тоси. Наконец все угомонились и расселись по местам, поглядывая на часы и на вход в зад ресторана. Спорщик устроился в иронической позе и принялся ждать. Время шло, а в зале не появлялся тот, кого они высматривали. Когда улыбающийся друг питерчанина собрался сказать, что время кончилось, дверь отворилась и зашел Гриша, на шее которого висела табличка. На ней криво карандашом было написано: „Тот Вася“. Все дружно рассмеялись и стали пожимать Тосе руку. Проигравший принялся рьяно доказывать, что это не тот Вася, о котором шла речь. „И вообще это несерьезный спор“.

Но развеселившиеся братки очень быстро убедили своего соседа в обратном. Он узнал, что двое спорящих обязаны выполнить условия спора, звучащие в момент его заключения. А так как особые условия не обговаривались, значит:

– ...Нам не нужно про свою семейственность рассказывать.

– Да, да. Про Питер и самолет дома говори. Здесь – что сказал, за то ответь.

У проигравшего при себе не оказалось всех денег, чтобы расплатиться. Тогда Тося предложил ему:

– Вон, видишь, орешки лежат, – и указал на подставку, в которой стояли цветочные горшки, а между ними был насыпан гранулированный шлак. – За каждый тобою раскушенный орешек буду отщелкивать по пятьдесят рублей.

Васин товарищ согласился. Но на втором „орешке“ понял, что зубы дороже, и поехал домой за недостающей суммой под бурный хохот собравшихся.

АВНАТОКОЛЬСКИЙ

– Основным ростовщиком московского катрана являлся журналист–международник, член–корреспондент Авнатокольский – так его называли, – продолжал просвещать Тося Гришу. Перед тем стояла чашка кофе, к которой он так и не притронулся, потому что его внимание было целиком приковано к рассказу друга.

– Это был высокий, подтянутый, средних лет мужчина, по осанке и внешнему виду которого можно было легко определить, что в недалеком прошлом он увлекался спортом на профессиональном уровне. К нему обращались за большими суммами такие каталы, как Тайванец, Тряпочка, Почка и другие. В те годы Авнатокольского знал или слышал о нем весь блатной мир столицы. Каждый из них неоднократно пытался загнать его в свои умело расставленные сети обмана и коварства. Но тот с людьми сходилась очень тяжело. Даже с теми, кого знал более пяти лет, ни о чем другом, как о деньгах, займе и залоге, не разговаривал. По этой причине все изощренные потуги облегчить его от денег оставались безрезультатными. „Большого ума человек“, – говорили о нем каталы.

Хмурым осенним днем Тося с Авнатокольским обедали в ресторане „Белград“. Тося тасовал колоду карт, которую не выпускал из рук. С Авнатокольским они были знакомы давно. Он дважды давал Тосе деньги под проценты. При этом каждый раз требовал и получал залог, в пять раз превышающий сумму долга. Он знал Тосю как „играющего“, который любит карты до фанатизма. И поэтому карты в Тосиных руках не вызывали у него удивления, а, скорее, наоборот: если бы он оказался без них, это могло насторожить ростовщика. Тося знал это и тщательно перетасовывал колоду, которая состояла из одних тузов.

За обедом Тося рассказал, что имеет крупную сумму чеков и хотел бы, чтобы Авнатокольский помог обменять их на рубли.

– С тобой мы знакомы давно. Я знаю, что ты человек дела. Никому из посетителей катрана я не доверяю. Там собирается много шушеры, которая так и норовит сгрызть тебя живьем из–за копейки денег, – говорил Тося надменному ростовщику, который глотал устриц одну за другой и невнятным бормотанием старался поддерживать беседу.

Когда он услышал об опасениях Тоси и о крупной сумме чеков Внешпосылторга, он оторвался от устриц и с интересом придвинулся к Тосе.

– Говоришь, чеки? Но сейчас с этим у меня нет никаких проблем. Я покупаю их у своего проверенного товарища по цене полтора рубля за чек. Боясь, что такой порядок цифр тебя не устроит.

Тося знал, что тот лжет, так как цена на чеки была твердой и не опускалась ниже двух рублей за один чек.

– Ты мне не оставляешь выбора, – ответил Тося. – Хотя, признаться, я рассчитывал продать их несколько дороже. Но раз ты говоришь, что цена – полтора, стало быть, так оно и есть. Я целиком полагаюсь на твою компетентность.

Обед подошел к концу, и официант принес счет. Тося достал из кармана пиджака новую запечатанную колоду карт. Распечатал коробку, достал колоду, взял одну из верхних карт и протянул Авнатокольскому:

– Поставь карту на то, кому платить за обед.

Тот взял карту и, подумав, что эта сумма не настолько уж велика в сравнении с тем, какую прибыль он сможет получить от сделки с чеками, врезал ее в середину той колоды, которую Тося тасовал весь день. Сейчас она мирно лежала на столе. Тося положил нижнюю часть разделенной колоды сверху и перевернул ее. Ростовщик перевернул карту, которую продолжал держать. У обоих оказались тузы.

– Прямо в лоб! – сказал Тося, делая удивленные глаза. – Попробуй еще раз, а то так не интересно: не поиграли и пяти минут. В этот раз тебе обязательно повезет. Поставь еще карту. – И он услужливо протянул журналисту только что распечатанную колоду.

Но международник наотрез отказался играть. Он пододвинул к себе счет и, достав деньги, принялся отсчитывать нужную сумму. Тося еще пару раз попытался предложить ему игру, но тщетно.

Прощаясь, они условились встретиться на следующий день на Таганке с целью обмена чеков на рубли.

– Ты должен быть один, – предупредил его Авнатокольский, – в противном случае я не стану даже разговаривать.

В назначенное время Тося сел в машину к подъехавшему журналисту. Это была черная „Волга“, которая сверкала вложенной в нее любовью. Авнатокольский важно сидел за рулем.

После обмена приветствиями Тося достал чеки и протянул ростовщику. Тщательно проверив на предмет подделки и внимательно пересчитав, тот положил их на торпеду машины, а сам достал деньги и отдал Тосе. Тот попросил журналиста помочь считать полученные рубли. Когда закончили считать деньги, которых оказалось ровно столько, сколько было оговорено, к машине со стороны водителя подошел пьяный Вася-Игорь.

Он бесцеремонно открыл дверцу машины и сказал:

– Шофер, довези на Курский. Срочно. Моя баба намьлилась уехать с каким-то фраером. – Язык его заплетался, отчего некоторые слова звучали невнятно.

– Это не такси. Я не вожу пассажиров. Отойдите от машины! – И журналист попытался оттолкнуть Васю и закрыть дверь. Но это ему не удалось, так как тот всем телом повис на дверце и продолжал:

– Да я заплачу тебе по-богатому. Ты что думаешь, я без денег хотел? Надо успеть поймать их, а уж тогда я ей накачу! А фраерка порежу на лоскутки!

Воспользовавшись тем, что журналист отвлекся от происходящей сделки, Тося заменил чеки „куклой“, на что понадобилась доля секунды.

– Знаешь, у меня не осталось времени. Надо идти, – заворачивая пачки денег в газету, сказал Тося.

Авнатокольский забрал „чеки“ с торпеды машины и положил в карман. Он не имел возможности просмотреть их, так как Вася приблизился вплотную и уже почти уселся в машину. Тося вышел из машины и направился ко входу в метро.

Журналист еще долго не мог отогнать от машины вошедшего в роль Васю. Тот уже обнимал его и цеплялся за руль.

Когда все-таки Авнатокольскому удалось избавиться от назойливого рогатого сукина сына, отъезжая, он видел в зеркало заднего вида, как тот стоит на середине дороги и что-то кричит ему вслед, размахивая руками.

„ВЫЙДИ, Я ПОЗВОНЮ“

– Расскажу тебе о двух девчонках, которые очень хорошо обеспечены. Одна из них, по имени Иванна, девочка небезызвестного Тряпочки. Другую зовут Оксана. Она генеральская дочь, – говорил Тося, отхлебнув кофе. – Так вот, они швыряют лохов на кидняк под названием „Выйди, я позвоню“. Делают это скорее не ради денег, а ради развлечений. Они относятся к той категории женщин, которые любят пощекотать нервы. Как правило, у этих телок очень дорогие терпилы.

Где-нибудь в центре Москвы они находят иностранного барыгу, который не прочь спекулировать тряпками. Договорившись о сделке, втроем садятся в такси, водитель которого свой парень. Оксана сидит на переднем сиденье, Иванна – сзади водителя, а иностранец – у задней рабочей двери. Он открывает большую сумку, и вещи тут же начинают гулять по машине. Начинается бурный обмен впечатлениями по поводу какой-то кофточки. Сумка тает на глазах. Подруги, пересмотрев все вещи, заверяют иностранца, что купят все. Но так как они не ожидали, что попадет столько товара, стало быть, и денег при себе нет. Но это не беда. Иванна обращается к шоферу: „Подъезжай вон к тому телефону“. И тот трогает с места и медленно катит к телефону. „Сейчас позвоню маме – она работает в сберкассе, здесь рядом, и через десять минут принесет деньги. И мы купим все вместе с сумкой“.

Когда машина останавливается у телефона, девушка говорит: „Выйди, я позвоню“. Терпила выходит из машины и готов подать даме руку, отчего, придерживая дверь, склоняется в услужливой позе. Иванна начинает перемещаться из угла к выходу, не спеша и завлекаяще переставляя ноги. Вот она подбирается к двери – и захлопывает ее перед Носом растерянного иностранца.

И так в день они отрабатывают троих-пятерых лохов. Если вдруг мусора начинают их щемить, тогда к ним приходят на помощь их мощные покровители, – заключил Тося.

САША ПЕТРОВ-ВОДКИН НА МАРОЧКУ

Леша пришел к Тосе в десять часов утра. Тот еще спал, отчего двери открыл не сразу и Леше пришлось ждать добрых пятнадцать минут в неудобном подъезде. Он вошел в квартиру вслед за сонным Тосей, который брел впереди совершенно голый с единственной целью добраться поскорее до кровати, где он оставил спящей приятную на ощупь, теплую и уютную Лерочку.

– Ты что делаешь сегодня вечером? – разрушил тишину веселым бодрым голосом Леша. Он стоял в дверном проеме спальни, широко расставив ноги, тасовал карты, которые от этого шелестели у него в руках, придавая своеобразную аранжировку беседе. При этом он слегка опустил голову так, чтобы можно было быстро и незаметно переводить взгляд с карт на Тосю. Тот уже забрался в постель и, не обращая внимания на присутствие гостя, всем телом прижался к Лерочке. Она тут же ответила на его прикосновение лаской и поцелуем. У Тоси пробежала приятная дрожь по спине.

– Так что, ты говоришь, делаешь вечером? – повторил еще более веселым голосом Леша.

Когда до Тоси дошел смысл его слов, он оторвался от Лерочки и повернулся к Леше.

— Я еще не совсем точно знаю, что буду делать сегодня утром, — улыбнувшись ответил Прикуп и глянул на часы. — Буду тебе очень обязан, если узнаю за пятнадцать минут, что нужно тебе от меня сегодня вечером.

Тося сел на кровати и закурил „Мальборо“. „Мутный серый дым проясняет сознание“, — подумал он. Теперь понимал, что перед ним стоит его товарищ, который нашел работу на сегодняшний вечер.

— Это нужно не мне, а нам, — поправил его Леша. — Я боялся не застать тебя дома, а телефон ты отключил со вчерашнего дня. Ты перестал бывать в „Тритоне“ и не знаешь, какая публика сейчас посещает этот кабак. Среди прочих в нем стал появляться один щеголь по имени Саша Петров. Не так давно его загрузили за десятку в терц. А вчера он уплатил эти деньги на моих глазах. Не знаю откуда, но лавэ у него есть. По моим данным, как минимум еще десятка. Надо действовать быстро, так как к нему играющие уже стоят в очереди.

— Ну и как мы можем его поймать? — поинтересовался Тося.

— Я дважды запутал его на шахматные этюды. Один раз за двести, а другой — за пятьсот. Потом захотел перевернуть его в нарды, но Бочкин все поломал, сказав, что в его ресторане на деньги играть больше не будут. Позовет ментов.

— Когда это было?

— Говорю же тебе, вчера. Саша этот — не лох. Но вместе с тем, если где видит выгоду, сразу бросается за деньгами, не обращая внимания, кто на месте потерпевшего — брат, сват, кум, — ему все равно.

— Ладно. — Тося окончательно проснулся.

Лерочка открыла глаза и разглядывала, как карты входили одна в одну, а затем плавно шелестели в Лешиних руках. Это продолжалось снова и снова. Движение рук было почти не заметно. Внимание привлекали лишь карты, которые, как заколдованные, исполняли необычный танец.

Время от времени Лерочка приближалась к Тосиной руке и вытягивала губы трубочкой, чтобы получить порцию сигаретного дыма.

— Сегодня ты познакомишь меня с этим Сашей. А там по ходу решим, что, когда и как мы с ним будем делать, — сказал, улыбаясь, Тося. Он водил фильтром сигареты по Лерочкиным губам, которые по-прежнему оставались вытянутыми трубочкой. Всякий раз, когда она делала так, он наполнялся теплотой и нежностью.

Бородатый швейцар с радостью распахнул дверь при виде Тоси. Стоя у гардероба, тот помогал роскошной Лерочке избавиться от плаща и отвечал улыбкой на незамысловатые шутки швейцара.

За спиной у Тоси, у стены за столиком с шахматами, сидел Леша и громко спорил с худощавым усатым гражданином. Рядом находился Саша Петров, который в споре держал Лешину сторону. Саша — молодой, симпатичный парень с несколько вытянутым лицом; рот его был постоянно приоткрыт, отчего тот выглядел вечно удивленным.

Когда Тося подал Лерочке руку, согнутую в локте, и собрался проследовать в зал, куда их приглашал метрдотель, указывая направление, подобно регулировщику, Леша перевел взгляд на Тосю и крикнул на весь холл:

— Алик! Какими судьбами! Сколько лет, сколько зим! — Разведя руки в стороны, он медленно подошел к остановившимся Тосе и Лерочке. Тося удержал его от объятий и скромно подал руку.

— Здравствуй, Леша! Рад тебя видеть. Познакомься, это Люся.. извини, Лера.

— Очень приятно. Вы идите присядьте за столик, а после я подойду к вам. Кстати, познакомься, это мой друг Саша. — Леша повернул голову в сторону Петрова. Тот подошел и подал Тосе руку.

Ответив на приветствие, Тося и Лерочка направились в зал, где оглушительно редела музыка. Через пятнадцать минут к их столику подошел Леша.

— Я ему сказал, что месяц назад выкатал у тебя восемь тысяч в Воронцовских банях. Деньги ты заплатил наличманом. А так как ты в картах лох, это позволяет считать тебя человеком, случайно получившим состояние и транжирящим его. Сейчас Саша думает, как бы лучше тебя запутать. А я пришел на разведку.

— Вероятно, сейчас он посоветует убрать меня на шахматы, так как этюды свежи у него в памяти, раз только вчера на них был хлопнут. — Тося пытался перекричать

сверхмощную аппаратуру бара, которая производила на свет такой тяжелый рок, что фужеры на столе пританцовывали. — Ты объясни ему, что я тебя боюсь, так как уже знаю, что ты аферист и шулер. Поэтому ему придется брать инициативу в свои руки, — продолжал кричать Тося. — Когда план действий разработаете, скажешь ему, что сейчас выведешь меня для перекура в фойе, а сам расскажешь, что вы удумали. Тогда и решим...

Леша ушел и через некоторое время вернулся.

— Саша предлагает запутать тебя в четырехходовку, а там посмотрим, говорит. Ну, я ему объяснил, что это плохая идея и ты вряд ли на нее клюнешь, — выпалил Леша на одном дыхании.

— Пускай будет четырехходовка. Если нужно, я поломаю ему комиссию и переверну на марочку. Скольких мы с тобой перехлопали на эту мульку? — Тося смотрел на своего товарища.

— Это неплохая идея! Как я не додумался до этого сам? Давай попробуем. Но как мы начнем?

— Будь внимателен. Следи за мной и не пропусти ни один „маяк“, — давал наставления Тося.

Леша вывел Тосю в ярко освещенный вестибюль, где Саша нервно курил, склонившись над шахматной доской со знакомым Тосе простеньким этюдом.

— Ваш друг Леша выстраивает мне простые на вид этюды, но я уже дважды ему проигрывал. И вот пытаюсь отыграть на третьем. Вы не разбираетесь в шахматах? Может, посоветуете что? Леша не запрещает консультироваться у друзей и близких, — обратился Саша к Тосе.

— Да, да, Алик, если хочешь выиграть деньги, милости просим, — подтвердил Леша. — Любое число фигур. Ежели желаете, вот, например. У белых один король, а у черных — король с пешкой. Черным нужно выиграть, а белым сделать ничью. Выбирайте любой цвет, ставьте деньги и — вперед.

Тося склонился над доской, сделав вид, что внимательно разглядывает композицию, и начал проигрывать варианты. Леша с Сашей зашли в туалет, оставив его искать решение. Закрыв плотно дверь, Саша обратился к Леше:

— Давай попробуй четырехходовку. Я уверен, получится.

— Давай попробуем, — с безразличным видом ответил Леша.

— Только не с таким настроением. Настройся. Ты должен подыграть мне. Сделаем так: сейчас я проигрываю тебе двести рублей за этот этюд. Затем, раздосадовавшись, вспоминаю, что мой отец показал мне шахматную задачу и за ее решение платит пятьсот рублей. Ты делаешь так, чтобы этот Алик нашел решение, а затем перед спором нужно хорошо проехаться по его самолюбию. Он ведь с телкой. Унизить перед ней, чтобы поднять максимально куш. Мы должны действовать по ситуации. А мне не нравится твое настроение. — Саша старался быть убедительным. Для этого он бурно размахивал руками.

— Предположим, у нас получится и мы запутаем его. У него в карманах может быть очень много денег. А где мы возьмем на засвет бабки? — спросил Леша, став энергичным и жизнерадостным.

— С деньгами заминки не будет, — многозначительно сказал Саша.

Они подошли к столу, за которым Тося двигал фигуры взад-вперед. Лерочка сидела рядом, закинув ногу на ногу. Она курила, покачиваясь в кресле, и с безразличием выпускала клубы дыма в разные стороны. Леша уселся напротив Тоси. Узнав у последнего, что тот не представляет себе решения задачи, Леша разыграл ее с Сашей, и тот, как договаривались, проиграл ему двести рублей. Затем Саша, корча из себя интеллигента, рассказал об отце и его премии за решение шахматной задачи. Он расставил уже хорошо известную нам четырехходовку. Еще немного пошумев рассказом о любви своего отца к шахматам и бабам, пошел в зал. Леша остался и должен был подсказывать, но так, чтобы „Алик“ нашел последний ход сам. Мы хорошо помним, что это является обязательным условием аферы.

Так, когда человек, никогда не играющий в шахматы или слабо играющий, находит самый главный ход, он чувствует свою значительность. Ему кажется, что пришло озарение. И в считанные секунды он возносится до недостижимых вершин. Порой,

проиграв деньги, задумывается над тем, как мог поставить на кон такую сумму, но не находит ответа на то, что же произошло с ним в ту минуту.

— Что теперь? Как будем вести себя дальше? — спросил Леша, как только Саша исчез из виду.

— Положись на меня. Не нервничай. Скажи халдею, чтобы принес шампанского и ананас. Видишь, Лерочке скучно.

Они втроем выпили почти всю бутылку, когда Тося глянул на часы.

— Пора! Иди зови своего Петрова-Водкина и скажи, что я такой тупой, что тебе не удастся натолкнуть меня на решение этой задачи.

Когда Леша с Сашей появились в вестибюле, Лерочка сидела у Тоси на коленях и тот кормил ее ананасом, сок которого сделал мокрыми ее подбородок и шею. При этом оба громко смеялись.

— А, вот вы где! Очень сложная ваша задача. Решить ее мы не можем. И поэтому ваш... кто там? Папа? Придется остаться ему без баб. — Тося отдал Лерочке ананас и легким шлепком по бедру пересадил ее в кресло.

— При чем здесь бабы? — с трудом сдержал раздражение Саша. — Если вы решите эту задачу, я вам заплачу деньги.

— Да ладно тебе. — Тося, увидев проходящего мимо официанта, подозвал его, сделав шаг ему навстречу. Лерочка отправилась в туалет подвести глаза. Тося разговаривал с официантом, стоя между Сашей и Лешей, повернувшись к ним спиной. Руки он держал в карманах, отчего полы пиджака разошлись и открыли задний карман брюк. Из него виднелся край носового платка пестрой расцветки.

— Алик, давай еще попробуем. — И Леша позвал Тосю, похлопав его по спине. Но тот отмахнулся и продолжал беседу с официантом.

Леша смотрел на Сашу, пожимая плечами, и показывал, что не знает, как быть дальше. В это время он заметил край платка и потянул его. Платок подался и вскоре вылез весь. В центре его был завязан узел. Леша удивленно глянул на Сашу, того тоже заинтересовал узел. Он подавал знаки, чтобы тот поскорее его развязал. Они развязали узел. В нем оказалось двадцать пять рублей одной купюрой.

Тося громко говорил и было ясно, что разговор подходит к концу. Леша протянул четвертак Саше. Тот спрятал его в карман.

— Дай скорее рубль или три, — торопил его Леша.

Так как мелких денег не оказалось, в платок завязали бумажку, оторванную от сигаретной пачки. Леша аккуратно затолкал платок в Тосин карман. При этом Саша очень нервничал — боялся, что Тося что-нибудь заметит. Но тот был так увлечен беседой с официантом, что не замечал ничего вокруг.

Наконец Тося повернулся к приятелям:

— Так вот что я хочу вам сказать, ребята. Задача эта очень сложная, а если нужно тебе решение, отнеси ее в шахматный клуб.

— Алик, — обратился Леша к Тосе, — сколько у тебя есть денег?

Тося удивился вопросу, а затем, как бы догадавшись, какой смысл вкладывает в него Леша, сказал:

— Я понял, Леша. Ты хочешь занять у меня какуюто сумму. Но должен тебя огорчить. Только что я рассчитался с халдеем, и у меня осталось ровно девять с половиной тысяч, которые собираюсь сейчас вернуть одному человеку. Тот ждет их до двенадцати ночи. Это деньги игранные. Леша, я, конечно, занял бы тебе, но больше у меня — ни копейки. — Он положил толстую пачку денег на стол и принялся обыскивать карманы. — Да, больше ни копейки, — повторил Тося, закончив осмотр последнего кармана.

— Слушай, никогда не поверю, — начал Леша, — чтобы у такого человека, как ты, кроме долга (ну это святое, мы в счет брать не будем), не было ни копейки денег. Ну никогда не поверю!

Тося открыл рот и удивленно смотрел на Лешу.

— Говорю же тебе, больше — ни копейки, — Говорил он это так, что в искренности его трудно было усомниться. — Клянусь тебе! — сказал Тося, но здесь же, как бы вспомнив, добавил: — Хотя нет, есть у меня четвертак. Бабушка на фарт

дала год назад. Сказала, чтобы я носил в узелке, в платочке, — это принесет удачу. Вот год и не разворачиваю. И действительно, ты знаешь, приносит удачу.

Леша рассмеялся раскатистым смехом. Саша, глядя на него, тоже посмеивался.

— Четвертак в платочке! Какие-то небывлицы ты рассказываешь, Алик!

— Да какие небывлицы! Ты что, не веришь мне? Могу поспорить хоть на триста рублей, что в этом платочке у меня завязан четвертак.

— Ну а где платочек? Покажи платочек, — смеялся Леша.

Тося похлопал себя по заднему карману.

— Вот здесь платочек, а в нем — четвертак, — повторил он.

— Саша, ты можешь поверить, чтобы у такого представительного парня в платочке были завернуты деньги? — обратился Леша к улыбающемуся попрежнему Саше.

— Да нет, в это трудно, даже, я бы сказал, невозможно поверить, — заключил тот.

— Да как ты можешь сомневаться в моих словах? — обрушился на него Тося. — Мы с тобой знакомы всего пятнадцать минут, а ты позволяешь себе считать меня лжецом! Да кто ты такой? — Казалось, Тося вышел из себя. — Могу поставить любые деньги, что это — чистая правда, хоть три тысячи, — не унимался Тося. — А вот ты? Что можешь ты, кроме как смеяться над уважаемыми всеми людьми?

Саша был счастлив. „Невероятный успех! А какой молодец Леша! Как он технично развел лоха! Ну а теперь моя очередь“, — думал он.

— Да, я не могу в это поверить, — сказал он. — Чтобы в наше время молодой, интересный парень в костюме и галстук носил деньги, завернутые в платочек, как это делали бабушки в селах! Не могу я поверить. И тоже готов поспорить на три тысячи рублей.

— Я сказал на триста, — поправил его Тося. А затем, как бы отрезвленный Сашиними словами, пощупал платок в заднем кармане. Тот оказался на месте.

Тося, успокоившись, удобно устроился в кресле.

— Мне все едино. Спорить так спорить. Триста так триста.

Сказав это, он поцеловал Лерочку, которая вернулась к столу сияющей и восхитительной.

— Что это вы так со мной разговариваете? Вы как будто подачку мне предлагаете, — вдруг ни с того ни с сего рассвирепел Саша.

— Совершенно нормально я с вами разговариваю. Просто я хотел сказать, что в моем платочке лежат двадцать пять рублей. И мне все равно, на сколько спорить — хоть на триста, хоть на три тысячи.

— Алик, следи за тем, что говоришь, — вмешался в разговор Леша. — Здесь речь идет о деньгах, и названная сумма может восприниматься как объявление ставки спора.

— Да, да, конечно, так я и воспринимаю. Алик объявил ставку спора в три тысячи рублей, — подхватил Саша.

— Вы очень странный молодой человек. Как вы можете спорить на такие большие деньги о том, чего не знаете? Вы цепляетесь за слова. А между тем какие у вас могут быть причины не верить мне? Да, я ношу в платке двадцать пять рублей. А из-за своего неверия вы можете проиграть все свои деньги. — Тося говорил это, в упор глядя в Сашины глаза. Тот ежился под его взглядом. Его рот открылся шире обычного. — А спорить я буду не более чем на пятьсот рублей, — закончил Тося.

Ополоумевший от твердой логики и резких цифровых поворотов объявляемых Тосей ставок, Саша сел на стул. Леша тоже ничего не понимал. „Тося сам просил, чтобы я поднимал куш, — думал он, — а теперь, когда дошли до трешки, он вдруг съехал на пятьсот. Какой в этом смысл?“

— Нет, так не пойдет, — заявил он. — Раз объявлена сумма в три тысячи, она должна быть разыграна. Таковы правила.

— Да! Мы ведь не бабы. Сказал — сделал, — заметил опомнившийся Саша.

— Мистер-Не-Баба, — развернулась на своем кресле до этого момента безразличная ко всему происходящему Лерочка, — я попросила бы вас следить за оценкой умственных качеств женщин, а особенно в моем присутствии. — При этом она

пренебрежительно смерила Сашу взглядом. И будь он повнимательнее, то заметил бы в этом взгляде веселый, озорной огонек.

Саша извинился перед Лерочкой и продолжил:

– Сейчас речь не может идти менее чем о трех тысячах.

– Да при чем здесь деньги? – перебил его Тося. – Главное, что там лежит четвертак, а ты не веришь. Вот смотри: я сейчас достану и покажу тебе без всяких денег. – И Тося потянулся за платком.

– Сначала нужно разобраться со ставкой, – остановил его Саша. – Раз речь зашла о деньгах. Вы мужчина?.. Сказал три тысячи – ответь!

– Саша, вы напоминаете мне заведенную куклу, в которой что-то поломалось, и она говорит и делает одно и то же. Вас замкнуло на трех тысячах. У меня в кармане лежат девять с половиной тысяч рублей, которые я должен буду отдать через полчаса. И если вам не терпится проиграть свои деньги, я готов поставить все девять с половиной на то, что в моем платке, в заднем кармане бржк, находятся двадцать пять рублей.

Такого поворота Саша не ожидал. Он опять сел в кресло, из которого приподнялся, и к этому времени стоял на полусогнутых.

– Все, хватит! Давайте ставить деньги и начинать, – сказал Леша, вопросительно глянув на Тосю.

– Я пока схожу потанцую с Лерочкой, а вы тем временем подумайте, чего вы хотите.

– Да что тут думать? – взревел Саша. – То ты не мог поставить три тысячи, а теперь – девять с половиной! Да кто в это поверит? Знаете что, девушка, – и он взялся рукой за спинку Лерочкиного кресла и немного повернул его так, чтобы Лера могла смотреть прямо на него, – я хотел спросить: он и вам всегда говорит одно, а делает другое? Например, говорит, что купит шубу, а покупает воротник?

– Молодой человек, вы задаете очень личные вопросы. Но вы так искренне это делаете, что я отвечу: в нашем случае было наоборот. Он пообещал мне четвертак у „Интуриста“, а через пару часов дал сотку. Теперь я с ним. Пошла вторая неделя. – Наконец-то Лерочке удалось выполнить указания Тоси, который говорил ей: „Я хочу, чтобы лох понял, что ты проститутка, которой я плачу тройной тариф“. – А насчет шубы он мне не обещал. Но воспользуюсь случаем и скажу. Милый, – она повернулась к Тосе, подалась вперед, провела пальцем по его щеке, – моя теперешняя шуба мне надоела. Этот парень очень переживает по этому поводу. Мне он только что сказал, что, если ты надумаешь покупать мне новую шубу, он готов оплатить какую-то ее часть, воротник, например.

– Вот мои деньги. – Тося достал из бокового кармана пиджака пачку сторублевых банкнот. – Здесь девять с половиной тысяч. Я ставлю их все. – Он хлопнул пачкой денег о ладонь левой руки перед самым носом Саши. – А что ты, говорун, можешь поставить напротив? – обратился он к вконец растерявшемуся Саше.

Леша с интересом наблюдал за происходящим, отчего карты в его руках перестали шуршать. Теперь они претерпевали нагрузку нервно работающей мышечной группы пальцев рук. Саша поднялся с кресла и стал неуверенно переминаясь с ноги на ногу. Затем достал деньги и принялся считать. Но он прекрасно знал, что держит в руках лишь две с половиной тысячи рублей, а семь с половиной лежат в пришитом к трусам кармане. И он не знал, как поступить: доставать их при всех было неудобно, а отойти он боялся, так как считал, что Тося может достать платок и развязать узел. Это были все его сбережения. Он жил с женой, которой не доверял, и поэтому с деньгами не расставался.

– У меня две с половиной тысячи. – Саша закончил считать деньги и обратился к Леше: – А сколько у тебя?

– У меня полторы или что-то около этого. – Леша достал деньги и тоже начал их пересчитывать. – Минутку, ты же говорил, что с деньгами заминки не будет. А теперь спрашиваешь, сколько у меня?

Саша нервничал все сильнее.

– Алик, достаньте, пожалуйста, платок и покажите нам, о каком узле идет речь, – обратился он к Прикупу.

Тося полез в задний карман и извлек платок, четвертак из которого был несколько минут назад украден заговорщиками.

– Хорошо, – сказал Саша, – теперь давайте завернем его в салфетку и начнем наш спор.

– Какую салфетку? Я сейчас развяжу узел, и мы все увидим, что там – четвертак, – удивлялся Тося.

Но тут вмешался Леша:

– Платок нужно завернуть, чтобы у нас появилась возможность, не отвлекаясь, посчитать деньги.

Саша положил платок с узлом в шахматную доску и закрыл ее. Потом он приблизился к Леше и заговорил ему на ухо:

– Деньги есть, но с ними заминка. Здесь всего две с полтиной. – И он показал деньги. – Такого лоха, как Алик, упускать нельзя. Как только я отойду от стола, он сразу сквозанет. Он и так передумывает каждую секунду. А сейчас, по-горячему, его можно хлопнуть. А через десять минут – не знаю.

Говоря это, он голову держал возле Лешиного уха, а ноги в это время уводили туловище за Лешу так, чтобы Тося не мог заметить, как Саша старается проникнуть в трусы. Но тогда получалось, что это могла увидеть Лерочка, и ноги снова шли на прежнее место. Так он гулял вокруг Леши добрых несколько минут. В конце концов, изловчившись, он пробрался в карманчик и извлек деньги.

– Да я пошутил, Леша, деньги, конечно же, есть. Я тебе говорил об этом с самого начала. Я просто хотел услышать твое мнение по поводу всего этого.

– А как мы с тобой стоим? Пятьдесят на пятьдесят? – спросил Леша Сашу, который уже собрался приступить к церемонии спора. Тот хмыкнул, повернулся к нему и сказал:

– Леша, мы не можем быть с тобой в равной доле. Ты не рискуешь своими деньгами, так как у тебя их нет.

– Да какой риск? Здесь стопроцентный выигрыш, и ты знаешь это не хуже меня, – перебил Сашу возмущенный Леша.

– Я предлагаю тебе, без несчастья, третью часть выигрыша. По-моему, это справедливо.

– Ладно, выхода другого нет. Только сначала пересчитай деньги. И до тех пор, пока деньги не будут у меня в руках, не вздумай начинать спор.

Пересчитали и проверили девятнадцать тысяч и отдали Леше. Затем Саша открыл доску, извлек из нее платок, развязал узел и, к его огромному удивлению, там оказалась двадцатипятирублевая купюра, сложенная вчетверо. Тося со словами: „Я предупреждал вас, весельчаки!“ – получил деньги, которые Леша тут же ему отдал, и моментально спрятал в рукаве пиджака. И, как оказалось, вовремя.

Саша одним прыжком очутился рядом с Тосей и, схватив его руку, рванул на себя. Но денег в ней уже не было.

– Дружок, нажми на тормоз, – обратился к нему Прикуп. – Или ты не хочешь платить по спору? Если так, обратись в комитет по урегулированию бытовых проблем в бесхитростных спорах населения.

Саша негодовал. Злость и обида душили его. Ему не хватало воздуха. Мысли в голове путались. В его сознании было лишь одно: он потерял деньги!

Так Тося узнал Сашу. В этот момент он и не подозревал, какую роль в его жизни сыграет этот человек. Под маской доброжелательности Саша имел сердце, в котором не было места ничему другому, кроме подлости и зависти.

У Саши была жена по имени Валя с такими же духовными параметрами. До замужества она занималась проституцией. Выходя замуж, считала, что сумеет порвать с прошлой жизнью. Но без прежней работы жизнь казалась ей серой и неинтересной. И она снова и снова шла к „Интуристу“. Но теперь считала, что делает она это „неофициально“.

ЗНАКОМЫЙ ПЕРСТЕНЕК

Как-то Тося зашел в „Тритон“ под вечер. Там он встретил Сашу Петрова. Они уселись за стол и долго, мирно разговаривали. В конце разговора Саша сказал: — Я так понимаю, что четырехходовку Леше тоже ты показал, но ни на тебя, ни на него я не в обиде, так как узнал два классных способа зарабатывания денег. Четырехходовку я уже не раз опробовал, и результаты мне нравятся. А вот с марочкой еще ни разу не довелось, но уверен, что все впереди. Вижу, ты способный парень. Ау меня есть много знакомых, которых можно убрать на подобные заморочки. Только мне нельзя. Но вот если бы ты согласился, мы могли бы с тобой немного поработать.

И Тося согласился. За два вечера они посетили пять ресторанов, в каждом из которых выиграли какую-то сумму денег.

Обедая в „Арагви“, Тося встретил Толика Хуберта. Обед прошел на славу.

Толик познакомил его с официантом, которого звали Валера.

— У этого Валеры есть все, — говорил Хуберт. — У него ты можешь купить то, что не найдешь во всей Москве. А еще у него можно поесть в сто раз вкуснее, чем у всех остальных официантов этого ресторана.

— Как же это возможно? — спросил Тося очкастого Валеру.

— Потому что я со всеми делюсь, — ответил тот, — начиная от повара и кончая уборщицей.

Весь обед Хуберт рассказывал веселые истории, которые приключились с ним за последнее время. Тося так смеялся, что к концу обеда у него болели челюсти. Прощаясь, Хуберт заметил:

— Давно мы с тобой не работали, Прикуп. Давай что-нибудь замутим ради старых времен. Есть кто на примете?

— Да есть один, — немного подумав, ответил Тося. — Он мне два дня подряд своих друзей выставляет в шахматы, в четырехходовку. Мы можем прямо сегодня же и запутать его на обратку.

— Отличная идея! Едем! И они поехали.

Саша ждал Тосю у ресторана „Молодежный“, куда они собирались пойти сегодня вечером. Тося приехал с Хубертом. Выйдя из машины, подошел к Саше.

— Я познакомился с этим типом сегодня днем, — начал он. — Денег у него, по всей видимости, куры не клюют. А сейчас хочет купить икону в серебряном окладе, и я сказал, что у твоего брата есть именно такая. Следующее хорошо запомни. Я в точности описал ему эту икону, высотой около метра, Мария с Христом. Оклад: серебро с разноцветными камнями, восемьдесят четвертая проба и клеймо мастера. Скажешь, что посмотреть сейчас ее проблемно. А притащил я его сюда, чтобы подумать вместе, как можно хлопнуть этого красавца.

Саша задумался, поглядывая в сторону Хуберта. Тот сидел в машине и безмятежно крутил приемник. С видом недалекого человека он насвистывал что-то себе под нос.

— Давай скажем, что икону можно будет купить завтра. — Тося продолжал осаждать Сашу. — А брат, который продает ее, боится. Поэтому пусть сначала покажет деньги — есть ли они у него. А считая, можно „отломать“.

Но Саше явно не по душе было предложение Тоси, и он сказал:

— Так давай уберем его на четырехходовку.

— Думаешь, получится? — Тося оценивающе посмотрел в сторону Хуберта.

— А почему не получится?.. — И Саша принялся убеждать Тосю.

— Да, пожалуй, это хорошая идея, — согласился Тося и с уважением пожал Саше руку. — Молодец, дерзай.

...Саша выстроил Хуберту четырехходовку. Тот нашел решение, и они поспорили на шесть тысяч. Толик поменял местами пешки, как это ранее (нам известно) делал

Тося. Сделать это не составляло труда, так как у друзей не хватало денег и они с усердием решали эту проблему.

В конце концов было решено, что за недостающие деньги Тося поставит перстень с четырьмя бриллиантами. Снимая кольцо с пальца, он заметил Саше, что это ювелирное изделие он никогда не ставит ни в одну игру, потому что это подарок дорогого ему человека.

Началась игра в традиционной форме.

— Мне больше ходить некуда. Пат. — И Саша посмотрел в сторону лежащих на открытой дверце бардачка пачек денег, сверху которых весело поигрывали бликами четыре бриллиантика Тосино перстенька.

— Один момент, — остановил его Хуберт. — Мне кажется, что вы не совсем внимательны, так как пешка с поля А4 может шагнуть на поле А3.

Саша остолбенел. Он молча смотрел на две пешки, которые стояли у края доски, уткнувшись друг в друга. Он всегда знал, что они мертвы и бесполезны, и считал, что на доске они нужны лишь для того, чтобы придать большую значительность этюду.

Уже давно уехал Хуберт с выигранными деньгами, а Саша все не мог прийти в себя. Он недоумевал, как же могло такое произойти. „Может, это Тося показал мне еще один вариант наживы денег?“ Но он отогнал от себя эту мысль, так как хорошо помнил, что именно он уговаривал воспользоваться четырехходовкой, хотя у Тоси был иной план. „Но что же делать? — думал Саша. — Тося договорился с Хубертом завтра выкупить свое кольцо, и деньги для этого должен буду дать я. Это моя доля проигрыша. Но как не хочется платить!“

Через два дня Тося нашел Сашу в „Тритоне“.

— Давай деньги, пора выкупать кольцо, — заметил он. — Я видел его и перебил стрелку.

Но денег у Саши не оказалось. При этом он рассказывал весьма жалостливые истории.

Прошла еще пара дней и еще. Но денег по-прежнему не было.

Хуберт посоветовал Тосе забыть об этих деньгах, равно как и о самом Саше. Тот так и поступил.

Ясным солнечным днем Тося с Лешей останавливали такси. Мимо пронеслась машина и затормозила в тридцати метрах от них. Включился задний ход, и в подъехавшей машине друзья увидели Сашу Петрова, который приветливо сказал:

— Садитесь, подвезу.

Они забрались на заднее сиденье машины. Держа руки внизу, Тося снял с пальца перстень и, показывая его Леше, спросил:

— Как думаешь, он заметил? Леша посмотрел на совершенно спокойного Сашу, который вел какой-то пустой разговор.

— Нет, он не увидел, — успокоил Леша своего товарища.

Саша узнал, что друзья едут обедать в ресторан „Пицунда“, и изъявил желание к ним присоединиться.

Они втроем сидели за пустым столом в ожидании холодных закусок. Тут ни с того ни с сего Саша сказал:

— Тося, я считал, что пора становления нашего знакомства уже закончена и теперь мы с тобой относимся друг к другу искренне и по-товарищески.

— Конечно, это так, — поспешил заверить его Тося.

— А я вижу, что это не так, — продолжал Саша. — Когда на Варшавке ты садился в машину, на тебе был тот перстень, что мы проиграли. А теперь, смотрю, ты его снял. Как ты можешь это объяснить?

Тося перевел взгляд с Саши на Лешу, у которого кровь моментально отхлынула от лица, и он стал похож на статую.

— А что тут объяснять? — неуверенно начал Тося. — Все просто как мир. Конечно же, я выкупил кольцо. А как могло быть иначе? Я ведь предупреждал, что очень дорожу им. Я трижды просил у тебя деньги, и ты отвечал что-то невразумительное. Надоело каждый раз, подходя к тебе, унижаться просьбами о деньгах. Вот и решил снять кольцо с пальца, чтобы ты сам начал этот разговор. И как ты мог, — Тося

приобрел уверенность в голосе, — ни словом не обмолвиться со мной о долге! Или ты думаешь, что я буду платить за тебя? А между тем я ведь не твой папа!

В глубине души Саша не поверил Тосе, но, посчитав это объяснение удобным для себя, принял его без возражений.

После этого разговора Тося, чувствуя свою вину перед Сашей, решил реабилитироваться, предложив ему поработать вместе.

ТАИНСТВЕННЫЙ АНГЛИЧАНИН

— Оказывается, музыканты очень неплохо стоят, — сказал Саша и закурил сигарету.

— С чего это ты взял? — вяло спросил Тося. Он развалился на стуле и подковыривал вилкой ломтики салями у себя в тарелке.

— Вчера я провел вечер на одной даче, где они были приглашены в качестве гостей. Я имел счастье слышать их разговор, в котором басист проявлял желание купить фунты стерлингов. При этом речь шла о нескольких тысячах.

Тося оживился и собрался на стуле. Вася также с интересом повернулся к говорящему. Саша понял, чем вызвал интерес обоих друзей и на секунду задумался. Потом, продолжая размышлять, произнес:

— Но их не кинешь. Они знают все примочки.

— Сегодня же скажи своим друзьям, что вчера случайно стал свидетелем их разговора о фунтах. А сегодня прилетел брат из Лондона, и у него есть определенная сумма, с которой он готов расстаться. Так как вы самые серьезные и положительные ребята из всех, кого я знаю, я сразу с этим к вам. Если они не передумали покупать, привезешь меня для знакомства и уточнения деталей сделки.

Вечером, когда Саша отправился доводить суть сказанного Тосей до сознания музыкантов, сам Тося у входа в ресторан „Белград“ натолкнулся на молодую чету. Его звали Костей, ее — Зоей. Они оба любили тратить деньги и мечтали о несметных богатствах. При этом, каким именно образом эти богатства появятся, представлялось им туманным. В поисках решений они посещали всевозможные бары и крутились возле дорогих ресторанов. С Тосей они познакомились в „Тритоне“ месяц назад. Во вторую встречу Костя сказал Тосе, что готов быть полезен в любых делах, причем за незначительный процент.

— Где вы сейчас живете? — спросил Тося, пытаясь отмахнуться от назойливой парочки.

— Сейчас мы живем в квартире Зоиной тетки. Она находится совсем рядом с метро „Войковская“. Я сейчас запишу тебе телефон. — Он открыл блокнот и, записав цифры, оторвал страничку и протянул Тосе. Тот, сунув листочек в карман, пообещал позвонить и, попрощавшись, прошел в большой вестибюль ресторана, где кипела жизнь. Слышались звуки эстрады, и сильный запах дорогих духов висел в воздухе. Яркость и величие роскошных женщин, проаживающихся вдоль колонн, заставили Тосю сразу же забыть о липких молодоженах и отдаться кипящей ресторанной жизни со всеми ее законами и интригами.

Лишь на следующий день после встречи с восходящими звездами музыкального мира Москвы Тося вспомнил об этой услужливой парочке. Он позвонил и, уточнив адрес, договорился о встрече. Уже через час он переступил порог небольшой, но уютной квартиры, в которой, к его удивлению, чувствовались забота и любовь. Все вещи стояли на своих местах, отчего казались красивее и значительнее. Он глянул на Зою и поздравил ее с отличным вкусом.

– Ну что ж, перейдем к делу. – Тося сел в кресло и предложил молодой чете последовать его примеру. – Мне нужно, чтобы вы завтра с двух до трех погуляли где-нибудь. Сам я это время проведу здесь, в этой квартире, со своими друзьями за столом переговоров. За этот час я заплачу вам пятьсот рублей. Ну, что скажете?

– Не получится ли так, что через час мы вернемся в пустую квартиру? За час много можно вынести, – раздумывала вслух Зоя.

– Вы можете этот час гулять во дворе и следить, чтобы этого не произошло, – парировал Тося.

– Когда мы получим деньги? – обрел голос Костя, ковыряясь спичкой в зубах и задумчиво глядя в пол.

– Как только я выйду из квартиры, без пятнадцати три, тут же заплачу. Идет? – Тося похлопал по плечу Костю. – За ключами заеду завтра в час.

И он оставил супругов рассуждать над задачей под названием „как и какие деньги можно получить за один час в их квартире за столом – все, что помним о бабушке“.

– Раз ты говоришь, что они чересчур крученые, эти лабухи, значит, действовать будем нестандартно, – говорил Тося Саше. Вася в это время находился у пианино. Пальцы его скользили по клавишам, и комнату наполнял Бах своей настойчивостью и мощью. Вася не вникал в слова друга, так как знал: это не его партия, а сам он лишь фигура в ней. Поэтому был готов любой приказ принять без обсуждения. И сейчас он ушел в музыку.

Три музыканта приехали к назначенному времени к станции метро „Войковская“. Там их ожидал Саша. Не успели обменяться рукопожатием, как подошел Тося. В руках он держал авоську с картошкой.

– Так как боюсь всякого рода неожиданностей на улицах, то решил пригласить к себе домой, – холодно произнес он.

– Что ж, мы не против, – заявил басист, глядя на одобрительные кивки своих спутников.

Все последовали за Тосей. У двери на третьем этаже он остановился и нажал кнопку звонка. Раздался шорох, затем звук открывающихся замков. Дверь отворилась, и все пятеро мужчин увидели на пороге молодую женщину в распахнутом халате на голом теле. Ее длинные волосы были намылнены, и она придерживала их руками. Это была Лерочка, которая десять минут назад узнала о существовании этой квартиры.

– Кх... кх, – кашлянул в кулак Тося, и она запахла халат. – Я же сказал, что приеду к двум часам. А ты затеяла баню.

– Ты всегда бурчишь себе под нос, и именно когда я собираю Машеньку к маме. В этот момент я вообще ничего не в состоянии соображать, а уж тем более помнить...

– Ну хорошо, хорошо. Заканчивай купание и приготовь нам кофе, – сказал Тося, проходя в комнату.

Когда гости расположились вокруг стола в центре комнаты, он произнес:

– Я продам вам полторы тысячи фунтов по десять рублей. Деньги на такую сумму при вас?

– Да, именно столько мы и рассчитываем купить, – ответил один из музыкантов, который держал на коленях небольшую сумочку.

– Тогда попрошу показать мне деньги, чтобы их можно было проверить на предмет честности.

– Ты хочешь сказать, что наши деньги могут быть нечестными, то есть фальшивыми? – вскипел полный басист. – Зачем нам привозить тебе фальшивые? Ты ведь знаешь, где мы работаем.

– Не нужно сердиться. Во время поездки в Англию я наслушался столько историй, связанных с отъемом и хождением фальшивых денег. Прошу понять мои опасения. Я знаю вас всего пару дней.

– Ты не был у нас в ресторане и не видел нас на работе, но твой брат Саша...

– Сашу я знаю на два дня дольше, чем вас, – произнес Тося, глядя на Сашу. Взгляды всех присутствующих также устремились к Саше.

— Да, мы познакомились случайно возле американского посольства, когда я оформлял гостевую, несколько дней назад. Я не хотел вам говорить, чтобы вы ничего не подумали такого. Ну и сказал — брат.

— Вот видите, — вскопчил Тося, — как же я могу быть уверенным в чем-то? Я и так сильно рискую тем, что привел всех к себе домой. Поэтому если вы порядочные ребята, то вам нечего опасаться и скрывать.

В этот момент дверь в комнату открылась и Лерочка, уже в застегнутом халате, который зовуще облегал фигуру, прошла к столу и заботливо поставила поднос с пятью чашечками кофе. При этом она улыбнулась сосредоточенному бас-гитаристу, чем разогрела его сердце.

— Дорогая, — обратился Тося к очаровательной, свежей, с распущенными мокрыми волосами, Лерочке, — спустись вниз и посмотри, не крутится ли под окнами кто подозрительный.

— Хорошо, заодно выброшу мусор.

Лерочка прошла на кухню. Взяла ведро, из которого свисал хвост и часть скелета крупной селедки, и, как была в халате и комнатных тапочках, вышла из квартиры.

— Вот деньги. Нам скрывать нечего. Пожалуйста, можете проверить, — произнес серьезный гитарист и положил на стол толстую пачку сторублевок, перетянутую резинкой.

Все молча смотрели на деньги, когда голос радиодиктора произнес:

— Вы слушаете передачу „По вашим письмам“.

Тося встал, взял деньги, пролистнул в руках и сказал:

— Одну минутку. — С этими словами и пачкой сторублевок он вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь. Еще пара шагов, и он несется вниз через ступеньку, отсчитывая пять купюр.

У подъезда он отдал пятьсот рублей и ключи ожидающей его супружеской паре.

— Забудьте обо мне, будто меня и не было. Зоя, ты возвращайся домой. А ты, Костя, гуляй во дворе и жди сигнал. Если нужна будет помощь, она выбросит что-нибудь в окно и ты придешь. А меня здесь никогда не было. — И он исчез в подъехавшей машине.

Зоя не долго думая направилась домой. Она смело открыла замок своим ключом и прошла в коридор. Дверь в комнату была закрыта, и из-за нее слышались „Интернационал“ из радиоприемника и приглушенный мужской спор.

— Куда это он отправился с нашими деньгами?

— Почему я знаю. Может, у него в соседней комнате лаборатория по выявлению фальшивок, а может, фунты из стены достает.

— Что-то он долго ходит. Я схожу в туалет, а заодно и узнаю.

Плотный угрюмый басист открыл дверь и натолкнулся на Зою. Та вскрикнула и прижалась к стене коридора.

— Чего вы испугались? — Басист сделал шаг в сторону Зои.

— Не приближайтесь. Я закричу. Соседи за стеной вызовут милицию, — проговорила Зоя, медленно перемещаясь в сторону выхода.

— Да какая милиция? Нас сюда хозяин привел. Мы уже здесь полчаса. — Это говорил Саша. Он, как и все остальные, уже стоял перед растерянной Зоей.

— Воры.. Воры! — вдруг заорала что есть силы Зоя и бросилась открывать входную дверь.

Саша успел подскочить и захлопнуть уже приоткрывшуюся дверь.

— Чего ты орешь? Ты кто такая? — Он тряс ее за плечи. — Мы никакие не воры, а друзья твоего брата или кто он тебе? Тот, кто приехал из Англии.

— Я живу здесь со своим мужем. Никакого брата у нас нет. Тем более англичанина. А муж сейчас придет. — Зоя всхлипывала, вытирая слезы.

— А женщина, женщина в халате?.. — Один из музыкантов тряс рукой, обращаясь к басисту.

— Где ты нашел этого англичанина? — повернулся басист к Саше. — Ну каков? Но каким образом он попал в эту квартиру?

Зоя, воспользовавшись тем, что внимание к ней несколько ослабело, ухватила одежную щетку и проскочила на кухню. Там она со всего размаху швырнула щетку в открытую форточку, но промахнулась и угодила в двойное стекло. Шум, звон разбитого стекла — и на пороге вскоре появился Костя.

— Кто эти люди?

— Это воры. Нужно вызвать милицию, — сказала заплаканная Зоя, направляясь к нему.

— Милицию пошел вызывать Боря. Я болтал с ним у подъезда, когда посыпались стекла.

— Мы в незавидной ситуации. — Первым пришел в себя басист. — Вряд ли будет простым делом объяснить наше присутствие здесь. Нужно быстро отсюда убираться.

— Нет. Давайтеждемся милиции, и все выясним. Они разберутся, что к чему, — сказал Саша уже движущемуся к выходу басисту.

— Идиот. Ты что скажешь, что мы хотели купить фунты? Да это восьмидесятая статья. Тюрьма.

Они гурьбой бросились вниз по лестнице, а затем врассыпную пробрались вдоль домов к станции метро. До метро дошли трое. Саша куда-то исчез по дороге.

КРЕН СУДЬБЫ

Шла вторая половина года, и в политической жизни страны произошли перемены: умер генсекретарь Брежнев, и к власти пришел Андропов. Население настороженно затаилось в ожидании чего-то, но пока никаких изменений не происходило. И Тося считал, что в его жизни перемен к худшему произойти не может. Но судьба не разделяла его уверенности.

Он проснулся, когда часы показывали двенадцать. „Сегодня тридцать первое декабря, — подумал он. — Наступает новый год, и нужно приколоться, встретить его хорошо“.

Дома все было готово для большого шикарного стола на шестнадцать человек. Приглашены были лишь хорошо знакомые и симпатичные Тосе люди. Но праздновать только дома ему показалось скучным. Он сказал Васе, выйдя из ванной с полотенцем на бедрах:

— Давай начнем встречать Новый год в „Битце“, а потом приедем домой и продолжим за нашим столом.

— Это нужно было решать раньше. Сейчас уже поздно: мы никуда не сможем попасть. Ты посмотри на часы — до нового года осталось... — Вася хотел подсчитать, сколько осталось времени, но Тося его перебил:

— Правильно! Если ты начнешь считать, мы точно никуда не попадем. А если ты вспомнишь, что метрдотель этого кабака лох, а ты — аферист и тебе нужно его запутать за какой-то несчастный столик на шестнадцать человек, тогда ты быстренько оденешься, поедешь и сделаешь нам этот столик.

В этот момент появился Саша с ящиком шампанского.

— Привет, Саша! С наступающим. Покаты не разделся, бери Васю и езжайте. Он тебе все расскажет по дороге. Я бы и сам поехал, но вы же видите, что собрался в ванную. И это займет время.

— И сколько же ему платить за такой поздний заказ? — спросил, заканчивая одеваться, Вася.

— Сколько скажет — столько и плати. Но помни, что я тебе сказал: ты на работе. И смотри, чтобы стол был не где-нибудь на отшибе или у динамик

эстрады, а в центре. Надеюсь, ты понял, о каком ресторане идет речь? – Тося завязывал развязавшийся узел полотенца.

– Конечно, понял. А если не будет мест в маленьком кабаке внизу? Может, договариваться в большом? – Вася был одет и стоял в дверях рядом с Сашей.

– Никакого большого. Только маленький, и только в центре зала. Постарайся не испортить нам праздник. – И Тося зашел в ванную комнату.

Через час вернулись Вася с Сашей, покрасневшие и счастливые. Они наперебой начали рассказывать, как им удалось заполучить столик, который заказали проститутки, оставив в залог триста рублей. Вася заплатил пятьсот, и вопрос был исчерпан. Он отдал Тосе приглашительные билеты, по которым пропускали на территорию „Солнечного“.

Новый год они встретили так, как планировал Тося. Затем еще пару дней друзья гуляли в ресторанах и гостили у знакомых.

Посчитав, что время отдыха закончено, решили приступить к работе, которая сводилась к следующему. Цельми днями Вася ходил по барам, ресторанам, парикмахерским и предлагал, определив жирного лоха, кому – фианиты, кому – права, а кому – радиодетали. На следующей неделе Тося должен был выступать в качестве купца.

Все три дня, которые они провели за этим занятием, Тосе казалось, что за ними следят какие-то люди. Он поделился своими опасениями с другом, но тот их не разделил.

Однажды встретили знакомого по имени Жан. Тот рассказал, что в Перово, в неказистом ресторане, работает официантом парень, у которого имеются минимум двадцать пять тысяч. Знает он это потому, что с ним „в золотых“.

– Ну что ж. Займемся твоим халдеем, – заверили Жана товарищи. – Когда, говоришь, его смена? Завтра?

Деньги подходили к концу, а для начала работы они были необходимы.

– Нужно выдернуть лоха на чеки. Сделать это надо технично и не у „Березки“, – сказал Тося, когда они с Васей выходили из дома.

Они нашли такого человека на Ленинском проспекте возле универмага „Москва“. Им оказался сорокалетний мужчина из Тушино. Прикуп „рассчитал“ простофилю за шесть тысяч рублей и, выйдя через проходной подъезд, сел в такси, которое подогнал Вася.

В этот день их пригласил на день рождения их товарищ Сергей Полковник. Друзья заехали в магазин за подарком и отправились домой. Там Тося оделся дорого, с иголки и порекомендовал Лерочке сделать то же самое.

Было решено начать подготавливать официанта, которого „выставил“ Жан, сегодня же. С Васей они условились, что тот поедет с подарком к Полковнику, а Тося с Лерочкой съезжат в Перово, где он сможет пощупать халдея, а затем приедут туда же.

Они долго ехали в такси в поисках нужного ресторана. Когда зашли в холодный неуютный холл, кроме швейцара, их выбежали встречать все официанты, каждый из которых предлагал присесть к нему за столик. Но нужного халдея среди них не было, „Может, не та смена, – думал Тося. – Жан ошибся“.

Он не спеша помог Лерочке снять дорогую шубу. Вот он увидел лицо, которое так подробно описал Жан. Тося обрадовался ему, как родному.

– Ты – один среди всех, который внушает мне доверие, – обратился Тося к появившемуся невысокому усатому официанту в черном костюме. – Этот вечер я хотел бы провести за твоим столом.

Тот с радостью помог Тосе избавиться от дубленки и проводил гостей к столу. Его коллеги разочарованно разошлись.

Зал был полупустым. На эстраде у ударной установки на стуле стоял магнитофон, из которого пел Челентано. Делал он это так громко, что говорить с Лерочкой Тосе было затруднительно. Официант предложил меню. Тося достал пачку денег, разорвал упаковку и протянул двадцать пять рублей.

– Пожалуйста, попроси Челентано петь потише, чтобы я слышал, о чем говорят чувства моей подруги.

Голос Челентано перешел на шепот. „Надо было еще выбросить денег“, – подумал Тося.

– Вот тебе еще четвертак. Или даже два. – Он протянул две купюры, разорвав упаковку второй пачки, которую „по рассеянности“ вытащил из другого кармана. – Хочу, чтобы за соседними от меня столиками никто не сидел, – важно сказал Тося.

Как выяснилось позже, форс этот был не совсем напрасным.

– У меня мощное энергетическое поле. Нормально могу отдохнуть лишь в том случае, если никто не приближается ко мне ближе чем на пару метров. Ты уж потрудишься, пожалуйста, голубчик.

Официант удалился, оставив молодых людей знакомиться с ассортиментом блюд. Просматривая меню, Тося говорил Лерочке:

– Когда тебя спрошу, чего бы хотелось, скажи, что хочешь ананас.

Официант принялся тщательно записывать Тосин заказ в своей записной книжке. „Это официант до последней секунды“, – думал Тося, глядя, как тот после названия каждого блюда наклоняется с целью расслышать поточнее, хотя Тося произносил слова достаточно громко.

– ..А также шампанского „брют“ и бутылку „Ахтамара“. Пожалуй, все. Хотя... – Тося закрыл меню и обратился к Лерочке: – Чего бы тебе хотелось, дорогая?

Та, закинув ногу на ногу, держа палец у рта, тайно восхищалась им, его умением перевоплощаться в разных людей. Сейчас он напоминал ей сверхбогатого молодого человека с выражением усталости от своей популярности на лице. Она услышала вопрос. Немного развернувшись на кресле, закатила глаза кверху, а кончик пальца засунула в рот.

– Хочу ананас, – сказала Лерочка, вытащив палец.

– И один ананас, пожалуйста, – проговорил Тося с такой уверенностью в голосе, что официант на секунду подумал, что в меню есть этот фрукт. Но, опомнившись, неуверенно сказал:

– Извините, ананасов нет.

– Ананасов нет? – изумился Тося. – Как же так? Семьсот за ананас, – добавил он.

– Извините. Я сейчас позвоню друзьям в „Интурист“. Может, там удастся... – И он, извиняясь и кланяясь, удалился.

На столе стали появляться разные предметы и блюда. Рядом, сразу за спиной Тоси, уселись двое. Официант оказался тут как тут. Он что-то объяснил посетителям. Они встали и растворились в дымном полумраке зала.

– Я звонил в „Интурист“, и сейчас заказ выполняется, – говорил официант, наливая шампанское в Лерочкин фужер.

Тося посыпал лимон сахаром, взял бутылку коньяка, только что поставленную официантом, и, придвинув вторую рюмку, наполнил ее.

– Присядь и выпей со мной.

– Извините, нам не положено.

– Не могу пить один. А Галочка пьет только шампанское.

Тот, несколько поколебавшись, глянул по сторонам, снял бабочку и присел на предложенное кресло.

В бутылке начало виднеться дно, когда Тося сказал:

– Вижу, ты хороший парень и мне симпатичен как человек: располагаешь к откровению. Скажу тебе честно. Вся жизнь я занимался тем, что играл в карты, ездил по катранам. Сейчас мне повезло: я сорвал куш. Месяц назад мне уплатили триста тысяч по игре. Я решил завязать. Бог одобрил мое решение и сразу дал мне доходное стоящее дело. Но верных и умных людей, таких, как ты, например, у меня мало.

Было заметно, что Тося опьянел. Официант внимательно ловил каждое слово. Он вдруг почувствовал, что судьба дает ему шанс – тот единственный, о котором говорят люди.

Тут он заметил, что приехала его жена, которой он звонил с просьбой привезти билеты на концерт Пугачевой, добытые им с большим трудом. Но он не хотел в этот

момент отходить от Тоси, так как чувствовал, что этот человек изменит его жизнь, оставив в ней какую-то часть своих денег. Прикуп продолжал:

– У меня появились очень серьезные и влиятельные деловые партнеры в некоторых городах. В Москве мне нужны столь же серьезные поставщики. Есть у меня несколько, но увы, они очень мелкомасштабные. Мне нужен размах. В дело хочу вложить сто-двести тысяч. Ты коммуникабельный человек со связями, не так ли?

– Да, у меня очень много знакомых, которые могут решить некоторые проблемы.

– А нет ли среди твоих знакомых человека, который имеет выход на фианиты?

– Так сразу сказать трудно. Надо подумать. Я постараюсь все разузнать. Когда это нужно?

Тося рассказал, какие именно нужны фианиты и по какой цене он их возьмет. На тот момент у них с Васей их оставалось триста штук из той тысячи, что они купили три месяца назад у хорошо знакомого парня из Цхалтубо по имени Джумбер. Тот не в первый раз выполнял подобные заказы. В этот раз это были камни по 0,6 грамма огранки кабошон ценой 5 рублей за один камень. Друзья „продавали“ их по сто рублей за камень.

Официант ушел и тут же вернулся.

– Пожалуйста, извините, с ананасами не вышло. Если бы на час раньше... Но чтобы поднять вам настроение, мне удалось договориться о двух билетах на концерт Аллы Пугачевой. В субботу, в „России“. К концу вечера билеты будут доставлены вам сюда.

– Это хорошо, – одобрил Тося, пережевывая лангет.

Вечер подходил к концу. Глянув на часы, Тося попросил счет. При этом добавил:

– Организуй такси к входу и внеси эту услугу в счет.

Рассчитавшись с официантом, получив билеты и договорившись о встрече, Тося с Лерой направились в вестибюль. Услужливый официант отобрал у швейцара Тосину дубленку и самолично помог тому надеть ее. Лерочка застегивала шубу.

Погода в этот день была морозной. Валил снег, и ветер играл им: то поднимая хлопья вверх, то закручивая юлой.

Официант открыл дверь. Тося, пропустив Лерочку, шагнул на освещенное заснеженное крыльцо ресторана. Подъехало такси. Официант открыл дверцу машины. Но в тот момент, когда Тося, похлопав официанта по щеке, уже был готов сесть в автомобиль, перед глазами все завертелось, земля ушла из-под ног.

Двое крепких ребят внесли его в скрипнувшую тормозами и остановившуюся тут же черную „Волгу“. Он успел заметить лицо официанта, перекошенное гримасой удивления. Первое, что промелькнуло в голове, было: „Халдей позарился на мои деньги, вызвал головорезов, сейчас повезут в какой-нибудь погреб!“ И он с ненавистью глянул из набирающей ход машины на растерянного официанта.

Тося сидел на коленях одного из троих крепких парней на заднем сиденье. Руки были сжаты в кулаки, в одном из которых была пуговица от дубленки. Он хотел разжать кулак, но двое по бокам крепко держали его за руки, не давая этого сделать.

Его завели в райотдел работники Петровки. Лишь там, в присутствии понятых, он разжал кулак с пуговицей, к удивлению и разочарованию оперов. Первый вопрос, который ему задали:

– Расскажи, как провел сегодняшний день.

Тося недоумевал. „Что их интересует? Может, они меня перепутали с кем-то? Утренний терпила не успел бы так быстро дать заяву. А даже если и так, найти человека в Москве ой как непросто. Тем более за такое короткое время“.

– Я приехал сегодня поездом на Киевский вокзал...

– Напрасно ты пытаешься нам рассказывать эти басни. У нас твоя девушка. Наверняка она не знает о твоём сегодняшнем приезде.

„Понты для приезжих“, – подумал Прикуп.

Он вспомнил, как, перед тем как выйти из дому, давал указания Лерочке:

– Все чеки и записную книжку выложи из сумочки. Если вдруг тормознут менты, знай: мы приехали сегодня днем. Поезд „Одесса – Москва“. Вагон девятый. Билеты выбросили.

Но через десять минут перед ним легло на стол содержимое Лерочкиной сумки. Здесь были и чеки, и записная книжка. Но он твердо продолжал стоять на своем и отказывался отвечать на вопросы, несмотря на изощренные нападки восьми оперуполномоченных.

Он сидел в камере, когда открылось окошко в центре двери. Тося поднял голову и увидел в нем лицо своего недавнего потерпевшего. „Все-таки из-за него“, – подумал он.

На допросе у следователя он предложил:

– Я дам полный возврат терпению. И столько же – тебе. И давай закончим все это.

На что следователь ответил:

– Я вижу, ты неплохой парень. Если бы это зависело от меня, мне было бы достаточно и пятой части того, что ты предлагаешь. Но ты где-то перешел дорогу „Петрам“, а против них никто из нас не пойдет.

– Это какая-то ошибка. Каким „Петрам“? Меня перепутали. Я никому не переходил дороги.

Тося отказывался от показаний и от всего того, что ему вменяли. Его перевели в КПЗ, Лерочку выпустили.

Через три дня прокурор дал санкцию на содержание до суда в следственном изоляторе. Его перевезли в Бутырку.

Как только за спиной закрылись двери, он очутился в огромном сводчатом зале. Сбоку услышал французскую речь. Повернувшись, увидел роскошных женщин в шубах и сапогах на тонких высоких каблуках. Наверное, с ними были мужчины, но он их не заметил. Поразили лишь женщины, которые разглядывали старинную постройку. Пройдя через множество различных помещений, таких, как парикмахерская, душевая, камера хранения, бельевая и другие, оказался в камере, рассчитанной на тридцать семь человек, однако в ней находилось более пятидесяти.

На нем был голубой в синюю точку костюм, темносиний американский батник и высокие красивые сапоги. Его коротко остригли, но эта прическа, как ни странно, была прежней была к лицу Тосе. В руках он держал черную скатку.

Он очень выделялся среди тех пятерых парней, с которыми переступил порог камеры. После знакомства с некоторыми ее обитателями не прошло и пары часов, как ему предложили стать членом первой семьи. Она состояла из девяти человек. Все они были очень разные и имели различные статьи Уголовного кодекса. Но одно было в них общее – это острый, живой ум.

Они ели за большим дубовым столом, единственным в камере. Перед едой стол застилали чистой простыней и выставляли различные деликатесы. Занимался этим их „хозяйка“ по прозвищу Кулибин.

Каждому были разрешены передачи в пять килограммов каждую неделю. Они сдавались Кулибину, а тот распределял продукты между семейниками с заботливостью любящей матери. Остальные жители камеры ели у себя на шконках.

Основным занятием заключенных были игры в шахматы, нарды, домино. Из физических игр – „слон“.

Собирались две команды желающих от пяти до десяти человек в каждой. Затем по очереди бросали пять зариков и по сумме определяли победителя – это была команда, которой посчастливилось запрыгивать на проигравших в кости. Те выстраивались „слоном“, согнувшись и крепко обняв друг друга вокруг пояса. „Слон“ должен принять всех наездников и провезти до двери и обратно. В этом случае он выиграл, и команды менялись местами. Но если „слон“ рассыпался – все начиналось сначала.

Из пятидесяти жителей хаты лишь у двоих была статья 147-я – „Мошенничество“. Это были Тося и Гарик.

Тося сидел за столом и, покуривая, разговаривал с Гариком, очень большим и толстым парнем. Гарик заметил, что организовалась команда, в которую взяли худого, как гвоздь, азербайджанца.

– Триста лет армяне мечтают ездить на азербайджанцах.

Тося глянул на худого, обросшего парня в узком свитере. Он представил себе Гарика, сидящего у того на плечах, и громко рассмеялся.

– Пойдем сыграем, – сказал Тося. – Вот и проедешься.

– Смеешься! Мне бы хоть на первого запрыгнуть. А этого они запрячут в самый конец, – с досадой проговорил Гарик.

– Не знаю, как насчет проехать, но сесть на него я тебе помогу. Пойдем скорее, уже начали бросать заряды.

Они подошли к собравшейся в крут дюжине парней. Тося сказал, что будет играть, и они переукомплектовали команду.

– Бросать будет Гарик, – объявил Тося.

Тот выбросил три шестерки и две пятерки. Проигравшая команда стала „слоном“, готовым принять наездников. Для этого они растянулись на полкамеры. Делалось это для того, чтобы было тяжелее допрыгнуть до слабого позвонка „слона“ (в данном случае это был азербайджанец). При движении, наоборот, „слон“ сжимался и становился похожим на большую пирамиду.

Когда „всадник“ отходил для разгона, участники стоящего „слона“ прятали головы, так как в прыжке он мог сильно их зацепить ногой. В этот момент они не видели, что происходит вокруг.

Тося отошел к самой двери для разгона. „Слон“ смотрел на него. Он сделал резкое рывкообразное движение вперед, но остался стоять на месте. „Слон“ запрятал головы, но, не услышав Тосино бег, снова глядел на него.

– Держись! – крикнул Тося и, громко стуча по кафелю, побежал.

„Слон“ спрятал головы и напрягся. Перед самым „слоном“ свернул и устроился на нижних нарах. В это время Гарик встал во весь рост на верхней наре и, подобно американскому ковбою, запрыгнул на азербайджанца.

Упал весь „слон“.

Гарик был счастлив. Он, улыбаясь, обнимал Тосю. Азербайджанец еще некоторое время лежал посреди камеры. Затем поднялся и, шатаясь, подкашивающейся походкой направился на свое место.

Тося встретил много интересных и необычных людей. Познакомился с законами и правилами тюремной жизни, что увлекало его первое время. Но все это казалось сном. Он отказывался верить, что не может закончить начатую работу с перовским официантом. Ему очень хотелось увидеть и прижать к себе Лерочку, судьбу которой он не знал. Проснувшись, он не всегда понимал, где находится, и с надеждой поглядывал на двери. В глубине души он ожидал, что они откроются и эта чудовищная остановка в красочном и разнообразном движении его жизни останется позади.

Каждый раз, придя с допроса, он задумывался над тем, как же удалось ментам выследить его? Но не находил ответа. Он вспоминал очкастого следователя, который говорил улыбаясь:

– Так ты не догадываешься, каким образом попал к нам?

На что Тося пожимал плечами и искренне отвечал:

– Нет, не догадываюсь. Хоть намекните.

Но тот в ответ лишь улыбался.

Времени было предостаточно, он, лежа на шконке, вспоминал, как начал дружить и работать с Сашей Петровым. Чтобы воспоминания были более ясными, Тося решил поделиться ими с кем-либо. Как нельзя кстати для этого подходил худощавый русский парень по имени Гена Маки, привезенный из Риги работниками с Петровки, 38. У Гены с Тосей нашлись общие знакомые по свободе, что позволило им сдружиться, Тюремная дружба имеет строгие рамки и свои правила, основным из которых является: не задавать вопросов, касающихся криминальных действий. Но Тося сам решил рассказать Гене о работе в универсамах и фирменных магазинах, так как считал, что это тому пригодится.

– Раньше в Москву, – говорил Тося удобно устроившемуся у него на наре Гене, – да и сейчас многие приезжают для того, чтобы купить разные дефицитные вещи. Некоторые это делают для себя, друзей и близких. Остальные – с целью спекулировать в провинции. Поэтому в универсамах и фирменных магазинах стоят большие очереди.

НА ДОВЕРИЕ

Сразу после обеденного перерыва, когда очереди особенно длинные, Саша зашел в магазин. У него был вид грузчика с претензией на современность. Твердой, уверенной походкой он подошел к полной женщине, которая стояла в конце очереди за велюровыми пальто с воротником из ламы по цене 450 рублей. В этот отдел было особое столпотворение, так как цена на такое пальто на рынке доходила до двух тысяч рублей.

– Продаю пальто черного и синего цвета, – высоко держа голову, твердо и уверенно сказал Саша, так что его услышали еще несколько человек из очереди.

– За сколько продаете? – спросила тучная женщина, вытирая пот с лица: в магазине было слишком душно, очередь не двигалась, и она не знала, достанется ли ей пальто. Она очень устала – с семи часов на ногах.

– Продаю по пятьсот рублей. Имеются все размеры.

Саша мельком глянул на окружающих его женщин и, отметив про себя, что худых нет, добавил:

– Кроме сорок второго и сорок четвертого.

Женщины с огоньками радости в глазах обступили Сашу.

– Мне нужны два черных, сорок восьмого и пятидесятого размеров, – скороговоркой говорила одна.

Затем еще три женщины, включая полную, заголосили наперебой.

– Я работаю в этом магазине уже четыре года. И мне не нужны неприятности. Вы так кричите, что того и гляди узнает начальство. Давайте отойдем к выходу и там обстоятельно поговорим, – сказал Саша, озираясь по сторонам.

Они вышли из магазина и немного отошли от выхода.

– Гражданка, я скажу вам сразу. Имеется две расцветки и все размеры, кроме сорок второго и сорок четвертого, – обратился Саша к усталой тучной женщине, не обращая внимания на окружающих его еще троих.

– А нам? Нам тоже надо! – снова затарахтели женщины.

В этот момент подошел Тося с бумажным пакетом в руках.

– Извините, пожалуйста, молодой человек. Большое вам спасибо за то, что вы мне вынесли. Все меня устраивает. Но мне нужен еще и пятьдесят второй размер. – Говоря это, он указывал на пакет, всем видом давая понять, что именно здесь находится тот товар, который он приобрел.

Недовольный Саша обратился к нему:

– Какой-то вы очень странный. Все, что вы мне сказали, и все, за что вы заплатили, я вам вынес. А вы ко мне вдруг с какой-то претензией. Надо было раньше думать и решать, что вам нужно.

– Извините. Да, это моя вина, – ответил Тося. – Я действительно заказал пятидесятый размер. Уже проехал полпути, но вернулся, вспомнив, что тестю не взял. Вы, пожалуйста, меня извините, но мне нужен еще один спортивный костюм пятьдесят второго размера.

Тогда Саша повернулся к своим спутницам:

– Извините меня, пожалуйста. Вам придется подождать пять минут. Видите, это очень настырный молодой человек. Сейчас я вынесу ему еще один костюм, и потом мы с вами продолжим. С вами все равно будет несколько дольше. А с ним я быстро разберусь.

Он взял у Тоси сто пятьдесят рублей — деньги за костюм — и ушел вдоль магазина на склад. Обойдя магазин, он подошел к ожидающему такси — в машине, рядом с водителем, друзьями был оставлен дорогой красивый спортивный костюм, — купленный Тосей неделю назад в магазине „Березка“.

В отсутствие Саши Тося беседовал с женщинами. Он рассказал, что вот уже третий раз пользуется услугами этого человека.

— Сейчас, — говорил он, — я купил спортивные костюмы на пробу. Хочу посмотреть, как они будут идти. И если окажется, что будет так, как я думаю, хочу договориться с этим парнем, чтобы купить у него двадцать пар.

Пришел Саша, держа в руках новенький костюм.

— Сейчас, одну секундочку, — сказал Тося. — Хочу уточнить расцветку. — Он развернул костюм и начал им любоваться, останавливаясь на достоинствах материала и покроя.

Саша достал блокнот и ручку, начал интересоваться у женщин цветом и размером нужных пальто. Тося продолжал разглядывать костюм, держа его над головой на вытянутых руках, привлекая внимание прохожих.

— Почему вы не уходите? — обратился к нему Саша. — Вы получили все, что вам нужно. Меня уволят с работы, если узнают, что я приторговываю вещами. А вы разглядываете свой костюм так демонстративно, что обязательно кто-нибудь заметит. — Его волнение начало передаваться женщинам, и те стали рекомендовать Тосе рассматривать костюм где-нибудь в другом месте.

Тося ушел и, обойдя магазин с другой стороны, сел в такси.

Через десять минут пришел Саша, и они направились к другому магазину. Считая деньги, Саша рассказал, что только тучная женщина захотела купить одно пальто. А остальные заказали по два, по три.

Однажды в камеру ввели толстого парня, который явно всех опасался. Это сразу же заметили обитатели и подвергли того нападкам. У Тоси парень вызывал жалость своим болезненным видом. После беглой беседы он объявил о своем покровительстве ему. Когда друзья пытались узнать причину этой опеки, они шутили, намекая, что Тося „нашел себе пухленькую девушку“.

Но дело обстояло иначе. Он узнал, что парень до Бутырок провел три месяца в Кащенко, где ему поставили диагноз „шизофрения“. Тося знал, что если бы его самого признали шизофреником, он оказался бы на свободе, проведя всего лишь несколько месяцев на вольничей больничке. Он решил, что с помощью этого парня сумеет добыть этот диагноз.

Каждый день он усаживал его на свои нары и долго беседовал, пытаясь воспроизвести день за днем трехмесячное пребывание того в больнице. Уже через неделю симптомы болезни парня он сумел применить к себе. Внимательно слушая собеседника, он определял реакцию его на те или иные вопросы и действия медперсонала. Он не спеша входил в выбранную роль.

Когда Тося получил ответы на все интересующие его вопросы, парня забрали из камеры. Выяснилось, что попал он в общак по ошибке, и теперь его перевели в признанку.

Тося написал несколько заявлений прокурору, в которых говорилось, что его жену избивают в соседней камере, отчего та громко кричит по ночам, не давая ему уснуть.

На очередном допросе он пытался узнать у следователя цены на нефть на мировом рынке, объясняя это тем, что знает о богатом месторождении и не хочет протешевить. При этом уговаривал следователя съездить в Германию в качестве его представителя и договориться о продаже нефти.

Через несколько дней его осмотрели врачи. К их вопросам Тося был готов. Еще через несколько дней рано утром его вызвали с вещами. Кулибин заботливо помог собрать вещи и, завернув „тормозок“ в дорогу, пожелал удачи.

Тося прощался с семейниками. Теплота этого прощания тронула его. Неожиданно для себя понял, что эти люди за восемь месяцев стали ему близкими и родными.

„НА СЕРПАХ“

Этап пришел в институт Сербского. Его завели в большую комнату, у стены которой стояла ванна. Возле нее — бабушка в белом халате. Другая женщина сидела за столом неподалеку и о чем-то разговаривала с молодой рыжеватой девушкой с аппетитными формами. На ней была надета зеленая форма с укороченной юбкой. На мгновение Тося задержал взгляд на привлекательной девушке, которая, казалось, не замечает его присутствия.

— Раздевайся, сынок, — сказала бабушка, проверяя рукой температуру воды.

Тося, понимая, что обследование началось с той минуты, как он ступил на территорию института, отогнал от себя праздные мысли. Надел маску недалекого человека. Голова тут же опустела. Он стал раздеваться и ни на кого больше не обращал внимания.

Прикуп стоял голый, когда молодая женщина повернулась и, глянув на него, заигрывающе сказала:

— А он ничего.

Не слыша ее, залез в ванну и отдался в бабушкины руки, которые искусно принялись его мылить.

Его одели в больничную пижаму и отвели в палату на двенадцать человек. На окнах не было решеток. Их заменяли сверхпрочные стекла. Там стояли вольничьи кровати, аккуратно застеленные. В углу у входа на табуретке безучастно сидела женщина.

Он подошел к указанной кровати. Но в этот момент открылась дверь и его вызвали.

Тося вошел в комнату с длинным столом посередине. У стола стояла его мать. Глаза ее были полны слез. Сердце кольнуло и зануло, но мозг ни на долю секунды не мог оставить мысль о цели пребывания в психушке. Он, преодолевая желание обнять мать, сказал:

— А-а, это ты.

Она изумленно смотрела на него и не узнавала.

Подходил к концу год с момента его ареста, а мать все это время думала, как он там.

— Сынок, — сказала она, подошла и обняла его.

Он стоял опустив руки и безразлично смотрел сквозь нее.

— Что они с тобой сделали? — Слезы катились по ее щекам.

Она трогала его лицо. Он продолжал быть каменным, хотя сердце рвалось в груди. Он не мог молчать, но и говорить было нечего, так как знал, что где-то в этой большой комнате за ними внимательно следят, записывая каждое слово.

— Они бьют ее, и она кричит, — сказал он.

— Кого бьют, Тося?

— Лерочку бьют.

— Да она дома! — Мать плакала, глядя на оупевшего сына.

Узнав о том, что его повезут в Сербского, она понимала, что он затеял очередной обман, и была готова к этому. Но увидев перед собой совершенно другого человека, внешне немного похожего на ее сына, она впала в сомнение и отчаяние.

— Что с ним такое? — набросилась она на вошедшего охранника.

— Я ничего не знаю, — сказал он. — Я пришел сказать, что время свидания окончено.

Прошла неделя пребывания Тоси в этом институте. Он очень устал, так как за все это время не расслабился ни на секунду. Приходилось держать себя под контролем даже ночью, во время сна, потому что око сиделки было всегда начеку.

Когда уверенность начала покидать и силы были на исходе, он вдруг почувствовал, как открылось второе дыхание. Тося стал думать и с легкостью делать так, как того требовал диагноз.

Заведующей отделением была Маргарита Феликсовна. Говорили, что она дочь Дзержинского. Теперь он общался с ней в нужном ему ключе.

Прошел месяц, и он знал, что все получилось.

Его вызвали на консилиум и вечером того же дня отправили в Бутырку спецэтапом из восьми человек.

Дорогой Тося смотрел на своих попутчиков. И с каждой минутой убеждался в том, что все они „признаны“. К этому времени он научился распознавать истинных больных, хотя это было нелегким делом.

На дворе стоял жаркий август. Но он не стал сдавать дубленку и шапку-ушанку в камеру хранения. Он был уверен, что попадет в камеру для душевнобольных людей, где будет место, чтобы развесить вещи.

Их долго водили по длинным коридорам тюрьмы, где открывались замки, исчезал один из этапа. Тося надел на себя дубленку и шапку, чтобы не носить в руках. У каждой камеры, где оставались один за другим его попутчики, он с удовлетворением отмечал, что это камеры для больных людей. Но вот рядом с ним не осталось никого из тех, с кем выехал из больницы, и его повели в другое, уже знакомое ему крыло тюрьмы. Он догадался, что все старания были напрасны.

Проходя мимо хаты, в которой он жил до посещения института, он заметил табличку с надписью: „Карантин“.

– Хочу в эту хату, – остановившись, сказал Тося „попкарю“.

– Не положено. Карантин, – заметил тот, толкнув его в спину.

Время близилось к полуночи, когда он зашел в камеру, которая показалась вдвое больше предыдущей, хотя на самом деле была в точности такой же. За ним закрылись железные двери и лягнули засовы.

Камера отличалась от остальных страстной любовью к разного рода играм, отчего весь второй этаж, освещенный лампами дневного света, вмещал в себе множество игроков, в руках которых были карты, сделанные из рентгеновской пленки.

При виде нового лица они оторвались от своих дел и с интересом и любопытством принялись разглядывать Тосю. Было влажно, жарко и душно, отчего лица заключенных лоснились от пота. Они смотрели на человека в длинной, до пят, дубленке, в высокой норковой шапке и расстегнутых сапогах, толстый красивый серый мех которых переливался в мутных неоновых бликах.

Вид северного человека вызвал интерес обитателей хаты. Они отложили игры и обступили Прикупа. На вопрос, откуда прибыл, он кратко рассказал об институте, где провел больше месяца.

Услышав про психушку и сопоставив с видом Тоси, сокамерники уверовали в его слабоумие. Они стали предлагать сыграть в карты. Он отказывался. Но натиск продолжался и становился сильнее с каждой минутой.

„Сгорела хата, палите и сарай, – подумал Прикуп. – Какой скверный день. Ломается все задуманное. А тут еще эти быки поглядывают на мой гардеробчик“.

– Ну, что ж, – сказал Прикуп. – Я никогда в жизни не играл ни в одну игру. Но у меня есть дядя... – И он рассказал о своем дяде и о том, какие большие деньги сулит ему правильно найденное решение.

Он расставил четырехходовку, за решение которой пообещал отдать все предметы своего зимнего гардероба.

Тося поставил толстый баул, сшитый заботливым Кулибиным. Положил сверху два предмета зависти. Закурив и задумался, пытаясь понять, где же произошел прокол. В этот раз он этого не узнал, так как чей-то сиплый голос привел его в реальность:

– Мы решили твой этюд. Давай дубленку, шапку и сапоги.

Тося повернулся и глянул на обступивших его ребят.

— Вы решили задачу? Вот и отлично. Но только как это — „давай“? Мы ведь находимся в тюрьме, а здесь никто никому ничего просто так не дает. А если вы хотите получить те вещи, о которых только что сказали, вам придется поставить что-нибудь напротив. И мы сыграем. Если решение окажется правильным, тогда я буду знать, что проиграл эти вещи, и мне никто ничего не сможет выписать.

— Что же нам поставить напротив? — задумались шахматисты.

После недолгих споров решено было против трех предметов зависти поставить табачные изделия. Началась игра. Тося залез в пат и объявил об этом.

Когда смысл его слов дошел до шахматных вундеркиндов, те, громко крича, двинулись на Тосю. Он смотрел на перекошенные гневом лица и пятился к стене.

Когда отступить было некуда, он заметил невысокого паренька, который стоял неподалеку и не принимал участия в скандале. В его осанке и взгляде Тося почувствовал влияние. Он сказал обступившей толпе:

— Я один, а вас много. Говорить с каждым — не хватит срока. Для решения спора предлагаю обратиться к пацану с бесспорным авторитетом. Вот к этому, например. — И он указал на парня в спортивных шароварах.

Интуиция и на сей раз не подвела. Этим парнем оказался Амиран, „руль хаты“. Толпа притихла и с надеждой смотрела на него. „Руль“ некоторое время раздумывал, внимательно поглядывая на Тосю, а затем сказал:

— До шести утра ты получишь свой выигрыш.

Шахматисты, недовольно бурча, разошлись по нарам.

Тосе была предложена шконка первого этажа, где он удобно разместился.

Через некоторое время к нему стали подходить успокоившиеся, смиренные шахматисты. Некоторые из них приносили табак, другие интересовались, возьмет ли он папиросами.

К утру под его шконкой собрался большой баул сигарет, которых могло хватить ему на долгое время. Но злые взгляды сокамерников не давали покоя. Теперь сигареты были лишь у него. Табак — это одна из немногих радостей, которая есть у арестантов. Понимая это, Прикуп на следующий день проиграл половину выигрыша в „двадцать одно“, чем вызвал симпатию к себе.

СТАРИННОЕ КОЛЬЦО

Один из камерных умельцев подарил Тосе кольцо. Сейчас он лежал и рассматривал его. Тосю поражало, как, не имея ни инструментов, ни материалов, возможно изготавливать такое. Вспомнилось, как он приехал в Одессу из Москвы и стал разыскивать Гришу.

— Наконец-то застал тебя дома, — сказал Тося, когда Гриша вышел к нему в коридор, прикрыв дверь в квартиру.

— Привет, Тося! Рад тебя видеть. — Но вид Гриши говорил о том, что вряд ли он испытывал чувство радости последнюю неделю.

— Я уже десять дней в Одессе. А тебя нигде не могу найти. Почему мы стоим в подъезде? Пойдем в дом. — Тося сделал шаг к двери, но Гриша его остановил:

— Пойдем посидим на улице. Погода хорошая. Я целый день дома и хочу глотнуть воздуха.

Гриша прикрыл плотнее дверь, взял Тосю под руку и повел к выходу во двор. Там они устроились на ободранной пыльной скамейке. Тося сказал:

— Вижу, у тебя что-то случилось. Почему не говоришь мне? Или мы не друзья?

– Тося, извини. Конечно, мы друзья. Просто я очень устал. Приехал только сегодня после месяца пребывания в бегах. За это время издергался и не понимаю, что передо мной товарищ. Ты уж прости. Сейчас я все тебе расскажу.

В ювелирной мастерской Гришиного товарища они часто собирались вечерами. Сюда же приводили проституток. Среди постоянных гуляк в мастерской стал появляться парень по имени Андрей – добродушный, мягкий человека очках. Когда собирали деньги на девок и выпивку, он всегда смеялся и говорил:

– Перестаньте, ребята. Это копейки. Я рассчитаюсь.

Андрея стали уважать и завидовать ему, считая, что денег у него безмерное количество.

Как-то Гриша выиграл в карты перстень старинной работы с сапфиром, окруженным бриллиантами. Перстень этот разыгрывался в пять тысяч. В этот же вечер он встретил Андрея и, показав перстень, спросил:

– Нет ли у тебя покупателей на подобную цацку? Андрей, небрежно рассматривая перстень, ответил:

– Как грибов.

– Если так, – сказал Гриша, – договорись с одним из них на завтра и мы с тобой подвезем в нужное место это украшение.

– Что ты морочишь голову? Завтра к вечеру я привезу тебе за него деньги. Сколько: восемь, десять тысяч?

„Как повезло, что я встретил Андрея, – подумал Гриша. – А я готов был отдать это кольцо за четыре тысячи“

– Продавай, за сколько считаешь нужным. А мне дашь шесть тысяч, – сказал Гриша, отдавая кольцо.

Прощаясь, договорились встретиться завтра в мастерской.

Гриша прождал до поздней ночи. Он нервничал и не обращал внимания на красивых развратных девок, которые окружали его в этот вечер. Он молча пил, понимая, что его обманули.

Три последующих дня он разыскивал Андрея, адреса которого никто не знал. Но вот они встретились. Тот выслушал Гришу и с невозмутимым видом сказал:

– Гриша, как тебе не стыдно! Из-за каких-то десяти тысяч ты мог обо мне такое подумать. Ай-яй-яй! Мать увезли в больницу, и я три дня сидел возле нее. Не мог же я ее бросить из-за какой-то мелочи.

Андрей смотрел на Гришу, который стоял, потупив взгляд. Ему было стыдно за то, что он усомнился в честности беззаветно преданного своей матери сына.

– Ты хотя бы позвонил, – извиняющимся тоном проговорил Гриша. – А теперь как быть с кольцом?

– Завтра я его продам и привезу деньги в мастерскую.

На этом и распрощались.

Гриша снова прождал до поздней ночи. Но теперь он знал, где живет Андрей. Под утро он заявился к нему.

На требовательный стук в дверь ему ответил голос Андрея:

– Уходите и не хулиганьте! Буду вызывать милицию.

Гриша в разных формах просил Андрея вернуть перстень. На что тот порекомендовал ему забыть о кольце и больше его не беспокоить. А если визиты будут продолжаться, Андрей сам их прекратит, но Гриша при этом очень пожалеет.

„Неслыханное хамство!“ – думал взбешенный Гриша по дороге к местным гангстерам.

Он приехал к Яверу, человеку без эмоций. Тот „держал“ пятнадцать парней, каждый из которых в любой драке стоил пятерых. В городе всем была известна эта команда.

Явер встретил гостя холодно, сразу попросил приступить к делу. Гриша подробно рассказал об Андрее и о том, что тот сказал в их последнюю встречу.

– Хорошо. Мы получим с него деньги. Это тебе будет стоить половину этой суммы.

Гриша согласился. Они условились ехать к Андрею рано утром. Явер отправил четверых парней. Гриша пожелал присутствовать при экзекуции и вместе с ними зашел в выломанную дверь.

Андрея подняли с кровати и стали зверски избивать. Он пытался кататься по комнате. Но вскоре силы оставили его, и сейчас он лежал на полу бесформенной тушей. Боря и Аркаша, подтащив его к стене, усадили. Лицо было окровавлено, один глаз не виден – на его месте висел кусок мяса. Андрей прерывисто дышал, не в силах говорить.

– Давай деньги, – склонился над ним Боря. – Десять тысяч.

Андрей утвердительно закивал и слабо, с трудом проговорил:

– Я все отдам.

Гриша подошел к нему и встал напротив:

– Я же к тебе как к человеку, а ты... сам довел до этого. Начал пугать меня за мое же кольцо.

– Позже будешь разговоры с ним разговаривать, – вмешался Аркаша. – Сейчас пусть деньги платит. – И он замахнулся на Андрея: – Давай бабки, падло.

Тот заморгал одним глазом и прикрылся руками. Боря поднял его на ноги и сказал:

– Давай.

– Я заплачу все, до копейки, – начал заикаться перепуганный Андрей. Он понимал, что намерения „гостей“ очень серьезны. Так как умом они не блистали, вступать в переговоры он не решался. Но денег у него не было. Перстень он давно продал за три тысячи, от которых уже почти ничего не осталось. – Но сейчас денег нет. Мне нужно будет съездить за ними к родителям.

– Что? Нет? – изумился Аркаша, и на Андрея посыпались сокрушительные удары.

Когда он очнулся, увидел, что над ним с утюгом в руках склонился Боря.

– Продолжим, – заявил тот и приложил раскаленный утюг к животу Андрея.

Андрей взвыл нечеловеческим воплем.

– Я даю тебе ровно минуту, чтобы ты подумал и сказал, как мы можем получить деньги именно сегодня. Минута пошла, – сказал Аркаша.

Запах паленого мяса и вид Андрея произвели на Гришу удручающее впечатление. Он начал сожалеть, что затеял все это.

Андрей, преодолевая боль, заговорил:

– У меня в кошельке лежат деньги. Там, в серванте.

Аркаша подошел к серванту. Кругом было все перевернуто вверх дном. Это орудовал третий из четверых посланных Явером бойцов. Найдя кошелек, он вытряхнул содержимое на стол. Всего оказалось девятьсот рублей.

– А остальные я возьму у родителей. У них есть, – проговорил Андрей.

– И когда ты собираешься это сделать? – Боря угрожающе приблизился к Андрею.

– Завтра. Или даже сегодня к вечеру.

– Ни завтра и ни к вечеру, а только сейчас. – Аркаша подошел к Андрею и взялся за утюг.

– Не надо! – взмолился тот. – Умоляю вас! Мы можем съездить вместе. Это недалеко.

– Только сейчас, – повторил Аркаша и с силой поставил утюг ему на грудь.

Взяв подушку, Боря накрыл лицо Андрея, чтобы не был слышен крик.

Андрей пришел в себя. Тело ныло и болело. Пекли раны на животе и груди.

– Продолжим, – сказал Аркаша, разматывая шнур от паяльника.

– Умоляю! Я ведь не отказываюсь платить! Это займет полчаса! Мы можем поехать вместе! Деньги сразу! – Он с ужасом смотрел на паяльник.

– Сейчас я вставлю тебе его в жопу, и тогда посмотрим: может, деньги появятся быстрее? – сказал Аркаша, вставляя вилку паяльника в розетку.

– Клянусь! Умоляю, пощадите! Деньги у родителей! Пощадите! – Слезы текли по его щекам.

Гриша подошел к нему и, присев, спросил:

– Ты понимаешь, что платить придется по-любому? Тот закивал головой.

– Заплати и избавишься от мучений.

– Да я готов, клянусь тебе! Мы можем поехать с тобой вместе, Гриша, поверь! Гриша отозвал Аркашу и Борю в сторону и сказал:

– Я верю ему. Сейчас денег нет. Завтра отдаст. Он вряд ли захочет еще раз пережить подобное.

– Плевать нам, чего он захочет или не захочет. Мы приехали за тузами и без них не уйдем. А завтра – это будет завтра.

– Я ему верю, – повторил Гриша, – и могу подождать до завтра. Он отдаст.

– Ты можешь ждать сколько угодно. А нам нужно сегодня. И все с этим. – И Аркаша направился к Андрею.

– Я вам уплачу свои лавэ, а сам заберу у него завтра. Ты ведь не подведешь меня? – И Гриша глянул на жалкого, окровавленного Андрея.

– Гриша, клянусь, – положила руку на сердце, заверил Андрей.

– Смотри мне! – Уходя, Аркаша задержался возле Андрея и пнул его ногой в бок. – Если будешь себя плохо вести, мы вернемся. И тогда это будет последнее, что ты увидишь.

Они втроем спустились к машине, где безмятежно дремал их товарищ. Гриша задержался договориться о месте и времени с Андреем и также спустился к машине.

Явер ждал их. Выслушав рассказ Аркаши, он вопросительно глянул на Гришу. Тот достал три тысячи и положил на стол. Явер продолжал молча смотреть на него.

– Здесь три тысячи, – сказал смущенно Гриша.

– Помнится, называлась цифра десять, – угрюмо сказал Явер.

В конце концов они договорились, что Гриша отдаст еще две после того, как получит деньги от Андрея. С этим и расстались.

Гриша собрался завернуть во двор, когда увидел соседа, который бежал к нему, что есть силы размахивая руками.

– Что случилось? – обратился Гриша к подбегающему соседу.

– Там менты тебе устроили засаду, – ответил тот, переводя дыхание.

– Ты ничего не путаешь?

– Ничего я не путаю. Меня послал Толик. А еще он мне сказал, чтобы ты немедленно ехал к Сяве и ждал его там.

Гриша не долго думая развернул машину и отправился по указанному адресу.

После того как уехали „гости“, Андрей набрал номер телефона районного отделения милиции. Когда те приехали, он рассказал, как какие-то убийцы ворвались к нему в квартиру и, пытая, стали требовать, чтобы он отдал все деньги и ценности. Среди бандитов он узнал одного, хотя тот был в чулке. Далее рассказал все, что знало месте проживания и отдыха Гриши. При этом он высказал подозрение, что это именно Гриша и навел остальных.

Не найдя Гришу дома, милиция устроила засаду. Но он в нее не попался. Тогда был объявлен розыск. Остальных участников нападения также разыскивали, но очень вяло.

Узнав об этих событиях, Явер нашел Гришу через его старшего брата Толю и объявил тому:

– Твоя вина в том, что ты отпустил лоха. Этот шухер менты устроили моим ребятам из-за тебя.

– До тебя никто не доберется. Менты ищут только меня.

– Я не договорил. – Явер холодно глянул на Гришу. – Я подумал и решил, что правильно будет накинуть тебе иск на гриву за твое поведение. Кроме тех двух, что ты должен, заплатишь еще пять. И упаси тебя Бог, если мусора выйдут на нас.

– Явер, ты видишь, что мне сейчас не сладко. Мусора тулят гоп-стоп с разбоем. К десяточке подбираются. Объявлен розыск.

– Я все это знаю, – перебил его Явер. – Но если завтра до семи часов вечера не привезешь семь тысяч, то единственное, о чем ты будешь мечтать, – это самому прыгнуть к ментам.

Явер ушел, а Гриша еще долго сидел, обняв голову руками.

На помощь пришел Толик.

— Раз так все сложилось, сидеть сложа руки нельзя. Нужно принимать бой и с Явером, и с мусорами, и с терпиллой. Ты сиди и ни шагу из дома. А я — на Молдаванку, собирать братву.

На следующий день к Яверу отправили паренька, который сообщил ему о времени и месте „стрелки“. На ней предстояло решить, все ли объявленные Явером деньги будет выплачивать Гриша. „Стрелка“ была назначена на два часа дня возле памятника героям обороны Одессы у молодой роши.

Явер ехал впереди на „Жигулях“ с Аркашей и Борей. Следом шел микроавтобус с шестью бойцами. При них находились два „Калашникова“ и два „ТТ“.

Явер заметил белую „шестерку“ неподалеку от памятника и направил свою машину к ней. Когда начал притормаживать, справа от него раздались выстрелы. Одна пуля угодила ему в плечо. Аркаша и Боря попадали на пол. Явер открыл дверцу и, остановив машину, выскочил и, спрятавшись за заднее крыло, стал пытаться взять ситуацию под контроль.

Он глянул на „РАФ“, который шатало от попадающих в него пуль. Явер достал наган. Теперь послышались выстрелы с левой стороны. Он запрыгнул в машину и нажал на газ. Водитель „РАФа“ не мог поступить так же, так как двигатель был поврежден и машина не заводилась. Теперь в лоб автобусу были направлены две стригущие автоматные очереди.

Забыв про оружие, пассажиры автобуса лежали между сиденьями и молились. Вдруг стрельба прекратилась и послышался чей-то голос:

— Если кто из вас захочет остаться жить, тот должен в течение тридцати секунд покинуть „РАФ“. По истечении этого времени автобус будет взорван гранатой „Ф-1“.

Это говорил Толик. Он был окрылен победой. Он знал, что это придаст авторитет семье.

Из „РАФа“ начали выходить и выползать раненые. По счастливой случайности, все бойцы Явера остались живы, хотя некоторые получили очень тяжелые ранения.

Эта „стрелка“ поставила точку в отношениях Гриши с Явером.

— Я ему показал, — говорил Гриша, — что не пальцем делан.

Но оставались милиция, которая сужала свое кольцо вокруг него, и терпила.

На узком семейном совете было решено, что Гриша должен покинуть город и отсидеться, пока все решится, в Запорожье.

Зная, что Толик принимает участие в Гришиной судьбе, милиционеры установили за ним круглосуточную слежку. Но планы следует претворять в жизнь: в назначенный день Толик сел в машину и целый час ездил по городу, отрываясь от „хвоста“. Убедившись, что „хвоста“ нет, подъехал к месту, где его ожидал Гриша. Тот сел в машину, и они поехали по направлению к нужной трассе.

Вдруг сзади включилась сирена и голос в репродукторе порекомендовал остановиться. В ответ на это Толик утопил педаль газа. Началась погоня в высоких скоростных режимах, которая долго шла по улицам города. Убегающим удавалось оторваться, но только на секунду. Милиция шла по пятам. При помощи радиосвязи она пыталась предугадать движение машины и блокировала дорогу. Беглецам удавалось проезжать, объезжать и пролетать места встречи.

Машина вырвалась на киевскую трассу и была остановлена у поста ГАИ. В ней оказался один водитель по имени Сергей Захаров. Он бегал от погони, потому что утром за завтраком у тещи выпил полстакана пива.

Его продержали шесть часов в горууправлении и, не найдя никакой связи между ним и двумя братьями, выпустили.

В это время Гриша подъезжал к Запорожью. Он сидел за рулем старенькой „Волги“. Перед глазами стояла погоня. За рулем Толя, а он повернулся и смотрит на догоняющую и орущую милицейскую машину. Вот поворот, пыль, стук щебенки. На какое-то время задней машины не видно.

— Гриша, держись крепче! По-моему, сейчас, — кричит Толя.

Машина на полной скорости входит в поворот. И тут же поворачивает еще раз и останавливается в широкой арке двора.

В это время такая же машина с такими же номерными знаками рванула с места. Гриша видел, как пронеслись, одна за другой, две машины погони. Толик поменял

номера на „Жигулях“. Гриша пересел в стоящую в этом же дворе „Волгу“, и Толик проводил его на все тех же „Жигулях“ до трассы. Там братья расстались, и дальше Гриша ехал в одиночестве.

В Запорожье он прожил месяц, пока Толя искал „концы“.

– Теперь все позади, – заключил Гриша, вставая со скамейки. – Андрей погиб под колесами поезда. Ты уж прости, Тося, от тебя я не намерен ничего скрывать. Пойдем зайдем ко мне, а потом поедem где-нибудь буханем шампанского.

Перед тем как открыть дверь, он еще немного колебался и, махнув рукой, отворил.

Тося зашел в трехкомнатную, некогда уютную квартиру. Сейчас в ней не было ничего, кроме обоев. В гостиной на полу у стены лежал тонкий матрас, застеленный простыней. С потолка свисала лампочка на кривом черном проводе.

– Да, – сказал Гриша, – пришлось отдать все. Красивое колечко... Наверное, оно кем-то проклято.

ОТ НАКЛАДКИ К „СКЛАДКЕ“

Тося лежал в тени верхних нар, над которыми постоянно горел свет. Он с интересом рассматривал обитателей камеры.

Подошел Амиран и уселся рядом.

– Сейчас нас будет убаюкивать один профессор по истории. Я ему сказал, чтобы про Македонского рассказал. Хорошо будет перед сном послушать.

– Какой профессор? Откуда у нас профессор? – удивился Тося.

– Может, и не профессор. Но знаю точно, что он читал лекции по какой-то истории в МГУ. А сидит за нарушение паспортного режима и за подделку документов.

– Что же это профессор нарушил режим? – недоверчиво спросил Тося.

– У него была временная прописка, до шестого числа. А он подставил двойку и тем самым продлил ее на двадцать дней. Как бы то ни было, сейчас глянем, какой он лектор. – Амиран указал в сторону направляющегося к центру камеры невысокого сорокапятилетнего мужчины с греческими чертами лица.

Тот остановился посередине и скромно, робко начал рассказывать о первых походах Александра Македонского. Свой рассказ он подкреплял цифрами и датами, вставлял разные лекторские слова, такие, как „так сказать“, „дескать“ и другие. По всему было видно, что он очень волнуется. О подобной аудитории профессор и не помышлял. Он внимательно следил за каждым словом, боялся сказать что-либо, выдававшее его коммунистическую сущность.

Его рассказ заинтересовал притихших заключенных. Однако каждые пять минут его прерывала чья-то громкая реплика. Сначала лектор реагировал, но, поняв, что этого можно и не делать, начал более уверенно. Почувствовав одобрение и поддержку, он свой исторический рассказ стал пересыпать шутками современной жизни. В образовавшейся тишине мысли перенесли Тосю далеко от Бутырок, в его прошлую многокрасочную непредсказуемую жизнь.

Валера Алим пробыл в Одессе неделю. За это время он успел решить все свои дела, в которых первым помощником для него был Тося.

– Если бы не ты, Тося, – говорил Алим, сидя за столом с многочисленными яствами, который Тося накрыл в его честь, – мне бы пришлось торчать в вашем городе целый месяц. Да еще не известно, смог бы я решить все именно так»
Благодарю тебя, друг, за твое участие в моих проблемах.

К концу пиршества Алим пригласил Тосю в Луганск. Он уверял товарища, что в его городе гораздо больше лохов, чем в Одессе, а, стало быть, заработок будет более существенный.

Тосе нравился Алим своей серьезностью. Такой слов на ветер не бросает. Поэтому предложение друга принял без колебаний.

По приезде в Луганск Алим представил Тосе множество ребят, которые были в его команде. Среди парней разной комплекции и разного интеллекта Тосе предстояло определить компаньонов для работы. Ими стали невысокого роста парень по имени Нурик и огромный Сергей по прозвищу Гвоздь. Определив подельщиков, Тося приступил к работе на территории, закрепленной за Алимом и его бригадой. Валера уверял, что все возможные конфликты, возникшие в процессе Тосиной работы, он решит с быстротой сокращения мышц.

В первый же день их работы Гвоздь «выдернул» мужчину средних лет, который приехал за покупками из города Ясиноватая. Очень быстро трое долистов оставили ротозея без денег. И нажитые восемь тысяч рублей тут же разделили между собой.

В центре города на улице Артема располагалось кафе под названием «Театральное». Здесь же был очень уютный бар с европейским интерьером. В этом месте любили собираться криминальные слои населения. В баре или за столами кафе одни обменивались разными впечатлениями о телках или о поездках по курортным местам. Другие приходили сюда, чтобы дать «наколку» на «жирного лоха» более сведущим в данном вопросе коллегам. Третьи – сыграть в карты и повидать старых друзей.

Трудящиеся жители города старались не приближаться к «Театральному» и обходили его по противоположной стороне улицы, так как знали, что встреча с блатными не сулит им ничего хорошего.

Гвоздь, получив свою долю от Тоси, тут же отправился в «Театральное» повидаться с приятелями и похвастать нажитым.

Была осень, и завсегдатаи кафе скучали от безделья. В Луганске мало приезжих толстосумов, особенно в это время года, а коренные жители знали всех братков в лицо и никаких дел с ними иметь не желали.

Сергей зашел в бар и застал его обитателей в унылом настроении. Но он на это не обратил внимания. Громко приветствовал всех и, подойдя к стойке бара, заказал пять бутылок шампанского и две коньяка, чем вызвал к себе интерес посетителей. Получив выпивку, Гвоздь предложил всем желающим принять участие в ее распитии.

– По поводу чего банкет? – спросили его приглашенные.

– Дело одно выгорело, – уклончиво ответил Гвоздь, чем вызвал еще больший интерес у рассаживающихся за столом братков.

– Что за дело? – поинтересовался Чика.

– Этого сказать не могу, так как у меня в доле еще двое, – ответил Сергей.

Многоопытными друзьями разговор был переменен на другую тему. Наполняя фужеры спиртным, они стали галдеть о своих похождениях по бабам и весело рассказывать новые анекдоты и смешные истории из жизни. Но когда они заметили, что Гвоздь захмелел (что произошло очень скоро, так как Чика ни на секунду не оставлял его без внимания, которое заключалось в моментальном наполнении опустевшего фужера до краев), разговор возобновили о долистах Гвоздя и о деле, которое успешно выгорело. И Сергей рассказал друзьям о Тосе, который приехал из Одессы, о мужчине из Ясиноватой и о том, как ловко они «развели лоха».

– ...Восемь тысяч мы разделили на троих, – заключил Гвоздь, опрокинув последний фужер.

– А кто третий? – поинтересовался Чика.

– Нурик, – ответил пьяный Гвоздь.

Тося жил в гостинице «Дружба». Получив свою долю, он расстался с подельщиками, оставив им инструкции по выдергиванию драгалей.

– Как что-то появится стоящее – вы знаете, где меня найти, – сказал Тося, пожимая руки компаньонам.

Сам он рассчитывал в это время поближе познакомиться с городом и его жителями. Ему это удалось. Обедая в ресторане «Донбасс», Тося повстречался с очаровательной Кристиной.

— Потрясающие девчонки в этом городе, — сказал он юной Кристине, взяв ее за руку, когда та собиралась пройти мимо столика, где пировал Тося. — Но ты дашь сто очков вперед любой из них.

Кристина застенчиво улыбнулась в ответ, и они провели незабываемых два дня вместе.

Тося, решив, что пора встретиться с долистами, отправился к Нурику вместе с Кристиной. Нурик снимал трехкомнатную квартиру в районе, называемом Гладковкой. В этой квартире он жил со своей подружкой по имени Оксана и ее трехлетней дочерью.

— Какое чудесное название — «Гладковка», — говорил Тося своей спутнице в такси по дороге к Нурику. — Гладковка — от слова гладить, ласкать. Должно быть, люди здесь особо правильной сексуальной ориентации, в которой ласка стоит на первом месте.

Они весело зашли в подъезд и остановились у нужной двери, где Тося нажал кнопку звонка. Двери отворила Оксана, и Тосино хорошее настроение омрачилось при ее виде. Он сразу почувствовал неладное. Глаза ее были красными и опухшими от слез.

— Что с Нуриком? — спросил Тося, заходя в дом.

— Его вчера забрали прямо из-под дома, — всхлипывая, проговорила Оксана.

— Кто забрал? Мусора?

— Вроде не мусора. Но я точно не знаю кто. Гвоздь не говорит, хотя знает. — И слезы градом полились по щекам белокурой Оксаны.

— Успокойся, — сказал Тося, взяв за плечи молодую женщину. — Я сейчас найду Гвоздя и все выясню. Обещаю тебе, что приложу все усилия к тому, чтобы Нурик вернулся домой.

Прощавшись с Оксаной, он посадил Кристину в такси и отправил домой, а сам поехал искать Сергея. Тося очень скоро его нашел в резиденции Алима. Гвоздь был очень взволнован и неестественно бледен.

Он сбивчиво рассказал Тосе, что Нурика держат где-то в подвале люди Шурика Пикинера. Сам Шурик собирается встретиться с Тосей, чтобы сообщить условия освобождения Нурика.

— Какие еще могут быть условия? — удивился Тося. — И почему он хочет сообщить их мне? И вообще кто он такой, этот Шурик?

— Тося, я запорол бок, — проговорил Гвоздь, опустив голову. — Я рассказал в «Театральном», что мы кинули лоха. Видать, кто-то стукнул Пикинеру, и того задавила жаба за нажитые нами бабки. Теперь он мутит какую-то постанову.

— И что же это за постановов?

— Он говорит, — заикаясь, продолжал Гвоздь, — что тот фуцан, кого мы кинули, — его родственник, которого он послал в Луганск, дав ему свои деньги.

— У того лоха вид бульдозериста, — сказал Тося, пытаясь сообразить, что можно предпринять в сложившейся ситуации. — Неужели этот Шурик мог поручить свои деньги такому? А если даже и так, какая нам разница? Да кто он такой, этот Пикинер?

— Это очень дерзкий человек. С ним побаиваются спорить многие из блатных, которые неплохо стоят на сегодняшний день. Он умудряется нагнать жути на всех, с кем имеет дело. Он держит бригаду из тридцати-сорока человек, отпетых головорезов, без флага и без Родины. Они готовы пойти за Шурика хоть к черту на рога.

— Что же он хочет от меня? — спросил Тося, не зная, как подойти к решению этого ребуса.

— Нетрудно догадаться, — Гвоздь достал папиросу, забитую гашишем, и закурил, — хочет, чтобы мы отдали все нажитые с того лоха деньги.

— На какое время набита «стрелка»?

— Завтра в двенадцать ноль-ноль на Макеевской стоянке, у моста через Кальмиус.

— Нужно собрать несколько надежных ребят. — Тося взял предложенную папиросу и сделал пару напасов. — Кандидатуры обговорим с Алимом. Также нам необходимо оружие. Кстати, где Алим?

— Алим помчал по делам другого характера. Скажу тебе откровенно, Тося: Алим не горит желанием ввязываться в войну с Пикинером.

— Это я должен услышать от него самого, — сказал Тося, насупившись. Сделав еще пару затяжек, он добавил: — На Алима рассчитывать можно и нужно, но в первую очередь — это наша с тобой проблема. Поэтому я хочу знать первое: какое оружие лично ты, Гвоздь, сможешь достать до одиннадцати часов завтрашнего дня. Второе: сколько бойцов лично ты сможешь подписать в помощь нам для отпора хаму по имени Шурик, как там его?

Гвоздь набрал полные легкие дыма и долго молчал, выпуская его. Затем принялся кашлять. Откашлявшись, он еще некоторое время молчал, собираясь с мыслями, и наконец произнес:

— Тося, может, не стоит ввязываться в эту войну? Давай отдадим деньги. Дешевле будет.

— Я не могу позволить этому быку без какого-либо понятия получить те деньги, за которые мы подставляли свои шеи под меч Уголовного кодекса. По твоей вине ему пришла в голову мысль получить с нас лавэ. Да ты посмотри, какую он блевотину нам пихает. С понтом это его родственник. И ты молча собираешься проглотить эту слюнявку?

Гвоздь молчал. Тося продолжал:

— Нурик — это наш товарищ по работе. А твой — так еще и по досугу. Вызволить его — это наша обязанность. И закончим на этом. Не теряй времени, выбрось этот косяк и рысачь по всему городу. Собирай братву и ищи оружие. Помни, освобождение Нурика — святое дело. Встречаемся завтра в десять у меня в номере.

Гвоздь ушел с чувством вины за длинный язык и стыда за малодушие. Тося отправился искать Алима.

Вскоре они встретились. С первой минуты разговора Тося понял, что Гвоздь оказался прав в отношении нежелания Алима ссориться с Пикинером.

— Валера, — обратился Тося к товарищу. — Ты меня заверил, что решишь все вопросы в мою пользу. Ты помнишь? Все вопросы, которые возникнут в процессе моей работы в вашем городе.

— Это так, — согласился Алим. — Но не имелись в виду разборяки между братвой. Отдай ты ему деньги. Наживешь в десять раз больше, я помогу.

— Здесь дело не в деньгах, а в принципе — это во-первых. Во-вторых, я думал, что Нурик для тебя не просто солдатик. Мне показалось, что вы друзья. Или я ошибся?

Алим утвердительно кивнул, что означало, что Тося прав.

— А если так, — продолжал Тося, — ты должен прийти другу на помощь в трудную минуту. Друзья ведь определяют в беде.

Алим молчал, не зная, что ответить. Тося понял его колебания, которые подтверждали влияние и авторитет Шурика.

— Не хочешь — твое дело, — сказал Тося. — Но вольну по-любому тебе придется мне одолжить.

Алим нехотя дал Тосе пистолет «ТТ» китайского производства. С этим и расстались.

Тося отправился к Оксане. Он заверил всхлипывающую женщину в том, что вопросом вызволения Нурика из плена занялись очень влиятельные люди и скоро он предстанет перед заплаканной и истосковавшейся Оксаной.

— Знаю, у Нурика были близкие друзья, — сказал Тося, когда глаза Оксаны заблестели надеждой. — Ты можешь назвать мне их имена и указать, где смогу с ними повидаться?

Оксана рассказала о приятелях ее друга и вызвалась отвести Тосю к одному из них — молодому задиристому грузину по имени Сосо.

Познакомившись с Сосо, Тося поблагодарил Оксану, а грузину предложил разговор без свидетелей. Они долгое время провели на кухне, где им никто не мешал. Здесь

Сосо узнал о случившемся с Нуриком и не раздумывая согласился принять участие в кампании по освобождению друга. Здесь он сообщил Тосе, что Давид – третий их товарищ – также исчез куда-то со вчерашнего дня.

– Возможно, они вместе сидят в подвале у этого жлоба, – заключил Сосо.

– Не будем терять времени на подобные догадки, – сказал Тося, вставая из-за стола. – Бери все и всех, кого сможешь, и встречаемся завтра в одиннадцать, где договорились.

К десяти часам следующего дня к Тосе явился Гвоздь. Он сообщил, что обегал всех, кого знал. Но ни людей, ни оружия не достал.

– При упоминании имени Пикинера все сразу же находят предлог для отказа, – проговорил усталый Гвоздь. – Но сам я здесь и готов идти с тобой до конца, каким бы он ни был.

– Ну что ж, – ответил Тося, надевая куртку. – Воевать будем не числом, а умением.

К одиннадцати часам они подъехали к филармонии, где Тосю ожидал Сосо с двумя крепкими парнями весьма неприветливого вида.

– Давид, оказывается, сидел в подвале вместе с Нуриком, – едва успев поздороваться с Тосей, заявил Сосо. – Его отпустили сегодня утром. Он сразу же отправился ко мне и поведал все подробности их содержания. Ты сможешь все услышать от него самого. Через полчаса он будет на Макеевской стоянке... Эти двое ребят, – он указал на стоящих в стороне угрюмых парней, – нам помогут в случае надобности. Мы прихватили обрез и мелкокалиберный револьвер.

– Это хорошо, – одобрил Тося, – но окончательное решение о наших действиях лучше принимать, выслушав Давида. Он единственный из нас, кто знаком с Шуриком и его командой, и, кто знает, вдруг поможет найти нужный ключик от дверцы наших проблем.

Они впятером подъехали к назначенному Пикинером месту и принялись ожидать Давида. Тот вскоре появился и рассказал, как вечером у подъезда они с Нуриком были схвачены пятью дюжими парнями, которые, крепко избив их, усадили в машину и доставили в полуразрушенный дом с глубоким фундаментальным подвалом на окраине города. Здесь они познакомились с самим Шуриком. Нурик вел себя дерзко, за что один из сопровождающих Пикинера ударил большим ножом Нурика в ногу.

– Меня отпустили утром и велели передать Тосе, чтоб он не думал готовить какие-то оборотки, а тихомирно вернул деньги. В противном случае до Одессы он не доберется, – закончил свой рассказ Давид.

– Сделаем так, – решительно произнес Тося. – Вы трое, – обратился он к Сосо и его друзьям, – отойдете в сторонку, скажем, к той троллейбусной остановке, и затузуетесь среди людей. Я, Гвоздь и Давид останемся на стоянке такси и будем ждать парламентариев. Когда те явятся, я сообщу им, что половину денег готов уплатить сразу, а вторую – когда привезут Нурика. Достану деньги, чем притуплю их бдительность. В этот момент вы незаметно подойдете к ним сзади. Нам нужно забрать с собой двоих. Если их окажется больше – остальных придется оглушить и обезоружить. Двоих под вольтами сажаем в машину и увозим. Действовать будем по ситуации, но в любом случае первый удар должны нанести вы. – Тося обращался к Сосо и двоим его товарищам. – Успех заключается в неожиданном нападении. Осилите?

Все трое дружно заверили, что справятся, и отправились под навес троллейбусной остановки.

– Давид будет находиться сзади нас на два метра, – продолжал Тося. – Когда достану деньги и пересчитаю их, ты, Гвоздь, видя приближающихся наших, первым зарядишь одному из быков, да смотри, чтоб на верочку. Твоя же задача, Давид, следить за тем, чтобы никто из них не заметил пацанов, заходящих с тыла. Если что – строй из себя контуженого.

Площадь, на которой разрабатывался план военных действий, находилась на пути одной из центральных шоссейных магистралей города. С двух сторон она окаймлена прекрасным архитектурным ансамблем, состоящим из высотных домов оригинального проекта. Заканчивается площадь набережной, аккуратной и чистой, с изящно

выгнутым современным мостом к противоположному берегу реки. Эта площадь называется в народе стоянкой такси макеевского направления. И можно легко представить, сколько людей может находиться в этом районе в полдень солнечного осеннего дня.

Именно в это время наши друзья заметили два «КАМАЗа» с забрызганными грязью кабинами, стремительно приближающихся к стоянке такси. На большой скорости они один за другим съехали с моста и, свернув на стоянку, взвизгнули тормозами. Они остановились в пяти метрах от Тоси и Гвоздя. Огромное облако пыли поднялось из-под колес обеих машин, выглядевших гигантскими на фоне нескольких такси.

Резко распахнулась дверца одного из «КАМАЗов», и Тося рассмотрел крепкого парня с узким лбом и тяжелой челюстью. Плечи его были сильно покаты и несли на себе черную шубу из искусственного меха, который был вырван клочьями на воротнике. Тося увидел в нем медведя с головой гориллы, который повернулся вполборота и прорычал:

– Ну что, принесли бабки?

– Спустись, нужно поговорить. Кое-что обсудить, – сказал Тося и сделал шаг к «КАМАЗу».

В этот момент в руке монстра в шубе Тося заметил черный ствол пистолета, направленного в его сторону.

– Стоять! – прозвучал низкий голос. И вдруг раздались три выстрела, один за другим. Одна из выпущенных пуль вошла в асфальт в нескольких сантиметрах от Тосиных ботинок.

Тося застыл от неожиданности. Гвоздь присел, закрыв голову руками.

– Если завтра до часу дня не привезете деньги – Нурика вые... – Сказав это, урод захлопнул дверцу и «КАМАЗы» также стремительно исчезли, как появились.

Горькая досада запеклась изжогой в Тосиной груди. Сосо с друзьями уже был рядом и вопросительно смотрел на Тосю. Тот, придя в себя, огляделся по сторонам и, заметив на себе внимание удивленных и испуганных прохожих, сказал:

– Валим отсюда...

В номере гостиницы, где разместились все шестеро товарищей по неудавшемуся замыслу, Гвоздь сказал:

– Придется платить. Это ясно. Но как нам забрать долю, полученную Нуриком?

– Я внесу за него свои деньги, – произнес Сосо. – Я не могу допустить, чтобы эти волки сделали с моим другом то, что сказали.

– Это и был Шурик? – спросил Тося, с трудом заставляя себя быть спокойным.

– Нет, это не Пикинер, – ответил Давид. – Это один из его подручных по кличке Героин. Шурик аккуратный и подтянутый молодой человек...

– Хорошо, – сказал Тося. – Раз на карту поставлена честь нашего товарища, не будем рисковать и заплатим. Только деньги повезу я один. Вот только как узнать, в какое место их надо доставить?

– Говоришь: «Не будем рисковать». – Сосо переломил обрез и достал из его ствола два патрона. – А сам собираешься ехать один. Ведь может получиться так, что после твоей поездки мы не увидим ни тебя, ни Нурика, ни денег. Ты же видел, что это за публика. С ними нужно держать ухо востро.

После долгих споров Тосе удалось уговорить друзей отпустить его одного.

Утром следующего дня Тося и Гвоздь разыскали Чику, и тот согласился отвезти Тосю к Шурику.

Они долго ехали путаной дорогой. Чика всматривался в обгоняющие их машины и оглядывался назад. Убедившись, что их никто не преследует, он свернул в проулок, и вскоре они оказались у ворот большого, аккуратного дома с крышей из красной черепицы и просторной террасой. Тосю провел в дом уже знакомый ему Героин. Шурик очень приветливо встретил гостя.

– Так вот ты каков, одесский Прикуп! – подойдя с протянутой для приветствия рукой и улыбаясь, произнес Пикинер.

Тося смотрел на высокого смуглого парня, и лицо его не выражало эмоций.

– Раз официальная часть закончена, – сказал Шурик, – перейдем к делу. Принес деньги?

– Деньги я принес. Но, к сожалению, не все. Только пять тысяч.
– На что ты рассчитывал? Как я должен поступить, услышав такую новость?
– Я рассчитывал, что встречу человека рассудительного, который поступит в соответствии со своим положением и авторитетом.
– И как же это? – удивился Шурик.
– Пацаны заработают недостающие три тысячи за несколько дней и привезут их тебе. Это время я смогу погостить вместо Нурика, что будет гарантией того, что долг не заржавеет.
– Ага. Так ты просишь, чтобы я отсрочил уплату части долга на три дня? Так?
– В общем-то – очень похоже, – согласился Тося.
– Другими словами – ты признал долг, коль принес пять тысяч. – Шурик был в прекрасном настроении. Говорил размеренно – наслаждался собой. – А срок и условия мы обговорим отдельно. Сейчас же я выпускаю Нурика, а ты останешься у меня на правах гостя. Заметь, никакого насилия к людям, понимающим, чего от них хотят.

Тося молча смотрел на самодовольного Пикинера. Двое крепких парней ввели Нурика. Он был болезненно бледен. Штанина на ноге разорвана. Белый бинт перевязки наполовину залит запекшейся кровью.

Увидев Тосю, он произнес:

– Я очень надеюсь, что ты не принес им зузы.

– С тобой мы этот вопрос обсуждать не будем, – ответил Шурик. – Тебе повезло. Ты свободен. Можешь идти. А с твоим другом у нас совсем другие дела. И кто знает, как они закончатся?

Тося подошел к Нурику и обнял его. После нескольких слов шепотом, нескольких движений рук и мимики Тося отошел от Нурика и заметил, что друг его понял.

Нурик, хромая, вышел из дома и с трудом пошел к дороге останавливать такси, В это время Шурик пересчитывал деньги, полученные от Тоси.

– Ну что ж. Все как в аптеке. Располагайся. Позже Героин покажет твою комнату.

Еще долго они пили чай, и Шурик терзал Тосю вопросами с подводными камнями. Тосе удавалось правильно отвечать на такие вопросы, и его собеседник вскоре уверовал в то, что он прощупал Тосю и уже знает его как свои пять пальцев.

Шурик достал колоду карт и пролистнул в руках.

– Играешь в стос? – спросил он, глядя с улыбкой на Тосю.

– Я не играю в карты, – искренне ответил Тося. – Хотя... есть одна игра, которую очень любят в Одессе, – «клябор» называется. В нее обожает играть мой старший брат. Мы, бывало, часами с ним заигрывались. Два дня назад я узнал, что в Луганске также любят эту игру. Только несколько изменили правила и назвали «деберц». Ты играешь в «деберц»?

– Играю... – ответил Шурик. – А в чем заключается разница между «деберцем» и «клябором»?

– Во-первых, в названиях... Давай сыграем, я покажу. – Тося потянулся к картам. – В ходе игры я буду объяснять разницу.

– На что будем играть? – иронично спросил Шурик. – У тебя ведь нет больше денег.

– Давай сыграем: деньги против долга.

– Как это?

– Если проиграешь ты, то отщелкиваешь из моего долга. А если проиграю я – к моему долгу добавится еще какая-то сумма денег, которую ты получишь вместе с тремя тысячами.

– Хорошо, – подумав, сказал Пикинер. – Играть будем в короткий, по полтиннику, байт – вдвойне.

Они начали игру, обговаривая детали. С первых партий начал выигрывать Тося. Шурик внимательно наблюдал за ним, но не мог заметить ничего подозрительного и объяснял себе его успех обычным везением. Он незаметно для себя проиграл четыре тысячи. Тося, видя, как партнер увлечен игрой и желанием отыграться, сказал:

– Мой брат меня учил: когда идет масть, самое главное – это вовремя остановиться. Хорошо, что я вспомнил. Так, давай подсчитаем: четыре... долой три, остается одна. Итак, Шурик, вы по игре мне должны тысячу, и, как мне кажется, я могу отправиться восвояси. Нужно предупредить друзей, что деньги не нужны.

Шурик пытался уговорить Тосю продолжить игру. Но после настойчивых отказов уплатил долг скрежеща зубами. Пока Шурик не передумал и находился в раздумьях, Тося спешно удалился.

Дома у Нурика спустя час Тося рассказывал другу:

– ...С полученной тысячей я несея, не разбирая дороги. Как будто бы у меня на хвосте целый мусорской полк. Пробежав с километр, тормознул такси. И вот я здесь.

– Как удалось тебе обыграть Шурика? Я слышал, что он очень неплохо играет в «деберц».

– Это оказалось гораздо легче, чем я мог предположить, – ответил Тося, доставая карты. – Я убрал его на «складку».

– Расскажи подробней. Я никогда не слышал об этой «складке».

– Это самая простая, безобидная и надежная слюнтявка, которую я знаю. Причем, чтобы ее применить, не нужно никакой предварительной подготовки. Слушай внимательно. Делая вид, что подсчитываю свои очки, сам тем временем выбираю три наиболее сильные карты одной масти. Желательно, чтобы это был терц от валета или короля. Отобранные три карты следует прикрыть еще тремя, первыми попавшимися под руку. Но если есть время выбирать и их, тогда они оказываются все разномастные и самого незначительного роста... Итак, – говорил Тося, все сказанное воспроизводя на столе, – когда все карты собраны в одну колоду, я знаю, что сверху в ней лежат шесть отобранных мною карт. Тасую так, чтобы их не задеть. Затем предлагаю сдвинуть Шурику. Для этого кладу всю колоду на стол. Он снимает половину карт и кладет рядом. Беру оставшуюся половину и вместо того, чтобы накрыть ею отделенную им часть, начинаю раздавать по три карты, ему – себе...

Вначале он задумался и даже попытался меня остановить. Но поняв, что этот случай надежный, так как исключена возможность «вольта», разрешил продолжать.

Когда я раздал каждому по шесть карт, высвечиваю козырь и кладу его сверху оставшейся на столе кучки. В этот момент внимание партнера приковано к своим картам и открытому козырю, и он не задумывается над моими дальнейшими действиями. А стоило бы!

Оставшиеся несколько карт в моей руке накрываю взятой со стола кучкой с открытым козырем и полученную колоду кладу на стол. Теперь знаю, какие карты получит Шурик, а какие – я.

– Да, действительно, все очень просто, – согласился Нурик. – А почему ты стал на одной тысяче? Ты ведь мог на него налезть бабками и покруче.

– Если бы я не стал, а выбил его за лавэ, то не смог бы отойти и пяти метров от этого дома. Ты же видел: порядочность и понятия у этих людей и не ночевали. Они проббили бы мне жбан в два счета.

– И то верно, – согласился Нурик.

Они долго решали и спорили о том, как «раскидать» уплаченную пятерку между ними и Гвоздем. Нурик говорил:

– Гвоздь за свой язык должен взять все расходы по возврату на себя.

Когда в окно заглянул следующий день первыми лучами рассвета, Тося сказал:

– Давай оставим все, как есть. Гвоздь и без нас знает о своей ошибке. Если сейчас мы не коснемся этого вопроса в разговоре с ним, Гвоздь будет каждому из нас предан до конца жизни. Ну а если нет – ему можно напомнить в любой момент, стусив краски.

На этом и остановились. Через неделю Тося уехал из Луганска с приличным капиталом, который нажил не без помощи Алима и Нурика.

Спустя полгода на серпантине горных дорог Крыма «Жигули», войдя в поворот на большой скорости, понесло и закрутило на мокром от дождя асфальте. Сбив несколько ограничительных столбиков у края дороги, машина упала в глубокую

пропасть. В ней находились трое молодых парней, которые скончались, не приходя в сознание. Ими были Нурик, Гвоздь и Алим.

Тосю вернули в действительность дикие крики, рев и свист. Все это звучало со всех сторон акустически продуманной дымной камеры.

– «Товарищ»! Ах ты, комуняка! Фуценюга! Так реагировали заключенные на сказанное увлекшимся лектором слово «товарищи».

Радостный и счастливый минуту назад, профессор, сторбленный, с выражением ужаса на лице, пятился к кнопке у двери. Эта кнопка была сигналом для корпусных к тому, что в какой-то камере жизни или чести человека угрожает опасность.

ТРОЙНИКИ

Недолго он пробыл в этой камере.

Однажды утром открылась кормушка, и ему было предложено собрать вещи и приготовить к выходу.

– Что бы это могло значить? – Тося удивленно смотрел на Амирана, как будто тот был ясновидящим.

– Сколько ты в этой хате? – спросил Амиран.

– Сегодня пошел пятый день. – И сам удивился тому, как долго здесь тянется время.

– По-моему, тебя переводят на спецы.

– Почему ты так думаешь?

– Прошло четыре дня, как ты обдурил всю хату. Кум уже на следующий день знал об этом. Да-да, постукивают педерасы. Знаешь, подобное в тюремной жизни бывает нечасто. Чтобы дурануть столько людей... Вот я и думаю, что эти несколько дней, что они тебя не трогали, готовили прием на спецу.

– Что такое спецы? – спросил Тося.

– Спец... говорят еще «тройники». Есть много названий. Это камера, в которой три нары и обязательно одна «утка». Бывают две, – немного подумав, добавил Амиран.

В это время отворилась дверь, и Тося побрел по длинным коридорам памятника архитектуры екатерининской эпохи.

Его вели в то крыло тюрьмы, где находились камеры смертников. Вот они остановились. Зазвенели ключи, повернулся замок, и он оказался в маленькой светлой камере. Трое ее жителей встретили его сдержанно и сухо. Он бегло осмотрел хату и сказал:

– Привет, ребята! Чем дышите? Как спите? При этом он подумал: «Придется у одного из вас забирать плацкарту, которых здесь, к сожалению, три».

Узкая нара стояла у правой стены. А у левой, над такой же, повисла еще одна. Именно ее разглядывал Прикуп. «Да это курорт», – подумал он.

Разместившись за маленьким аккуратным столом, он знакомился с зеками, когда вновь громко открылись засовы и худощавый парень в очках покинул Тосино общество.

«Если верить Амирану, – раздумывал Прикуп, – то целят под меня. Это кум тасует людей. Пудрит мне мозги, подсаживая курицу... А может, насадка здесь, среди этих двоих?»

Он присматривался к сокамерникам, но все больше убеждался, что они всего лишь муляж в психологической игре кума.

Он запоем читал, восхищаясь слогом и удивляясь маскировке смысла в произведениях классиков.

Библиотека в тюрьме была огромна и разнообразна.

В этой тихой хатке у него были нара без козырька и времени безмерно.

Но вот в хате появился веселый худощавый человек по имени Саша, и размеренная жизнь закончилась.

— Тогда выпустили, и сейчас я задержусь у вас не надолго, — кричал Саша надзирателю, когда тот запирает за ним дверь. Затем он повернулся к Тосе и заявил: — Ничего у них на меня нет. Полгода назад меня выпустили из этой тюрьмы за недоказанность. А сейчас опять закрыли. Но я твердо знаю, что нового у них ничего не появилось.

Тося разглядывал новичка. Тот был очень веселым, доброжелательным, непритязательным. Он ночевал пару дней между шконками, отделенный от кафельного пола свалывшейся ватой тонкой скатки. На третий день один из заключенных, уходя на этап, крепко пожал руку Тосе, при этом сказав: «Держись, братэлла». Их осталось трое.

Саша с Тосей целыми днями играли в нарды, домино и карты. Саша оказался неплохим игроком, и у Тоси появилась возможность размяться. Так как играли «не плачу — не получаю», он не стремился выиграть, а лишь вспомнить навыки.

Вечерами Саша залезал к Тосе на нары, и они проводили часы за разговорами.

— Меня скоро выпустят, — говорил Саша, — не знаю, чем заняться на свободе. Перед подсадкой познакомился с такой телкой... Ради нее готов на все. Но что я умею? Если ты не научишь одной из твоих афер, мне останется наживать грабежом. А это значит — скоро снова сюда.

Тося говорил, что находится здесь по недоразумению, далек от криминала вообще и от афер в частности.

— Ну ты и рыба, — отреагировал Саша на полученное объяснение. — Твоя погремуха должна быть — Акула.

Как Саша ни пытался вызвать Тосю на откровенность, у него ничего не выходило. Кроме жалостливых историй об ошибке ментов, он ничего другого не слышал. Саша не давал Тосе собрататься с мыслями и держал в напряжении.

— Для кого интересуешься? — однажды задал вопрос Саше, когда тот в очередной раз пытался разузнать подробности его дела.

Саша открыл рот для ответа, но тут же закрыл, ощутив, что этот маленький вопрос убил его наповал.

Тося заскучал от однообразия и присутствия «утки». Ему хотелось приключений, и он решил поменять стоянку. Для этого объявил врачу о том, что поймал гонорею. С вечера он ввел в канал шарик из кислого черного хлеба величиной со спичечную головку. На утро взяли мазки и через день перевели в камеру в углу нижнего этажа, которая походила на монашескую келью со сводчатым потолком. В ней было два этажа деревянного настила. Причем верхний — вдвое меньше нижнего. Называлась она «карантинка». На момент его прихода в ней было четверо зеков.

Ознакомленный с работой оперативных служб Бутырки, к новым соседям Тося относился первое время с недоверием. Но вскоре понял, «кумовского» здесь нет. Он расслабился и принялся рассматривать «спектакли чужих судеб», ближе знакомясь с каторжанами.

— ...Двое из них с мастыжкой на сифон, — впоследствии рассказывал Прикуп. — Это проще, чем трипак. Если натошак съест ложку соли, кровь покажет четыре креста. А еще был пацан по имени Казбек. Ему вменяли убийство пятерых человек. Ранее он просидел десять месяцев под следствием на Матросской тишине, но был отпущен на свободу за недостаточностью улик. Он уехал в свой Грозный. А через пять месяцев приехали «петры», и теперь он в Бутырке.

Тося сдружился с Казбеком. Тот ждал этапа на Матросскую тишину в больничку, имея что-то в почках.

Здесь Тосе ничто не мешало собрататься с мыслями. Он вспоминал, как однажды приехал в Одессу из очередного «турне» и пришел Слава Бокал.

НА ИНДИЙСКИЕ ФИАНИТЫ

Тепло обнялись. Дружили они со школьных времен. Будучи детьми, скручивали зеркала с машин и продавали по двадцать пять рублей. После обмена историями и рассказами о приключениях Бокал достал из кармана золотое кольцо с большим бриллиантом в красивой оправе, который завораживающе горел. Слава протянул кольцо Тосе и молча принялся ждать мнение друга.

– Красивая вещица, – заметил тот, рассматривая изделие. – Что это за кольцо?

– Это золото с бриллиантом ноль восьмых карата, – ответил Бокал. – А вот это сережки. – И он достал серьги, в которых также поигрывали бриллианты.

– Я думаю, – сказал Тося, – здесь какой-то зэхер, раз показываешь мне все это.

– Ты прав. На самом деле это фианиты. Доставлены из Индии. Об этих камнях сейчас еще никто не знает. И даже ювелир высокого класса с точностью не сможет сказать, что это они.

Далее Слава предложил Тосе поработать на фианиты.

– Все-таки кто-то может определить? – спрашивал Тося, с интересом рассматривая изделия.

– Да, конечно, существуют ювелиры, которые уже встречали эти камни. Но для того, чтобы и они не смогли, – на все эти украшения имеется натура.

– Ну что ж. Давай попробуем, – согласился Тося.

Первой, кому они продали кольцо, была Джемма – очень интересная белокурая женщина.

– Но спекулянтка она матерая, – говорил о ней Тося.

Кольцо Джемма проверила у своего знакомого ювелира. Это был старый еврей с кудряшками по краю лысины. Он долго смотрел в лупу, а затем при помощи каратомера уточнил размер камня.

После продажи кольца Тося сказал:

– В Одессе будет очень сложно работать с этим. Давай махнем в Москву. Тем более что у меня есть квартира в Теплом Стане.

– Хорошо, – согласился Бокал. – Но нам нужно будет взять с собой Женю.

Он познакомился с Женей, высоким худым парнем с «носом длиною с пароход». С первых минут знакомства он произвел двойное впечатление на Прикупа. Что-то останавливало и настораживало Тосю. Но он не стал доверяться чувствам. Тем более что Женя оказался тем, кто доставал и изготавливал эти украшения.

Они втроем выехали в Москву. С собой Тося прихватил светло-коричневый кейс, в котором лежали иконы в серебряных и золотых окладах. Взял их «на черный день».

С вокзала ехали в такси. Усевшись впереди, он указывал дорогу. Во всех делах, равно как в играх, он любил иметь какой-либо перевес. Именно по этой причине направлял такси путаной дорогой. Он знал, что друзья слабо ориентируются в большой Москве. И решил лишить их и этого.

Отдохнув с дороги, они направились в магазин по приему драгоценных камней. Женя прихватил с собой все имеющиеся изделия. Здесь были: восемь пар серег, одна из них – с натуральными бриллиантами, шесть колец и два женских перстня, усыпанных «бриллиантами» с «изумрудом» по центру. Взял он это потому, что не доверял Тосе, считая: «квартира эта может быть вполне не его».

Подъехали в такси, остановившемся в двух домах от магазина. Первым пошел Тося. Он должен был найти лоха или барыгу. При этом он разыгрывал роль

состоятельного человека, попавшего в затруднительное положение, которому нужны деньги, — продает семейные драгоценности, будучи далеким от этой процедуры.

Как только отошел Тося, двинулся Слава. Он должен был смешаться с толпой у входа и, общаясь с людьми, наблюдать за Прикупом и ждать маяк.

Женя пошел в сквер напротив магазина ожидать результатов. Тося стал пробираться сквозь толпу к одному из окошек приема драгоценностей. Делал он это, постоянно задавая вопросы окружающим, желая привлечь внимание скупщиков.

Он показал сережки мужчине, которого они заинтересовали. Тот сказал, что подумает. Тося занял очередь, в которой был шестьсот восьмым. «Очень удобно стоять в такой очереди, — подумал он. — Здесь можно сто лохов высмыкнуть».

Он спустился по лестнице, чувствуя на себе взгляды заинтересовавшихся скупщиков. Когда собрался закурить, чья-то стальная рука крепко ухватила за пояс брюк. Другой человек взял под руку:

— Пройдемте. И не надо привлекать внимание.

Они зашли во двор магазина, и Тося увидел, как Славу заводят в открытую дверь подотдела милиции.

Сидя в кабинете, Тося услышал Женин голос и подумал: «Всех приняли».

Он замкнулся и на вопросы оперов не отвечал. От них он узнал, сколько всего было колец и серег.

Их перевезли в райотдел и содержали в строгой изоляции.

Как только закрылась дверь камеры, он удивился, увидев небрежно одетого обросшего человека.

— За что здесь? — спросил его Тося.

— Мы с другом выпили, пошли к этому общежитию. А там..

Но Тося не дал ему договорить.

— Тебя скоро выпустят. Не перебивай. — Он сунул руку в карман и обнаружил монету в двадцать копеек, которую не заметили при обыске. — Тебя выпустят, — повторил он. — Пойди на почту, возьми эти двадцать копеек, поменяй на пятнадцать. Набери код Одессы и этот телефон. — Он стал царапать спичкой на коробке номер телефона. — Скажи всего несколько слов: «Тося в пятьдесят втором отделении Москвы». Запомнишь?

Тот кивал, уверяя, что запомнит.

— Дать тебе сейчас ничего не могу. Эта монета — все, что осталось. Но телефон ты этот сохрани. Кто знает, что будет в жизни? Если станет тяжело, знай, что, позвонив по этому номеру, будешь обеспечен кровом и едой. Вижу, что постоянного места жительства у тебя нет..

Он хотел еще что-то сказать, но открылась дверь, и он остался один.

На очередном допросе следователь положил перед ним ключ от квартиры в Теплом Стане.

— Я знаю, что это ключ от квартиры, в которой вы остановились. Также там находится рыжий «дипломат», который ты привез из Одессы. Молчишь? Корчишь из себя героя? А твои друзья тем временем валят все на тебя. Вот, взгляни. — И положил перед Прикупом заявление, край которого был загнут.

Тося бегло просмотрел текст. Он был написан Женей, что не вызвало сомнений, ведь почерк Бокала он знал. В заявлении говорилось, что они зашли в квартиру и там Тося оставил тяжелый портфель — дипломат.

— А дальше, — сказал следователь, забирая бумагу, — там написано такое..

«Что там может быть написано, если эта сука Женя больше ничего не знает?» — думал Тося.

— Не знаю, о чем вы говорите, гражданин следователь. Я живу в Одессе и в Москве не имею никаких квартир. А ключ этот от моей одесской двери. А ежели не верите, перешлите ключ в Одессу и там намеряйте на мой замок. Только, пожалуйста, возьмите поняток. Не хочу, чтобы меня обворовали.

Следователь негодовал:

— Может, ты объяснишь происхождение тех ювелирных изделий, которые мы у вас изъяли?

Но Тося молчал.

– Лучше тебе быть поразговорчивей. У меня уже есть за что закрыть тебя года на три. За попытку к мошенничеству. Это не считая ювелирки.

– Где же здесь мошенничество? – удивился Тося.

– Многие видели, как ты терся в магазине.

– Да. Я занял очередь, чтобы сдать серьги в соответствии с правилами торговли ценностями.

– В магазине есть мои люди, – продолжал следователь, не обращая внимания на Тосины комментарии, – и двое из них подтвердят, что ты им хотел загнать фианиты, выдаваемые за бриллианты. Так что подумай, Тося. Может, есть смысл стать более откровенным.

Его отвели в камеру. Он улегся на неудобный деревянный настил. «Какой же тварью оказался этот Женя, – думал он. – А следак – какой-то недоумок. Убирает меня на гнилку с попыткой к мошенничеству. Что нужно еще суметь доказать... Вот арсенал поддельных колец – это серьезно».

Он прислушался. Задержали группу людей по подозрению в спекуляции. И теперь дежурная часть милиции превратилась в одесский «Привоз». На фоне этого шума послышалась возня у двери, и он услышал голос Славы.

– Я слышу тебя, Бокал. Говори.

– Тося! Женя просит, чтобы я предложил тебе взять все на себя. Как только нас выпустят, мы сможем тебя вытащить.

– Нет! – крикнул Тося в щель под дверь. – Впервых, на меня делюга в другом райотделе.

Это была чистая правда. Он кинул. Случайно встретил терпилу. Тот, чтобы вернуть свои деньги, решил «выставить» Прикупу своего приятеля. В момент получения денег Тосю арестовали, но ему удалось обмануть самоуверенных оперов, и сейчас они разыскивали его повсюду.

– Мне, как никому из вас, надо дергать отсюда. Поэтому слушай... Женя этот – сука. Веры ему нет. Этому еще придет время. Запоминай что говорить: все это фуфло купили на бану в Одессе за две тысячи.

– Где, где? – переспросил Слава.

– В Одессе на вокзале.

– Понял. Говори.

– Надо вспомнить, у кого купили. Кого будем описывать?

– Говори. Слышу.

– Что же ты слышишь, когда я молчу? – Подождав ответа, он добавил: – Купили у мужика. Костюм серый. Рубашка голубая. Галстук в полоску. Давай обрисуем Палкана. Мы все его знаем.

– Да. Женя с ним знаком.

Палкан имел запоминающуюся внешность – глубокий шрам через все лицо – и подмоченную репутацию.

Послышались крики и угрозы – это спекулянты отстаивали свои права перед дежурным. Победила власть, которая, закончив с побежденными, тут же заметила, что Слава приблизился к двери Тосиной камеры. Она строго изолировала подследственных, точно выполняя приказ.

Прикуп остался без собеседника.

Друзья умело воспользовались этой единственной минутой, которая явилась осечкой в действиях следственной бригады.

Когда в очередной раз Тосю вызвали на допрос, он некоторое время колебался. А потом, махнув на все рукой, рассказал, как они втроем хотели воспользоваться счастливым случаем, который им послало провидение в виде мужчины с большим количеством ювелирных украшений. Купив их, хотели все это продать и немного нажить. Для чего приехали в Москву в ювелирные магазины.

– Успели договориться, – смеялся следователь. – Но вся ваша история разлетится в пух и прах. Сейчас я поймаю вас на противоречиях в показаниях.

Он взял ручку и положил перед собой чистый лист бумаги.

– Во что был одет ваш продавец?

– В серый костюм, – немного подумав, ответил Тося.

- Какой у него был галстук?
- В полоску.
- Сколько ему лет? – Все ответы он записывал в столбик.
- Тридцать, тридцать пять.
- Опиши его внешность.

Тося принялся в деталях описывать внешность Палкана, не забывая о фигурном шраме.

После этого его долго не вызывали, он подумал: «Наверное, не получилось никаких противоречий».

Подходили к концу третьи сутки, когда Тосю вызвали на очередной допрос. Зайдя в кабинет, он заметил, что настроение у следователя скверное. Он молча сидел за столом, опустив голову.

– Вот твой паспорт, – сказал он, не поднимая головы. – И чтобы ноги твоей здесь не было через две минуты.

Тося остолбенел. Такого поворота он не ожидал. Каждый из предыдущих допросов сопровождался объявлением разных сроков заключения, начиная от восьми лет.

Он вышел из кабинета и не спеша направился к выходу из отделения. На пути вырос дежурный.

– Куда? – грубо заорал тот.

Сзади Тоси прозвучал голос следователя:

- Пропусти его, Петров. Пусть идет.
- Да как же так, Анатолий Степанович!
- Пусть идет, – повторил следователь, и Тося прошел.

У самой двери его нагнал Бокал. Друзья обнялись и вышли на улицу. Был чудесный майский день. Светило солнце, и пели птички. Друзья шли, не замечая никого по сторонам. Они что-то говорили, перебивая друг друга. Так они подошли к пешеходному переходу. Здесь остановились и только тогда вспомнили о Жене. Не спеша обернулись и увидели нарядную веселую компанию.

Тосина мать смеялась, промокая слезы платком. Возле нее стояли Толик Рябой и Эдик Чирик. Они также смеялись.

– О чем это вы говорили? – спросил Чирик. – Наверное, о чем-то важном, раз прошли мимо не поздоровавшись.

Тут же встреча была ознаменована радостными объятиями и поцелуями. Когда Женя вышел из райотдела, у Тоси испортилось настроение. Он обратился к Чирику.

– Это сука, – указывая на Женю, сказал Тося. – Он впрудил меня.

Подошел Женя, рядом с которым шел его старший брат Яша. Тося сильно ударил Женю в нос. Чирик и Толик принялись успокаивать Прикупа:

– Не надо, Тося. Не надо. Все позади. И ладно.

Но Тося не унимался:

– Эдик, это ведь ты организовал наше освобождение?

Чирик, улыбаясь, сказал:

– Это все мы.

– Хочу, – продолжал Тося, – доплатить еще денег, чтобы забрать его заяву. Прошу тебя, сделай это.

С Чириком они были знакомы давно. В блатном мире он пользовался уважением и имел веское слово. Его хорошо знали в Москве, Донецке, Одессе, Ворошиловграде и других городах.

Но на этот раз он не поддержал Тосю. Делая вид, что не слышит его просьбы, сказал:

– Едем домой. Вам надо отдохнуть и привести себя в порядок.

По дороге домой Женя, не прощаясь, исчез. И больше о нем никто не вспоминал. Тося решил не омрачать праздника и больше не касался этой темы.

После хорошего плотного ужина в «России» они прощались на Киевском вокзале.

Тося оставил Чирику кейс с иконами. Тот сказал, что в ближайшую неделю продаст их за тридцать тысяч.

– Тогда и созвонимся, – сказал Тося, отдавая билеты проводнику.

– Пойдем в вагон. Глянем, какое купе. В СВ ездит богатая публика. Может, дорогой кого запутаем, – сказал Бокал, переминаясь с ноги на ногу.

– Вы уже запутали, – улыбнулся Толик, а затем серьезно добавил: – Ни во что не лезьте. Спокойно езжайте до дому.

– С деньгами решили, – сказал Чирик, обращаясь к Тосе. – Кругом-бегом тебе остается двадцатка. Сдам айки, созвонимся, чтобы решить, где заберешь деньги – в Одессе или Москве.

– Спасибо, Эдик, что столько для нас сделал. – Тося пожал Чирику руку, на секунду придержав немного повыше локтя. – Ты можешь забрать все тридцать тысяч за иконы. А Бокал и этот сука отдадут мне по десять.

– Да, спасибо тебе большое, Эдик. – Теперь Слава тряс руку Чирика. – Хорошо, что ты оказался в Одессе. И как ништяк, что позвонил этот калдырь и рассказал тебе, где мы и что с нами. Если бы не он – мы стнили бы на киче. Когда бы вы узнали? А насчет денег решай, как тебе удобно. Я отдам, и мне все равно кому.

– Созвонимся. Езжайте отдохните и смотрите в оба. Эти два идиота – ладно, – и Чирик указал на Славу, – но как ты, Тося, не подумал, в таких местах пасут мусора. Вы бы к входу подъехали. Разве не знаешь – пробивается все в округе, крупные сделки происходят именно там. Забудем плохое. Удачи вам. Прощайся, Рябой.

– Тося, принесли объебон, – обратился к нему один из заключенных.

Тося увлекся беседой с Казбеком. Тот говорил с подтекстом, и, чтобы понять смысл, Тосе требовалось прилагать усилия. Он встал, подошел к окошку в двери и расписался за несколько печатных листов обвинительного заключения. Вместе с Казбеком они прочитали это творение следовательского искусства.

– Я много видел объебонов, – сказал Казбек, переворачивая последнюю страницу, – и скажу, что пятерочка у тебя в кармане. Год накинут только за то, что ты залетный.

Через несколько дней пришел адвокат, и Тосю вызвали на закрытие дела. В графе о признании виновности он собрался подчеркнуть «нет», но адвокат сказал:

– Подчеркни «частично». Тогда нам легче будет бороться за лучший исход суда.

Тося задумался: «Суд никогда не будет брать во внимание слово „частично“. Это всего лишь оттенок слова „виновен“. И если сознаюсь частично, значит, сознаюсь в вине». Он жирной линией подчеркнул «не виновен» и обратился к адвокату:

– Пожалуйста, поблагодарите за меня маму. И десять раз извинитесь. А затем скажите, что такой адвокат мне не нужен.

Второму адвокату он сказал то же самое, когда тот отказался передать ему триста рублей, которые мог бы забрать у ожидающей у дверей тюрьмы Тосиной мамы.

Тосе не давал покоя вопрос: «Кто же меня сдал?» Он вспомнил, что последние три дня за ним следили. Теперь он в этом был уверен. «А в самый последний день те двое, в ресторане за спиной, – это не случайность».

Он обозначил круг друзей и знакомых и начал анализировать. Имя Саши Петрова лезло в голову. Они с Сашей продолжали работать вместе. Оставили аферы в фирменных магазинах и универмагах и выискивали богатых клиентов в разных заведениях, продавая тем картины, иконы и остальное, что в действительности стоило копейки.

Саша рассказал, что его обложили менты и негде жить. «А ведь есть же еще жена и маленький ребенок».

Тося предложил переехать с семьей к нему, где выделил им одну комнату. А сам с Лерочкой расположился в двух. Теперь они жили и работали вместе.

Валя, Сашина жена, выставляла ему телок. Делала она это втайне от мужа и Лерочки.

Однажды они с Сашей работали над одним барменом, которого рассчитывали «пригреть» на восемь тысяч. Главная часть аферы сводилась к игре на времени.

Тося уезжал домой за деньгами, а Саша возвращался к бармену и забирал свой «самовар». Бармен уговаривал подождать деньги. Саша, глядя на часы, говорил, что у него есть всего полчаса. После этого времени он должен подвезти к поезду

«самовар» или деньги хозяину. Так как бармен знал, что Тося будет через сорок минут, он должен был отдать Саше свои деньги.

Тося уехал «домой», а сам уселся в такси и принялся ожидать Сашу. Он прождал полтора часа, но того не было. Тося, взбешенный, уехал домой.

Саша явился в час ночи и рассказал, что на Садово-Кудринке был задержан милицией.

— Чего ты туда поперся? — спросил его Тося.

— У меня закончился мак и начинало кумарить, — ответил тот извиняющимся тоном.

— Работа должна быть на первом месте. Раз у тебя это не так, должен сообщить, что с этого дня мы ходим разными дорожками. Но если тебе по-прежнему негде жить, я тебя не гоню.

Еще Тосе вспомнилось, как однажды у него была назначена встреча в баре, находящемся в Теплом Стане. У него в кармане было двести граммов опиясырца. Этот шар они «кинули» в Кривом Роге. Там втроем его «покупали» у местных барыг. При этом те угрожали пистолетом «вальтер». И в случае какого-либо сбоя обещали пустить в ход. Сейчас он принес огромную гальку на засвет барыге.

Когда он вышел в вестибюль бара, получил боковой удар в челюсть. Немного пошатнулся и тут же ответил обидчику, обрушив на него серию прямых ударов. Тот упал, но драка продолжалась. В ней принимало участие человек десять. Тося хотел покинуть вестибюль, но ему это не давали сделать двое парней, по всей видимости, товарищей нокаутированного.

В это время подъехали милиционеры. Его вместе с остальными драчунами повели в «воронки». У самой его ступеньки удалось бросить шар опия в урну.

Когда Тосю выпустили из райотдела, он вернулся к бару и забрал большой шар. Приехав домой, рассказал Саше о происшедшем.

— Если бы я не смог выбросить гальку, тюрьма... Как думаешь, сколько влупили бы? — спрашивал Тося, сидя за кухонным столом. — А у меня в доле на нее еще двое.

— Я думаю, можно было найти компромисс.

«Какой компромисс? — думал Тося, лежа на нарах. — Компромисс здесь: я сдам вам двадцать человек, более значительных, чем сам. А вы меня отпустите, дорогие милиционеры. Саша — вот тот, кто меня сдал Петровке», — заключил Тося.

НА ПОДКИД

Тосе был очень симпатичен Казбек — немногословный взрослый и веселый человек с акцентом. Они часами вспоминали разные истории некриминального характера.

Однажды Тося вспомнил, как отец на своих уроках обучал работе на подкид. Чтобы легче было уловить смысл, Аркан рассказывал о конкретном случае. Этим случаем Тося решил поделиться с Казбеком.

— На подкид отец с Ромой работали почти во всех городах страны, — говорил Тося. — Конечно, это была не основная работа — так, ради развлечения.

— Поставь машину за углом, — сказал Аркан, обращаясь к Роме, который уже было собрался припарковаться.

Аркан зашел в просторное здание автомагазина первым. Быстрым, но метким взглядом окинул всех посетителей, выбирая нужного, и остановился на секции с сопутствующими товарами. Там, среди прочих, стоял широкоплечий мужчина с

нависшим на брюки животом. Он держал в руках аварийный фонарь и беседовал с продавцом.

Рома тоже зашел в магазин и встал у стеклянной витрины, разглядывая выставленные в ней детали, и то и дело посматривал в сторону Аркана, ожидая «маяк». Они хорошо знали мимику жестов и с ее помощью понимали друг друга быстрее, чем при обычном языковом общении.

Еще в машине Аркан свернул «куклу», которая представляла собой плотно сложенную газету по размеру денег и была завернута в белый носовой платок так, что с одной стороны получалось небольшое окошко, обрамленное крепкими узлами платка. В это окошко Аркан вложил купюру небольшого достоинства.

Он стоял возле «большого живота» и что-то разглядывал в витрине. «Кукла» лежала на ноге, прикрытая штаниной, одним концом упираясь в туфель. Как только он заметил, что выбранный объект собирается закончить посещение этой секции, приподнял ногу и направил ее в сторону движения толстяка, вытянув носок, подобно балерине. «Кукла» съехала с его ноги под ноги толстяка, отходящего от прилавка. Он слегка зацепил «куклу», отчего та переместилась по полу. Мужчина наклонился глянуть, что же он зацепил. В это время Аркан тоже отошел от прилавка, заметил белый платок — явно что-то лежало, — поднял его и обратился к толстяку, который с любопытством смотрел на «куклу»:

— Интересно, что это мы нашли? — Аркан перевернул «куклу» окошком вверх, и они оба увидели, что это большая пачка денег, завернутая в платок.

— Ого-о, — произнес Аркан. — Вы поглядывайте, чтобы никто не видел. — А я пока посчитаю, сколько здесь. И вообще давайте отойдем в сторонку. — И они отошли к окну.

Аркан пытался развязать узел, но у него не получалось. Тогда компаньон со словами «Дай я попробую» забрал «куклу» из рук Аркана. Когда он начал развязывать, Аркан дернул его за рукав и головой указал в сторону места, от которого они только что отошли.

— Спрячь деньги, — сказал он толстому. Возле прилавка стоял Рома. Он громко спрашивал у продавца, не находил ли тот денег в платке, которые он где-то обронил.

— Ты же помнишь, я стоял здесь, на этом самом месте. Смотрел на этот подшипник. А теперь не знаю, где мои деньги.

— Извините, не видел, не знаю. Вот мужчина долго здесь стоял. Спросите у него. — Он указал в сторону окна, где растерянно стояли двое.

— Ребята, вы не видели здесь деньги? То есть платок... То есть платок с деньгами? — обратился к ним Рома.

— Нет, ни денег, ни платка мы здесь не видели, — толкая в бок «товарища», ответил Аркан.

— Ну что же мне делать? Пять тысяч рублей... Теща дала заплатить за машину. А я их где-то посеял. А может, на улице? Я еще курил у входа. — И он быстрой походкой направился к выходу.

— Давай быстро поделим деньги. Развязывай скорее. Отсчитай мне две с половиной и разбежимся, — говорил Аркан перепуганному здоровяку с трясущимися руками.

Того раздирали противоречия. С одной стороны, он очень хотел денег. А с другой — было стыдно, что наживает их таким образом.

— Да как мы можем поделить, если он вернется в любую секунду? — сказал покупатель.

— Тогда давай отойдем от магазина и там спокойно их разделим, — предложил Аркан.

Они направились к выходу. Повстречали Рому, который возвращался к секции.

— Со всеми поговорил. Никто ничего... Да тут и не было никого, пока я курил, — говорил Рома, остановившись рядом с перепутанным мужчиной. — Мне кажется, я потерял их где-то в магазине.

— Удачи вам в поиске пропажи, — пожелал Аркан и подтолкнул компаньона, давая понять, что пора делить.

Рома пошел к продавцу, а друзья отправились делить находку. Компаньон боялся заходить слишком далеко в незнакомые дворы. А с другой стороны, еще больше боялся, что Рома увидит его со своими деньгами.

— Давай далеко не будем заходить. Станем за угол да поделим, — как бы читая его мысли, сказал Аркан.

Они завернули за угол. Мясистый человек достал «куклу» и принялся развязывать узел. Но его испугал голос Ромы. Он так дернулся, что чуть не выронил находку. Аркан придвинулся к нему ближе, закрывая белый платок в руках «товарища» своим телом от Роминого взгляда.

— Спрячь скорее, — прошептал Аркан.

— А, вот вы где! А я уже потерял надежду вас отыскать. Я вот о чем хочу вас попросить. Я потерял пять тысяч рублей. Вы знаете. Дома меня ожидает такой террор, что мне остается мечтать только о смерти. Эта теща — сущий зверь. И я прошу вас пойти со мной и все ей рассказать. Ну, как было. Вы ведь видели. Мне она не поверит. Подумает, что проиграл в карты. Милиция, бой посуды, развод. Я живу здесь недалеко, в десяти минутах ходьбы. Пожалуйста, с меня магарыч, — умолял Рома.

— Пойдем, Петя, поможем товарищу, — сказал Аркан. — Заодно и перекусим. Ведь так? — Он вопросительно посмотрел на Рому.

— Да, да, — закивал тот.

— Нет, нет, я никуда не пойду, — наотрез возразил толстяк.

— Ну пойдем, ты хоть подтвердишь. Вид у тебя приличный. Она тебе поверит. — Теперь Рома теребил лацкан на куртке Аркана.

— Понимаешь, какое дело. Мы здесь с моим товарищем, — Аркан кивнул в сторону толстяка, — встретились для того, чтобы он отдал мне долг, и как раз беседовали на эту тему.

— Так отдай ему деньги да пойдем. — Рома слегка похлопал толстого по спине.

— Подожди пять минут. Нам надо кое-что обсудить, — сказал Аркан, обращаясь к Роме.

Тот отошел в сторону, проявляя беспокойство и нервозность. А в это время Аркан уговаривал толстого:

— Развяжи незаметно платок и дай мне половину денег.

Но тот возражал, жестами указывая на присутствие Ромы.

— Ладно, тогда я схожу с ним, чтобы он отстал, — сказал Аркан. — Ас тобой встретимся через полчаса здесь же и спокойно разделим по две с половиной тысячи рублей. Но ты мне оставь что-нибудь в залог, чтобы я был уверен, что ты не сквозанешь с моей долей.

Подошел Рома.

— Должен — отдай, — с угрозой обратился он к большому человеку. — А сколько он тебе должен?

— Около двух тысяч, — ответил Аркан.

Мужчина достал все свои деньги. Их оказалось тысяча рублей.

Аркан плюс к этим деньгам забрал у толстяка кольцо-печатку, часы, кожаное портмоне, норковую шапку и пояснил:

— Теперь я буду уверен, что ты меня дождешься. А как только поделим — все верну. Заметил, что ты дорожишь часами. Это будет мне гарантией.

Нахлобучив шапку на голову, Аркан вместе с Ромой направились в сторону паркованной машины.

Был суд. Он все отрицал.

Когда судья попросил потерпевшего рассказать, как все это было, тот говорил:

— ...Как только отошел этот парень, — он указывал на Тосю, — ко мне подошли двое и сказали: «Вы только что расстались с молодым человеком, который вас обманул». Я ответил, что никто меня не обманывал. И вообще оставьте меня в покое. Тогда те достали удостоверения и сказали, что они работники Петровки. А этот молодой человек является известным аферистом. Затем посоветовали мне пересчитать деньги. Когда я увидел, что денег нет, они порекомендовали зайти с ними в райотдел на Ленинском проспекте. Там я написал заявление.

– Если бы не эти двое, вы сами пошли бы в милицию? – спрашивал судья.

– Наверное, пошел бы, но не сразу и не в этот райотдел, а у себя в Тушино.

Свое последнее слово Тося строил на том, чтобы разжалобить кивал. Ими были мужчина с внешностью человека, связанного с техникой (тракториста), и молодая женщина с пышными формами декольтированной груди. Она, покрасневшая, все время поглядывала в окно, видимо, вспоминая вчерашний день. Они оба были далеки от понимания сути дела. Да и разговор шел о каких-то чеках. Тося говорил:

– ...Даже в самых отдаленных уголках моего мозга не было желания обмануть этого гражданина. Все это чудовищная ошибка. Вся моя беда в том, что я стал разговаривать с незнакомым человеком по поводу покупки чеков, которые мне были нужны, чтобы купить подарок матери к ее юбилею. Знаю, что этот поступок является противозаконным, и здесь я виноват. Но обмануть – Боже упаси.

Он получил три года с отбыванием в колонии общего режима. Это был низший предел статьи.

После суда он вновь попал в «карантинку», где пробыл еще некоторое время.

Чудесным солнечным утром их с Казбеком вывели из камеры.

– Идем на Матросскую Тишину, – сказал Казбек. Остановились у кастелянши, которой необходимо было сдать постель и белые футболки. Они выдавались вновь прибывшим в Бутырку, но, как оказалось, только на то время, пока те находятся в этой тюрьме. Тося не хотел сдавать футболку и положил ее на дно баула.

– Футболка утеряна, – заявил он кастелянше.

– А у него? – обратилась она к Казбеку.

Тот сказал, что тоже потерял.

– Тогда напишите по заявлению с просьбой вычесть стоимость футболки из ваших лицевых счетов, – объявила женщина.

Тося взял предложенный лист бумаги и стал писать. Казбек продолжал стоять с невозмутимым видом.

– Иди пиши, – донимала его кастелянша.

Этапирующий их надзиратель сказал:

– Он сидит у нас уже третий год, а за все это время нигде не написал ни единого слова. И этого писать не хочет.

– Тогда ты напиши за него.

И тот принялся царапать по бумаге.

ОБМАНУТЫЙ АФЕРИСТ

Их привезли в тюремную больницу Матросской Тишины. Тюрьма эта была на порядок хуже Бутырки: более серая и неприглядная, с асфальтированными полами и присутствием клопов, о существовании которых Бутырке неизвестно. Здесь Тосю с Казбеком разлучили.

Пробыв около месяца в больнице, Тося был переведен в камеру, которая называлась «осужденка». Располагалась она в полуподвальном этаже. В ней было душно и жарко. Немного осмотревшись, Тося заметил, как один из парней украдкой на него поглядывает. При этом он ежился, когда их взгляды встречались. Тося присмотрелся к парню и понял, что где-то его видел. Он подошел к нему со спины и сказал:

– Ты делаешь волны, которые доходят до моего берега.

Тот обернулся и принялся подобострастно трясти Тосю руку. Натрясшись вдоволь, сказал:

– Я тебя сразу узнал. Но хочу попросить не рассказывать никому о том случае на Таганке. Сам понимаешь. Я пользуюсь здесь определенным авторитетом. А тот случай может подорвать его.

Тося заверил, что никому ничего рассказывать не будет, и только тогда вспомнил, как однажды спешил в «Березку», чтобы поменять тысячу чеков – две бумажки достоинством по пятьсот каждая. До закрытия магазина оставалось несколько минут.

У входа к нему подошел парень и, узнав, что Тося не прочь обменять чеки на рубли, с удовольствием предложил свои услуги. Он достал пачку денег, состоявшую из двадцатипятирублевых и полтинников, и протянул Тосе. Тот понял, что это «ломщик», и, считая, «отломал» половину полтинников.

Узнав, что денег не хватает, «ломщик» не поверил этому и попросил их вернуть для пересчета. Тося устроил скандал.

– Да я за эти чеки в Афгане, под пулями!.. – кричал Тося.

Вдруг он растерялся, не зная, что сказать дальше. Закричал:

– Был бы у меня наган, я бы тебя застрелил! Аферист! Жизни от вас людям нет!

Тот выхватил у Тоси деньги и подался прочь от полоумного скандального военного.

Как только он скрылся из виду, Тося бросился в метро. Там он замешкался, так как не имел пяти копеек, а у разменной кассы стояла очередь. Заметив девушку, опустившую пятак в горло автомата, Тося подбежал к ней и крепко обнял сзади. В таком виде они вдвоем проскочили электрического стража.

Подошел поезд. Заходя в него, он глянул в сторону входа. Там «ломщик» сражался с контролером, стоявшим у него на пути. «По-видимому, нету пяти копеек», – подумал Тося, когда закрылись двери и поезд стал набирать скорость. В душе он посмеивался над тем, что встретил терпилу в тюрьме, но как и пообещал, никому об этом не сказал.

Тося ездил в суд знакомиться с делом. Поэтому большую часть дня он проводил в «этапках».

Однажды услышал в разговоре двух парней имя Чирик. Тося знал, что к этому моменту Эдик осужден и вот уже полгода находится на зоне. Один из знакомых сообщил Чирику о мужике, у которого имеется двести тысяч рублей. Эдик, узнав место жительства богача, отправился к нему со своими друзьями.

Они долго били и пытали упряма. Применяли различные орудия пыток. Тот корчился от боли, но денег не давал.

Эдик с друзьями вывезли богача на кладбище, где бросили связанного в вырытую яму. Сверху положили лист фанеры и стали засыпать. После нескольких минут монотонного стука земли о фанеру у богача сдали нервы, и он отдал двести тысяч. Как выяснилось, более денег у него не осталось.

Он отнес заявление в милицию. Чирика поймали и осудили на шесть лет.

Тося обратился к парню:

– Как зовут Чирика, о котором ты говоришь? И когда парень ответил: «Эдик», Тося узнал у него номер камеры, в которой тот повстречал Чирика.

В этот же вечер он «отогнал в эту хату коня» для Чирика и получил ответ, в котором говорилось: «Тося, очень сожалею, что ты здесь. Но тем не менее рад тебя слышать. Вкратце расскажу свою историю. Терпила дал заяву, и меня закрыли. Потом мусора возбудили дело против него. Сейчас он идет по статье „Хищение в особо крупных размерах“ со значком прим.. А меня записали в свидетели. По этой причине не везут на зону. Если какие трудности, сообщи. Буду рад помочь. Чирик».

Прочитав это письмо, Тося вспомнил слова Эдика: «Основное правило профессионала – не забирать у фраера всех денег. Оставить половину. В этом случае он никогда не пойдет давать заяву».

«Видимо, Эдик позабыл это золотое правило», – подумал Тося.

Еще около месяца Тося пробыл в этой камере. Затем его увезли на Красную Пресню, где он ждал этап на зону еще полтора месяца.

Красная Пресня – это пересылочная тюрьма. Здесь заключенные пытаются выяснить отношения, которые возникли между ними в процессе сидения под следствием. Здесь ищут виноватых, чтобы совершить над ними справедливое возмездие.

РЫБНЫЙ ДИРЕКТОР

Большой этап прибыл на вокзал. Вагон, в котором перевозят заключенных, называют «Стольпин». В нем этапируют людей с различными мерами наказания. Здесь женщины находятся рядом с мужчинами, разделенные тонкой перегородкой. В вагоне также имеются две камеры для «смертников».

Тося приметил интересную девчонку и договорился с конвоирующим их солдатом, уплатив ему сто рублей, что тот оставит их на один час в пустующей камере смертников.

Здесь он обрушил на нее страсть выдержкою в один год тюрьмы. Когда солдат сообщил, что время закончилось, и повел усталую девушку на прежнее место, Тося удобно устроился на наре и задремал.

Он дал вернувшемуся солдату еще двадцать пять рублей и попросил какое-то время его не беспокоить. Тот согласился. Тося закрыл глаза и погрузился в воспоминания. Но тут открылись двери, и он увидел большого полного человека с мощным баулом. Тот присел рядом. Разговорились.

Выяснилось, что тот работал генеральным директором объединения «Океан» при министерстве рыбного хозяйства. Он основал большую сеть магазинов во многих городах страны. Пять лет назад был громкий процесс, в результате которого министра рыбного хозяйства «разменяли».

Тося расположил к себе уже немолодого директора, и тот стал подробно рассказывать о пережитом.

– Сейчас еду из Лефортово, – говорил он, – где просидел почти полгода. Пять лет назад меня приговорили к пятнадцати годам. И каждый год с зоны вывозят в Лефортово. Это тюрьма, где все с тобой разговаривают на «будьте любезны». Сколько раз меня водили из камеры на допрос – ни разу я не встретил никого из заключенных в коридоре. Такое впечатление, что тюрьма пуста. Но, конечно же, это не так.

Как противны следователи со своей любезностью! Каждый допрос начинается со слов: «Не желаете ли кофе?» А затем таким же тоном задаются вопросы, один провокационный другого. Доводят до такого нервного напряжения, что возвращаюсь в камеру как выжатый лимон.

Был такой случай. В камеру попал контрабандист, а через стенку сидел его подельник. Он простучал всю стену и нашел в ней какой-то просадочный шов, через который они могли перестукиваться при помощи азбуки Морзе.

Он стучал один день, а на второй, как только подошел с ложкой к стене и начал стучать, открылась дверь, в которой стоял следователь вместе с надзирателем.

«Что это вы там делаете?» – спросил следок.

«Я здесь давлю клопов», – глядя на ложку, ответил тот.

«Вы хотите сказать, что больше ничем у этой стены вы не занимаетесь?» – не унимался следователь.

«Да, больше ничем я здесь не занимаюсь», – подтвердил тот.

«Ну, во-первых, я хочу вам заметить, в нашей тюрьме клопов нет. А во-вторых, вот это то, чем вы не занимались сегодня, а это – чем вы не занимались вчера». –

И показал ему два листка бумаги, на которых была расшифрована сегодняшняя и вчерашняя морзянка.

– А вообще-то я хочу сказать тебе, Тося, – продолжал рыбный директор, – зря они министра «разменяли». Ведь у руля стоял я. И сеть магазинов я придумал. Конечно, меня тоже ожидала его участь. Но, беря во внимание мои заслуги перед родным Отечеством – мне даже Сам лично вручал ордена и медали, – беря все это во внимание, мне «вышку» заменили пятнадцатью годами.

– Как же так получилось, – спросил Тося, – что вас всех прижучили?

– А получилось, сынок, все очень просто. Был у меня один знакомый мальчик двадцати трех лет. Он всячески пытался меня ублажить. Например, прилетаю я в Питер в командировку. А он стоит у трапа. Встречает. У меня заказан люкс в «Европейской», а он говорит: «Как такой человек, как вы, может жить в таком номере? Вас ждут апартаменты в „Пулковской“». Приезжаю в „Пулковскую“, а там уже и девки в постели. И так каждый раз он пытался скрасить мой быт и досуг.

Поставил я его директором магазина на Арбате. И начал он мотаться в Польшу. Причем делал это все чаще и чаще. Но это мне говорил, что в Польшу. А на самом деле ему удалось познакомиться с нашим послом в Польше. Тот ставил визу в заграничном паспорте, и Артур из Польши отбывал в разные страны мира.

Его заметили контрабандисты, видя, как он легко и смело преодолевает таможду. Они взяли его в свое дело. Перевозя крупную партию бриллиантов, он был задержан и доставлен в КГБ. Быстро его обработали. Он сдал все, что успел узнать за это время по рыбному делу.

К моменту суда по делу шло пятьсот человек. Также он сдал контрабандистов. По их делу шло семьсот человек. Сам Артур был приговорен к семи годам.

– Через пару лет ему на свободу, – заметил задумавшийся Тося.

Собеседник с удивлением глянул на него.

– Он не отсидел и двух лет, – сказал он. – Разве могли столько человек забыть о его поступке?

Открылась дверь, и Тосю перевели в общую камеру „Столыпина“. Там кипела своя жизнь. Кто готовился пронести чай в камеру, куда его приведут в конечном итоге; кто – наркотик, кто – деньги. Каждый из них был занят своими проблемами, мыслями.

Минуя пару тюрем, он попал на зону. Питались там в столовой. Когда бросали клич к началу трапезы, посетители столовой как одержимые неслись к длинным столам. При этом они быстро рассаживались, подчас не замечая, что на скамейках пролит борщ или насыпана каша вместе с килькой. Усевшись, они начинали поглощать пищу с быстротой движения руки, стараясь опередить друг друга. Тот, кто первым освобождал шленку, получал добавку из стоящей у края стола большой кастрюли со строго определенным числом порций. Так как столовую посещали не все, в кастрюле всегда оставалось три-четыре порции. Из-за них-то и был весь этот сыр-бор.

Тося не ходил в столовую, так как не мог видеть жадность, с которой поглощалась пища, не стоящая доброго слова. Он питался в бараке, сидя на своей кровати за табуретом в обществе двоих семейников. На их „столе“ иногда, кроме нескольких паек черного хлеба и кипятка, ничего больше не было. Но другие об этом не знали и считали, что те не едят в столовой из-за имеющегося обилия деликатесов. По этой причине в их сердцах разгорался огонь зависти и ненависти. Огонь этот толкал людей на поклепы и клеветы, направляемые куму, что стоило Тосе нескольких неприятных допросов.

Первая посылка в пять килограммов разрешалась через полсрока. Но были и такие, кому неоткуда было ждать посылок. И они продавали свое право на них. Также существовал „ларь“, в котором каждый имел право на отоварку продуктами два раза в месяц на незначительную фиксированную сумму. Но этой льготы часто лишали за какую-либо малую провинность.

Тося был аккуратен, подтянут, всегда выбрит, одет в джинсы „ливайс“, которые отлично на нем сидели. У него было множество тайных врагов. Но также были хорошие, преданные друзья, влиятельные и могущественные, и не только в пределах

данной зоны. Он попал в круг элиты. Это приносило ощутимые положительные результаты.

Наконец-то он получил свидание, на которое приехали его мать и Лерочка. Матери удалось за пятьсот рублей выхлопотать свидание на два дня, на котором она пробыла всего пару часов. Остальное время Тося с Лерочкой посвятили тому, чтобы превратить убогую, безрадостную комнату свиданий в эталон беспорядка и хаоса.

К концу второго дня Лера с трудом передвигалась. Но ему было мало, и, прощаясь, он сказал:

– Любые деньги. Продавай все, что у меня осталось. Но чтобы ты была со мною не позднее чем через пару недель.

В руководстве зоны произошли изменения, и со свиданием не получалось. Тося очень тяжело переносил отсутствие женщин. По этой причине у него сильно болела голова. Для того чтобы получить свидание с Лерочкой, решено было сыграть свадьбу.

В назначенный день она приехала с подружкой. Были соблюдены все формальности бракосочетания. И вот у них снова два дня.

Лерочка привезла большую сумку продуктов. Но ему было не до этого. На протяжении этих дней вся зонавская гостиница слышала стоны страсти и вздохи любви за Тосиной дверью.

И вот он снова в большом бараке. Лежа на наре, вспоминает красивое, упругое тело Лерочки.

Переписываясь с матерью, он узнал, почему его не „признали“ в Сербского. Оказывается, она хотела помочь, для чего привезла и отдала лечащему врачу выписку из истории болезни сына, взятую в военкомате. Тогда он не хотел идти в армию и инсценировал болезнь, также связанную с психическим расстройством, но с противоположными симптомами. Ознакомившись с выпиской, врачи сопоставили оба диагноза. Полученный винегрет рассказал им о симуляции. Мать очень переживала, что оказала сыну медвежью услугу. Но он ее успокаивал и говорил, что не держит зла, а даже наоборот, очень любит и благодарен ей.

Каждые два месяца ему удавалось „выкруживать“ свидание с Лерочкой, что стоило немалых денег.

Наступил февраль. В бараке стало очень холодно. Тося решил этот месяц провести в тюремной больнице, для чего в санчасти попросил врача измерить ему давление. Сам при этом что есть силы напряг мышцы ног, внешне оставаясь расслабленным. Давление оказалось сто шестьдесят на сто десять.

– Может быть гипертонический криз, – заключил лепила.

Тосю этапировали в тюремную больницу. Здесь он повстречал много необычных людей, умудренных опытом и желанием быть на воле.

„Этот играет по-крупному“, – думал Тося, глядя на умирающего азербайджанца. Тот „умирал“ уже полтора месяца, и врачи на своем консилиуме ставили вопрос о его „активировке на свободу“. Диагноз был бесспорен, но их останавливало то, что больного ранее активировали дважды с интервалами в два и четыре года. Причем в первом случае он не досидел пять, а во втором – восемь лет. Сейчас врачам предстояло избавить его от семи лет зоны.

„Как это у него так получается? – продолжал размышлять Прикуп. – Здесь нужна мощная мастьрка. Диагноз должен быть: саркома, цирроз – не меньше“.

Тосе давали таблетки, он их не принимал, а собирал в спичечный коробок. Лепила мерил давление – он напрягался. Назначались новые таблетки, и он каждый раз удивлялся изощренной сложности их названий.

Больница представляет собой отдельное крыло тюрьмы с совершенно типовыми камерами. Различие лишь в том, что здесь нет нар до потолка. Вместо них стоят кровати, на которых лежат заключенные, облаченные в белое нижнее белье на завязках и синие халаты без пуговиц и поясов.

Камеру-палату убирают раз в день. Когда это происходит, корпусной открывает настежь двери нескольких камер. Заходит женщина-зечка с ведром и шваброй. Надзиратель ходит по коридору, желая быть в каждой камере. Женщина молода и красива (возможно, лишь в сознании больных).

Девушки соглашаются на хозработы в надежде уйти по УДО». Но получается это не всегда, а подчас — дорогой ценой.

Пока она, нагнувшись, трет шваброй под чьей-нибудь кроватью, кто попроворней, норовит ухватить ее за интимные места. Но дальше этого не идет. Подобные игры разжигают желание и провоцируют к мужеложеству.

После ухода аппетитной девушки пидоры имели что увидеть от разгоряченной братвы.

По соседству с Прикупом лежал крепкий белокурый парень. Он был приговорен к полутора годам за особый садизм. Глядя на него, Тося удивлялся тому, как человек, не обогащенный элементарным образованием, неправильно выговаривающий слова, может так хитро дурачить врачей. Этот блондин с тяжелой челюстью демонстрировал Тосе свое умение воздействовать на сердце.

Прикуп держал руку на пульсе садиста.

— Сейчас он станет реже, — сказал тот, сидя на кровати, выпрямив спину и расслабившись всем телом.

Тося пальцами услышал, как биение пульса начало затихать.

— Сейчас остановлю, — произнес садист и прикрыл глаза.

Тося почувствовал, как «централка» экспериментатора перестала биться. Он смотрел на человека без пульса, спокойного и безмятежного, и не мог в это поверить. Тося аккуратно нащупал артерию у шеи, но и она молчала. Вдруг сосед открыл глаза, громко вздохнул, и кровь застучала по его венам.

— Главное — это не пропустить время. Чем больше стоит, тем сложнее запускать. Можно крикнуть, — сказал садист. Ему явно понравилось, как прошла премьера.

— А у меня может так получиться? — поинтересовался Тося.

— Да, это просто. В другой раз научу. Сейчас пора обедать. — И садист, взяв алюминиевую шленку с тумбочки, побрел к кормушке, где уже собралась очередь за баландой.

Тосю вызвали на врачебный совет, где лечащий врач, указывая на серьезность болезни, стал настаивать на признании больного инвалидом второй группы.

— Ни одно, — говорил лепила, — из самых эффективных на сегодняшний день средств ему не сбивает давления.

«Интересное дело, — подумал Прикуп, — у меня на зоне все прихвачено. Можно не работать. А дадут группу — переведут на инвалидную зону сетки плести да ящики бить. Когда бы было столько счастья?»

Врачам же он сказал:

— Я совершенно нормально себя чувствую и уже здоров. Прошу убедиться, измерив мне давление.

Давление оказалось в норме, и лечащий врач сказал, что это благодаря новейшим сверхмощным средствам. На что Тося достал из кармана халата спичечный коробок таблеток.

— Вот они, — сказал он, открывая коробок разноцветных лекарств. — Я обошелся хорошим рационом и вниманием персонала. И сейчас совершенно здоров.

Он снова в зоне.

«ЛОХОВСКАЯ»

Однажды вместе с матерью на свидание приехал Рома. Они сидели за столом, изобилующим всевозможными блюдами. Тося рассказывал о жизни в лагере. Делал он

это очень сдержанно, так как все его естество рвалось на волю. Рома давал советы, опираясь на свой опыт сидения в тюрьмах. Вдруг Тося сказал:

— Рома, ты много переделал работ вместе с моим отцом. Расскажи немного. Ты ведь знаешь, я очень люблю об этом слушать.

— Ладно, сынок, — сказал Рома. Выпитый коньяк ударил в голову. Он был занесен в комнату свиданий в изнутри окрашенной белой нитрокраской бутылке из-под молока. — Я расскажу тебе пару историй о том, как мы проводили время с Арканом, твоим отцом. Это был очень способный человек — царство ему небесное! Давай выпьем и помянем его душу. Прости меня, Аркан, если можешь.

Рома осушил полстакана коньяка залпом.

— Ты не виноват. Рома. Это менты. — В голосе Тоси слышались злые нотки. — Если бы можно было найти тех, кто застрелил отца... Но я не знаю, с какой стороны подступиться. Освобожусь, немного стану на ноги и займусь наконец поисками. Пора платить.

Рома задумался. Тося напомнил о своей просьбе, и тот медленно начал свой рассказ.

— Мы работали в аэропорту Внуково. В доле у нас сидел мусор из местного отделения.

Мы катили фрэера в игру под названием «Лоховская»...

Как только голос из репродуктора объявил о задержке рейса на Мурманск и Владивосток, Аркан прекратил пить кофе.

Вместе с Ромой они отправились в зал ожидания. Там отыскивали подходящего простачка.

Аркан подошел к расстроенному очередной задержкой самолета мужчине, сел рядом и сказал:

— А еще известный аэропорт! Надо же! Я четвертый день сижу здесь и готов выть от скуки и неудобств.

Мужчина ответил, что сам находится в подобной ситуации.

— Я еще вчера должен был быть во Владивостоке. На Западе за подобное платят неустойку.

— Не надо тратить нервы. Все равно ничего не изменишь. Давайте скоротаем время за игрой в дурака.

Аркан достал карты из кармана. Играли некоторое время вдвоем. Подошел Рома.

— Возьмете в игру? — поинтересовался он.

Еще пару партий сыграли в дурака. Затем Аркан сказал:

— Недавно ехал в поезде с поляками. Они показали игру. «Полонез» называется. Сейчас покажу.

В это время к ним подошел милиционер. Представился по всей форме и обратился к мужчине:

— Ваши документы! Что вы здесь делаете? Что это за карты?

Тот, протягивая паспорт и билет, проговорил:

— Я лечу во Владивосток. Самолет задерживается. От скуки играем в карты.

— Во-первых, — заявил милиционер, — вы не летите, а вылетаете. А во-вторых, все ли у вас в порядке? Не имеете ли каких-либо претензий?

— Нет, нет, — ответил мужчина, забирая документы. — Что вы!

Когда ушел милиционер, Аркан показал приятелям, как нужно играть в игру «Полонез». Выяснилось, что игра очень проста.

— Каждому сдается по две карты. Все должны поставить по одной копейке на банк, — сказал Аркан. — Теперь смотрите свои карты и считайте очки.

Очки складывались путем сложения цифровых значений карт одной масти.

— Если вы уверены, что имеете достаточное количество очков для участия в игре, кладите в банк столько копеек, сколько считаете нужным. Итак, попробуем.

Они начали играть. Выигрывал постоянно мужчина из Владивостока.

— Вы сильный игрок, — обратился к чемпиону Рома. — По вашему лицу невозможно понять, когда вы блефуете, а когда — нет.

— Вам нравится игра? — спросил Аркан жителя Владивостока.

– Ничего. Увлекает, – ответил тот, подсчитывая выигрыш, который составил тридцать два рубля.

– Да, очень увлекательная, – согласился Аркан. – В Москве я останавливался в гостинице «Минск». Там жил в номере с таджиками. Когда я показал им «Полонез», они сказали, что подобная игра очень популярна в Средней Азии. Называется она там «Шанхай». Давайте попробуем. Теперь к любой карте будет подходить джокер, если, конечно, он у вас будет.

Они начали играть в игру «Шанхай». Выигрыш человека, убитого задержкой самолета, составлял уже пятьдесят рублей, когда ему пришла десятка в паре с джокером.

...Он проиграл триста рублей, так как у Ромы были два туза.

Охваченный азартом и желанием выиграть, он бросался в игру снова и снова, ведь карта была достойной.

...Деньги и друзья исчезли одновременно. Тогда разбитый и сраженный горожанин Владивостока отправился в местное отделение милиции, где увидел уже знакомое лицо милиционера.

– А, старый знакомый, – встретил его человек в форме. – Ну что там у вас?

Когда он услышал историю с игрой в «Шанхай», сказал:

– Я же вам говорил, что вы не летите, а вылетаете! А вы мне кричали, что претензий нет. Что ж вы сейчас? Раньше надо было. Такие, как вы, потворствуют мошенникам и мешают работать милиции.

– Рома, зачем надо было делиться с мусором? – спросил Тося, вспомнив, что точно так же работал с Родей. Только делали они эту работу в поездах дальнего следования.

– А как же иначе? – удивился Рома. – Ведь на следующий день нам снова нужно было искать лоха в этом аэропорту.

СВОБОДА

Настал долгожданный день. Солнце светило ярче обычного, когда за его спиной остались высокие ворота и злые надзиратели. Не часто здешним обитателям доводилось видеть такое. Тосю встречало множество людей. Здесь были и малознакомые лица, и не знакомые вовсе. Но на тот момент он всех их обожал.

Тося был лысым, так как освобождался из ШИЗО, куда был закрыт пятнадцать дней назад за незначительное нарушение.

Огромная кавалькада машин двинулась по направлению к городу. Тося находился в головной. Рядом с ним были мать, Лерочка и Рома. Он был счастлив. Любовался из движущейся машины деревьями. Ему казалось, что все, что происходит вокруг, – это не реальная жизнь, а фрагмент какого-то фильма.

Обед проходил в «Красном», где Толя Рябой организовал великолепный стол. К концу обеда чувство реальности вернулось к Тосе. Он сказал Рябому:

– Хочу махнуть в Питер. Поработать там недельку. Что скажешь, Толя?

Толя оторвался от крабов, кроме которых ничего не ел, и внимательно глянул на Тосю.

– Не важно, куда ехать, Тося. Было бы с кем, – сказал он, подчеркивая каждое слово.

НА АНОНИМКУ

Через пару дней утром, вставая с кровати, Тося сказал Лерочке:

– Если у тебя было что-то с кем-то в то время, пока я сидел, – ладно. Было и было. Я никогда об этом не вспомню и тебя не упрекну. Но если это будет иметь какое-то продолжение, знай: этого не потерплю. Сегодня уезжаю на неделю в Питер, и у тебя будет время обрубить концы, если они есть.

Лерочка говорила, что верна ему до гробовой доски и никого другого никогда не пустит в свою постель. Но он не слушал ее. Мысли были заняты поездкой.

В этот же день Тося с Юрой Архангельским вылетели в Ленинград.

С Юрой ему приходилось работать и раньше. Затем судьба их разлучила, и они встретились лишь спустя пять лет, на Тосино освобождение. Архангельский был веселым, энергичным молодым парнем. Последние полтора года он жил в Ленинграде. За это время сумел познакомиться с некоторыми подпольными цеховиками, одного из которых и «выставлял» Тосе.

– Сколько может быть у него денег? – спросил в самолете Тося Архангельского.

– Не знаю точно, но много, – ответил тот. – Жена его, как елка игрушками, увешана бриллиантами.

– Хорошо. На месте посмотрим, что можно будет придумать.

На месте Тося придумал следующее. Когда внимательно рассмотрел цеховика из окна стоящего у подъезда такси, пока тот выходил с женой и ребенком, он сказал Архангельскому:

– Надо узнать точный адрес, правильную фамилию, имя и отчество. А затем будем писать в райотдел анонимку.

– Какая анонимка? – изумился Юра.

– Не гони картину, – задумчиво ответил Тося.

Юра написал под диктовку Тоси анонимку, в которой говорилось, что гражданин Зиликман занимается незаконной подпольной деятельностью, в результате чего имеет умопомрачительные доходы. Далее шло подробное описание сделки, которая имела место быть на прошлой неделе.

Разумеется, ни о каких делах Зиликмана Тося не знал. В заявлении все – от начала и до конца – было им выдуманно, за исключением фамилии и адреса.

– А теперь подождем недельку-другую, – сказал Тося, опуская письмо в почтовый ящик.

Полторы недели они гуляли и веселились дни и ночи напролет. Тося соскучился по теплу женского тела и теперь ни на секунду не оставался в одиночестве. Рядом с ним находились женщины на любой вкус. Их привлекала его страсть, которую нельзя было скрыть. Они чувствовали ее в его походке, в его взгляде. Уже через неделю питерские красотки говорили только о нем, рассказывая друг другу о посещениях баров, ресторанов, саун, бильярдных в компании с ним. Он мог бы превратиться в живую легенду женских слоев общества. «Но надо работать», – подумал Тося.

Рано утром они подъехали к дому Зиликмана и установили наблюдение.

– Ты мне обещал рассказать, зачем мы написали эту анонимку, – не унимался Архангельский.

– Ты прав. Пришло время, и сегодня ты узнаешь, зачем это делалось, – ответил Тося. – Когда мусора получили наше письмо, они вызвали перепутанного цеховика к себе. Учинили допрос, который мог быть очень жестким, так как тому есть что скрывать. Но на него у ментов ничего нет, кроме нашей анонимки, и закрыть его они не могут. А вот крови попить да нервы помотать – это они с удовольствием. Придя домой, наш уставший и перепуганный Зиликман рассказал все жене. При этом

он недоумевают, откуда дует ветер и чего ожидать дальше. В общем, живут они сейчас как на иголках, просыпаясь ночью от каждого шороха. Как раз сегодня и настал тот день, когда пора проверить закрома.

Объект наблюдения вышел из дома и, озираясь, побрел на стоянку. Приятели последовали за ним. Они долго ждали у какого-то подвала, где подпольный цеховик оставлял указания своим рабочим. Подъехал старый обшарпанный автобус, и объект вместе с шофером куда-то на нем уехали.

— Пора, — сказал Тося и направился к телефону.

Когда на другом конце провода он услышал женский голос, сказал:

— Меня зовут Михаил. Звоню по поручению вашего мужа. Его арестовали, и находится он в городском управлении. Обвиняют его в государственном хищении в особо крупных размерах. Когда его вызывали неделю назад — это и была первая ласточка беды. Говорил я ему... Извините, мы с вами не знакомы, хотя на протяжении последнего времени мы с вашим мужем компаньоны. Не афишировать нашу дружбу — мы так условились. Но сейчас — случай исключительный. И кроме меня, спасти его некому.

— Что, что можно предпринять? — дрожащим голосом проговорила женщина. Ее лихорадило от страшного известия. Она пыталась сосредоточиться и понять суть того, что говорил Михаил. — Что конкретно нужно делать? — добавила она уже твердым тоном.

— Зиновию удалось связаться со мной из кабинета горуправления, пока следователь ходил выписывать ордер на обыск, — быстро и четко произнес Тося.

— Обыск?! — послышалось в трубке.

— Именно. Как только прокурор подпишет, они приедут к вам, и все, что вы не успеете вынести, опишут и конфискуют. Времени у нас совсем мало. Быстро собирайте все самое ценное и, если вдруг я не успею, сами вывозите подальше от дома. Но только не к матери. Поспешите, через полчаса, я уверен, они нагрянут. Я сейчас же выезжаю к вам. Расскажу, что и как делать дальше. Но если меня задержит дорога — не ждите, вывозите сами. Помните — каждая спасенная от конфискации вещь может являться ключевой в вопросе освобождения вашего мужа из тюрьмы.

Тося повесил трубку и глянул на часы.

— Первое, что она сделает, — это позвонит мужу на работу. Но его ведь там нет... И больше звонить она никуда не будет.

— Ты думаешь, она поверила? — спросил Архангельский.

— Ну конечно, поверила. Ее собственный муж, придя с допроса, своим перепуганным рассказом стал подводить ее к возможности ареста.

Прошло двенадцать минут с момента звонка, когда Тося постучал в дверь.

— Кто там? — сдавленно спросила женщина.

— Это я, Михаил, — вполголоса отозвался Тося.

Двери открылись, и на пороге появилась невысокая женщина. В руках она держала черную хозяйственную сумку из оленьей кожи. На полу лежала скатерть, наполненная какими-то предметами и завязанная двумя большими узлами сверху.

— Надо действовать быстро, — сказал Тося. — Вы готовы?

— Да, — слабо отозвалась та, бледная, как спирохета.

Тося взял импровизированную сумку из скатерти, и они начали спускаться по лестнице. У выхода он обратился к перепуганной женщине:

— Наверное, вам придется остаться дома, потому как, если они приедут и вас не будет, они начнут без вас. Ступайте домой, оденьте халат и вставьте бигуди. Примите сонный вид, чтобы никто не заподозрил, что мы что-то вынесли из этой квартиры. А я перезвоню вам через пару часов и сообщу, что с вашим мужем.

Женщина еще некоторое время удерживала сумку в руках, не из недоверия, а, скорее, из нежелания расставаться с ценностями. Она разжала пальцы и отдала сумку Тосе. Выйдя из подъезда, Тося уселся в такси, где Юра Архангельский нервно грыз ногти.

– Неплохо подняли, – сказал Тося, заканчивая подсчеты ценностей. Здесь были деньги в сумме ста тысяч рублей, много ювелирных изделий из золота и платины с разными ценными камнями. Все разделили поровну, и он отправился в Одессу.

Как-то вечером, ужиная в «Аркадии», он встретил Володю Запылина, который рассказал Тосе, что, пока тот сидел, Леру часто видели с Толиком Рябым.

– Ты мне хочешь сказать, что он ее драл? – обратился Тося к Володе. На минуту задумавшись, он добавил: – Я тебе и сам скажу. Это очень хорошо. Это значит, что она нужна кому-то и я не ошибся в своем выборе.

– Конечно, это так, Тося, – стал бормотать Володя, – но все дело в том, что и вчера я видел их вместе.

Придя домой, он ничего не сказал нежной, внимательной и предупредительной Лерочке. Но с этого вечера стал присматриваться к ней. «Я не буду унижаться до того, – думал Тося, – чтобы следить за ней».

Спустя несколько дней он подъехал к Толику Рябому и увидел, как тот выходит с Лерочкой из дому. Злость и горькая обида ударили в голову. Он взял себя в руки и подошел к ним. От неожиданности Лерочка открыла рот и присела. Толик остолбенел.

– Очень рад, что застал вас вместе, – холодно произнес Тося.

Он ударил наотмашь Леру по щеке. Та отшатнулась. Локтем этой же руки сильно ударил Рябого в челюсть.

Ни слова не говоря, сел в машину и уехал домой. Там собрал вещи и, вынося их, встретил заплаканную Лерочку. Она сквозь слезы говорила слова извинений, рыдала на весь двор, пытаясь удержать его. Он был как гранит. Ничего не слыша, поставил аккуратно сумку с вещами в машину и уехал. Больше с ней он никогда не виделся.

Они говорили в аэропорту под вой турбин.

– Тося, ты уверен, что тебе нужно в Москву именно сейчас? – поинтересовался Гриша.

– Да. Уверен, – ответил тот, когда регистрация билета была закончена.

– Почему ты едешь один? – додумал его Гриша.

– Это мое дело. И я не хочу никого в это посвящать. Во всяком случае, пока.

– Ты ведь знаешь, что такое Москва, лучше, чем кто бы то ни было, – сказал Гриша, – и едешь туда лысым. Зачем тебе проблемы с властями? Подождал бы, пока немножко отрастут волосы.

– Все будет хорошо, – заверил Тося товарища. – Сейчас в столице много панков, бритоголовых и других мастей. Вот я и проканаю под одного из них. А в Москву еду, чтобы рассчитаться по выставленному мне счету.

Объявили посадку, и Тося прошел в самолет. В этот раз в Москве он пробыл две недели. Все это время разыскивал Сашу Петрова, чтобы «отблагодарить за предоставленный комфортный отдых».

Он встретил Лешу, который сказал:

– Мусора отправили стукача в командировку сроком на шесть лет в лагерь усиленного режима. Так что придется тебе немного подождать со своим «спасибо».

Тосю очень расстроило это известие, так как все время он вынашивал идею мести.

– Ох и настанется братва от этого Саши за шесть лет!

Леша утвердительно кивнул.

На обратном пути в Одессу, в самолете, он познакомился с молодой интересной девушкой по имени Наташа. Она окончила МГУ и сейчас направлялась к родителям. «Милая девчужка», – подумал Тося и пригласил ее к себе.

Наташа попала к родителям только на третий день. За это время он познакомил ее со своим пониманием слова «секс», которое сводилось к тому, чтобы полностью отдаваться друг другу и своим фантазиям, не обращая внимания ни на что вокруг.

Сейчас он жил в квартире своего приятеля Игоря Гаяра, у которого их было две. Наташа продолжала часто здесь бывать, а иногда задерживалась на несколько дней. Через месяц она сказала, что беременна мальчиком. На что Тося ответил:

– Пусть будет мальчик, которого я назову Арканом в честь памяти отца.

«Неплохая девчонка. И не дура, – подумал он. – Пусть остается».

Еще через восемь месяцев она родила ему двойню. Радость переполняла его, и он ни о чем другом, как о детях, думать не мог.

Но спустя полгода рутинная семейная жизнь наскучила.

Тогда они работали «на наперстки». «Нижним» был Игорь Резаный. Еще в бригаде были Володя Мотыль и Гриша. Эта работа приносила стабильный немалый доход.

Тося купил себе новенькую «семерку», на которой они разъезжали по городам.

Как-то он вспоминал в разговоре с Лешей:

— Приехали мы в Красный Лиман. Там здоровенный автомобильный базар. У входа стоит множество «станков» на расстоянии двух-трех метров друг от друга. Такого я никогда ранее не видел. И за каждым крутят наперстки.

Далее он рассказал, как встретил одного знакомого парня и тот сказал:

— Хотите поставить свой «станок», нет никаких проблем. Только мусору нужно будет заплатить сотку.

Резаный разложил доску, поставил на ней три наперстка и, «крутя-вертя», стал громко зазывать людей. Подошел молодой человек невысокого роста и с удовольствием принял участие в игре. Он ставил по сто рублей и, когда проиграл восемьсот, удалился.

— Неплохое начало, — сказал Мотыль Тосе.

В это время быстрой походкой к ним подошел Тосин знакомый и заявил:

— Что же это вы мусора за восемьсот выбили? Я ведь тебе говорил, что ему надо будет уплатить сто рублей. А вы что наделали? Он ко мне только что жаловаться прибежал.

Не прошло и пяти минут, как невысокий милиционер в штатском вернулся, и друзья без особого оптимизма проиграли ему девятьсот рублей.

— А вообще-то, — говорил Тося, — очень сармачным был этот маленький городок.

«НА ЛЮДОВИКА», ИЛИ БАБУШКА ЗАМЕТАЛАСЬ

Они с Родей ехали в Тосиной «семерке» обедать, когда что-то грекнуло, стукнуло и машина остановилась.

— Надо же, месяц машине — и уже поломалась, — с досадой сказал Тося, цепляя буксирный трос за фаркоп грузовика.

Машину отбуксировали на стоянку.

Вечером, придя домой, он позвонил знакомому слесарю, который работал на специализированной станции ВАЗа. На следующий день тот приехал к Тосе, взял ключи, техпаспорт, талон на стоянку и, пообещав пригнать через пару дней машину отремонтированной, удалился.

Прошла неделя. За ней — другая. Но ни машины, ни слесаря Тося не видел. Дела его захлестнули, и он решил уехать из Одессы, оставив указания Наташе, чтобы, как только появится Коля, она забрала у него ключи и документы.

В поездку Тося отправился с Эдиком Кабаном, с которым незадолго до этого познакомился. Рекомендации у Эдика были самые положительные. Тосе нравилось, как он работает: всегда спокоен и уверен в себе, действует с трезвым расчетом.

В день отъезда им повстречался Валера по прозвищу Дон Кихот, с которым Тося был знаком со школьных времен. Валера только что освободился. Он стал умолять Тосю взять его с собой.

— Я далек от афер, — говорил Дон Кихот. — Ты ведь знаешь, я профессиональный баклан и вам смогу пригодиться. А если вдруг когда-нибудь встретится терпила,

тебе не придется думать, как от него избавиться. Потому что этим буду заниматься я.

Тося с Эдиком посоветовались и решили взять с собой здорового русого парня.

Полгода они втроем колесили по городам страны. За это время Дон Кихот поднаторел в искусстве аферизма. Одной из основных афер, которой они занимались, была продажа дорогой мебели, желательной лицам кавказской национальности. Дон Кихота брали для отвода.

Тося нашел грузина, желающего купить спальню под названием «Людовик XIV». Они вместе зашли в большой мебельный магазин, где Тося обратился к покупателю:

— Сейчас мы найдем Павла Семеньча, и он за пять минут решит вашу проблему.

— А кто такой Павел Семенович? — спросил грузин.

— О, вы не знаете, кто такой Павел Семенович? Видимо, вы не местный, — заключал Тося. — А вот и он.

Им навстречу двигался Эдик Кабан с насупленным видом, одетый в строгий костюм.

— Извините, пожалуйста, Павел Семенович, — говорил Тося смотрящему вперед, сосредоточенному Кабану, который продолжал свой маршрут, ни на кого не обращая внимания. — Этому товарищу нужна спальня Людовик XIV... — Какая-то бабушка заметалась между грузином и Кабаном, попавшись на пути. — Он отблагодарит, Павел Семенович, — продолжал Тося.

Так они вышли на улицу. Здесь Эдик остановился и обратился к донимающему его Тосе:

— Что это ты, Вася, себе позволяешь? Если ты брат моей жены, ты думаешь, это дает тебе право портить мою репутацию в глазах сотрудников? Я директор магазина. А такими вещами, как продажа мебели, занимаются продавцы.

— Ладно вам, Павел Семенович, — остановил его Тося. — Этот парень — мой родственник и хорошо будет платить.

— А если кто увидит, узнает? Сейчас ОБХСС работает, — сменил гнев на милость «Павел Семенович». — Ну да ладно. Что там вы хотели купить? Давайте отойдем в этот скверик, чтобы не видели мои подчиненные.

Они отошли в скверик, где грузин подробно объяснил, какую именно мебель он хотел бы приобрести. Кабан сказал:

— В кассе сидит женщина, Мария Степановна. Сейчас я проверю ваши деньги и помечу в записке, что именно вам продать. Вы ей отдадите деньги вместе с моим указанием. Она оформит и продаст нужную вам спальню. Давайте деньги, я сосчитаю. Там этого делать нельзя, потому что много глаз и ушей. В моем магазине есть покупатели, которые околачиваются с утра до вечера и в курсе всех происходящих событий. Так что прошу вас быть поаккуратнее. И не подведите меня. — Он угрожающе тряс пальцем в сторону Тоси.

— Да все будет в порядке. Не беспокойтесь, дядя Павлик, — заверял тот.

Грузин ушел за деньгами к машине, а возвратился с двумя друзьями. Те к «директору» не подошли, а остались стоять на расстоянии двадцати метров. Грузин протянул деньги Эдику.

— Все сотками, как вы и просили, — сказал он.

Эдик сосчитал деньги, аккуратно сложил, перетянул резинкой, взятой из кармана. А затем сказал:

— Да. Все в порядке. Где же это моя ручка? — И он принялся разыскивать ручку в карманах пиджака.

Когда ручка была найдена, он вернул деньги грузину:

— Возьмите деньги и заверните вот в эту газету. — Он достал из бокового кармана газету и отдал грузину. Тот завернул в нее деньги. — В своей инструкции к кассиру, — сказал Кабан, — я проставлю время, и вам нужно будет сразу идти к ней. Делается это для того, чтобы вы не успели забрать какую-то часть этих денег. Все. — И «директор» протянул грузину клочок бумаги с какими-то закорючками. — Теперь, Вася, иди и проводи своего друга к Марии Степановне.

С этими словами Эдик направился в сторону служебного входа в магазин. То есть к машине, стоящей во дворе.

Тося с грузином, у которого в руках была «кукла», завернутая в газету, быстро пошли к кассе. Ожидающие два грузина уже собирались к ним присоединиться, как вдруг им преградил дорогу здоровенный Дон Кихот.

– Василий Адидас! – сказал он, упершись рукой в Тосину грудь.

Тот, испуганно озираясь по сторонам, проговорил:

– Я ни в чем не виноват. Это не я.

– Нет, это как раз ты, – злорадно усмехаясь, продолжал Валера. – Вот и сейчас я поймал тебя за тем же самым занятием. Ты посредничаешь взяточникам. – Дон Кихот повернулся к грузину, который прятал «куклу» за спиной. – Кому вы дали взятку и сколько? Только быстро.

В этот момент Тося повернулся и побежал. Дон Кихот дернул за рукав грузина с «куклой» и сказал:

– Быстро за ним! Его надо догнать. Ты заходи слева, а вы двое, – он повернулся к ничего не понимающим товарищам грузина, – заходите справа.

– Какой справа? Слющай... э-э... Ми никак не знаем. Я приехал покупать стул. – Грузин что-то сказал своим друзьям на своем языке, и они втроем продолжили маршрут к кассе.

Дон Кихот, махнув на них рукой, трусцой побежал за Тосей. В условленном месте их подобрал Кабан.

ПРОПАВШАЯ МАШИНА

Тося с Дон Кихотом вернулись в Одессу. Эдик Кабан остался в Киеве.

По дороге Тося купил щенка-кавказца и назвал Потапом. С ним и явился в семью, по которой к этому времени очень соскучился.

Когда узнал, что его машина не объявлялась все это время, решил сам отправиться на ее поиски. Каково же было удивление, когда, приехав на станцию техобслуживания, обнаружил свою машину превратившейся в сугроб, снега. Так она стояла посреди площадки, а из бензобака торчала его вязаная синяя шапочка. Это обстоятельство особенно взбесило Тосю.

Он зашел в цех и поинтересовался у первого встретившегося парня, где Коля. Видимо, спрашивал это достаточно громко, так как из дальнего угла цеха тут же подошел молодой белокурый парнишка и протянул Тосе ключи от его машины.

– Вот. Коля передал, – сказал он.

– А где сам Коля? – поинтересовался Тося, стараясь быть спокойным.

– Не знаю. Его нет на работе уже более месяца.

– А что с машиной? Все ли починено?

– Ничего не знаю, – ответил парень, конфузясь под Тосиным взглядом.

– Я давал ключи Коле. Он мне должен их и вернуть. А также машину – в целости и исправности. Кстати, теперь ее придется красить. А так как ты макнул не в свое дело, тебе придется заплатить за свою глупость.

Тося назначил небольшую сумму и, пообещав, что завтра придет в обед, удалился.

На следующий день приехал на эту станцию. Только не в обед, а к ее закрытию. И не один, а с двумя «бойцами».

Всем посетителям станции было предложено выйти на улицу, а оставшиеся рабочие – Колины коллеги – были выстроены вдоль стены, и им был учинен допрос. В результате Тося узнал, что у Коли есть близкий друг Саша, с которым они весело разгуливают по этой жизни. А также узнал все подробности и детали их дружбы.

Вчерашний паренек принес деньги. Тося взял их и, не считая, положил в карман. – Может, этот случай научит тебя, как дорого могут стоить чужие дела, – сказал он, покидая слесарей.

Тося решил заняться поисками двух друзей незамедлительно.

Так как Коля не появлялся у себя дома уже длительное время, решено было навестить Сашу. Машину оставили за углом следующего дома и пошли пешком. Мимо пронеслась «девятка», в которой Тося узнал Сашину машину. Об этом он рассказал своим друзьям, и все трое ускорили шаг.

Они не прошли и десяти метров, как эта же «девятка», развернувшись за углом, неслась навстречу. Первым шел Костя Особый. При приближении машины он отпрыгнул в сторону, влетев в сугроб. Вторым шел Родя. Он также отскочил в сторону. Тося был замыкающим. Он стал посередине узкой дороги как вкопанный и грозно глядел на надвигающуюся машину. «Девятка» остановилась, слегка коснувшись бампером его брюк.

Тося подошел и открыл водительскую дверь. Он изумился, увидев за рулем Сашиной машины Колю. Тося сел за руль. Коля, угадав его намерения, перепрыгнул на пассажирское сиденье. В этот момент открылась вторая дверца, и Родя, дождавшись, когда Особый сядет в машину, перебрал Колю к нему. Тося завел мотор, и они поехали по темным улицам города.

В конечном итоге Тося выпустил Колю из машины, забрав у него все документы, как Колины, так и Сашины, а также саму машину. В машине были деньги – шестьсот долларов, – которые, как объяснил Коля, они взяли на покупку каких-то деталей под заказ. На тот час Тосю это не интересовало. Прощаясь, он сказал:

– Прощу тебе это хамское отношение и то, что ты потерялся на полгода. И больше того. Я верну машину и все деньги, а также все, что здесь находится, в целостности и сохранности, в том случае, если через неделю вы покрасите мою машину так, чтобы вид у нее был как у новой. Причем, если из десяти опрошенных мною людей хоть один скажет, что эта машина – крашеная, я тут же накину иск вам на гривы.

Коля заверил, что они все сделают так, как хочет Тося. С этим они и расстались.

Тося не собирался кататься на этой машине. Тут же поставил ее в гараж к одному из своих товарищей. Поздно вечером позвонил Саша, хозяин машины. Тося все то же самое объяснил ему. Саша рассказал, что все это время с Колей был на заводе Тольятти и собирал «девятку», которую забрал Тося. Эта машина оказалась очень классной, так как была ручной сборки. Здесь ребята потрудились на славу.

Саша и Коля были слесари, к которым обращались люди всех сословий, в том числе и «наша советская милиция». Саша решил проконсультироваться о сложившейся ситуации с ними. Сначала он подъехал к знакомым из ГАИ. Его уверили, что никуда на этой машине Тося не проедет и десяти метров, так как ее заберут, поставят на штраф-площадку, а потом отдадут истинному хозяину.

Гаишники начали дежурить возле Тосино дома. Но машины не было.

Тогда через день Саша пришел с двумя милиционерами к Тосе домой. Они стали кричать и угрожать из-за закрытой двери:

– Если не отдашь машину, будешь сидеть по статье «Разбой».

Тося игнорировал угрозы.

Прошло еще несколько дней. Двое слесарей вместо того, чтобы заняться своей непосредственной работой, решили объявить войну.

Они задействовали милицию периферийных районов, и те начали ездить к Тосе, преодолевая большие расстояния. Несмотря на то что это было не в их компетенции, они все равно ездили, пытаясь поймать его. Но все попытки были безрезультатными.

Тося, зная об этом, принял все меры предосторожности.

Еще через несколько дней два друга возбудили дело на Тосю в райотделе по его месту жительства. К этому времени он забрал и починил свою «семерку» при помощи других слесарей. Сейчас он ездил на ней, восхищаясь ходовыми качествами машины. Теперь у него было две машины. «Девятка» была хорошо запрятана в частном гараже.

Когда Тося понял, что дело принимает серьезный оборот, он продал «девятку». Сделал это так.

Он забрал ее из гаража, где она стояла до этого, и, сняв номера, перегнал на охраняемую стоянку. Оставив на ней машину, получил квитанцию. Зная, что машина в розыске, не стал долго держать ее на этой стоянке.

Через пару дней вручил одному из своих товарищей техпаспорт и ключи и подвез его к стоянке. Тот убедил охранника, что квитанция утеряна, и, показав документы на машину, забрал ее со стоянки. В этот же день она была продана.

Не зная о его поступке, двое потерпевших и милиция продолжали требовать машину. Так как милиционеры до сих пор не имели возможности встретиться с Тосей для беседы, они не принимали репрессивных мер, а искали встречи. Однажды им это удалось.

Следователь вместе с опером появились в квартире Тоси. Он их встретил, лежа на диване, выставив гипс. Мирно беседуя с властями, он объяснил, что машину не забирал. «Девятку» добровольно отдал Коля для того, чтобы он мог пользоваться ею, не ущемляя себя неудобствами на то время, пока починят его машину.

Несмотря на полученное объяснение, милиционеры уговаривали его отдать машину. Уходя, они спросили его:

– Ну и как ты собираешься поступить? На что Тося ответил:

– Я поступлю так, как вы мне посоветуете.

Тем понравился ответ, и они порекомендовали вернуть машину.

– А потом, – добавили они, – зайдешь к нам, и мы сделаем так, что они все починят и вернут, что должны.

Не прошло и получаса с момента их ухода, как позвонил Саша.

– Тося, мне сказал следователь, что ты вернешь мою машину, – извиняющимся голосом пропел он в микрофон телефона.

– Конечно, верну. Заходи, Саша.

Когда тот пришел, Тося предложил ему написать расписку, в которой говорилось, что он получил свою машину в целостности и сохранности. Ту машину, которую ранее отдал добровольно во временное пользование Тосе. Когда расписка была датирована и подписана, Тося отдал ему талон на стоянку и объяснил, где она находится.

Через полчаса истерически зазвонил телефон. Сняв трубку, он услышал в ней голос Саши, похожий на вой сирены:

– Машины на стоянке нет!

– Ну уж, не знаю, дружок. Я ведь не работаю сторожем на этой стоянке. Ты получил от меня документ, говорящий, что машина находится там.

Еще через несколько дней милиции удалось подкараулить Тосю. В райотделе он продолжал твердо стоять на своем.

Его продержали три дня в КПЗ. За это время следователь исписал три папки дела. Он вменял Тосе шесть статей. Здесь были и грабеж, и воровство, и мошенничество, и самоуправство, и так дальше. Но ни одну из них не поддержал прокурор. Он выпустил Тосю под подписку о невыезде.

Впоследствии дело было закрыто, так как никаких веских доказательств против Тоси не было. Машина так и не была найдена.

После того как Саше не помогли его друзья в погонах, он решил обратиться к блатным. Через кого-то нашел дорожку к одному из влиятельных людей.

Когда Тося встретился с Генной Узбеком, который позвонил и рассказал о приходе «ходов», Тося сказал:

– Меня три дня прессовали менты из-за этой машины.

Больше не нужно было говорить ничего, так как «блатные никогда не подтирают за милицией».

Итак, Коля скончался в больнице от кровоизлияния в мозг. Саша схватил жену и срочно в неизвестном направлении выехал из города. Блатные, к которым он обратился, не могли бездействовать. Так как по всем понятиям блатного мира Тося был прав, свой гнев они обрушили на двоих слесарей с желанием сорвать с них деньги. Вся эта история была очень неприятна Тосе. Он не испытывал радости от денег, полученных за машину. «Не в коня корм», – думал он.

ЖАДНОСТЬ ДОН КИХОТА СГУБИЛА

Пришел Дон Кихот и стал уговаривать Тосю поехать к Эдику Кабану, чтобы продолжить работу. Тосе нравилось работать с Эдиком, и он согласился. На следующий день они выехали в Киев.

Сделав там несколько «ударов», они направились в Харьков. А оттуда – в Крым.

Они находили людей, которые продавали что-либо дорогое и не занимающее много места. Продавцу предъявлялись деньги для пересчета. Когда тот заканчивал их считать, ему указывали на какую-то царапину или на плохое качество вещи. Друзья говорили:

– Нет, нет, это мы вам очень дорого платим.

Тот возвращал деньги владельцу и рассматривал указанное некачественное место. Оказывалось, что это всего лишь показалось друзьям. А на самом деле – вещь качественная. Тогда приносились извинения, и деньги возвращались продавцу. Товар забирали и уходили.

Работа Дон Кихота заключалась в том, чтобы именно в этот момент подойти и что-либо сказать или сделать с целью отвлечь продавца на несколько минут, для того чтобы Тося с Эдиком смогли уйти.

Заработав достаточное количество денег и устав от переездов, Тося возвратился в Одессу. Дон Кихот, говоря, что нужно съездить к брату, забрал свою долю и отправился в Севастополь. Там он втайне от Тоси и Кабана ранее познакомился с барменом одного небольшого бара, находящегося в порту.

Они условились, что Валера купит у бармена разных вещей на восемь тысяч рублей. На глазах Дон Кихота было проделано столько афер, что он был уверен в том, что сможет один справиться с барменом.

Он зашел в бар с большой пустой сумкой. В кармане брюк лежали восемь тысяч рублей и точно такая же «кукла», наполненная рублевыми банкнотами. Поговорив на общие темы с барменом, они решили перейти к делу. Бармен показал приготовленные вещи и попросил деньги. Валера достал восемь тысяч и протянул их. Бармен внимательно пересчитал деньги, а затем положил в карман со словами:

– Все в порядке. Забирай вещи.

Валера растерялся и не знал, как вести себя дальше. Он забыл о тех многочисленных уроках мошенничества, которые получил рядом с Тосей и Кабаном. Он недоуменно смотрел на бармена. Тот повторил:

– Забирай. Теперь они твои.

Дон Кихот не долго думая что есть силы ударил большим кулаком в лощеное лицо бармена. Тот перелетел через высокую стойку бара и упал замертво. Шум, крик. Оказавшиеся поблизости матросы скрутили здорового драчуна-покупателя. Кто-то вызвал милицию, которая должна была вот-вот приехать.

Валеру обыскали, и сейчас он сидел на стуле и уговаривал одного из матросов:

– Дружок, пожалуйста, пересчитай мои деньги. – Он указывал на «куклу», которую те извлекли из его кармана. – Пересчитай. Там большие деньги. Когда приедет милиция, они мне и половины не оставят.

Тот снял резинку и открыл толстую пачку денег. Рубли рассыпались.

– Так здесь же одни рубли! – удивленно произнес матрос.

В бар вошли двое милиционеров. Увидев в руках матроса рубли и узнав о его поступке, один из них сказал:

– Напрасно ты это сделал. Ты разломал «куклу». И теперь это рубли – и не больше. Этим ты сыграл ему на руку. Теперь о попытке мошенничества не может быть и разговора.

Пришедший в себя бармен замял все дело при условии, что Дон Кихот тут же уедет из Севастополя.

Тося узнал эту историю и сказал Валере:

– Жадность фраера стубила. Ты некрасиво поступил, не сказав нам об этом бармене. А ведь работали втроем. И ты был в равной доле. Если быть откровенным, мы с Кабаном не испытывали в тебе нужды и все работы могли делать вдвоем. Я видел в тебе товарища, и поэтому ты был с нами. Теперь вижу – это не так.

ЧИСТЫЕ СТЕКЛА

Тося лежал на диване в номере гостиницы, закинув руки за голову. Он разглядывал пыльное стекло балконной двери.

Тося с Геной возвращались из Сочи. Когда они проезжали через Ростов-на-Дону, у них сломалась машина. На ремонт нужно было время. И сейчас он лежал и думал, чем бы заняться в этом городе.

– Давай помоем им окна, – неожиданно сказал Тося. Он уселся на диване и принялся объяснять недоумевающему Гене.

Тося порылся в сумке и извлек из нее печать, которую взял в качестве сувенира в Краснодаре у знакомого урки. Тот указал на кипу бумаг, лежащих на факсе, сверху которых поблескивала печать в железном футляре, и сказал:

– Вот все, что осталось от кооператора, – и он отдал Тосе печать, заметив, что тот заинтересовался ею.

Тося удивлялся ее компактности.

Прихватив с собой печать, Тося с Геной направились к начальнику ЖЭКа одного из центральных районов города; район этот был усеян шестнадцатизэтажными домами.

Тося достал бумагу из недорогой папки, купленной в магазине напротив, и протянул начальнику ЖЭКа. В ней говорилось, что краснодарский кооператив гарантирует оплату взятого в аренду помещения. Далее значился расчетный счет и банковские реквизиты.

Друзья сняли небольшую комнатку в ЖЭКе, на дверях которой повесили табличку, написанную фломастером: фирма «Свято». Далее Тося посетил директоров ближайших школ и одного директора профессионально-технического училища. Каждому он объяснил:

– Для того чтобы учащиеся старших классов в субботу и воскресенье, а также в свободное от учебы время не занимались черт-те чем, а делали полезную для общества и себя работу, наша фирма, – говорил Тося, – в этот весенний период занимается, так сказать, реставрацией внешнего вида зданий города. А именно мы производим механическую мойку окон и зданий. Мытье одного окна стоит один рубль. Я хочу предложить вашим ученикам, чтобы они помогли нам в наборе заказов. С каждой тысячи рублей они будут получать сто. А это, согласитесь, хороший заработок для школьников. Даже очень.

При этом каждому из них он говорил, что директора остальных школ в восторге от этого, так как находят много плюсов.

Чтобы не дублировать друг друга, школьники распределили между собой дома по кварталам и принялись за работу. Жителям они объясняли, что их окна будут мыть с помощью специальных машин. Присутствие хозяев в квартирах не обязательно.

Жильцы с радостью платили деньги. Да и не могли они отказаться, во-первых, потому что цена была низкой и, так как окна обещали мыть вместе с близлежащей стеной, покрытой кафелем, каждый из них не хотел выглядеть скрягой в глазах соседа и всего дома. А во-вторых, многие окна были закрыты наглухо из-за сквозняков. И вымыть такое окно было хлопотно хозяевам.

Школьники продолжали носить деньги.

Заканчивалась четвертая неделя, как фирма «Свято» подсчитывала доходы.

— Пора ехать, — сказал Тося. — Да и машина давно готова.

— Как ехать? — удивился Гена. — Так мы что, окна мыть не будем?

Тося с удивлением смотрел на своего товарища.

— Я думал, мы так и сделаем, как ты говорил этим директорам, — продолжал Гена. — Заключим договор с коммунхозом. Машины-то сейчас все равно простаивают. Ты посмотри, какой неплохой заработок получается.

— Окна я никому мыть не буду, — сказал Тося серьезным тоном. — Ни при каких обстоятельствах. А работа мне эта не нравится. Душим пенсионеров при помощи доверчивых школьников.

Они уехали, объяснив начальнику ЖЭКа, что фирма обанкротилась.

По приезде в Одессу Тося расстался с Геней, так как понял, что тот далек от жизни афериста.

МЫ УДАРИМ ПО РАСХОДУ

— Скажу вам откровенно: все в мире дерьмо, кроме мочи. — Тося был пьян, язык с трудом шевелился.

Он стоял у края дороги, поддерживаемый мужчиной, с которым познакомился в ресторане, подсев к нему за ужином. Тося быстро опьянел, и новый знакомый выказал желание проводить собутыльника до такси. Желание это скорее было вызвано толстой пачкой сторублевок, которую Тося небрежно достал из кармана. Заплатив официанту, уронил на пол, долго не мог поднять, так как деньги, скрепленные резинкой, перемещались по полу от неуклюжих движений хозяина. Теперь мужчина стоял рядом и обнимал Тосю, чтобы тот не упал, а сам в это время пытался нащупать толстый пресс, скрываемый одним из Тосиных карманов. Всякий раз, когда услужливый знакомый подбирался вплотную к деньгам, Тося, что-то вспомнив, отодвигался от него и, шатаясь, начинал повествовать.

Скрипнув тормозами, остановилась машина в полуметре от «приятелей». Из нее выскочили двое молодых парней. Подбежав к стоящим в безлюдном месте друзьям, они внимательно осмотрели Тосю, затем один сказал:

— Это они.

— Живо в машину, — скомандовал другой и подтолкнул услужливого Тосиного провожатого в спину.

— В чем дело? — изумился тот.

— Уголовный розыск. Живо в машину.

Двое парней ухватили «друзей» под руки и затолкали в машину.

— Не понимаю, что происходит? Вы нас с кем-то перепутали, — возмущался Услужливый. — Мы только что вышли из ресторана.

— Разберемся в отделении, — пробурчал один из парней, и машина тронулась с места.

— Ребята, меня, пожалуйста, к метро «Пролетарская», — проговорил Тося и уткнулся головой в соседа.

Тот отодвинул его и стал требовать объяснений у работников угрозыска.

— Объяснений хочешь? — процедил сквозь зубы один из милиционеров. — А когда старуху вчетвером грабили, что ж ей ничего не объяснил?

— Это чудовищная ошибка. Мы никого не грабили, — заикаясь, говорил Услужливый.

— Ребята, меня на Пролетарку, — произнес Тося. Извлек толстую пачку денег из кармана, вытащил из нее сто рублей и протянул водителю. — Давай жми, браток.

Ребята переглянулись. Один из них выхватил пачку денег у Тоси из рук и злорадно проговорил:

— А вот и денежки. Все сотками. Пятнадцать тысяч. А номера-то у бабки переписаны. Ну, что скажете, парни?

Тося поднял голову, которая все время падала на грудь, и заявил:

— Черт с ней, с бабкой-то. Главное — это деньги. Здесь их предостаточно. На всех хватит. Возьми сколько надо и вези меня домой.

— Домой вы, ребята, попадете лет через восемь, — заметил водитель.

— Я здесь ни при чем, — взвыл Услужливый. — Я его не знаю. В ресторане познакомились. Два часа назад.

— Другого ответа от тебя никто не ждал, — сказал парень, пересчитывающий Тосины деньги. — Ба-а-а, да здесь не хватает четырех тысяч. Ну-ка давай, что там у тебя в карманах, — обратился он к Услужливому.

— У меня только мои деньги, — заявил тот, доставая портмоне из бокового кармана пиджака.

— Давай сюда. — Работник угрозыска выхватил кошелек из рук перепуганного мужчины. В нем оказались три с половиной тысячи рублей, паспорт и несколько квитанций.

— Колись, пока не поздно, — обратился водитель к Тосе. — Где еще двое соучастников? Где остальное награбленное?

— Да ладно вам. Какие еще соучастники? Нас всего двое: я и мой друг. — И Тося, обняв Услужливого, сказал ему: — Теперь мы с тобой вместе, а вдвоем веселей.

— Я не знаю этого человека. Я не...

— Хватит. Заткнись. В камере будешь эти байки рассказывать. А сейчас говори быстро, где остальное: золото, ценности?

— Я, правда, ни при чем..

— Ну что ж. Как хочешь. Наше дело маленькое: мы должны доставить. А уж там тебе язык быстро развяжут. Вспомнишь все, даже чего не знаешь.

Услужливый принялся дрожащим голосом объяснять, что это недоразумение.

Тося еще раз обнял его и сказал:

— Попал ты, дружок, как член в рукомойник. Теперь ты никому ничего не докажешь. Бабушка, ясное дело, покажет на тебя. Ей все равно, лишь бы деньги получить назад. А тем более что стара она как мир.

— Я тебе не дружок. Почему ты не подтвердишь, что мы с тобой познакомились в ресторане?

— Да кто в это поверит? Они слышат лишь то, что хотят, — ответил Тося, зевая и пытаясь устроиться на плече Услужливого.

Тот отодвинул его голову, которая тут же упала на грудь. Некоторое время ехали молча.

— На Петровку или в райотдел? — спросил водитель.

— Сначала на Петровку. Получим признание этих субчиков.

Поняв свою обреченность, Услужливый заговорил скороговоркой, обращаясь к парню, который отдавал команды:

— Я живу у своей подруги на Ленинском проспекте. Завтра, когда этот преступник протрезвеет, выяснится, что я не имею к этому ни малейшего отношения. А сегодня отвезите его одного. Я вас отблагодарю. Тем более что вы и рисковать ничем не будете: у вас останется мой паспорт, и я покажу, где живу. Если что не так, вы всегда сможете меня найти.

— Не положено. Взятки не берем.

– Поймите и поверьте, что это ошибка. Я дам вам еще две тысячи. А когда выяснится, что это недоразумение, просто вернете мне паспорт. Вот и все.

– Все не так просто, – смягчился оперативник. – Вас уже два часа разыскивают три патрульные машины. К нам поступила информация, что вы с другом появитесь в этом районе.

– Он мне не друг, а случайный знакомый, – поспешил вставить Услужливый, – поверьте, прошу вас. Да вы сами посмотрите: разве может быть у меня что-то общее с этим уголовником?

– Не знаю, не знаю, – раздумывал вслух оперативник. – Если ты ни при чем, зачем предлагаешь взятку? И почему так боишься ехать на Петровку? Здесь что-то не так.

– Я не боюсь ехать на Петровку. Я лишь боюсь стать жертвой обстоятельств. Боюсь, что этот уголовник, – он небрежно указал на Тосю, который уже дремал, посвистывая в неудобной позе, – спяну или от скуки и подлости втянет меня в совершенные преступные действия. Пока все выясняется – невинный, как это часто бывает, может пострадать. А я не хочу страдать из-за уroda, напавшего на старуху.

– Петя, останови машину, – сказал оперативник водителю, когда до забора здания по улице Петровка, 38, осталось не более ста метров. – Как поступим с этим? Ты веришь в то, что он говорит?

Петя задумался.

– Выйди, поговорим, – обратился он к товарищу.

Оба вышли из машины и принялись что-то обсуждать. Тося продолжал сопеть с присвистом. Услужливый нервно мял пальцы, отчего они издавали неприятный хруст. Наконец оба блюстителя правопорядка вернулись в машину.

– Ну что ж, мы готовы тебе поверить и рискнуть, отпустив тебя, – сказал один из них, пристально-изучающе глядя на Услужливого. – Но учти, если ты решил сыграть с нами в какие-то игры.. Если окажется, что ты хоть как-то причастен к ограблению.. Мы найдем тебя из-под земли, и тогда, обещаю тебе, ад покажется раем в сравнении с тем, что мы тебе уготовим.

– Что вы, что вы! Я говорю чистую правду.

– А сейчас мы отвезем тебя на Ленинский проспект и посмотрим, где ты живешь. Как и с кем. Говори адрес.

Услужливый, сбиваясь от волнения, назвал адрес, и машина, развернувшись, помчалась.

Дорогой оперативники беседовали с Услужливым уже в приятельском тоне. Они заверили, что ни словом не обмолвятся о нем с начальством. И если в течение трех дней его имя нигде не всплывет, доставят ему паспорт и, конечно же, портмоне.

Услужливый вместе с водителем Петей зашли в подъезд. Когда первый позвонил в дверь, Петя спустился на один пролет и прижался к стене. Открылась дверь, и он услышал взволнованный женский голос, затем – шепот Услужливого. Вскоре тот вышел из квартиры и, вручив Пете две тысячи рублей, крепко пожал ему руку с надеждой и мольбой в глазах. Петя быстро спустился, и машина выехала со двора.

– Тося, как тебе удастся отыскивать таких лохов? – спросил Петя по имени Виктор, передавая Тосе деньги.

Тот, собрав все деньги в одну пачку, не спеша их пересчитывал. От его пьяного состояния не осталось и следа.

– Исключительный экземпляр, – заявил Леша, – с таким работать одно удовольствие. Сам все объяснил, разъяснил и уплатил. Просто уникам. По какому принципу ты их подбираешь, Тося?

– Принцип очень прост, – проговорил Тося, отделив свои деньги от общих, которые предстояло разделить между приятелями. – Главное, чтобы у лоха были деньги. Чем больше денег, тем лучше принцип. А все остальное – это всего лишь везение. Кстати, почему не включили кассету с записью мусорских переговоров?

– Ты же сам сказал, что ее нужно включать, когда лох доведен до отчаяния и мечтает сквозануть.

Леша нажал на воспроизводящую клавишу магнитофона, который находился в бардачке, и машина наполнилась шипением и свистом, среди которых можно было разобрать железные нотки мужского голоса: «Всем машинам, кто меня слышит. В 26-м квадрате ведется ожесточенная перестрелка. Тяжело ранен старший сержант Соколов. Всем, кто находится в непосредственной близости с 26-м квадратом, срочно прибыть на место и оказать поддержку».

— Правильно, — сказал Тося. — Но это следует ставить, лишь когда с лоха не удастся больше ничего получить и от него нужно избавиться. Услышав такое и оставшись в машине без ментов, которые убежали стрелять, любой даст деру... Я же говорю о том, что во время движения машины в ней периодически должны звучать мусорские переговоры, какие слышны из радики любой машины. У вас есть такая кассета. А включать ее нужно обязательно, чтобы лох не усомнился, что находится среди ментов.

— Да, есть у нас эта кассета, — проговорил Леша, — но я не стал переставлять, так как стояла эта. Да и лох оказался таким дармовым, что это было и без надобности. В следующий раз исправлюсь.

— Хочу вам сообщить, — сказал Тося, отдавая друзьям их долю, — что в следующий раз подобной работой вы будете заниматься без меня.

— Что случилось, Тося?

— Тося, ты что?

— Ничего не случилось, — безрадостно ответил тот, — просто я меняю профиль. Надоело. Вы найдете кого-нибудь ни мое место.

— Кого же мы найдем? Без тебя эта работа не будет приносить такой доход. В ней ты есть Бог.

— Я не есть Бог. — Немного подумав, Тося добавил: — Но Бог есть во мне... Работа должна приносить не только деньги, но и наслаждение. А его нет. И посему в этом месте мы ударим по расходу.

КВАЛИФИКАЦИЯ — ЭТО ДЕНЬГИ

Тося зашел к Вене, чтобы узнать, почему у того произошел запал со стекляшками. Вена работал на аферу под названием «Ювелир из Польши». Знакомясь с очередной жертвой, он изображал из себя поляка и на ломаном языке объяснял новому знакомому, что приехал в Одессу с целью покупки разных драгоценных камней, будь то бриллианты или изумруды. Для подобной работы использовалось три человека, одним из которых был сам Вена. Другой играл роль ювелира, к которому Вена с будущей жертвой несла «бриллианты», чтобы определить чистоту, размер и их истинную цену. В действительности это были обычные стекляшки, не представляющие собой ни малейшей ценности. Терпила же их получал от третьего участника аферы, «случайно» с ним познакомившись. «Ювелир», посмотрев и проверив «камни», долго молчал, затем отводил в сторону терпилу, определив в нем хозяина этих «камней», и начинал уговаривать продать «бриллианты» ему, а перед поляком извиниться.

— Это чистой воды камни. И мне как раз необходим такой размер, — говорил «ювелир». — И заплачу я тебе дороже. И как покупатель я более надежен. Не то что какой-то там сомнительный поляк.

Тот отказывался продавать «ювелиру»: во-первых, «камни» были не его, он получил их от Третьего всего на пару часов. Во-вторых, ему не удобно было отшить поляка — тот вел себя как человек неробкого десятка, который своего не упустит. Про себя терпила отмечал, что цену поляку можно назвать побольше, а если тот не

согласится с ней, камни можно будет продать ювелиру. С такими мыслями, камнями и поляком он выходил из полуподвала ювелирной лавки.

Далее механика была проста: у «поляка» всех денег при себе не было, и он, оставив незначительный задаток, отправлялся за ними, условившись с продавцом встретиться под вечер. Когда «поляк» уезжал, подходил Третий, до этого гулявший поодаль, чтобы не попасть на глаза «поляку» и «не высадить того на измену».

— Ну что, продал бриллианты? — спрашивает терпилу Третий.

Тот объясняет, что покупатель поехал за деньгами и через три часа все купит.

— Я же тебе говорил, что через два часа камни или деньги должен подвезти к поезду. Хозяину все едино кто их купит. Но ждать он не может, так как машиниста не уговорить задержать состав, а на другой поезд он пересаживаться не станет. Не такие уж большие деньги, особенно для него, — говорил Третий.

Терпила платил свои деньги. Простившись с Третьим, он шелк месту встречи с Веной, про себя мечтая, чтобы тот по какой-либо причине отказался от покупки камней. Ведь тогда он сможет их продать ювелиру.

Ни Вену, ни ювелира, равно как и Третьего, он никогда больше не встречал в своей жизни.

Накануне подобную работу Вена проделал с Гояром. Третьим они брали Сашу Ростовского.

Сегодня во время обеда в «Аркадии» Тося узнал, что Гояра «закрыли». Выяснить детали и определить возможность помощи в вызволении друга Тося приехал к Вене.

— Спалились ни за грош, — начал Вена, после того как выслушал Тосю. — Терпила дал заяву. Мусора, увидев битое стекло различных размеров и формы и узнав, что все это было продано как бриллианты, которые, оказывается, не ограненные проще вынести с завода, сначала смеялись, затем составили фоторобот и — в розыск. Гояра «приняли» позавчера. Через мента, которому я плачу, удалось выяснить подробности. Ему вменяют 143-ю, часть 3. Он от всего отказывается. Так как в ювелирной лавке подтверждают, что он там был говорит, что упробил ювелиров этой лавки дать ему возможность изображать из себя ювелира один час. Сделал это потому, что теща донимала по поводу работы, он и сказал, что устроился ювелиром. Она должна была зайти, чтобы проверить. Но так как в это время появились двое с камнями, решил с ними пообщаться, заодно и вжиться в роль ювелира для тещи, надеясь, что та зайдет в лавку и оценит его по достоинству, видя, как он консультирует посетителей. А так как люди взрослые и солидные, а ранее он никогда бриллиантов в глаза не видывал, то решил, что это они и есть, о чем и сообщил посетителям. Такое объяснение ментов не устраивает, и они прессируют бедолагу. Но если он не дрогнет и будет стоять на своем, то окажется лишь жертвой обстоятельств. Думаю, через день его выпустят. Я говорил с тещей, и та готова подтвердить его слова. Меня менты не ищут, — продолжал Вена. — У них есть только два фоторобота — Гояра и Ростовского, а мой портрет лох не смог надиктовать. Ростовский свалил в Москву, теперь до него им не добраться. Так что все не так уж плохо. Подождем пару дней. А если Гояра не выпустят, а переведут на кичу, тогда будем думать.

В это время раздался звонок в дверь, и в квартире появился Игорь Пилипок. Обменявшись приветствиями и новостями, друзья расположились на кухне за чашкой чая.

— Я вот уже две недели нахожусь в Одессе, — сказал Пилипок. — Все это время пытался тебя разыскать Тося.

— А что случилось, Игорь? — с напускным волнением спросил Тося. — Или ты не знаешь, где я живу?

— Да ничего не случилось, — поспешил успокоить товарища Игорь. — Все вспоминаю, как в прошлый раз мы с тобой хлопнули за хату цыганей. Веселая была работа. Ты помнишь, как они приехали после этого к тебе домой в шесть утра тремя машинами?

— Конечно, помню, — ответил Тося, закуривая «Мальборо». — В этот день я встал ни свет ни заря. Собирался отправиться в Ялту. Собрал сумку и пошел в гараж за машиной. Когда я въехал во двор, лучи утреннего солнца пробивались сквозь листву

деревьев. Жители домов еще не пришли в себя ото сна. По этой причине стояла потрясающая тишина, в которой слышалось задорное пение кенара, доносившееся из кустов сирени. Дворник монотонно шуршал метлой по асфальту, и поднимаемую им пыль можно было принять за дымку рассвета. Я любовался всем этим, отмечая про себя, что нечасто мне выпадает бывать в утреннем дворе. В это время навстречу мне, с другого угла дома, во двор въехали, одна за другой, три машины, и моя душевная идиллия была прервана в один момент высыпавшими из машин цыганами, которые, не успев приблизиться ко мне, стали громко кричать: «Тося, посмотри на нас. Мы нищие!» При этом их большие золотые перстни поигрывали утренними лучами солнца, а мощные рьжие цепи гнули их шеи к земле. «Мы нищие!» – кричали они так, будто бы находились в мартеновском цехе с оборудованием, включенным на всю мощь.

Тося затушил сигарету в пепельнице и отхлебнул глоток чая.

– И чем закончилось? – поинтересовался Вена. – Как они на тебя вышли?

– Кто-то из них видел меня с Колей Количем. Знал, что мы вместе работали. Наверное, через него и узнали. Чем, говоришь, закончилось? А ничем. Видом я показал, что очень недоволен их приездом, и сказал: «Если вы решили испортить мне репутацию в этом дворе, то можете продолжать орать. А если вы хотите поговорить со мной о деле, тогда оставьте пару человек, знающих точно, что именно вам нужно, а остальных усадите в машины и отправьте домой». После этого две машины выехали со двора, а оставшимся парламентариям я объяснил, что кидать их не собирался, а раз все же так получилось, отщипу Игоря и укажу ему на ошибку.

– То есть ты все стрелки перевел на Пилипка? – Вена внимательно слушал Тосю и вникал в суть дела.

– А что мне было делать? Принимать с ними бой у себя под домом? Пилипок залетный. Они его знать не знают.

– Это было единственное правильное решение, – вмешался Пилипок. – Главное было отбить удар и пустить их по монотонным рельсам тихим ходом решать проблему возврата. Так как Тося деньги не брал, он легко их убедил, что являлся посредником, желающим помочь как цыганам, так и приезжему парню, который расположил к себе, называя имена, для Тоси авторитетные.

...Хорошо мы тогда подняли, правда, Тося? С этой трехкомнатной квартиры, – заключил Пилипок.

Тося лишь улыбнулся в ответ, закуривая очередную сигарету.

– А сейчас чем занимаешься? – поинтересовался Игорь.

– Всем, что приносит доход, но не умаляет достоинства, – ответил Тося.

Игорь поднял свитер и достал из-за пояса новенький «ТТ». Повертев пистолет в руках, передал Тосе.

– Посмотри, какую плетку купил по случаю.

– Без номера вольна, – сказал Тося, рассматривая оружие. – Должно быть, с завода. Оттуда проще насунуть, пока не заклеямили цифрами.

Теперь Вена рассматривал пистолет.

– Да, хорошая плетка, – заметил он. – Такая бронежилет пробивает. В моей шухлядке тоже найдется, чем похвастать.

Вена положил пистолет на стол, подошел к тумбочке у плиты и извлек из нее вороненый пистолет.

– А это «Макаров», – сказал он, направляя ствол оружия на Игоря. – Подними руки и не вздумай шелохнуться. Стреляю без предупреждения.

Пилипок на секунду растерялся, но затем глянул на пистолет в Вениной руке и расплылся в улыбке.

– Этим пугачом не испугаешь даже ребенка из детсада, – сказал Игорь, забирая «ТТ» со стола.

– Да, кустарная работа, – согласился Вена. – Это мне делали на зоне зажигалку в форме пистолета «Макар». Но умельца закрыли в ШИЗО, а мне подошло время освобождаться. Пришлось забрать полуфабрикат.

Тося взял несостоявшуюся зажигалку. Подбросил пару раз на ладони, определяя вес, затем сказал:

– Тяжелая. Много железа. Для сменки может пригодиться.

— Для какой сменки? — не понял Пилипок.

— Вена, если эта вещица не дорога тебе как память, предлагаю втасовать ее, скажем, за девятьсот, — сказал Тося, не обращая внимания на вопрос Игоря.

— Да, в общем, это бесполезная вещь в доме. Разве что орехи колоть, — задумался Вена. — А как ты собираешься ее втасовать и кому?

— Прямо сейчас и втасуем. А кому? Там видно будет.

Друзья оделись и втроем вышли останавливать такси. Было десять часов вечера. Вена взял с собой кейс, считая, что портфель придает ему респектабельности. Они подъехали к гостинице «Нива», которая была построена на территории рынка. По такому соседству можно было легко догадаться, какой контингент жильцов размещала в себе эта гостиница.

Тося с Пилипком пошли в здание, а Вену оставили в скверике неподалеку. На хранение ему были оставлены пистолет «ТТ» и полуфабрикат зажигалки. Друзья поднялись на третий этаж и остановились у двери первого попавшегося номера. Пилипок уверенно постучал. Дверь открыл мужчина в расстегнутой милицеейской рубашке.

— Что надо? — сурово спросил милиционер.

— Извините, перепутали двери, — нашелся Тося. — Мы ищем своих друзей из Баку. Вы случайно не знаете, в каком они номере?

— Нет, — недовольно буркнул милиционер и захлопнул дверь.

— Надо же с подхода налететь на мусора, — сказал Пилипок, когда друзья шли по коридору к следующему номеру.

— Может, это один из продавцов апельсинами сухаритесь под мусора, чтобы рэкет не наехал и он не полинял за свой товар? — пошутил Тося.

Лишь в третьем номере они нашли тех, кто подходил под определенные друзьями параметры. Дверь открыл азербайджанец средних лет с мятым лицом, на котором красовались торчащие во все стороны усы. Его жидкий торс был прикрыт белой майкой. Увидев непрошенных гостей, он вяло и недовольно поинтересовался целью их визита.

— Нам срочно нужны деньги на операцию товарищу. Если операция не будет сделана до утра — он умрет, — четко и твердо произнес Пилипок.

— Деньги нужны всем, — ответила усатая белая майка.

— Да, но не все готовы обменять на них новый пистолет «ТТ», — добавил Игорь.

— Вы хотите продать пистолет? — оживилась маечка.

— Вы правильно нас поняли.

Усатый азербайджанец исчез за дверью и через несколько секунд появился в обществе своего товарища, несколько старше возрастом, что не мешало ему носить такую же маечку. Они попросили показать оружие. Пилипок остался в номере, а Тося спустился вниз и через пару минут принес пистолет. Вынув обойму, Пилипок показал его азербайджанцам. Определившись в цене, покупатели сказали, что без старшего брата приобрести пистолет не могут. Было решено, что в течение часа они привезут брата и деньги. Встретиться условились в 23 часа на троллейбусной остановке, что в ста метрах от гостиницы.

Без пяти минут одиннадцать Тося с Пилипком остановили такси. Пообещав водителю щедро заплатить, они отправились к месту встречи. Трое азербайджанцев уже дожидались на троллейбусной остановке, нервно меряя ее шагами. Старший брат оказался тучным мужчиной и действительно превосходил всех возрастом. Покупатели уселись в такси после недолгих колебаний. Такси двинулось по ночным улицам. Когда друзья определили, что азербайджанцы прибыли втроем и «хвоста» за ними нет, решено было показать пистолет. Пилипок, который расположился на переднем сиденье, достал пистолет, извлек из него магазин и предложил покупателям. Покупкой верховодил тучный брат, он внимательно разглядывал пистолет, а затем сказал:

— Не проверив в работе, купить не могу. Вдруг он не стреляет.

— Никаких проблем, — тут же отреагировал Игорь. — Нужно отъехать в какой-нибудь закуток, где ты сам сможешь пальнуть.

— Ну-ка, давай налево, братишка, — обратился Пилипок к таксисту — молодому пареньку, который при виде пистолета сжался в кресле и вплотную придвинулся к двери, в любую секунду готовый покинуть автомобиль. Перепуганный, он все же крутил руль.

Через несколько минут машина оказалась у пустыря, за которым виднелись огни домов частного сектора. Игорь вставил патрон в патронник и преложил тучному нажать на спусковой крючок. Через опущенное стекло из автомобиля был произведен выстрел. Трассирующая пуля с хлопком покинула ствол пистолета и серебристой змейкой понеслась через ночной пустырь. Эффект выстрела оказался куда более мощным, чем могли предположить друзья.

— Трогай быстрее, дружок. Что ты стоишь? — обратился один из покупателей к таксисту, подгоняя его подталкиванием в спину.

— Хороший пистолет. Берем, — живо произнес старший брат. После выстрела он наконец-то уверовал в сердобольную историю двух друзей о цели срочной продажи дефицитного оружия.

— Раз так, давайте денежки, — сказал Игорь. Он сидел, повернувшись к огромному мужчине, и в руке у него был зажат пистолет.

Вид направленного на него оружия несколько смутил главного покупателя, и он предложил Пилипку отдать пистолет, чтобы он смог его спрятать. «И тогда ничто не будет мешать считать деньги».

— Да, но если пистолет будет у вас, тогда я буду нервничать по поводу того, смогу ли я принести эти деньги своему умирающему товарищу. — Сказав это, Пилипок на мгновение задумался, а затем добавил: — Пока мы будем считать деньги, пистолет подержит мой друг. — И он указал на Тосю, который безучастно, робко сидел у задней дверцы машины.

Толстый покупатель, глядя на перепуганного скромного паренька, согласился с таким предложением. Игорь демонстративно вогнал магазин с патронами в рукоять пистолета, завернул пистолет газетой и протянул Тосе.

Деньги пересчитали, и они исчезли в кармане куртки Игоря.

— Останови машину, — скомандовал Пилипок таксисту, и бледный парень нажал на педаль тормоза. Левая рука его в это время легла на ручку дверцы.

Толстый покупатель получил от Тоси пистолет в газете, тут же спрятал его за поясом, и все трое, покинув такси, растворились в темноте ночи.

— Давай, братишка, жми! — сказал Пилипок таксисту, отсчитывая деньги.

Отъехав пару кварталов, они покинули это такси, уплатив водителю щедро, как и было обещано. Пересев в другую машину, друзья подобрали Вену в условленном месте. Тот не мог скрыть радости, увидев их цельми и невредимыми. Пока он дожидался, в голову лезли разные мысли, и он пришел к выводу, что это была очень рискованная затея. Но получив свою долю, он не сообщил друзьям о своем выводе и сам тут же о нем забыл.

— Вот и денег немного нажили, — сказал Пилипок, переступив порог Вениной квартиры. — Как ты, Тося? По-моему, отлично все прошло.

— Разве это деньги? — ответил Тося. — Делаю я это не ради того, чтобы что-то нажить, а для того, чтобы не терять квалификацию. Квалификация — вот это деньги. А прошло все, как и должно было быть. Если быть откровенным до конца, ты был на высоте: молниеносные и правильные действия, решения и ответы.

К этому времени Тося понял что ему не нужны матерые, пропитанные воровской жизнью и понятиями товарищи. И он решил найти в помощники молодого, спортивного склада парня, не испорченного деньгами.

Этим парнем оказался Эдик. Он в точности соответствовал всем нужным параметрам. Единственное обстоятельство, которое немного смущало Тосю, — это недавно обретенная Эдиком его жена Оксана.

Она была из небольшого городка сельского типа. Оксана — молодая, розовощекая девушка с претензией на красивую жизнь.

— Мой товарищ Леша Лепенин, — говорил Тося Эдику, — он президент представительства фирмы «Фексима» в Москве. Сейчас они начали большое строительство торгового дома в Киеве. Три страны, такие, как Англия, Финляндия и Германия, будут обеспечивать всем необходимым этот торговый дом. Леша попросил меня найти молодого парня на должность директора. И вот я подумал, что ты, Эдик, вполне мог бы устроить их. В тебе есть все, о чем они просят.

Эдик не верил своему счастью. Он скромно и робко пытался узнать, как можно ближе подойти к его будущей должности.

— Я буду скоро разговаривать с Лешей по одному общему с ним вопросу, — говорил Тося, — и поговорю о тебе. Может быть, придется ехать в Москву для встречи с ним.

Эдик с нетерпением ждал предстоящей встречи.

— Ну а пока, — продолжал Тося, — съездим в Киев. Заодно глянем, где будет находиться этот дом. Ну а главное, заработаем немного денег.

— А сколько будет строиться такой дом? — спросил Эдик.

— Да строить-то его будут недолго. Максимум полгода, — ответил Тося. — Главное — это получить разрешение на место, на подвод коммуникаций. Вот над этим сейчас они бьются. Но Леша говорил, что это вопрос пары недель. Так что из Киева мы ему позвоним.

В Киеве у Тоси была маленькая однокомнатная квартира на пятом этаже девятиэтажного дома. Приобрел он ее как-то по случаю, когда они с Кабаном обыграли в карты в игру под названием «стос» очередного бармена. Тот за расчет отдал квартиру. Кабан, когда узнал, что Тося будет приезжать и останавливаться в ней, отказался брать у Тоси свою долю выигрыша.

Они с Эдиком поселились в этой квартире. Тося прихватил с собой Потапа, который к этому времени подрос и превратился в крепкого красивого пса с норовистым характером.

Здесь Эдик узнал новую для себя работу. Обязанности его сводились к тому, чтобы поставить машину на стоянку, которая была видна из окна дома. Причем проследить, чтобы машина была чистой, когда это было нужно. Также он должен был гулять с Потапом, следить за состоянием холодильника. А самое главное — он должен был выдергивать лоха, что у него получалось особенно хорошо, так как по природе своей он был общительным, простым, симпатичным человеком.

Когда он вошел во вкус денег, стал набивать «стрелки» с лохами по две, по три на день.

— Ты очень энергичный человек, — заметил Тося, потягиваясь в постели.

Эдик стоял перед ним в куртке, застегнутой доверху. Он уже успел побывать на стадионе «Авангард» и договориться с приезжим, что тот купит тысячу долларов.

— Во сколько ты с ним договорился? — спросил Тося, садясь на кровати.

Огромный Потап лизнул хозяина в лицо.

— В двенадцать, — ответил Эдик.

— Еще есть время, и мы успеем позавтракать, — сказал Тося, теребя длинную шерсть Потапа.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ «КУКЛА»

В двенадцать часов они подъехали на такси к станции метро «Университет». Там их ожидал высокий парень со своей женой. В руках у парня была сумка. Когда такси остановилось, Тося остался сидеть на переднем сиденье, а Эдик вышел к ожидающей его супружеской чете.

— Я приехал с братом, — сказал он, указывая на Тосю. — Доллары продает он. Я вам говорил. Но хочу вам сказать, что мы боимся разного рода осложнений с милицией.

— Все в порядке. Нам тоже милиция не нужна, — заверил его высокий парень. — Моя жена сядет в машину. А я постою и понаблюдаю отсюда.

Эдик залез на заднее сиденье. Возле него уселась Жена. А Муж стал в проеме открытой дверцы, облокотился на машину и таким образом мог видеть всех.

— Давайте доллары, — сказала Жена, отодвигая сумку с колен и приготовившись к пересчету.

Тося протянул тысячу долларов и с опаской, озираясь, отдал ей. Та принялась пересчитывать и проверять на свет. Некоторые купюры она передавала оказавшемуся рядом Мужу. Тот проверял на свет, тер, растягивал в разные стороны, а потом отдавал Жене.

Она держала в руках небольшую пачку долларов, их было ровно тысяча. На секунду растерялась, не зная, как поступить: запрятать вроде как неудобно — ведь еще никто не видел денег, а отдать обратно тоже что-то сдерживало.

— Все здесь правильно? — спросил Тося.

— Да, все нормально, — ответила она.

— Ну тогда давайте их отложим и займемся вашими деньгами.

Он взял доллары из рук женщины и положил на сиденье рядом с ней. Затем, развернув платок, который к этому времени держал в руках, оторвал от края узенькую полоску.

— Давайте мы их перевяжем, чтобы не разлетелись, — сказал Тося, взял доллары, сложил пополам и, обмотав, завязал узел. При этом он чувствовал на своих руках взгляды всех. Особенно ему мешал таксист, который молча наблюдал за долларами, которых раньше никогда не видел. Он сидел завороченный и прожигал взглядом тесемочку вокруг валюты. Затягивая покрепче узел, Тося тяжело на него глянул. Тот смутился и на секунду отвернулся. На эту же секунду Тося слегка повернулся на кресле. На мгновение его руки ушли от взглядов. Но этого было достаточно, чтобы настоящая пачка долларов упала на сиденье между ног, а «кукла» появилась в руке.

— Раз с долларами все ясно, — сказал Тося, — пусть они лежат здесь. — И он положил их на прежнее место между Эдиком и женщиной на сиденье.

Начали считать деньги. Сбивались, спорили, пересчитывали. Снова считали. Наконец все сошлось. Жена взяла доллары и, расстегнув блузку, засунула их в лифчик.

— Я часто бываю на том месте, — сказал Муж. — Приезжайте через пару дней. Еще куплю столько же.

Машина тронулась с места. Эдик смотрел в заднее стекло на удаляющуюся семью.

— Смотри, смотри — считают! — вдруг закричал он.

Тося оглянулся, многозначительно на него глянул, взгляд перевел на водителя. Затем достал из кулика одну из пачек денег и, отделив от нее примерно третью часть, отдал шоферу.

— Это тебе, отец — сказал он, — если быстро домчишь нас до ресторана «Киев».

Водитель, глянул на деньги, вдавил педаль газа в пол.

Когда Тося с Эдиком вышли у ресторана, он так же быстро рванул с места. Подождав, пока он скроется из виду, Тося залез в свою «БМВ».

– Каждый раз, – сказал Эдик, – я смотрю и ничего не вижу. Когда ты успеваешь подменить? Ты расскажешь мне когда-нибудь?

– Когда-нибудь и кое-что обязательно.

Когда на Украине появились купоны, они были в дефиците. Поэтому на базарах их продавали по два, по три рубля. Этим и воспользовались наши друзья.

Они «продавали» купоны по полтора рубля в любых количествах. Покупатели находились повсюду: в универмагах, гастрономах и просто на улицах. Но вскоре стало ясно, что купоны – это только бумага и ничего больше. Не стало ажиотажа вокруг них.

Им на смену пришла работа с валютой. На каждом углу стали появляться менялы, готовые продать любые суммы долларов. Именно они и заинтересовали друзей.

Эдик подходил к менялам и с невинным видом заявлял, что хочет продать большую сумму в долларах.

– Неси. Все сразу и купим.

Но он возражал, говоря, что продать собирается четыре тысячи баксов. А на улице перед рынком или универмагом делать этого не станет, так как боится разного рода осложнений и неприятностей, намекая на милицию и бандитов. Тогда они договаривались встретиться в каком-либо месте, удобном для обоих. Прощаясь, Эдик говорил, что, возможно, приведет с собой брата, который более искушен в валютных вопросах.

К назначенному времени приходили Тося с Эдиком. Тося показывал доллары. Они были все сотками, совершенно новые, с одинаковой серией и возрастающими номерами, что производило сильное впечатление на менял.

Меняла внимательно пересчитывал, проверяя каждую купюру на предмет подлинности. Потом, посчитав все, говорил своему товарищу:

– Нет, фабулы здесь нет никакой. – И собирался положить доллары к себе в карман.

Но Тося останавливал его, возражая:

– Мои доллары ты видел. Давай теперь посмотрим твои деньги. Я тоже хочу их проверить, честные ли они у тебя.

Доллары решали оставить на каком-либо видном месте. Меняла доставал сумку или большой пакет, и начинался долгий пересчет денег. И здесь, в зависимости от ситуации, Тося пускал в ход свой особый стиль аферы. Он мог поменять деньги на «куклу» путем обычного переворота портмоне. А бывало, что такой обмен совершался гольми руками. Во всех случаях всегда противник получал «куклу».

Они направлялись в Харьков. Проезжая город Купянск, решили в нем остановиться.

Денег было много, и Тося ленился работать в этом маленьком городке, напоминающем ему деревню. Но на рынке, куда заехали купить сладостей, он заметил большое количество менял, скопившихся у входа. Вернувшись и сев в машину, рассказал об увиденном Эдику.

– Так давай отработаем их, – радостно заключил тот.

Тося сказал:

– Мы с тобой давно работаем вместе. И до сегодняшнего дня ты не сделал ни одного удара самостоятельно. Предлагаю тебе попробовать. Нужно ведь когда-то начинать. Почему бы не начать с этого базарчика? Слушай меня внимательно и запоминай..

Далее он подробно, во всех деталях, рассказал, как следует разговаривать с покупателем и что при этом нужно делать. Внимательно выслушав наставления, Эдик направился на рынок.

Когда Тося подобрал на дороге Эдика, прощающегося с покупателем валюты, тот отдал ему большой сверток денег. Эдик сказал:

– Как хорошо и понятно ты все объяснил! Вот деньги.

ЗА МАШИНУ НА БАРСЕТКУ

В день отъезда из Харькова Тося познакомился с девушкой по имени Виола. Это была молодая, высокая, стройная девушка с белокурыми длинными волосами. Зайдя в ресторан для покупки продуктов в дорогу, он сразу заметил ее, подошел и сказал:

– Скажите, вы верите в судьбу? И когда она молча принялась его рассматривать, добавил:

– Я заглянул в этот ресторан лишь для того, чтобы купить шампанское в дорогу, хотя мог это сделать в другом месте. Но проезжая мимо, почувствовал, как сердце мое екнуло и наполнилось каким-то странным, непонятным жаром. Тогда я подумал: что бы это могло значить? Теперь-то знаю ответ. Я встретил вас – девушку, о которой мечтают короли.

После этого он предложил ей поехать с ним в Одессу. Она смотрела в его глаза и видела перед собой глаза честного человека, окрыленного страстью любви. Тогда она не могла подумать, что глаза так могут обманывать, Она согласилась. Вместе с Потапом и Эдиком они отправились в дорогу.

Дорогой Тося думал: «Зачем я придумываю себе эти ребусы? Я же не смогу привести ее домой. А жить в Одессе в гостинице – как это объяснить Наташе?»

По дороге они заехали в Винницу, где в гостинице «Дружба» Тося сумел ближе познакомиться с Виолой. Она не обманула его ожиданий. Виола оказалась нежной, приятной и податливой девушкой.

Она стояла на ковре на коленях и, сильно прогнувшись, упиралась руками в край дивана. Он находился сзади нее и наслаждался красотой и гибкостью ее тела. Она стонала и извивалась, чувствуя его. Это возбуждало еще сильнее. Тося ласкал ее грудь, делая сильные, резкие движения телом. Страсть достигла апогея. Виола сильно, пронзительно закричала.

Вошел Эдик и в нерешительности остановился в дверях. Увлечшись сценой любви, они его не замечали. Эдик продолжал стоять, удивляясь их темпераменту. Он загорелся сильным желанием принять участие в сексуальной агонии партнеров. Он подошел и сел рядом с ней на краю дивана. Протянул руку к ее голове, но Тосин испепеляющий взгляд протрезвил его. И он, не солоно хлебавши, отправился прочь.

– Ты видела, что заходил Эдик? – спросил Тося раскрасневшуюся Виолу.

– Нет, – удивленно ответила она.

И Тося не стал вникать в реальность случая. Он тут же забыл о галлюцинации.

Они приехали в Одессу. Тося поселил Виолу в гостинице, а сам, еще некоторое время побыв с ней, отправился домой. К этому моменту она полностью была информирована о составе его семьи.

В то время он очень часто менял нянь для подрастающих детей. Поэтому появление незнакомой женщины в доме не могло удивить Наташу. А тем более сейчас, когда он выслушал претензии по поводу последней няни.

Тося решил привести Виолу домой. Он представил ее Наташе как сестру одного из своих близких друзей и сказал, что та будет приглядывать за детьми. Наташа обрадовалась новому лицу и с радостью приняла модную и современную Виолу. Теперь он мог проводить с ней сутки напролет.

Как только Наташа уходила и за ней закрывалась дверь, они тут же предавались страсти в той части квартиры, где находилась Виола в этот момент. Это могло быть в ванной и даже в туалете.

Однажды, когда они в третий раз сплелись телами, раздался требовательный и настойчивый звонок в дверь. Через несколько секунд он услышал, как чей-то ключ, проникнув в замок, пытается его открыть.

– Это вернулась Наташа! – объявил он своей подруге.

Да, это была она. Она стояла у двери и не могла ее открыть, так как та была закрыта изнутри. Вчера одна из ее подружек по имени Юлия сообщила ей, что видела в одном из ресторанов Тосю с белокурой женщиной. Причем они были недвусмысленно откровенны в своих отношениях друг к другу. И вот сегодня Наташа неожиданно нагрязнула домой, хотя с вечера постаралась всех убедить, что придет поздно.

– Что же будем делать? – спросила Виола.

– Думаю, – ответил Тося, – придется одеться.

Они принялись собирать разбросанные по всей квартире вещи.

Наташа не уходила. Теперь она перестала звонить, взяла у соседней отвертку и молоток и принялась монотонно стучать по замку.

– Придется открывать, – сказал Тося. – Она не уйдет.

Он впустил разъяренную Наташу. Она отыскала раскрасневшуюся от бурных любовных событий Виолу в одной из комнат и замахнулась для удара. Тося схватил ее за руку, сказав при этом, что делать этого не стоит. Тогда она принялась оскорблять белокурую красотку. Тося снова пытался ее уговорить. Но видя, что это у него не получается, обратился к Виоле:

– Выйди и подожди меня во дворе. Я спущусь через пять минут.

Это взбесило и без того разгневанную Наташу. Когда Тося закрывал за Виолой дверь, она сказала:

– И ты убирайся вместе с ней! Вон отсюда! Прикрыв плотно дверь, он повернулся и посмотрел на нее.

– Я сказала – вон! – повторила Наташа, явно переигрывая.

Тут его терпению пришел конец.

– Наверное, ты на минутку забыла, что это моя квартира, – напомнил ей Тося.

– Вон! – повторила Наташа, указывая на дверь.

Тогда Тося взял ее за шиворот и выставил в подъезд. А сам оделся и через несколько минут спустился к Виоле.

Пару дней они жили у нее в гостинице. Он знал, что домой Наташа попасть не может, так как не успела захватить ключи. Также он знал, что сейчас она живет у его матери.

– Бабушка так редко видит внуков, – говорил он, – что это ее обрадует.

Прошел месяц. Виола уехала домой повидаться с родными. Тося позвонил жене и сказал, чтобы она переезжала домой. Наташа приняла его предложение, но при этом потребовала у него извинения.

Он опешил, увидев Наташу, переступившую порог. Та стояла и улыбалась. Она была перекрашена в блондинку.

– Что это такое? – спросил Тося, указывая на ее волосы.

– Может быть, теперь во мне есть все то, что ты пытался найти в ней, – ответила она, продолжая улыбаться.

– Наташа, не нужно больше устраивать таких сцен, – сказал Тося, когда они разместились за столом с шампанским. – Ты ведь не собираешься разрывать наши отношения?

– Разрывать – нет, – ответила Наташа, – но бороться за них я буду.

– Но не таким образом, милая. Ты ведь не стала крепче спать ночью, когда узнала, что у меня есть женщина. Вижу, наоборот: ты похудела и осунулась. А раз так, то и не нужно больше заглядывать в мои самые мужские дела.

Два дня они провели в любовных примирениях. Затем еще несколько дней Тося подарил детям, с которыми посещал всевозможные аттракционы, а между ними – рестораны и кафе. Он хотел, чтобы они с детства чувствовали себя непринужденно и уверенно в злых местах.

Эдик это время провел со своей женой. Тося позвонил ему и сказал, что завтра они выезжают. Отдохнув, они направились в Полтаву, где поселились в мотеле.

В уютном номере с тяжелыми шторами на окнах Тося рассказывал Эдику:

– Закрылись «Березки», и мы оказались в межвременье: чеков не было уже, а долларов не было еще. Тогда я решил заняться машинным бизнесом – так я называл эту работу.

В то время автомобильные базары были переполнены людьми, продающими новые машины. Машины эти имели госцену. Любая модель «Жигулей» стоила около десяти тысяч рублей. Спекулянты продавали ее за двойную цену. Афера проходила следующим образом.

Тося с Игорем-Васей отыскивали на базаре спекулянта. Долго торговались в цене. Наконец, стоворившись, назначали встречу с ним на следующий день и начинали всю процедуру переоформления машины.

В назначенный день встречались с продавцом, и тот вел их к себе домой, чтобы оставить там «разницу». Разницей называлась та сумма денег, которая получалась в результате оценки машины экспертом комиссионного автомагазина и ценой, назначенной самим продавцом. Например, если комиссионный автомагазин определял стоимость машины в девять тысяч, а продавец хотел за нее шестнадцать, разница составляла семь тысяч рублей. Их-то и оставляли дома у продавца.

Тося брал с собой сумочку, которая называется барсеткой. В этой сумочке в дом продавца он приносил деньги. Открыв ее, он извлекал все содержимое. Внимательно пересчитав и проверив деньги, продавец говорил:

– Все в порядке. Можно начинать переоформление.

Тогда Тося брал деньги, аккуратно их складывал и клал в пустую сумочку со словами:

– Ну что ж. Давайте приступим.

Но продавец возражал:

– Нет, нет, деньги давайте оставим у меня дома.

Тося некоторое время колебался и совещался с Васей. Затем соглашался оставить, говоря при этом:

– Деньги давайте где-нибудь закроем. Вдруг в то время, пока нас не будет, вернется кто-нибудь из домашних и возьмет какую-то их часть.

– Нет, нет, такого быть не может, – заверял продавец.

Но Тося настаивал на своем. Тот соглашался, доставал деньги из барсетки и запер в один из ящиков стола. Тося забирал ключ с собой.

Они выходили из дома и направлялись в автомагазин за получением счета-справки. Там через кассу оплачивали стоимость машины, определенную экспертом.

Когда Тося с Васей садились в купленную машину, они отдавали ключ от стола продавцу. Последний спешил домой за оставшимися деньгами. Но денег там не было.

Барсетка имела перегородку. Когда посчитанные деньги попадали в сумочку, Тося перебрасывал перегородку. Таким образом, продавец, думая, что забирает только что положенные туда деньги, на самом деле доставал «куклу».

Покупали машины, как правило, не на свое имя. Было много желающих, на которых можно было оформить машину, уплатив за это пятьсот рублей.

Среди машинных спекулянтов встречались и такие, которые слышали о том, что кидают продавцов новых машин. Таких продавцов видно, так как они начинают морочить голову, пытаясь всячески перестраховаться. В таких случаях Тося предлагал:

– Чтобы вы не нервничали и не переживали, давайте разницу положим на книжку на предъявителя. И когда закончим переоформление машины и счетсправка будет у меня, вы спокойно пойдете в сберкассу и снимете с книжки деньги, если вы в этом будете испытывать необходимость.

Хорошо обдумав предложение, взвесив все «за» и «против», продавец соглашался провести сделку через сберкассу. В этот же день Вася ехал в сберкассу и открывал книжку на предъявителя, кладя на нее от пяти до девяти рублей, в зависимости от суммы разницы. Если, например, разница была девять тысяч – значит, девять рублей, и так далее.

Затем в приемной какого-либо учреждения, где имелись пишущая машинка и молодая секретарша, в сберкнижке добивались нули. Или же, если позволяло время, эту сберкнижку Эдик относил одному из знакомых чистоделов, который дорисовывал в ней нужную сумму за небольшую плату.

Встретившись с продавцом машины в назначенное время у сберкассы, Тося доставал деньги, и они шли к окошку, где он клал необходимую сумму. Продавец

стоял рядом. Кассир выдавал новую открытую книжку. Тося внимательно проверял запись. Убедившись в правильности, он собирался отойти от окошка, но, как бы вспомнив, что книжку нужно отдать продавцу машины, останавливался и протягивал ее тому. Продавец открывал, бегло просматривал и, убедившись, что все в порядке, клал в карман.

Работы у Тоси хватало. Многие из его знакомых и друзей узнали, что он часто посещает автомобильный базар. Они стали также подыскивать ему продавцов машин, зная, что Тося щедро заплатит по доле.

Так к ним присоединился невысокий, плотного телосложения парень по имени Байрам. Теперь они работали в основном втроем.

ДЕВКИ

Тося приехал в Одессу. Ему не терпелось встретиться со своим старым добрым другом Сявой.

Сява познакомился с путаной, которую звали Ира Колесо. Узнав, что Тося в городе, он пришел к нему в гости и привел с собой Иру. Она оказалась очень симпатичной, приятной и распушенной девчонкой, то есть именно такой, какой и должна быть представительница ее профессии.

Первое, что сделала Ира, поднявшись с колен, на которых провела последние пятнадцать минут у кресла, где сидел Тося, это сказала:

— Я хочу рассказать вам анекдот, который недавно вычитала в последнем номере журнала «Пентхаус». — Она уселась на диван и принялась весело рассказывать: — Привезли Кинг-Конга в город и поместили в зоопарк. Наступила весна, и он стал страшно кричать по ночам, не давая спать жителям. Горожане собрались на совет. Они решили, что Кинг-Конгу необходима Кинг-Конгиха. Но так как добыть ее не представлялось возможности, один из горожан подал идею: «А давайте ему подорочим». На этом и остановились. Они подошли к Кинг-Конгу, дружно взяли и стали бегать: на счет «раз» они бежали вперед, на счет «два» — назад. «Стойте, стойте! — кричит один. — Петровича закатало!»

Тося и Сява искренне смеялись.

— Какую классную и необычную ты привел мне Ирку! — говорил Тося, обращаясь к Сяве. — Вот уж поистине — королева своей профессии!

— А какая у нее есть подружка по имени Алла! — Сява попытался изобразить стройность, грациозность и величественность Ириной подружки. При этом он так надулся и задрал нос, что Ира чуть не зашлась смехом. — Я вот уже полгода кадрю эту Аллу. Но все безрезультатно, — продолжал Сява, приняв свой обычный вид. — Я ей предлагал любые суммы денег, но она не берет. Я хочу, чтобы ты, Тося, с помощью Иры познакомился с ней. Я думаю, она на тебя поведется. А мы ведь с тобой друзья. Я думаю, ты поделиться, если такое произойдет.

Тося засмеялся в ответ и согласился помочь Сяве, хотя сама идея была ему не по душе.

Ира позвонила Алле и договорилась с ней встретиться, объяснив подруге, что просто хотела бы посплетничать минут пятнадцать. На встречу поехали в Тосиной машине. Аллу усадили рядом с Тосей, и вся компания направилась в загородный ресторан. Алла не знала о предстоящем вояже и всячески отбивалась от поездки. По ее мнению, она была недостаточно хорошо одета для ресторана. Но заговорщики быстро убедили ее в обратном.

В ресторане Сява пытался удивить Аллу своей щедростью и утонченностью вкуса. Для этого он заказал все, что было в меню. Их стол превратился в витрину ресторанной продукции.

Пир шел горой. Официанты подносили и уносили тарелки, меняли пепельницы. Одна из официанток попыталась с торца стола достать огромное блюдо, стоящее на середине. Когда это у нее не вышло, она сказала:

– Не могу достать... – в надежде на то, что кто-то подаст ей огромную тарелку.

Тося, сидевший ближе всех к официантке, заметил в приятельском тоне:

– Давайте-ка подсажу! И все дружно рассмеялись, включая официантку. Тосе очень понравилась Алла, на которую он украдкой поглядывал. «Необыкновенная девушка, – думал он. – Красива, стройна, умна и с каким чувством юмора!» Больше всего Тосю удивила ее улыбка – улыбка кинозвезды.

Тося договорился встретиться с Аллой на следующий день. Он рассказал об этом Сяве. Тот очень нервничал. Поздно вечером он привез Тосе ключи от квартиры.

Квартира была Игоря Резаного. Он очень ее любил и благоустраивал, следил за порядком и чистотой. Но под мощным натиском Сявы все-таки согласился отдать ключи и провести следующий день вне своего дома.

Тося спешил на свидание с Аллой. Внутри себя он ощущал жар, который периодически разливался по всему телу и бил в голову. Он очень хотел эту женщину. Провел бессонную ночь в сексуальных фантазиях. По дороге он успел заскочить в магазин, где купил бутылку коньяка и несколько плиток шоколада.

Они переступили порог квартиры. Интимная обстановка центральной комнаты: мягкие тона, откровенные картины на стенах, диван посреди комнаты – все это усилило и без того мощное влечение друг к другу обоих сердец.

С Сявой Тося условился, что, как только он подготовит Аллу, тот сразу же придет и они займутся групповухой. А узнает Сява о событиях в квартире, позвонив по телефону.

Обезумевшие и истосковавшиеся по сексу любовники начали удовлетворять свою страсть, едва переступив порог и прикрыв дверь. Бутылка с коньяком, так и не открытая, покатила по полу. Туда же упали плитки шоколада. Они предали сексу в полной его сущности и колоритности. Диван переместился по квартире в сторону телевизора. Ковер, журнальный столик, напольная ваза – все сбилось в угол.

Раздался звонок в дверь. Тося, не до конца понимая, что происходит, пошел открывать замки. В комнату влетел Сява. Он был зол. Глаза горели недобрыми огоньками.

– Что случилось? Я два часа звоню из автомата, и все время занято. – Сява смотрел на место, где стоял телефон, но его там не было. Он висел, зацепившись шнуром за край дивана. Трубка лежала рядом. – Понятно, – сказал Сява, переводя дух. Затем он отозвал Тосю в другую комнату. – Ну что? Как? Ты говорил с ней? – начал, волнуясь и заикаясь, Сява.

Только тогда Тося вспомнил об обещании, которое дал Сяве. Он попросил товарища подождать в комнате и нехотя пошел к Алле.

– Алла, ты понимаешь... – Тося не знал, как сказать. Все его существо было против этого. Но он все-таки выжал из себя: – Я тебя очень прошу... Сява – это мой старый товарищ. Я очень многим ему обязан. В общем, ты должна быть с ним.

– В чем дело? – удивилась Алла.

– Это тебя ни к чему не обяжет. Только сегодняшний день... Всего один раз. Это только укрепит наши отношения.

Но Алла не понимала и не хотела понимать Тосю. Она искренне была удивлена тем, что после того, что было между ними, Тося может такое говорить. Тося вышел к Сяве.

– Ничего не получается. Если хочешь, походи сам поговори с ней.

Он остался в комнате, а Сява пошел к Алле. Но не прошло и минуты, как он вернулся.

– Закрой за мной дверь! – И Сява, опустив голову, вышел из квартиры.

Тося забыл про все свои дела, и каждый день на протяжении месяца он проводил с Аллочкой. Вечерами они расставались, так как у нее был муж – большой, крепкий

спортсмен. Но утром они встречались и весь день проводили в сексе. Они не могли насытиться друг другом. Им всего было мало.

ЗАКАЗ НА УБИЙСТВО

Машина въехала в город Сумы.

– Вон, видишь, драгаль стоит? – разбудил Тося дремавшего на заднем сиденье Эдика. – Пойди узнай, где «Интурист».

Эдик потянулся. Волосы у него были взъерошены после сна. Он открыл окно и узнал, как проехать к «Интуристу».

Они несколько дней провели в Сумах. Однажды вечером, после того как Тося принял душ в люксовом номере гостиницы, они направились в ресторан. Лифт остановился, открылись двери, и он оказался лицом к лицу с Аликом, которого не видел вот уже восемь лет. Тот тоже удивился этой встрече. Они обнялись, а потом вместе направились в кабак.

Усевшись за столик, Тося спросил:

– Что будем пить?

– Да я не пью, – ответил Алик.

И тут Тося обратил внимание на неестественную бледность его лица.

– Присел на иглу? – не то спросил, не то констатировал Тося, глядя Алику в глаза.

– Да, и очень плотно, – ответил тот.

– Когда ты освободился? Я считал, что ты должен выйти только в июле.

– Все верно. Но полгода удалось скостить. Сколько это мы с тобой не виделись? Страшно посчитать. То ты сидел три года, то мне дали четыре. Вот, кругомбегом восемь и получилось. – Алик говорил это, водя пальцем по краю фужера.

Тося смотрел на своего старого друга и не узнавал его. Скелет, обтянутый кожей. В глазах нет бывшего блеска, юношеской страсти, стремления к своей мечте. Он видел перед собой мертвого безразличного человека, который совсем не походил на его закадычного друга. Эта встреча очень огорчила Тосю.

– Время меняет людей, – сказал он, вставая изза стола.

– Тося, ты же знаешь, я только освободился. Дела мои не в самой лучшей форме. Я хочу просить работать с тобой вместе, как в старые добрые времена.

Тося задумался:

– Алик, мы с тобой друзья. Это так. Но я здесь вместе с Эдиком. Я должен с ним посоветоваться.

– Тося, при чем здесь Эдик? Я же понимаю, что все будет так, как скажешь ты.

– Алик, пойми, он у меня в доле. И я не могу облокотиться на его мнение.

Тося выложил всю правду на суд Эдику. Он рассказал, что раньше Алик был очень способным и делал значительные работы, которые ходят в легендах по сей день.

– А сейчас это совсем другой человек, который, как ты заметил, плотно сидит на игле. Это обстоятельство может нам повредить. Я рассказал тебе все. А теперь твое дело решать, будет он с нами или нет.

Эдик смотрел на Тосю и молчал. Он привык, что тот принимает решения самостоятельно. А здесь вдруг советуется с ним. И мало того, он ждет от него решения. И от этого решения зависит судьба некогда известного афериста. С одной стороны, это ему очень льстило, так как он почувствовал, каким уважением пользуется у Тоси. А с другой стороны, это было так неожиданно, что он не знал,

что и ответить. Но на самом деле Тосе не нужен был его ответ. Ему просто нужно было время, чтобы все тщательно обдумать.

Наконец он решили, жестом подозвав Алика, сказал:

— Меня интересуют две вещи: сколько ты колешь в день? И где берешь отраву?

Алик заверил Тосю, что решил спрыгнуть с наркотика и сейчас будет колоть не более одного куба в день. А покупает он наркотики где придется.

Тосе стало жалко Алика. Он помнил те годы, когда они работали вместе и дружили. Он решил попробовать.

— Ну что ж, Алик. Ты с нами. Эдик успел выдернуть двух лохов и поэтому — за работу.

«ДАЙ ВОЗВРАТ», ИЛИ НЕСОСТОЯВШАЯСЯ АФЕРА

Первым был молодой парнишка лет двадцати семи. Он хотел купить тысячу шестьсот баксов.

— Эдик сделает эту работу сам. А ты можешь отдохнуть в номере, — заключил Тося.

Но Алик решительно запротестовал:

— Я притулю классный отвод, и Эдик спокойно уйдет от лоха.

До сих пор молчавший Эдик сказал:

— Я знаю лоха. Он относится к такому типу людей, которых кидать нужно в спокойной обстановке, ничем не пугая.

Тогда Алик повернулся к нему и заявил:

— Когда я кидал в полный рост, ты ссал в штаны! Тося подумал, что в конце концов хороший отвод не будет лишним, и согласился.

Эдик должен был встретиться с этим покупателем во второй раз. Первый раз у них не состоялся обмен, потому как тот хотел купить всего шестьсот долларов. Эдик объяснил, что ему нет смысла продавать часть, а нужно продать всю сумму. И они перенесли встречу на следующий день.

В первую встречу между ними установился контакт, и теперь Эдик знал слабинки этого человека. Встреча должна была состояться возле молочного магазина в двенадцать часов дня.

Моросил дождь. Люди старались не задерживаться на улице, отчего улицы были полупустыми. Тося загнал машину во двор и стал у проходного подъезда, откуда должен был выйти Эдик, закончив обмен. Но Тося не мог спокойно сидеть в машине, не зная, что происходит у Эдика. Поэтому он зашел в подъезд, поднялся на второй этаж, где через небольшое окошко мог наблюдать за происходящим.

Эдик стоял под большим зонтом возле входа в магазин и высматривал покупателя. Остановилась машина. Эдик увидел в ней покупателя, сидевшего на заднем сиденье. Он сел в машину, закрыл за собой дверь, достал доллары и, предложив их пересчитать, протянул покупателю. С Аликом было условлено, что, как только понадобится отвод, Эдик выбросит из окна машины спичечный коробок. Тогда тот подойдет к водителю и, притворившись пьяным, начнет его уговаривать куда-то отвезти, не обращая внимания на его возражения.

Сначала все шло отлично. Парень посчитал доллары, затем дал подержать Эдику, доставая деньги. В это время Эдику удалось их заменить «куклой». Наконец покупатель достал деньги, и они принялись их считать. Так как доллары были уже посчитаны и проверены, чтобы они не мешали, парень положил их к себе в карман.

Когда заканчивали пересчет, шофер спросил Эдика:

— Этот парень не с вами? Эдик и покупатель оторвали взгляд от денег и перевели его на Алика, который стоял в полуметре от машины и смотрел куда-то в стенку. Причем улица была совершенно безлюдной. Алик был в черном плаще с поднятым воротником. С его носа свисала большая дождевая капля.

Покупатель сразу почувствовал неладное и вопросительно посмотрел на Эдика.

— Нет, нет, я не знаю этого человека. Впервые вижу, — ответил Эдик на пытливый взгляд покупателя.

В это время Алик подошел к водителю, открыл дверцу и сказал:

— Братишка, до аэродрома докинь.

— Это не такси, — ошетинился на него водитель.

— Да шо ты, в натуре, дружок! Я ж плачу! Беспокойство покупателя усилилось. Он вцепился в пакет с уже пересчитанными деньгами и не отдавал их Эдику.

— Отдавай деньги, — заметил Эдик. — Мне некогда. Доллары посчитал, деньги посчитал. Давай, я пойду. Мне нужно быть на работе.

Эдик открыл дверцу машины и потянул за кулек с деньгами. Парень разжал руку и отпустил кулек. Но как только Эдик вышел из машины, он ухватил его за куртку:

— Постой! — И он достал доллары.

Одной рукой он продолжал держать Эдика, а второй стал «ломать куклу», Эдик вырвался и побежал.

Тося моментально сбежал вниз и вышел из подъезда навстречу бегущему Эдику. За Эдиком неся покупатель. Тося остановил Эдика и сказал ему в самое ухо:

— Сделай возврат! Немедленно.

Эдик повернулся к подбегавшему парню и вернул ему деньги.

В гостиницу все трое вернулись молча, в подавленном настроении. Алик тут же достал пузырек, в котором хранил наркотик, и набрал полный шприц.

— Ты же говорил, один куб, — напомнил ему Тося.

— Да это чтобы сбить напряжение. Я сильно разнервничался. А завтра лоха разорву!

— Не надо ждать до завтра. У нас еще одна сделка через час.

На этот раз был директор коммерческого магазина. Магазин находился в одном из домов вдоль центральной улицы. Тося пошел один, а Эдик с Аликом остались ждать его в машине в тридцати метрах от входа в магазин.

Тося зашел, поздоровался с директором и сказал, что боится разного рода неприятностей как со стороны милиции, так и со стороны бандитов. Директор его заверил, что никаких неприятностей не будет, и предложил уединиться у себя в кабинете. Там он проверил и посчитал доллары, предложенные Тосей. Он был совершенно спокоен, так как Тося производил на него впечатление интеллигентного, скромного человека. Да и в магазине было полно сотрудников, а на дверях стояла охрана.

Когда директор достал деньги, Тося сказал:

— Я боюсь выходить на улицу с таким большим количеством денег. Вы не могли бы взять эти деньги и проводить меня до такси? А доллары можете оставить у себя в кабинете.

Тот согласился. Он открыл сейф, и Тося бросил туда «куклу». За ней сейф сразу закрылся. Затем директор взял пакет с деньгами, и они с Тосей вышли из магазина.

Несколько секунд они постояли у обочины, ожидая такси. Подъехал Эдик. Тося попрощался с директором взял деньги, и они укатили.

В номере гостиницы эти деньги Тося разделил на троих. Алик, получив свою долю, тут же убежал за наркотиком. А Тося вместе с Эдиком отправился к знакомому, с которым Тося познакомился полгода назад в Москве. Тося позвонил ему по телефону, и Юра их ждал.

Когда они вошли в квартиру, увидели семерых ребят. Одни из них играли в карты, другие — в нарды. Все они были стильно, дорого одеты.

Один выделялся надменно-пренебрежительным взглядом.

— Познакомьтесь. Это Тося Прикуп из Одессы, — представил его хозяин квартиры. — Это Лера. — Хозяин надменного взгляда подал Тосе руку.

Затем Тося познакомился с остальными.

Лера стал прощупывать Тосю, задавая ему разного рода вопросы, такие, как: «Знаешь ли ты того, этого? Знаешь ли ты Сашу Шурупа? Как поживает Карабас?» Некоторое время они провели за разговорами.

Прощаясь, уже в дверях, Лера сказал:

– Приходи вечером в казино. Юра покажет где.

– Юра, что это за тип? – обратился Тося к хозяину квартиры, когда за Лерой закрылась дверь.

– Это один из самых влиятельных людей города. Он хозяин того казино, в которое ты сегодня пойдешь. А также многих других заведений.

Заехали в отель за Аликом и втроем отправились в казино.

Они сидели в небольшой комнате за столом с зеленым сукном. Тося с Лерой играли в терц. Эдик вел запись. Двое Лериных друзей с интересом наблюдали за игрой. Алик устал сидеть за столом. Он встал и ушел в дальний угол комнаты, достал шприц и свой пузырек и стал колотиться. Это заметили все, но никто не подал виду.

– Пойду пошоркаюсь в зале, – уколотившись, сказал Алик и вышел.

– Где ты нашел это чучело? – заметил Лера, как только тот вышел из комнаты.

– Это мой старый добрый товарищ. Он известен своими работами прошлых лет.

– Может, раньше и был он кем-то, но теперь он никто, и звать его никак, – заключил Лера. – Я знаю от Юры, чем вы здесь занимаетесь. Но вот если бы ты или кто-то из твоих ребят согласился сделать серьезную работу, я бы мог заплатить хорошие деньги.

– И что это за работа? – поинтересовался Тося. – И что такое хорошие деньги?

– Могу заплатить пятнадцать тысяч долларов. Надо убрать одного человека.

Тося задумался. В этот момент вошел Алик. По серьезным лицам Тоси и Леры он понял значительность разговора и подсел к ним. Разговор был тут же переведен на другую тему. Алик это понял.

Прощаясь с Лерой, Тося заметил:

– Этот разговор может иметь продолжение.

По дороге домой и в гостинице Алик все время пытался узнать, о чем они беседовали.

Но тщетно.

На следующее утро Лера приехал в гостиницу к друзьям. Вдвоем с Тосей они пошли в буфет, где пили кофе и продолжали вчерашний разговор.

– Лера, когда нужно сделать эту работу?

– Да хоть сегодня. И вообще, чем быстрее – тем лучше, – ответил Лера, почесывая затылок.

– Сегодня сделать это невозможно. Ты ведь знаешь, я по другой части. Мне нужно поехать в Киев, переговорить с ребятами. А уж потом могу позвонить тебе и сообщить о своем решении и возможностях.

Они расплатились за выпитый кофе и отправились в номер. Там Лера устроился за письменным столом у окна и записал цифры своего телефона на блокнотном листе.

В это время Алик закрылся в ванной и там на клочке туалетной бумаги записал свой телефон и домашний адрес.

Лера прощался с друзьями. Последний, кому он подал руку, был Алик. Тот незаметно отдал ему бумажку со словами:

– Если что-нибудь будет нужно, я всегда рад оказать услугу.

На следующий день у друзей была назначена встреча с очередным покупателем, которого должен был отработать Алик. Он провалил эту работу. Тося вспомнил Лерины слова: «Он никто, и звать его никак».

– Алик, тебе не кажется, что твоему авторитету очень вредит наркотик?

– Да ты понимаешь, я хочу лечь в больницу, чтобы спрыгнуть. Но у меня нет денег. Сейчас я хотел их нажить, но, видишь, не получилось.

– А где же те деньги, что ты получил с прошлого удара? – спросил, недоумевая, Тося.

Алик опустил голову.

— Алик, я хочу тебе сказать, что мы должны расстаться, так как у нас с Эдиком есть дела в Киеве, где присутствие третьего невозможно. Поэтому сегодня мы уезжаем.

— А я? Как же я?

— Поезжай домой и ложись в больницу. И когда будешь здоровым человеком, мы сможем возобновить наш разговор.

Тося оставил деньги на дорогу Алику, и они уехали. Но Алик не думал возвращаться в Одессу. Он знал, что у Тоси есть квартира в Киеве, и отправился вслед за ними, зная, что всегда сможет их найти на этой квартире. Но он ошибся. Тосю захлестнула идея кинуть Леру, и поэтому он снял другую квартиру в Березняках, а на своей не появлялся.

Алику пришлось тоже снять квартиру на оставшиеся деньги.

Гостиница «Турист», что возле метро «Левобережная», представляет собой центр пересечения маршрутов наркоманов. Здесь происходит интенсивное движение на протяжении суток — одни продают, другие покупают. А через пару часов наоборот. Вот и Алик примкнул к этому движению.

Среди этой публики у него обозначились друзья. И вот как-то, не имея наркотика и денег приобрести его, Алик лежал в состоянии абстиненции у себя в квартире на диване. Вид у него был человека обреченного. И вдруг к нему заявился один из его новоиспеченных друзей.

— Где достать ширы? — встретил его Алик.

— Не знаю. Сам на кумарах.

Алик пошел в комнату и улегся на диване.

— Меня так долбит! Ты же видишь.

— Да. Если что-нибудь достану, обязательно принесу, — заверил его гость и повернулся к выходу.

— Захлопнешь дверь. — И Алик отвернулся носом к стенке.

И только утром следующего дня Алик понял, что вместе с гостем ушли его часы — золотой «Роллекс», кожаный дорогой плащ, модная кожаная куртка, а также новые итальянские сапоги и норковая шапка.

Продав оставшиеся вещи, Алик купил билет и уехал в Одессу, под мамино крыльшко. Но за два дня до его приезда в Одессу вернулись Тося и Эдик.

Тося был в чудесном настроении. В кармане у него было двадцать пять тысяч долларов. Первое, что он сделал после того, как принял душ, плотно поел, общаясь с домашними, — он позвонил Алику, чтобы узнать, как тот добрался. Но трубку взяла его мать. Она сказала, что Алик не приезжал. Стала роптать на судьбу, сетуя, что ее сын так быстро опускается в результате употребления наркотиков.

— Я хотел бы помочь Алику и дать триста долларов ему на лечение, — сказал Тося.

Не веря своему счастью, та завершила его, что Валера тотчас же приедет за деньгами. Тося глянул на часы. Время близилось к полуночи.

Через полчаса появился Валера Дон Кихот. Валера стал здоровым тридцатидвухлетним парнем со светлорусыми волосами средней длины. Он был толстоват, но за счет высокого роста его жир можно было принять за мышцы. Валера был предельно вежлив и долго благодарил за деньги, судорожно трясая руку Тосе. Тося прекрасно понимал, что часть этих денег будет «проколота» Валерой и мамой Алика. Они уже два года жили вместе. Причем Алик и Валера были ровесниками и некогда крепко дружили. Тося подозревал — да и не он один, — что мама Алика к старости лет тоже уселась на иголку. Но он не хотел вникать в это болото чужой жизни. Он отдал деньги и тут же забыл об их существовании.

Рано утром Тосю разбудил телефонный звонок. Звонил Вася, который приехал из Риги на пару дней навестить мать и сестру. Тося четыре года не видел старого друга и поэтому сказал ему, что, как только позавтракает, тут же к нему подъедет.

Мать Васи жила в своем доме на Пересыпи. Тося оставил машину возле калитки, а сам вошел в дом. Друзья тепло встретились и долго обнимали друг друга. Затем уселись на диване делиться новостями.

— А сейчас где ты был? Я уже несколько дней тебя разыскиваю, — обратился Вася к счастливому Тосе. По всему было видно, что жизнь его идет как надо.

Тося рассказал, что познакомился в Сумах с Лерой и решил его кинуть. Для этого он снял квартиру в Киеве и поселился в ней вместе с Эдиком и Наташей, которая приехала погостить.

— Практически она часто приезжала ко мне, — говорил Тося. — Отвлекусь от главного и расскажу об одном случае, который произошел как раз в этот ее последний приезд. Ранее снял я как-то девок. Выхожу в вестибюль кабака. Стоят две. У зеркала прихорашивают. Классные такие. Подхожу.

— Смотрю, нету у вас работы сейчас, девчонки. А давайте-ка проведем этот вечер втроем. Так, по-свойски. Посидим, отдохнем от работы, расслабимся, шампанского попьем, музыку послушаем, — говорю им.

Они согласились. Некоторое время катались по городу. Хотел отыскать Кабана — взять четвертым. Но его нигде не было. Привез их к себе. Поставил их «бээмвуху» на стоянку у дома. Эдик уехал на пару дней к жене, Натаха — в Одессу к детям. Потапа закрыл на балконе.

Оказались они приятными и домашними. Картошку пожарили.

Поболтали о всяком-разном. Покувыркались вдоволь. И такие вдруг у нас завязались отношения теплые!

Впоследствии стали они ко мне заходить. Но я предупредил их сразу, что женат. И чтобы не огорчать жену, самостоятельное хождение ко мне не обязательно.

Приехала Наташа. Одна из подружек нагадала ей, что у меня есть какая-то баба. Натаха принялась донимать меня своими подозрениями и была такая душная, как никогда. С трудом удалось убедить ее, что это не так. Это стоило мне трех раз за тот вечер. В два часа ночи или что-то около того я услышал вой знакомого клаксона под окнами. Затем звонкий женский смех. Через некоторое время — звонок в дверь.

— Не открывай! — сказал я Натахе.

Та изумленно смотрела на меня и требовала объяснений. Но их не было. Звонки продолжались. И она пошла открывать. Сам факт их прихода уже привел меня к долгим объяснениям и бессонной ночи. Слышу, она открыла дверь и, увидев двух вызывающих выпивших развязных девиц, спросила:

— Что вам нужно?

— А ты кто такая? — спрашивает одна из них. — Где Тося?

— Я его жена, — отвечает Натаха.

— Хм, жена. Я тоже его жена, — говорит другая, пытается зайти.

Тут Натаха возмутилась:

— Что вы хотите?

— Позови Тосю.

Наташа зашла в комнату и стала просить, чтобы я вышел и поговорил с гостями при ней. Ей очень любопытно, что я им буду говорить.

Я попросил, чтобы она отправила их восвояси, а затем — объясню важность этого. Она смотрела на меня и в глубине души все-таки верила, что всему этому может быть объяснение, которое избавит ее от страданий и слез. Последнее время она стала слишком ревниво переносить присутствие возле меня других женщин.

— Тося мой муж. Я не буду звать его для каких-то девиц сомнительной репутации... шляющихся по ночам. Если вы сейчас же не уберетесь, мне придется разбудить соседа из 79-й квартиры. Он или его брат — кто-нибудь из них всегда дома, когда другой на дежурстве.

Натаха закрыла дверь. Через несколько минут «БМВ» завелась и рванула с места. А Наташа, поставив руки на пояс, стояла передо мной.

— Это были проститутки, — говорю ей.

Она села в кресло.

— С одной из них мы подали заявление в загс на регистрацию брака.

Натаха моргала, открыв рот.

— Да я говорил тебе, что самое лучшее объяснение тому, что я нахожусь в этом городе, — это предстоящая свадьба с его жительницей. Вот и договорился с этой

девкой, что за 350 она пойдет со мной в загс. Сейчас хочет получить эти деньги. А что я лох какойто – платить ей 350 за то, что та дала подержать пять минут свой паспорт какому-то клерку. Вот смотри, достал талоны в свадебный магазин.

Их как раз была половина положенных. Талоны действительно я получил при подаче заявки в загс. Только было это с другой девчонкой. И не за деньги, а по-товарищески. А в остальном – все правда.

Хотя само по себе слово «правда» у меня вызывает смех.

Далее Тося рассказал Васе, как он позвонил Лере и сказал, чтобы тот приезжал для серьезного разговора.

– У меня есть именно то, что ты ищешь. Как сможешь приехать в Киев, сообщи. Запиши телефон, по которому я или кто-нибудь из домашних всегда возьмем трубку.

Лера не заставил себя долго ждать. Он позвонил на следующий день и сказал, что выезжает. Приехал с двумя телохранителями. Те, зайдя в квартиру, старались вести себя доверительно, однако ни малейшая деталь обстановки комнаты, где Тося принимал гостей, не была упущена ими из виду. Они внимательно обследовали каждый сантиметр его жилища. Выпив кофе, предложенный внимательной Наташей, трое гостей и Тося с Эдиком отправились в ресторан. Там на втором этаже они пили, ели и говорили о вещах, которые не имели ни малейшего отношения к тому, ради чего приехал Лера.

Выйдя из ресторана, они отправились в казино. Там Леру и его друзей встретил сам хозяин яркого, разноцветно-неонового игровального заведения. Но никто из них разговора о деле не заводил. Большой стол у одной из колонн зала изобиловал выпивкой. Он собрал вокруг себя множество людей. Все они были изрядно выпившие. Это Лера демонстрировал свои деловые связи. Он приглашал за стол все новых и новых людей и каждому из приглашенных давал краткую характеристику с акцентом на сильные личные качества и обязательно занимаемое положение. «Не Лера, а отдел кадров», – думал Тося, пожимая руки толстым дядям.

Поздней ночью, распрощавшись со всеми, все пятеро покинули казино и разместились в Лериной машине.

– Сейчас заедем к Тосе на полчаса и потом – домой, – вполголоса сказал Лера водителю. Тот молча повел машину по ночному Киеву.

Они разбудили уснувшую Натаху и впятером разместились в единственной комнате. Лера еще раз провел взглядом по стенам жилища, которое Тося с Эдиком предусмотрительно закамуфлировали под квартиру, в которой живут веками. Вздохнув, он хлопком оперся о колено и сказал:

– Выйдем на кухню, Тося.

Эдик хотел последовать за ними, но Лера посоветовал всем подождать здесь. Плотнo прикрыв за собой дверь небольшой кухни, Лера встал, широко расставив ноги, и произнес:

– Ты хочешь сказать, что есть люди, готовые выполнить мой заказ.

– Именно так я и собирался сказать.

– Сомневаюсь, что эти люди сделают все так, как я этого хочу. – Лера испытующе смотрел на Тосю.

– Ты не знаешь, о ком я говорю, а уже сомнения. Что же вызвало эти сомнения?

– Сомнения возникли, когда ты уехал из Сум. Тогда я подумал: «Здесь не может быть серьезных людей. Раз близкий друг Алик завязан на наркоте, остальные друзья могут быть такими же». А когда в серьезном деле участвует наркоман, хорошего не жди.

– Лера, не бреди раны. Алик – это наш больной вопрос. Но здесь другое... Двое моих старых друзей сейчас оказались в Киеве. Они знали, что я переехал сюда жить. Но не знали точного адреса. Только позавчера они встретили Ворона, ну, это наш одесский жуккецало. Так вот, только позавчера они узнали, где я живу. Через пару дней пацаны собираются валить из Киева. Не потому, что у них за спиной шухер, а потому, что все они делают по своим умным правилам. А занимаются они как раз тем, что тебе нужно. Плюс к этому они не сидят на игле, вообще не торчат ни под чем и умеют молчать.

Но для Леры этого было недостаточно. Он очень хотел убрать своего конкурента, который был таким же по значительности, как и он сам. У Леры было много «бойцов», но он хотел, чтобы это сделал кто-нибудь из залетных. Он знал, что после убийства все подозрения падут на него. По этой причине хотел иметь железное алиби для себя и своих людей.

Тося видел, что Лера колеблется. Не зная, как убедить его, Тося сказал:

– Ты скорее всего слышал о многих из тех работ, которые делали эти ребята. Некоторыми ты восторгался, слушая, как дерзко и нестандартно они выполнены. Но ты не знал, что работы эти именно этих парней, так как в подобных делах афиша излишня.

Эти слова убедили Леру, может быть, потому, что он сам хотел этого. И они перешли к обсуждению деталей дела.

В конечном итоге уловились так: Лера встретит ребят. Обеспечит жильем и полной информацией о «мишени». Предоставит оружие, которое после работы может быть уничтожено или оставлено исполнителям, по их усмотрению. Когда те сообщают Лере о времени исполнения заказа, он выплачивает деньги и ребята, сделав работу, тут же уходят.

Лера не хотел, чтобы исполнители знали его в лицо, и, когда Тося заикнулся об Эдике, он сразу же ухватился за это имя. Предложил использовать Эдика в качестве связного. Тося с радостью согласился, понимая, что это значительно упрощает его цель.

Тося внес в договор свой особый пункт. Он сказал:

– Лера, давай договоримся четко. Я точно знаю формулировку ребят, она такова: производим контрольный выстрел в голову. Если он по какой-то случайности остается жив, то работа все равно считается выполненной.

Лера согласился, найдя это логичным и справедливым. Немного подумав, он решил также внести дополнительный пункт.

– Пусть ребята приедут, – сказал Лера. – И я переговорю с одним из них. Если вдруг они меня не устроят по какой-либо причине, я уплачу им тысячу баксов за беспокойство, извинюсь и мы разбежимся.

– Хорошо, – согласился Тося, а про себя подумал: «Хитрая лисица. Оставляет место, где можно включить заднюю».

Они скрепили свой договор крепким рукопожатием весом в пятнадцать тысяч долларов. Лера зашел в комнату забрать бдительных охранников и попрощаться с Эдиком и Натахой.

Когда за гостями закрылись входные двери, Тося повернулся к Эдику:

– Вот мы и подобрались вплотную к Лере. Через пару дней мы прихлопнем его с нашим вам удовольствием. Но это будет через пару дней, а сейчас – за работу.

В ресторане «Русь» терся один грузин, который явно симпатизировал Тосе. При каждой встрече он подходил и радушно его приветствовал. Каждый раз он просил, чтобы Тося нашел ему работу. Причем порусски он говорил очень плохо. Тося бывал у него дома, познакомился с женой, чисто русской молоденькой девчонкой с широко открытыми наивными глазами. Из разговоров он знал, что грузин уехал со своей родины только из-за того, что очень боялся оружия и стрельбы. Тося обрадовался, застав грузина дома.

– Ты просил работу – я нашел ее, – сказал Тося, едва переступив порог. – Надо будет съездить недалеко на пару дней. За это заплачу тебе триста долларов. С тобой будет Эдик. Как говорить и что делать, он научит. В случае прилежного выполнения работы возможна премия, – добавил Тося.

Грузин с радостью согласился и вывил желание ехать сейчас же.

Тося позвонил Лере и сообщил, что ребята выехали поездом. Но Лера не встретил их на вокзале, так как не хотел светиться. Он попросил Тосю, чтобы Эдик позвонил ему по приезде.

Когда Эдик позвонил Лере, тот сказал:

– Зайди ко мне один. Ребят оставь у гастронома, что от меня в трех домах ходьбы.

Эдик оставил грузина, у крайнего подъезда, а сам зашел в средний и поднялся к Лере. Тот вручил ему ключи от квартиры и бумажку с ее адресом.

— Располагайтесь. А утром я заеду. — С этими словами Лера проводил Эдика до двери.

Проходя мимо развалившегося на скамейке грузина, Эдик сказал:

— Подбери ланцы и дуй за мной.

Они прошли пару кварталов между домами и оказались на улице с потоком машин. Остановив такси, они скоро добрались до любезно предоставленной Лерой квартиры — уютной и строгой. В прихожей на вешалке Эдик повесил куртку, которую он извлек из сумки.

— Вроде все, — сказал он, усаживаясь в кресло, — курток три. Сумку спрятал. Звоню Тосе. — И он принялся крутить диск телефона.

Рано утром раздался звонок в дверь. Эдик зевнул, протер глаза и пошел открывать.

Вошел Лера. Поздоровался с Эдиком. Внимательно оглядев коридор, прошел в комнату. Познакомился с грузином, расположившимся в кресле, и поинтересовался, где третий.

— Славик пошел побродить и познакомиться с городом, — сообщил Эдик.

Лера воспринял это как предосторожность. «На вешалке висят три куртки, — думал Лера. — Славик не мог уйти на улицу. Значит, он где-то здесь. Но где? Нигде не видно. Да, это профессионалы своего дела». Лера подошел к грузину и приятельским тоном спросил:

— Как доехали? Откуда родом? Небритый сонный грузин произнес:

— Хараше доехала. Сам с хор я. С хор. Тавай работа скорее, время нету. Надо ехала из Киев. Сиделя долго незя. Незя долго сиделя. Работа деляля — и уехала.

Лера попрощался с грузином. Эдику в коридоре заметил:

— Все необходимое привезу вечером.

Вечером Лера подошел к грузину и резко, неожиданно достал пистолет и протянул. При этом он внимательно смотрел на его реакцию. Грузин взял в руки «магнум» 38-го калибра, небрежно и презрительно глянув на него, а потом на Леру, сказал:

— Эта оружий — эта не оружий. У нас не видяла, какой есть оружий! А эта — игрушка. Игрушка.

С этими словами он взял пистолет в другую руку и несколько раз подкинул на ладони, совершенно не зная, как поступить дальше. Положил на стол и вопросительно глянул на Леру. Тот достал бумагу, на которой были записаны все координаты «мишени», и сказал:

— Сегодня после десяти часов вечера. Но он будет не один. С ним два телохранителя.

В двадцать один час Эдик подъехал домой к Лере. Тот стоял на лестничной площадке и курил. По всему видно было, что нервы его напряжены. Эдик сообщил:

— Ребята сказали, что работа будет сегодня сделана.

Он забрал пятнадцать тысяч долларов, приготовленные Лерой, и ушел. Он прошел два дома и оказался у «БМВ», в котором час назад примчал Тося из Киева. До последнего момента тот сидел на телефоне, чтобы поддерживать связь с Лерой.

Когда Тося, пересекая информацию, полученную от Эдика, и разговоры с Лерой, определил время отправления в дорогу, он дал четкие инструкции Наташе. Она должна была собрать все вещи, просмотреть всю квартиру на предмет всевозможных квитанций с координатами Эдика и Тоси, а также убрать все следы пребывания в ней жильцов.

Сейчас рядом с Тосей в «БМВ» сидел грузин. Эдик сел в машину. Они втроем отправились на железнодорожный вокзал. Тося дал грузину пятьсот долларов. На вокзале он, щедро уплатив таксисту, договорился, что тот довезет грузина в Киев, так как он отстал от поезда.

Было видно, что грузин очень нервничает. Он перебирал в голове все возможные варианты. «Вдруг они убьют человека, а подставят меня?» Тося, убеждая грузина, что все в порядке, затолкнул его в такси.

Когда грузин уехал, они отправились по указанному Лерой адресу «жертвы». Подъехали к дому. Тося вышел из машины и подошел к телефону. Посмотрев в бумажку, он набрал номер, подождал, пока ответят, и сказал:

– Мне необходимо поговорить с вами на интересующую вас тему. От этого разговора зависит вся дальнейшая ваша жизнь.

На другом конце провода некоторое время молчали. Затем голос произнес:

– Хорошо.

Тося продолжал:

– Я нахожусь возле вашего дома. Пусть вниз спустятся двое ваших горилл и проведут меня к вам.

Последние обыскали Тосю в подъезде и проводили к боссу на третий этаж.

Когда они остались вдвоем, Тося обратился к хозяину дома:

– Трое ребят получили пятнадцать тысяч долларов, чтобы вас убить. Какие бы вы сейчас ни применили действия по отношению ко мне, это произойдет.

– Какое вы имеете отношение к этим ребятам?

– Я один из них.

– Тогда зачем вы мне об этом говорите? Вы должны сделать работу – вот и все.

– Я здесь потому, что тот, кто нас нанял, мне не симпатичен. А потом, я сам недавно был на вашем месте. И человек, который должен был это сделать, проявил благородство и показал мне, как решаются подобные проблемы. Он помог мне понять, что, если человек умный, с ним всегда лучше поговорить. А если дурак – такого не жалко.

– Я внимательно слушаю. Что вы предлагаете?

– Вы заплатите мне десять тысяч долларов. Во-первых, вы получите гарантию, что с нашей стороны смерть к вам не подойдет. А во-вторых, я дам вам возможность уладить свои отношения с нашим заказчиком.

– Хорошо, – согласился тот. – Но что это за возможность, о которой вы говорите?

– Сначала вам нужно уплатить деньги. Может, я согласился бы и за меньшее. Но там ребята. А их подружому не разубедишь.

Тося получил десять тысяч долларов и продолжил:

– Вы сегодня же переедете в больницу, в реанимационное отделение. Причем в истории болезни должно быть записано, что вы поступили с пулевым ранением в голову. Сколько это будет стоить – это не должно иметь для вас никакого значения. На карте стоит ваша жизнь.

– Зачем мне это нужно? Чтобы меня добились в больнице? – пошутил Тосин собеседник.

– Нет. Не для этого, – серьезно ответил Тося. – Как только вы поступите в больницу, те, кто заказал убийство, будут знать, что оно состоялось. Узнав о ранении в голову, они будут ждать вашего конца и это время будут бездействовать. Тогда вы, если у вас есть голова – а я вижу, что это так, – сможете предпринять кое-какие шаги. Преимущество будет в том, что вы будете первым. В то время, как они будут сидеть сложа руки.

– Логично. Ну что ж. Попробуем, – прощаясь, заметил высокий парень с бледным лицом.

Довольный, Тося сел в машину.

– В Киев, – сказал он Эдику, доставая из кармана пачку хрустящих долларов.

– Все получилось? – радовался Эдик.

– Да. Но мне пришлось познакомить его с моим девизом.

– Каким девизом? Тося, ты мне ничего не говорил.

– «Умный поймет, а дурака не жалко!» – эти слова отточило мое сознание за все то время, что я слоняюсь по свету.

МЕЖДУ СВОБОДОЙ И НЕВОЛЕЙ

— В Киеве мы забрали Натаху, Потапа. Погрузили вещи. Заехали в валютник на Леси Украинки. Набрали там большую сумку жратвы, всевозможной выпивки и отправились в дорогу.

Тося удобно расположился в кресле и продолжил:

— Потап сидел сзади, рядом с Эдиком. И его огромная морда висела в окне, пугая прохожих.

«Магнум» с удлиненными пулями Тося завернул в кусок полотенца и запрятал в багажнике. Там у него имелась нычка, которую, он был уверен, никто найти не сможет.

Погода была слякотная. Моросил дождь. Эдик наполнил водой бачок омывателя лобового стекла. Взглянув на грязные руки, он спросил у Тоси тряпку. Тот поискал возле сиденья, но ее не оказалось.

— Возьми в нычке. Оторви кусок. Но смотри, положи после все как было.

Тося не вышел из машины, так как был уверен, что Эдик, зная о пистолете, сделает все аккуратно.

На одном из крупных постов ГАИ машину остановили. Тося обратил внимание, что, кроме работников ГАИ, подошли один человек в штатском, один — в военной форме и один «комитетчик» — как о нем подумал Прикуп. Тосю попросили открыть багажник. Открыв его, он обомлел. Из угла серого багажника торчал белый букет скомканного полотенца, из центра которого виднелся ствол «магнума».

— Что в сумках? — вывел его из оцепенения человек в штатском.

— Вещи, — с безразличием сказал спокойный Тося. — Открыть?

И, не дожидаясь ответа, он открыл большую сумку. В ней были аккуратно уложены заботливой рукой Наташи вещи в целлофановых пакетах. Проверяющие внимательно рассматривали стильные дорожные вещи, не замечая ствола устремленного на них пистолета.

— Если мы захотим осмотреть салон? Как это сделать?

— Нет ничего проще. Я выведу собаку.

Гаишник отошел от багажника в сторону капота. Как только он поравнялся с Потапом, тот с рычанием и лаем бросился на него. Офицер отскочил в сторону, споткнулся и упал. Потапа от прыжка удержало стекло машины. Проверяющие переглянулись.

— Ну и собака, — сказал, поднимаясь, упавший.

— Закрывать багажник? — спросил Тося.

— Нет, — ответил «комитетчик».

Тося успокаивал Потапа и спокойно отвечал на вопросы. Он контролировал каждый свой жест, взгляд и слово, так как знал, что все они внимательно за ним наблюдают.

— Езжай, — отдавая документы, сказал работник ГАИ. — Счастливой дороги.

Отъехав два километра, он остановил машину и повернулся к Эдику.

— Молодец. Неплохо, — сказал Тося. — Из-за тебя я мог здесь остановиться на пять лет.

Эдик принялся извиняться, говоря, что сам не знает, как это получилось, что он забыл положить ствол на прежнее место.

— Сейчас я все исправлю, — сказал Эдик, открывая дверцу машины.

— Сейчас уже не надо. Сделаю это сам. Ты знаешь, разные люди отреагировали бы на этот твой поступок по-разному, — сказал Тося, пытаясь сдержать гнев. — Я же поступлю так. Получу с тебя иск, равный твоей доле. То есть уплати десятку, чтобы я забыл о тех пяти годах, рядом с которыми ты меня поставил. Тем, что этого не произошло, я обязан Всевышнему и немного Потапу.

Эдик молча опустил голову. Некоторое время сидели молча. Эдик полез в карман и, достав доллары, протянул Тосе. Тот запрятал деньги и завел машину. Проехав двадцать метров, заглушил мотор, достал доллары и, отсчитав две тысячи, отдал Эдику.

– На сей раз твоя глупость стоила тебе восьми тысяч, – констатировал Тося, трогаясь с места.

Тося закончил свой рассказ, откусил яблоко и глянул на задумавшегося Васю.

В это время на улице за окном раздались крики:

– Прикуп! Тося! Вася выглянул в окно и увидел подпрыгивающего из-за забора Дон Кихота. Тося, попрощавшись с Васей и пообещав позвонить, вышел на улицу. Подойдя к машине, увидел Алика, сидящего на переднем сиденье.

– Те триста долларов, что ты передал мне для Алика, он считает подачкой. Очень ругает меня за то, что я взял их, и говорит, что он их не зарабатывал, – прокомментировал Дон Кихот грозный вид Алика.

Тося сел в машину к нахохлившемуся товарищу.

– Давай отъедем куда-нибудь и спокойно переговорим, – предложил Дон Кихот.

– Мы можем поговорить и здесь. Зачем куда-то ехать?

– Давай заедем к бабушке. Она живет в трех кварталах отсюда. Мы там сможем и уколоться, а то уже подхаривает, – заметил Алик.

– Ну что ж, поехали, – согласился Тося.

Как только Тося переступил порог дома, Дон Кихот сзади всей своей тушей навалился на него. Алик, уже успевший зайти в дом, бросился к Тосе и стал шарить у него за спиной. За поясом у Тоси был «магнум». Но он не мог им воспользоваться, так как руки были скованы мощными объятиями Дон Кихота. Алик долго не мог найти оружие. Но вот почувствовал рукоятку пистолета. Он сделал два шага назад и направил ствол на Тосю. Дон Кихот разжал руки.

– Ты меня подставил, – заявил Алик.

– Как же это я тебя мог подставить?

– Эту работу должен был делать я. Я поехал в Одессу за пацанами. И если бы я только сунулся к Лере, мы все бы получили по пуле.

Тося недоумевал:

– Какие пули? Кого подставил? И какую работу ты должен был сделать?

Но Алик настолько верил в то, что придумал, что продолжал:

– Мне звонил Лера и все рассказал. Он скоро будет здесь. Давай деньги. Пятнадцать тысяч долларов.

– В тебе играют зависть и жадность. Ты не можешь пережить того, что я из Киева приехал с деньгами. В то время как ты приехал оттуда в десять раз беднее, чем был, когда уезжал туда.

Алик сильно ударил Тосю рукояткой пистолета. Тот упал. Алик подошел к телефону, набрал номер и сказал:

– Лера, все в порядке. Он у меня. Можете выезжать.

Пистолет Алик все еще держал в руках.

Тося услышал этот разговор, и кровь прилила к его голове. Перед глазами образовался туман. Тося расценивал звонок Алика как предательство. И, как только туман рассеялся, он бросился на Алика с единственной целью – вцепиться зубами в его плотку. Но это ему не удалось. Алик успел выстрелить и прострелил ему ногу. В это же время Дон Кихот ножом ударил его в другую ногу. Вытащив нож, он нанес второй удар в бок.

Тося, окровавленный, сидел на полу. В это время Алик проверял его портмоне. Там оказалось три тысячи долларов.

«Итак, Лера с бойцами выехал, – думал Алик. – Неизвестно, как будут развиваться события дальше. А деньги – то не все». Еще вчера ему не хватало на «дозу», а сейчас держал три тысячи. Он понимал, что можно получить больше.

– Тося, а где остальные деньги? Тося понял мысли Алика и решил использовать его жадность.

– Часть денег у долистов. А пять тысяч у меня дома, – ответил он, пытаясь остановить кровь на ноге, затягивая ее платком.

Алик тут же принялся ему помогать, достал аптечку и бинты.

— Давай съездим к тебе домой, возьмем деньги, а потом решим, как поступить с Лерой. Ведь мы с тобой друзья. Нас связывает много общего. А кто мне Лера? — сразу сменил тон на дружеский Алик, понимая, что деньги по-плохому ему не получить.

Тося с трудом переступил порог своего дома. Сзади в дверях остались двое провожатых. Тосю приветствовал большой пес Потап. Он весело помахивал хвостом и терся о ноги хозяина. Тося взял его за ошейник и повернулся к Дон Кихоту и Алику, сказав:

— Все, ребята. Теперь можете быть свободны. И передай Лере, что я его кинул. Это был обычный кидняк. А ты, Алик.. — И он замолчал. — Я не хочу тебя видеть.

Потап зарычал и потянул ошейник, который Тося крепко держал. Потап начинал нервничать. Алик хотел что-то сказать, но видел, что Тосе тяжело удержать собаку. Тогда он вышел, захлопнул дверь и из-за двери крикнул:

— Тося, тяжело тебе придется! Я единственный, кто мог бы тебя выручить!

Прикуп расположился в кресле и ждал «гостей». На коленях у него лежал обрез 12-го калибра, один ствол которого был заряжен жаканом, а другой — картечью. Потап лежал в ногах. Раздался звонок в дверь. Тося закрыл Потапа в гостиной, а сам, с трудом передвигаясь, пошел открывать. Огромный пес стоял во весь рост, опершись о стекло двери гостиной передними лапами. Когда Тося открыл дверь, он увидел Леру с тремя бойцами, Алика и Дон Кихота. Прикуп направил ствол обреза в лоб Лере, взвел курок и сказал:

— Тебе передал твой выкормыш, что я кинул тебя? Тогда чего ты заявился, Лера? Если кто-нибудь пошевелится или вздумает чихнуть без моей команды, спущу этот курок. И тогда Леру придется хоронить без мозгов. А заодно все мы сможем узнать, были ли они у него. А теперь все медленно спускайтесь по лестнице. Начинайте! — крикнул Тося. Он облокотился на косяк двери. Голова кружилась, раны ныли.

Первыми начали спускаться Лерины сопровождающие. За ними — Дон Кихот и Алик. Когда гости исчезли из виду, Тося опустил обрез.

— Уходи, Лера, и смирись с тем, что произошло.

На прощание Лера заметил:

— Я считаю это невыполненной работой и личным оскорблением. И простить тебе это — никогда не прощу. Наши отношения прекратятся только в результате смерти одного из нас.

ДВОЙНАЯ «КУКЛА»

Он сидел в ресторане с девушкой по имени Марина. Днем, когда он ехал к Сяве, заметил ее, стоящую у обочины, и сразу остановился. С первой же секунды она вдохнула в него чувство любви и огромную страсть, которая увеличивалась по мере знакомства. Уже через пятнадцать минут общения девушка почувствовала это на себе. Она поддалась на его уговоры, и они свернули в небольшой ресторанчик, где в банкетном зале пытались удовлетворить свои чувства.

Теперь она сидела с ним за столом, позабыв на время о муже, норов которого оставлял желать лучшего. К их столу подошел крепкий большой парень по имени Саша Суматоха. С Сашей Тося редко виделся, но был в дружеских отношениях, так как от своих близких друзей слышал о нем только хорошее.

Через некоторое время Саша сообщил Тосе, что двоих из числа знакомых ему людей можно кинуть на три тысячи долларов.

– Не люблю я делать такие работы у себя в городе, – сказал Тося.

– Дело верное. Заявы не будет, – уговаривал Суматоха.

– Я кину вас троих, – подумав, решился Тося. – И тогда все, что будет происходить потом, ты будешь знать и будешь принимать участие. Но если вдруг они заподозрят, что это ты их выставил, и захотят идти в милицию, иди вместе с ними до последнего. Ты готов к этому?

– Да, – ответил Саша.

– Тогда встретимся завтра в двенадцать часов у меня дома, – сказал Тося, давая понять, что разговор окончен.

Этот вечер он провел с Мариной. Эта красивая, с фигурой фотомодели девушка разожгла в нем страсть. Они не знали друг друга и не предпринимали к этому никаких попыток.

– Моя таинственная Марина, – говорил ей Тося. Выйдя из ресторана, они уселись на заднее сиденье такси. Он ясно произнес адрес квартиры, где на следующие несколько часов они останутся вдвоем. Больше водитель не слышал никаких слов, потому что их не было.

Марина целовала Тосин подбородок, шею и, расстегнув рубашку, грудь. Ее пальцы расстегнули ему брюки, и она стащила их на пол. Шофер, слыша выразительные стоны, поглядывал в зеркальце заднего вида. Он видел его лицо. Тогда он не знал, что в этот момент видит лицо блаженства.

Он расстался с ней поздно ночью, не спросив адреса и телефона. В дальнейшем часто об этом жалел.

Суматоха убедил своих знакомых в том, что можно кинуть приезжего лоха Тосю. Для этого они все вместе сделали на имеющиеся три тысячи долларов такую же «куклу».

В назначенное время встретились с осторожным Тосей, который пришел один и денег с собой не взял, так как опасался проводить сделку без предварительного знакомства. Они вчетвером уселись в такси и поехали якобы к Тосе домой, где в подъезде или возле него собирались производить обмен.

Когда они подъезжали к нужному дому, Тося сказал:

– Чуть не забыл! Я ведь хотел посмотреть доллары. Вы уж извините, но сейчас так много ходит поддельных, что вы сами того можете и не знать.

Он взял предложенные три тысячи из рук высокого, крепкого парня и, пересчитав, стал проверять некоторые купюры. Когда машина остановилась, он отдал доллары владельцу и сказал:

– По-моему, все в порядке. Сейчас я схожу за деньгами, и потом мы все внимательно еще раз проверим.

Он вошел в проходной подъезд и, спустившись по лестнице, вышел с другой стороны, сел в машину и поехал к себе домой, где удобно устроился у телевизора и принялся смотреть фильм «Место встречи изменить нельзя».

Аферисты долго ждали Тосю у подъезда. Вдруг высокий быстро полез в карман и извлек оттуда доллары и «куклу». Он просмотрел сначала одну пачку банкнот, потом вторую. Обе были как две капли воды. Он молча смотрел на Сашу широко открытыми глазами, не говоря ни слова.

– Что случилось? – недоумевал Саша.

– Он нас кинул! – заорал длинный, наконец-то придя в себя.

Начались долгие причитания, крепкие слова и угрозы в адрес Суматохи. Двое Сашиних друзей были твердо уверены, что это его рук дело. Тот же им возражал, говоря:

– Я сам попал за двести долларов! Ты же знаешь. И также могу думать, что это вы меня кинули за них.

– Я пойду в милицию и напишу заявление. А ты, – длинный повернулся к Саше, – пойдешь со мной.

– И что же мы будем там писать? – с сарказмом проговорил Саша. – Мы хотели тут одного кинуть, а получилось наоборот?

– Да хотя бы и так, – сказал длинный.

Это были все его сбережения, и на тот момент его сознание было затуманено жадной мести.

— Если ты не идешь с нами, значит, это твоих рук дело, — сказал он.

— Конечно же, я пойду, — согласился Суматоха. — Только я не буду говорить, что принимал участие в этом, а лишь сообщу обо всем, как было, со стороны. Ну, как свидетель.

Они подъехали втроем на машине к зданию горотдела милиции. Саша с длинным пошли ко входу. Третий не решился и остался в машине.

Громко ругаясь между собой, они прошли мимо дежурного. Тот что-то им крикнул через стекло. Затем вышел и увидел, как те, не обращая внимания ни на кого, свернули по коридору.

Саша взялся за ручку двери с надписью «Следователь Петрухин». Но здесь длинный пришел в себя.

— Саша, быстро пойдём отсюда, — сказал он. — Все это может плохо кончиться.

И они покинули здание горотдела.

Суматоха пришел к Тосе поздно ночью.

— Держась за ручку двери Петрухина, — рассказывал Суматоха, — я подумал: «Что я делаю? Сам пришел сдаваться». — И, немного помолчав, добавил: — Если бы не пообещал тебе, Тося, ни за что бы не поперся в мусорню. Твой авторитет настолько велик среди братвы, что я делал все, что ты велел, не обдумывая.

Они разделили деньги.

Тосе позвонил Алик и попросил разрешения прийти. Тося некоторое время колебался, но потом согласился. Алик рассказал, что очень сильно поругался с Лерой в тот его приезд. Лера установил ему жесткие сроки отдачи денег и набил «стрелку» в Киеве. На встрече в Киеве началась стрельба.

— Мы стреляли, чтобы тебя оставили в покое, — заключил Алик. — А теперь ты должен мне выплатить пятнадцать тысяч долларов. Во-первых, за эту перестрелку, а во-вторых, за то, что ты меня подставил.

Тося ничего не понял и, не найдя никакой связи между деньгами и стрельбой, выставил Алика за порог. Напоследок Алик заявил:

— Получение этих денег — для меня святое. И этому я готов посвятить пусть даже всю свою жизнь.

«Судя по всему, они не знают о той десятке, что я получил с мишени. Видимо, у него что-то сорвалось или проболтался врач, — подумал Тося. — Как бы то ни было, что-то не срослось в моем авантюрном плане».

ТРОЙНОЙ УДАР

Как-то, зайдя поздно вечером в бар, Тося познакомился с молоденькой симпатичной девушкой. По обыкновению, сразу же хотел затянуть ее в постель, но у него не вышло. Она отказывалась, объясняя, что в первый день знакомства сделать этого не может. Он решил не настаивать и подождать до завтра. Девушку поехал провожать.

В такси выяснилось, что она живет на Дальних Мельницах. Шофер отказался ехать в глубь густо расположенных домиков, и они вышли. Шли очень долго и наконец остановились у калитки ее дома. Она скромно поцеловала его в щеку и, пообещав завтра быть более стоворчивой, убежала в дом в глубине сада. Тося повернулся, раздумывая, в какой стороне находится шоссе.

Тут его обступили девять дюжих парней. Он подался к забору в надежде оторвать от него штакет. Но забор оказался на редкость качественным. У него это не вышло.

— Мало тебе городских девок, так тебе наших подавай! — крикнул светловолосый парень с железным прутом в руке.

Тося внимательно всматривался в лица. Они были явно обделены интеллектом. «Уцененная публика», — подумал Тося. Здесь он заметил парня с намечающейся мыслью во взгляде. Он сразу понял: «Этот не только машет кулаками».

— Вижу, вы все здесь крепкие ребята подобрались, — начал Тося. — Хочу сразу сказать, что не сомневаюсь и одной секунды в том, что вы вдвоем откупаете меня как отбивную. По полной программе.

— Правильно делаешь, что не сомневаешься. Мало тебе не покажется. — И они двинулись на Тосю.

— Минутку, — остановил он их, вытянув руку вперед и открыв ладонь. — Одну минутку мне дайте, а потом поступайте как хотите. Лишь скажу, что в том, чтобы оторвать одного, ума не надо. Вы говорите, что я кадрю ваших девок. Вижу, вы ребята неглупые. Особенно ты, — и он указал на парня с осмысленным взглядом. — А давайте-ка вашу девушку в буру разыграем. Здесь мы и сможем показать друг другу, кто сколько стоит. В игре это сразу видно. В буру сыграть — это не вдвоем одного колбасить. Здесь мозги нужны. — Говоря это, он взвешивал и оценивал ситуацию. Но она была не в его пользу.

— Вот тебе бура. — Самый маленький цепью ударил Тосю. Но тот увернулся, сделал шаг вперед и схватил цепь у самой кисти маленького. Подставив ногу, толкнул. Тот упал, и цепь осталась в Тосиной руке.

— Давай попробуем сыграть. — Осмысленный Взгляд дружески подошел к Тосе. — Есть карты?

— У вас что, и карт нету? — изумился Тося.

— Да, конечно, есть. Я хочу тебя предупредить. Если ты попытаешься жульничать, я превращу тебя в кусок мяса и брошу собакам.

— О чем ты говоришь? — Тося поднял плечи вверх и развел руки с открытыми ладонями.

Они устроились в какой-то беседке. Принесли карты. Тося с Осмысленным начали игру. После нескольких партий Тося определил уровень подготовки партнера. Он понял, что может запросто выиграть. Сейчас он раздумывал над тем, как поступить. Сможет ли он унести выигрыш?

К утру они расстались друзьями. Тося выиграл несколько тысяч, но потом Осмысленный почти все отыграл. Теперь он выплатил Тосе тысячу и провожал к шоссе. Бредя по лабиринту улиц, Тося увидел новенький «КАМАЗ» без номерных знаков. Он уныло стоял вдоль ветхого забора. Вместо прицепа к «КАМАЗу» был прикреплен рефрижератор «АЛКа».

— Чей это «КАМАЗ»? — спросил Тося Осмысленного.

— Какие-то звери купили. Будут гнать к себе. «КАМАЗ» тормознули здесь, а сами оформляют бумаги.

Тося распрощался с Осмысленным и пообещал заехать как-нибудь.

Утром следующего дня Тося подъехал к «КАМАЗу». С ним был специалист по ремонту тяжелых машин. Он несколько раз обошел «КАМАЗ», что-то подергал, покрутил и сказал:

— «КАМАЗ» новый. Аккумуляторы сняты. А сам он заторможен.

— Что это значит?

— Его не сдвинешь с места, пока не снимешь блокировку тормозов.

— Ты сможешь подготовить машину к переезду? Если да, то сколько потребуется времени?

— Смогу. Как я понял, работать придется ночью. Да еще и бесшумно. Поэтому точное время назвать не могу.

— Хорошо. Скоро скажу тебе, когда приступать, и привезу сюда.

Он ехал в машине, раздумывая над тем, сколько же может стоить «КАМАЗ» с «АЛКой». Проезжая мимо «Русского чая», он заметил Мишу Дворного. Тот о чемто

спорил с аккуратным парнем в строгом костюме. Тося остановил машину и подошел к Дворному. Они обнялись, радуясь встрече.

— Теперь это моя резиденция. Пойдем посидим, выпьем, — говорил Дворный, указывая на «Русский чай». — Здесь ты всегда сможешь меня найти. Мне нужно присматривать за моими детьми. — И он указал в сторону нескольких амбалов. — Видишь, сколько забот-хлопот подвалило? А как ты? Пойдем расскажешь.

Они долго разговаривали. Постоянно кто-то заходил, и Дворный отвлекался, давая советы или распоряжения. Тося вспомнил о «КАМАЗе» и сказал:

— Знаю место, где стоит нулевой «КАМАЗ» с «АЛКой». Можно его угнать и продать. Если желаешь, можешь принять участие.

— Кто в доле? — спросил Дворный.

— Я да ты. Еще немного нужно будет уплатить одному пацану. Он поставит «КАМАЗ» на ход.

— Ты же говоришь, новый?

— Да. Но звери, уезжая, сняли аккумуляторы и так хитро заблокировали тормоза в машине, что ее не сдвинешь с места.

— Давай съездим, глянем. Тогда и поговорим.

После того как они посмотрели огромную машину, Дворный послал одного из своих «мальчиков» разузнать, кто охраняет «КАМАЗ». Выяснилось, что охрана доверена двум алкоголикам.

— Почему ты предлагаешь мне эту работу? — спросил Дворный, недоверчиво глядя на Тосю. — Ты мог бы взять пятерых ребят, и они тебе все бы сделали и не за долю, за какие-нибудь десять — пятнадцать тысяч.

— Здесь деньги не главное, — ответил Тося. — Главное, что мне хочется сделать любую работу вместе с тобой. На данный момент я другой не знаю. И потому предложил эту.

— Хорошо, — сказал Дворный. — Я согласен. Когда начнем?

— Сегодня вечером привезу специалиста. Он будет работать до утра и скажет, когда можно будет забирать «КАМАЗ». Каждый из нас, — продолжил Тося, — может взять в дело столько людей, сколько посчитает нужным. Но оплачивать их работу будет из своей доли.

Мотыль с Сашей Колхозником договорились с малознакомым грузотаксистом оттарабанить «КАМАЗ» с «АЛКой», который «ремонтровался» на Дальних Мельницах. Грузотаксист имел «СуперМАЗ». Когда он услышал, что за то, чтобы отбуксировать «КАМАЗ» с «АЛКой», ему предлагают пять тысяч, не задумываясь, согласился.

В назначенное время все собрались на месте. «СуперМАЗ» задом подъехал к «КАМАЗу», на котором была надета жесткая сцепка. Водитель «СуперМАЗа» спустился из своей высокой кабины и пошел осмотреть то, что ему предстояло везти. В двух метрах от себя, справа, он увидел Глаза, который загонял патрон в патронник обреза. Водитель сделал вид, что не обращает внимания, и продолжил свой путь. Тут он услышал звон разбитого стекла. Это Молдаван разбил ветровичок. Кабина была открыта, и за руль пустили специалиста. Водитель «СуперМАЗа» увидел Дверного и еще нескольких вооруженных людей.

— Мы что, воруем эту машину? — обратился он к стоявшему рядом Колхознику.

Тося отодвинул Колхозника в сторону и подошел к водителю.

— Да, дружок. Мы воруем эту машину. И вот тебе десять тысяч. — Он протянул шоферу пачку денег.

Тот машинально, судорожно схватил деньги.

— И помни, — продолжал Тося. — Это твоя доля. Теперь ты — наш соучастник.

Водителя начало лихорадить. Он не произнес больше ни одного слова.

Было десять часов вечера. Жители близлежащих домов, заметив движение вокруг машины, сразу выключили свет и закрыли ставни. Сквозь щели пытались что-то рассмотреть.

Два огромных черных силуэта на фоне нескольких перепуганных домиков — вот все, что мог увидеть прохожий. Но прохожий там не ходит. Это редкость в этом районе. Особенно в такое время.

«СуперМАЗ» с ревом, медленно потянул прицеп. Три легковые машины принимали участие в похищении. Две из них «вели» украденный «КАМАЗ». В головной находились Тося с Дворным. Третья машина на большой скорости проезжала вперед и возвращалась, внимательно просматривая дорогу. Так они проехали полгорода. Затем снова свернули в лабиринт улиц.

Открылись огромные ворота, и появилось много ребят, которые помогли разместиться «КАМАЗу». Тося с Дворным зашли вдвоем в кабинет директора предприятия. Директором была невысокая женщина с испугом в глазах. Она сидела в кресле за столом, а по бокам стояли двое крепких парней.

— Я смогу заплатить только триста пятьдесят тысяч, — сказала женщина, Кигда Тося и Дворный уселись за стол. — А остальные сто пятьдесят будут не раньше чем через неделю.

— Так не пойдет, — возразил Тося. — Нам нужны все сегодня. А иначе мы оставим какую-то часть пригнанного сооружения, а остальное привезем, когда появятся деньги.

— Миша, — обратилась женщина к Дворному, — у меня правда больше нету ни копейки. Хотите — возьмите товаром.

— Какой товар? — спросил Дворный.

— Видео-, аудиокассеты, — начала перечислять та, — все японского производства, голландские мохеровые шарфы..

— Ладно, ладно, — перебил ее Тося. — По какой цене? — И тут же добавил: — Сговоримся.

— Отличный мы с тобой сделали удар, — сказал Дворный дома у Тоси.

Он помогал разбирать вещи, внесенные в квартиру. Тося сортировал видеокассеты, икру и шарфы.

— Дворный, — сказал Тося, — тебе дорога эта женщина? Та, что только что выплатила нам деньги?

— Да что ты, Тося! Она просто председатель кооператива, и я несколько раз выступал в роли ее «крыши». И не больше.

— Тогда вот что я тебе скажу. Если вдруг решу, что этому «КАМАЗу» не место на ее площадке, и заберу его, тебя это никак волновать не станет?

— Ну конечно, Тося. Делай с ним что захочешь и что сумеешь. Конечно, мне бы хотелось, чтобы делал ты это со мной.

— Да я еще ничего и не собираюсь делать. Что, спросить нельзя?

Вечером Тося лежал на диване, заложив руки за голову. Большой мохнатый пес потягивался на ковре у дивана. Видеомагнитофон был включен. Телевизор показывал изумительный ялтинский пляж, где Тося сидит в шезлонге. К нему прижимается интересная блондинка. Рядом — скрипач в сером костюме виртуозно работает смычком. Седовласый музыкант танцует со своим саксофоном. Играет гитара. На этом оазисе пляжа царит веселье.

Но Тося не видел, что показывает телевизор. У него в голове было другое. Он вспоминал, что к самым воротам «КАМАЗ» подвозили путаньми улочками и из всех, кто принимал участие в этой операции, лишь он и Дворный знают место, где находится «КАМАЗ». «Пока они перевертят, перекрутят, перебьют номера, — рассуждал Тося, — пройдет неделя, другая. И за это время не мешало бы куда-то пристроить этот КАМАЗ».

Через пару дней он поехал к Осмысленному на Дальние Мельницы, не имея конкретного плана в голове. Стучась в железные ворота большого забора, он вспомнил его имя.

— Привет, Саша! — сказал он, когда увидел у открывшейся калитки большого, недовольного Сашу.

— Ловко ты нас тогда провел! — ответил тот, впуская гостя во двор. — До сих пор вспоминаю. Вроде бы и отыгрался я тогда. А на самом-то деле тысяча ушла.

— Да ладно тебе, Саня. Я тоже думал о нашем знакомстве и хочу сказать, что, по-моему, ты неплохой парень. А деньги — это ерунда. Должны же были мы с чего-то начинать нашу дружбу.

Тося достал портмоне и, отсчитав, протянул Саше две тысячи.

– Вот этим подкрепляю каждое свое слово.

Саша взял деньги и невнятно пробормотал слова благодарности, после чего пригласил Тосю в дом.

Там он увидел уже знакомые лица ночных приятелей. Осмысленный указал гостям на дверь, и они с Тосей остались вдвоем. Саша сварил чифир и предложил Тосе. Тот не стал отказываться и не выказал удивления. Он взял в руки горячую железную кружку и, с наслаждением отхлебнув несколько глотков, протянул Саше.

Так они сидели и передавали кружку из рук в руки. Тут Саша недоверчиво посмотрел на Тосю и сказал:

– А ты знаешь, тот «КАМАЗ» угнали.

– Какой «КАМАЗ»? – не понял Тося.

– Да тот, которым ты интересовался.

– Что-то припоминаю. Большой, грязный и старый. Кому он мог быть нужен? – удивился Тося.

Саша изучающе посмотрел на него. Потом сказал:

– Теперь грузины платят сто тысяч тому, кто поможет отыскать их машину.

– Сто тысяч? – продолжал удивляться Тося. – Да за сто тысяч я его под землей найду. А как же с ними можно обговорить условия, чтобы не надурили?

– Я смогу это устроить, – проговорил Саша.

Тося оживился:

– Звери наверняка дали заяву, и поэтому с ними встретиться – это попасть на объектив к мусорам. Поэтому узнай для меня телефон, по которому я смог бы позвонить. И знай, если получится, что я здесь наживу какие-то деньги, о тебе буду помнить в первую очередь.

Осмысленный отдал какие-то распоряжения, крикнув кому-то через забор, и через несколько минут Тося получил нужные телефоны. Оказалось, что грузины абонировали номер в гостинице «Черное море».

Тося оставил Сашу наедине с его мыслями и друзьями.

Проезжая мимо «Русского чая», он заглянул к Дворному. Того не оказалось в резиденции. Вместо него он встретил там Колхозника и Мотыля. Колхозник крутил в руке коробочку апельсинового цвета. Тося обратил на нее внимание.

– Ты знаешь, – обратился Мотыль к Тосе, – в той большой «АЛКе», что мы пригнали, зимой может быть тепло, а летом – холодно? У меня есть паспорт от нее. А у Колхозника – коробочка с какой-то запасной деталью.

Тося взял паспорт и коробочку.

– Пусть побудет у меня, – сказал он. – Паспорт ведь не на русском языке. Попозже разберусь и расскажу вам. Передавайте Дворному привет. А я поеду: нет времени ждать.

Он приехал на железнодорожный вокзал и оттуда позвонил грузинам. Когда ему ответили, он сказал:

– Четыре дня назад у вас пропал «КАМАЗ». Если вы хотите получить его обратно, вам следует выполнить мои условия.

– А как мы узнаем, что это действительно наш «КАМАЗ» и что вы нас не обманываете?

– Брось пудрить мне мозги, умник, – сказал Тося. – Ты думаешь, я не знаю, что на этом телефоне висит «ухо»? Позвоню через полчаса, и ты мне скажешь, по какому телефону мы сможем с тобой поговорить вдвоем. И если ты попытаешься меня обмануть, наша связь сразу прекратится. И ты снова сутками будешь сидеть на телефоне рядом с двумя мусорами и кучей аппаратуры. А сейчас спустись на первый этаж. Там, возле одного из кресел, стоит большое дерево. Фигус называется. Сядь в кресло и засунь под фикус руку. Там ты найдешь то, что подтвердит мое отношение к твоему «КАМАЗу». – И Тося положил трубку.

Через полчаса, когда он с автовокзала набрал этот же телефон, уже знакомый ему голос с сильным акцентом назвал новые цифры телефона и добавил:

– Через пятнадцать минут.

Тося подъехал к ЦУМу и там набрал новые цифры. Когда ответил все тот же голос, он сказал:

– За «КАМАЗ» и «АЛКУ» хочу сто пятьдесят тысяч.

Грузин стал просить отдать «КАМАЗ» за сто. В результате сторговались за сто тридцать.

– А теперь самое главное, – сказал Тося. – Это вопрос обмена. Вы уплатите сто тысяч, и я выгоняю «КАМАЗ» на какой-нибудь пустырь. Затем звоню и говорю, откуда его забрать. Тогда вы доплачиваете еще тридцать.

– Нет, – сказал грузин, – деньги против «КАМАЗа».

– На вашем месте я бы поостерегся подобной категоричности, – заявил Тося. – Если мы прервем наши отношения, я тут же отыщу покупателя за четыреста тысяч. И давно бы сделал это. Но тогда потеряется смысл, ради чего его похищал. И все это превратится в элементарное воровство. А я очень этого не хочу, так как Коран не позволяет. Но, клянусь Аллахом, сделаю это, если ты будешь продолжать свое упрямство.

– Слушай, ара; не надо нервничать, – сказал грузин. – Я вижу, ты серьезный человек. Я понимаю твои опасения. Но и ты меня должен понять.

– Или так, или вообще никак, – сказал Тося. – «КАМАЗ» против денег ставить не буду. Когда ты увидишь «КАМАЗ», зачем тебе платить? Он и так твой. И вместо денег увижу мусорские стволы автоматов.

– Хараше, – сказал грузин. – Половина сейчас, половина – потом.

– Нет, – отрезал Тося. – Только так, как я сказал. И учти: если что-нибудь случится с моим человеком, который будет нести деньги, тут же оболую твою машину бензином и подпалю.

Тося, хотя и был уверен, что грузины принесут деньги без милиции, решил все же не рисковать. На улице Братьев Ачкановых он подобрал молоденькую проститутку, стоящую у обочины дороги. Они вместе вышли из машины, которую он загнал во двор дома у парка Горького, и не спеша направились к указанному месту.

По дороге Тося сказал своей спутнице:

– Иди к кинотеатру вот по этой аллейке. В конце развернись и медленно начинай прогуливаться назад. Но далеко не отходи. Как только увидишь грузина с газетным пакетом в руке, пройди мимо него и спроси, не нужна ли ему девочка. Он скажет, что не нужна. Тогда снова иди к кинотеатру. А когда он скроется из виду, возьми в урне между первой и второй скамеечкой тот газетный пакет, который он оставит там. Принеси мне. Я за это заплачу тебе за четыре дня твоей работы. Причем в максимальном ритме.

– А если он мне скажет, что ему нужна девочка? Что мне, идти с ним?

– Он так не скажет. Ну а если скажет, договорись с ним через час, объяснив тем, что ожидаешь мужа.

Та рассмеялась:

– А что там будет, в том пакете?

– Там будет диссертация, которую мне написали за большие деньги. А сейчас не хочу, чтобы они видели мое лицо, так как опасаясь шантажа.

Девушка смерила Тосю оценивающим взглядом.

– А где ты будешь в это время?

– Буду тебя ждать в машине, там, где мы ее оставили.

Когда девушка ушла, Тося развернулся и пошел к машине. Он перегнал ее на платную стоянку, где удобно расположился, и в подзорную трубу стал наблюдать за происходящим в парке. Он видел, как грузин прогнал девушку, что-то крича и размахивая руками. Затем, озираясь по сторонам, положил газетный сверток в урну, оборвал несколько веток с растущего рядом куста и прикрыл сверху. Постоял некоторое время и пошел, оглядываясь и останавливаясь.

Увидев, что грузин уселся в машину, где его ждали двое, Тося завел мотор. Девушка подошла к урне, извлекла пакет и быстро пошла в сторону нужного двора. Тося включил передачу и поехал.

Когда девушка переходила через дорогу, остановился возле нее и открыл дверь:

– Быстро в машину! Она уселась, и он рванул с места.

Тося отвез девушку на прежнее место и щедро ей заплатил.

«И все же, что же придумать с „КАМАЗОМ“? — думал он. — Он по-прежнему стоит у этой бабы».

Пересчитывая деньги, отметил: «Не дешево ли я продал коробочку с деталью и паспорт?»

Однажды в разговоре с Геней Узбеком Тося узнал, что тот занялся грузоперевозками. Для этого он приобретает свой автомобильный парк и нуждается в тяжелых машинах.

— Гена, — обратился Тося к Узбеку, — хочешь купить в свой парк новый «КАМАЗ» с «АЛКой»? Правда, он в розыске. Но думаю, тебя это не испугает.

— И за сколько? — поинтересовался Гена.

— Дешевле взгляда продавщицы, — улыбнулся Тося. — За сто тысяч, если для тебя.

— За сто тысяч я забираю его в эту же секунду.

— Только у меня Дворный в доле. Ему нужно сообщить, — добавил Тося.

Они вместе с Узбеком отправились к Дворному, который очень обрадовался, что Тося вспомнил о нем.

— А как же мы его заберем? — спросил Дворный.

— Нужно связаться с Ректором и заказать у него необходимые документы, — сказал Тося.

— Точно.

Дворный набрал телефон Ректора.

Один день потребовалось тому, чтобы подготовить нужные бумаги. Затем выбрали четверых представительных парней, провели их через парикмахерскую и запустили в гости к директорше кооператива.

— Будьте добры, документы вот на эту машину, — сказал Мотыль перепуганной директорше. — Стало быть, нет документов? — продолжал он. — А вообще каким образом на территорию вашего предприятия попала краденая машина? Вася, созывай понятых, — обратился он к одному из сопровождающих.

К нему подошел секретарь бледной директорши.

— Не нужно поднимать шум, — сказал он. — Все вопросы можно решить за столом.

Они уселись за стол, и Мотыль положил на него свежеизготовленные документы..

В конце концов Узбек уселся за руль «КАМАЗа». Мотыль умудрился у директорши получить еще сорок тысяч, и они уехали.

По дороге Тося сказал Дворному:

— А ведь так можно запросто кидать этих кооператоров. Берем у Узбека «КАМАЗ» или «МАЗ» и продаем по полцены как ворованный. А затем приезжает Узбек и забирает свою машину. А кто виноват? Только тот, кто купил. Это он не смог, не успел перебить номера и сохранить в тайне.

— Да, — согласился Дворный.

Но никто из них никогда подобной работой больше не занимался.

ИГРУН

Прикуп уже собрался повернуть во двор, когда увидел Сяву, который закрывал машину.

— Что же занесло тебя в наши края? — подойдя к другу, спросил Тося.

— Хочу зайти к Игруну. Посмотреть, что он прикупил. Будет твоим соседом, Тося, слышал?

– Только что впервые услышал. Что ж, зайдём к Витьку. Глянем, как он разместился.

Друзья направились к подъезду, у которого грузчики стаскивали с машины здоровенный шкаф. Они прошли мимо усердно старающихся рабочих и поднялись на четвёртый этаж. Вошли в приоткрытую дверь и очутились в большой пустой комнате. У стены стоял стол, уставленный шампанским, между которым рассыпались баночки с красной икрой. Из-за закрытой двери неслась музыка и раздавался приглушённый стон.

– Похоже, мы попали по нужному адресу, – сказал Сява, подходя к столу.

Друзья уселись и принялись откупоривать шампанское, когда дверь в спальню отворилась и вышел невысокого роста, крепкий лысоватый парень в одних плавках. Подошел к столу. Взял бутылку с шампанским и баночку с крабами. В этот момент в дверях появились шестеро грузчиков с ляжками через плечо и громадным шкафом. Взмыленный грузчик спросил парня в плавках. Твердо стоя посреди комнаты, тот смотрел на них сверху вниз, держа шампанское и крабы с уверенностью лорда в смокинге.

– Хозяин, куда ставить?

– Ребята, ставьте по периметру, – ответил тот вполголоса, без интонации, что вызвало ещё больший шок у рабочих.

Они продолжали держать шкаф, пытаясь понять, какое место в этой большой комнате называется таким знакомым словом. И только громкий смех Тоси заставил улыбнуться непроницаемого Игруна. Рабочие поставили шкаф и облегченно вздохнули, поняв шутку.

Тося был давно знаком с Игруном. Их связывала одна совместная работа, где Витя проявил себя верным другом: он бросился на нож, закрывая Тосю. В конце концов нападавшего потерпевшего угомонили, но Витя при этом получил тяжелое ранение.

Когда у Тоси спрашивали, чем занимается Витя, он отвечал: «Добрый вэчир ваший хати!» – подразумевая квартирные кражи.

В этот вечер друзья долго обменивались новостями. Уже давно ушел Сява, когда было решено отправиться «на гастроли».

Тося позвонил Виоле, и она присоединилась к ним. Две недели они разъезжали, меняя город за городом. В каждом успешно потрошили кошельки спекулянтов, а иногда и случайных людей, увлекшихся легкой наживой.

Поздно вечером они въехали в город. В поисках «Интуриста» подъехали к гостинице «Кировоград», которая в эквиваленте к звездочным отелям с трудом могла дотянуть до трех звездочек. Незадолго до того, как отель появился в поле их видимости, Витя начал жаловаться на боль в горле, которая усиливалась с каждой минутой. Тося успокаивал товарища, сказав, что в отеле должен быть врач, несмотря на позднее время.

Тося с Виолой взяли двухместный люкс, а Витя разместился в одноместном номере на этом же этаже. После того как Тося поставил машину на стоянку и друзья устроились в номерах, Витя сказал, что чувствует себя все хуже и хуже и с трудом может дышать и говорить. Но Тося считал, что Витя преувеличивает ситуацию.

– Знаешь, дружок, мне кажется, что тебя просто продуло в машине и ты схватил ангину.

Но Витя лег в кресло и приготовился умирать.

– Виола, попытайся найти врача. А если нет, попроси портье вызвать «скорую».

Виола нехотя пошла к лифту. Не прошло и пяти минут, как в номер следом за Виолой влетели двое в белых халатах.

– Кто больной? – спросил врач и, не дождавшись ответа, ринулся к лежащему в кресле Вите. – Та-ак, что там у вас? Откройте рот.

Он взял больного за шею двумя руками и повернул голову к свету. Витя немного приоткрыл рот, так, что интересующийся не смог рассмотреть даже третьей части его языка.

– Откройте рот шире!

Но на Витином лице не дрогнул ни один мускул.

– Что вы, молодой человек, как бабушка, не получившая субсидий? Я понимаю, что больно, и прошу вас не кричать глашатаем. Я только прошу превозмочь боль на время и открыть рот так широко...

– Как это делает потерпевший, – добавил Тося.

Внимательно осмотрев Витю, врач установил, что это ангина. Посоветовал теплое питье и держать в тепле ноги. После чего удалился.

– Как тебе удалось так быстро вызвать «скорую»? – спросил Тося, когда за медиками закрылась дверь.

– Портье мне объяснил, что в гостинице врача в это время не бывает. Тогда я попросила его вызвать неотложку. Он набрал номер и протянул мне трубку. В ней звучал безразличный, сонный голос диспетчера, который стал задавать мне какие-то нелепые вопросы о температуре, возрасте и так далее. Тогда я сказала, что как врач считаю, что у больного подозрение на дифтерию. После этого сообщения в трубке бодро произнесли: «Ждите», и связь прервалась.

– Ты сообразительная девочка. Сознайся, ты ведь с самого начала знала, что у него ангина.

– Ну, конечно, знала. Витя, я попросила дежурную принести тебе чай, по возможности с малиной. Но подаст это она в твой номер.

Тося не в первый раз задумывался над разногранностью характера Игруна, который в экстремальных ситуациях мог проявлять себя смелым, решительным, готовым совершить поступок ценою в жизнь. Сейчас он выглядел ребенком, нуждающимся в заботе и опеке.

Пару дней лил дождь, и друзья проводили время в отеле. Там они познакомились с завсегдатаями. Ими оказались армяне, проживающие в городе, а также два армянина из Риги. Между армянами постоянно возникали какие-то конфликты, которые разрешались путем криков и отчаянной жестикуляции.

Рижские армяне в разговоре с Тосей кляли свою нацию.

– Мне стыдно сознаваться, что я армянин, – говорил один из них. – И это из-за таких уродов, ты же видел.

На третий день Тося с Виолой решили совершить прогулку по городу. Витю оставили в номере, так как он был еще не совсем здоров. Беря во внимание его паникерский характер, решили дать ему вылежаться в постели по полной программе врача.

Целый день влюбленные ходили по ресторанам и барам, посетили сауну. В отель возвратились поздно вечером. В холле их окликнул портье. От него Тося узнал, что у Вити была «скорая». Они хотели увезти его в больницу, но Игрун наотрез отказался, при давлении девянсто на шестьдесят.

– И вообще они считают, что у него желудочное кровотечение. Но я вам скажу, между нами, его отравили армяне. – На этом портье закончил знакомить Тосю с событиями, происшедшими в его отсутствие.

Зайдя к Вите, Тося нашел своего товарища бледным и осунувшимся. Когда тот начал говорить, от него повеяло смертью. Прикуп задавал вопросы, в результате которых выяснилось, что после обеда зашел рижанин и предложил выпить чаю. Когда в номере не нашлось второго стакана, пошел за своим.

Все деньги и ценные вещи находились у Тоси. Так как Игрун болел и никуда не выходил, он сам попросил друга забрать его деньги. Они могли пригодиться для дела. В номере у Вити было лишь несколько рубашек, нижнее белье, брюки и плитка шоколада, ее он купил в подарок девушке, с которой уже успел познакомиться. В карманчике сумки также лежало пять долларов. Тося заглянул в шкаф. Сумки в нем не оказалось.

На следующий день Прикуп, вспомнив сцену в кабаке, отправился к армянину, который конфликтовал в тот вечер с рижанами. Его несложно было найти, так как компания собиралась все в том же месте.

Прикуп рассказал армянину, что из всех, с кем довелось встретиться за последний месяц, он именно тот, кто нужен. Затем Тося расхвалил его деловые качества, цепкость ума. Наконец объяснил, что располагает грандиозной работой.

Нужны верные, умные люди. Если они поладят, Тося возьмет его на эту работу, которая сулит от четырех до шести тысяч долларов в месяц.

Армянин лез из кожи вон, чтобы понравиться еще больше Тосе. И когда речь зашла о вчерашней попытке отравления Вити, он рассказал, что рижанин подсыпал Вите в чай клофелин. Затем прибежал к нему и переживал, что переборщил и тот может умереть. «Я налил себе немного клафа и выпил. Если тот воткнет, в моей крови тоже обнаружат. Тогда станет ясно, что хотели травануть нас обоих».

Поблагодарив армянина и заверив, что скоро обговорят детали дела, Тося расстался с ним.

Прикуп вспомнил, как в Дагомысе в ресторане «Сатурн» сидел за богатым яствами и выпивкой столом с одной обворожительной красоты блондинкой, которая оказалась итальянкой. Они замечательно провели день. А это был прощальный ужин, так как итальянка была с мужем в этом отеле. Тот проявлял нервозность, и дальнейшие отношения между ними становились невозможными. Тося всегда вспоминал с досадой об этой разлуке...

В тот вечер он много пил. Шампанское так и постреливало на Тосином столе. Говорили мало. Их руки нежно ощупывали друг друга.

Он почти стянул с нее платье, которое кое-как удерживалось, собравшись вокруг талии и на локте левой руки.

Обезумевшие любовники не обращали внимания на собравшихся, которые, сначала украдкой, а затем открыто, наблюдали за ними. Они ласкали и целовали друг друга.

В зале появился муж, который к этому времени успел обойти все возможные места ее пребывания в огромном гостиничном комплексе. Он подошел к столу с грозным видом и, взяв жену за руку чуть выше кисти, поднял с кресла, поправил платье и повел к выходу. Тося последовал за ними.

У дверей лифта и в самом лифте, где они поднимались втроем, Тося пытался убедить взбешенного итальянца, что он очень любит его жену и желает еще некоторое время поговорить с ней на эту тему. Но итальянец так кричал и размахивал руками, что Тося понял: он навсегда потерял ее. Последний раз он взглянул на нее и запомнил стоявшей у зеркала лифта и прижимавшейся к нему боку. При этом глаза ее были опущены в пол. Ее длинные, красивые рыжеватые волосы – единственное веселое место на оставшейся в памяти фотографии.

Тося спустился в ресторан, где еще выпил, и рассчитался с официантом. Затем в памяти остались лишь отдельные фрагменты. Он шел пустым коридором.

Проснулся на кровати у себя в номере. Страшно орал телевизор тяжелым роком. Свет горел всей своей мощностью. Часы показывали четыре. На улице была ночь. Тося встал, но тут же сел на кровать. Его шатало из стороны в сторону, страшно трещала голова. Он в рубашке и брюках, в которых был вечером.

С трудом встал, выключил телевизор и пошел в ванную. Когда вышел в коридор, то увидел, что дверь в номер открыта. Закрыв ее и провернул висевший с внутренней стороны ключ.

Дверцы шкафов были открыты настежь. Он заглянул в шкаф и заметил, что вещей стало значительно меньше. Попытался найти деньги в карманах брюк. Но ни денег, ни документов, а также ключей от машины не оказалось. Сильно болела голова. Он снова забрался в постель.

Его разбудил стук в дверь. Казалось, что это стучат по голове. С трудом открыв дверь, Тося увидел свою итальянку, которая хотела было броситься к нему в объятия. Но обессиленный Прикуп не смог удержаться на ногах и рухнул на ковер коридора.

Когда она помогла встать и добраться до кровати, он объяснил ей, что чем-то отравился в ресторане. Она помогла одеться, умыться и дойти до лифта. Тося не понимал, что с ним происходит, и считал, что это отравление алкоголем.

Хотел спуститься в медпункт в надежде получить таблетку, которая поможет. Когда двери лифта открылись на административном этаже, он оказался лицом к лицу с Лешей. Удивившись такой неожиданной встрече, оба очень обрадовались, и Леша позвал всех в ресторан, чтобы отметить это событие.

С Лешей были двое ребят весьма спортивного типа. За столиком Тося рассказал о случившемся ночью.

— Здесь работают три бригады. Я постараюсь разузнать что-либо. А пока, — Леша достал из кармана деньги, которые выглядели шаром, оттого что были скомканы, разделил деньги, поломав шар на две части. Большую он протянул Тосе.

— Возьми. А это оставляю на расходы. Неудачная была ночь. Это все, что нам удалось выкатать. Но ничего — завтра наверстаем. Пе-ре-стань. Бери. Мы ведь с тобой друзья. А кто выручит, если не друг?

С каждой минутой Тосе становилось все хуже. Попрощавшись с Лешей и его товарищами, он при помощи итальянки поднялся к себе.

За этот день «скорая» дважды была у него. Врач накачивал уколами, но от этого не становилось легче.

На следующий день появился Леша, который рассказал, что это работа не бригадных, а каких-то залетных, которые «работают» на клофелине.

— Это тебя траванули, — заключил он.

— Но ведь я сам наливал в пустой бокал.

— Клаф не имеет ни цвета, ни запаха, ни вкуса. Стоило тебе отлучиться на пять минут от стола, как они могли налить его в твой пустой фужер. Ты возвращался и наливал в него же шампанское.

Три дня пролежал Тося в постели, не радуясь ни погоде, ни итальянке, которая изо всех сил старалась проявлять о нем заботу.

Итак, второй раз в своей жизни он встретился с клофелином. Теперь, правда, отравили не его, а товарища. Но Тося испытывал такое чувство, будто посягали на его жизнь.

ПЯТЬ КАРТ

Он купил в киоске четыре колоды карт и два часа просидел за столом, подтачивая и подклеивая колоды, Затем отправился к рижанину, прихватив с собой Виолу.

Вместе они пили и веселились, играли в дурака. Тося пьянел с каждой минутой. Он вспомнил, какую необычную игру ему показали финны в поезде, в котором они вместе ехали в Питер из Москвы. Он забыл название, но смысл помнил.

И он показал игру, которую придумал как-то вместе с Хубертом. Назвали ее тогда «пять карт».

За основу бралась игра под названием «стос». В некоторых кругах она имеет название «твое — мое» или «бита — есть». В данной игре партнеру предлагается играть не всей колодой, а всего лишь пятью картами. Один ставит, другой мечет. То есть один выбирает из своей колоды любую карту и врезает ее в колоду партнера. Тот, сняв верхнюю часть колоды в месте врезанной карты, кладет ее вниз, переворачивает всю колоду и просматривает по очереди первые пять карт. Если среди них нет такой же карты, как в руках партнера, значит, он выиграл. А если есть — значит, проиграл.

Игра очень проста и заманчива. Фактически нужно найти одну из пяти карт, лежащих по очереди. Ну, а если не получится здесь — не беда, можно взять другую сторону.

В процессе игры рижане знакомились с системой счета. Тося напомнил, что каждая карта имеет четыре масти и счет соответственно увеличивается по мере попадания в нужный цвет и масть.

Но счет еще не закончен. Еще следует помнить о том, какой по счету была угаданная карта.

— Даже если честно играть в «пять карт», я только в счете похороню любого, — говорил Тося Хуберту после очередной ночи игры в гостинице «Россия».

Но в этот раз он не собирался играть честно. У Виолы находились три колоды карт, каждая из которых работала как часы, — нужные карты вытаскивались путем легкого движения двух пальцев по бокам колоды.

Такие карты сделать было просто до гениальности. Он незначительно заузил колоду к одному из ее краев.

В зауженной таким образом колоде получается, что, если повернуть нужную карту полюсами, ее всегда можно найти, а когда в ней отпала нужда, повернуть обратно и «потерять».

Как только колода забивалась и требовалось прилагать сноровку, Виола тут же незаметно передавала Тосе новую. Тот ее умело подменивал.

У рижан закончились все наличные, но они продолжали играть. Тося чувствовал вес их золота, которое перекечевало к нему в карман. Но они упорно требовали продолжения, зная, что вот-вот удача отвернется от ненавистного слащавого счастливчика с кучей денег.

Они давно мошенничали, подменивая поставленную карту, но везло им очень редко. Тося часто открывал карты, где четыре из пяти были одинаковые и всегда не те.

Когда ему подходила очередь ставить, он брал специальную колоду, подготовленную только для этой цели. Карты в ней были сделаны книжкой, и, например, трефовый валет мог превращаться в короля. Для изготовления такой колоды он расслоил, к примеру, такого же короля, взятого из второй колоды. Получилось две части. На одной части — король, а на другой — рубашка. Часть с королем он наклеил на освободившееся место в частично расслоенной карте трефового валета.

Когда он «ставил книжку», то держал ее рубашкой вверх. После того как рижанин перевернул колоду, Тося увидел открывшиеся две карты. Он переворачивал свою карту, при необходимости перекидывая «язычок» в ту или другую сторону.

Прикуп отказывался от игры в долг. Но когда понял, что, кроме машины, у армян ничего не осталось, согласился. Когда в последний раз открыли карты, он объявил:

— Итого с вас, уважаемые, три с половиной тысячи долларов США. Желательно в крупных банкнотах. — Тося спрятал карты в карман пиджака.

Должники пытались что-то объяснить и отсрочить уплату. Но Тося твердо заявил, что деньги намерен получить сегодня же. По его решительному виду и быстрому отрезвлению армяне догадались, за что Прикуп обрушил свой гнев на них.

— Нет денег, говорите. А платить надо. Или я в обществе фуфлометов? — говорил Тося, вплотную приблизившись к седовласому рижанину.

— Слушай, ара, зачем так говоришь?

— Даю вам последний шанс уберечь задницы. За расчет готов взять ту «шестерку», что стоит у входа. Твоя, кажется?

Армяне отдали Прикупу документы на машину. Вместе с ним поставили ее на гостиничной стоянке, ключи остались у Тоси.

Он поднялся в номер, где Виола обрисовывала картину происшедшего Игруну. При виде Прикупа оба бросились с поздравлениями. Но он остановил их, сказав:

— Дело еще не сделано. Сейчас найду бланк нотариальной доверенности, один из тех, что нам сработал днепроровский чистодел. Впишу этого Вама из техпаспорта, и в путь.

— Зачем гнать картину, когда за окном ночь? Можно выехать утром, — сказал Витя, касаясь пальцем золотых предметов, выкладываемых Тосей из карманов на стол.

— На завтра ары подготовят какой-нибудь фортель, чтобы вернуть машину, — ответил Тося и принялся разыскивать нужные бланки в одной из дорожных сумок.

— Тося, — произнесла Виола, устраиваясь на кровати. — А как ты собираешься усидеть за двумя рулями?

Только тогда он вспомнил, что ни Витя, ни Виола не водили машину. Он молча продолжал искать доверенность, но ее нигде не было.

— Ситуация усложняется. — Тося сел в кресло. — Я рассчитывал завтра продать эту шаху. Но нет генеральной доверенности. Нужно время, чтобы достать ее. Выехать сегодня из Кировограда мы не можем в силу обстоятельств, но карты спутать — это мы с дорогой душой.

Под утро Тося забрал выигранную машину со стоянки и перегнал в гараж в частном секторе, где щедро заплатил разбуженному хозяину. Вернувшись в отель, он позвонил в Одессу, и Гриша порекомендовал грамотного чистодела, который находится как раз недалеко, в Кривом Роге. Повесив трубку, Прикуп сообщил друзьям:

— С якоря сниматься, по местам стоять. Курс на Кривой Рог. Через пять минут всем собраться внизу с вещами.

Тося подогнал свою машину ко входу, и они втроем стали укладывать в нее сумки. Как только вещи были уложены и багажник закрыт, друзей обступили пятеро армян, в числе которых были и знакомые рижане.

— Где машина?! — завопил хозяин «шестерки».

— Моя машина. Отчет никому давать не обязан, — спокойным голосом ответил Тося.

— Как докажешь, что она твоя? Ара, у тебя нет таких документов.

— Мне не надо это доказывать. Да и некому. Всем ведь известно, что она — моя.

— А документы?

— Да черт с ними, с документами. Я ее так продал. Несколько продешевил, всего за тысячу двести отдал.

Бывший владелец машины бросился на Тосю и обеими руками ухватил его за куртку. Последовал удар снизу в челюсть. Рижанин рухнул, не произнеся ни слова. Его товарищ попытался достать Тосю справа, но Витя, полностью оправившийся от недуга, уложил его рядом с другом, нанеся серию мощных ударов.

Тося поинтересовался:

— Есть еще желающие? Так как таковых не оказалось, они уселись в машину и направились в Кривой Рог.

Там он получил «генеральную» доверенность и продал «шестерку». Уже вместе с покупателем они вернулись за ней в Кировоград.

НА НИКЕЛЬ

В Кривом Роге Тося познакомился с барыгой, основной работой которого была торговля наркотиками. Также он имел опыт продажи цветных металлов в Прибалтику. Там его коллеги ждали новых поступлений.

Когда Гена — так звали барыгу — поинтересовался, может ли Тося достать никель, тот твердо ответил:

— Да, по цене два доллара за килограмм.

Итак, Прикуп решил попробовать продать десять — двадцать тонн никеля.

В Кривом Роге находится крупный металлургический комбинат полного цикла. Тося понимал, что при выплавке некоторых видов стали должен использоваться никель как лигирующая добавка. Он разыскал такой цех. Познакомился с начальником. От него узнал, что никель находится на складе в плитах по 0,5 мм толщиной, размером 90 на 90 см.

Когда он встретился с покупателями, те потребовали образец для анализа. Тося поменял маленький кусочек никеля, отпиленный от плиты кладовщицей, на коробку конфет. Покупатели, проверив качество, согласились купить все двадцать тонн. Но сделать решили это в два приема, по десять тонн. Тося прозрачно намекнул, что является посредником самого генерального директора завода, который не имеет желания ни с кем разговаривать и доверяет только ему, своему племяннику.

Дальше обговорили детали. Покупатели вывозили никель своим «КАМАЗОМ». Тося, узнав номерные знаки машины, пошел готовить документы в кабинет к «дяде». Прикуп заранее ознакомился с планировкой заводоуправления и знал все переходы и выходы. Таким образом, мог перемещаться не замеченным покупателями.

Через четверть часа он вынес товарно-транспортную накладную и еще целую кипу-бумаг, заполненных им на подоконнике второго этажа у дверей столовой, в которой производился ремонт.

— Это пропуск на склад. Сейчас объясню, где он находится. Накладную отдадите кладовщице. Она подпишет и два экземпляра вернет вам. Из товарно-транспортной ясно, что никель отгружают для запорожского завода. Так что, как только вы его получите и направитесь в сторону Балтики, вам придется ехать под другими документами. А сейчас давайте деньги. Я отнесу их дяде.

— Деньги мы дадим, как только загрузим машину.

— Если вы сейчас не дадите денег, вас даже на территорию склада не пустят, несмотря на имеющиеся у вас документы. Это товар особой категории, и без соответствующего телефонного звонка никто с вами разговаривать не станет. Без денег звонка не будет. Если хотите получить товар — придется доверять.

Тося получил двадцать тысяч долларов и направился к кабинету директора. Через узкий коридор он выскочил во двор, где его ждал Витя в заведенной машине. «БМВ» рванула с места. Тося передал толстую пачку денег Игруну:

— Запрячь подальше.

— Тося, братик, зачем ты повернул сюда? Давай через шестую проходную.

— Не суетись. Запрячь лавэ и пристегни умняк.

Чтобы выехать с территории завода, нужно проехать через одну из проходных, где в это тревожное время бдительно дежурили усиленные наряды. Черная непроницаемая иномарка подъехала к шлагбауму. Мужчина в форменном мундире подошел к водительской дверце машины. Через полуопущенное стекло Тося предложил ему разовый пропуск и назвал фамилию главного, инженера завода. Толстая полосатая труба преграды поднялась, и машина медленно покатила. Они проехали в десяти метрах от ожидающих покупателей, которые безмятежно прогуливались, подставляя лица под нежные теплые лучи весеннего солнца.

— Если бы им все-таки удалось узнать номера твоей «бээмвухи», что бы ты тогда делал? — спросил Игрун, пряча доллары в машине за декоративную решетку динамиков.

— Продал бы по дешевке, — ответил Тося, ведя машину на предельной скорости. — А нет, утопил бы в море. Она себя окупила десять раз, а то и больше. — Он снизил скорость и пустил машину в режим, определяемый дорожными знаками. — Откровенно сказать: «Если бы» — в Одессе не считается... Вот и проехали последний пост, а это значит, прощай, дорогой город, или до скорого. Доставай атлас и смотри, как нам поскорей добраться до дому.

Наконец-то он дома и может вдоволь насладиться общением с детьми. Он гулял с ними два дня и ни в чем им не отказывал. Когда маленький Аркаша изъявил желание поехать с отцом в Николаев, где Тося должен был встретиться с Гвоздем, тот его взял с собой.

Там, среди множества крепких парней, Аркаша сидел в ресторане и с серьезным видом пил сок. Он получал удовольствие оттого, что чувствовал уважительное отношение к себе со стороны солидных дядей.

Вернувшись усталый в Одессу, Тося крепко спал ночью. Настойчивый, требовательный звонок в дверь разбудил его. Это был Артур, который, сбиваясь, рассказал Тосе, что грузины на своей «семерке» здорово ударили его новенький «Москвич-2141». Он купил его неделю назад.

– Тося, я очень тебя прошу, – запинаясь, говорил Артур, – помоги получить с них деньги.

С Артуром Тося познакомился весной прошлого года в Венгрии, где он отдыхал с Аллой. Но иногда выполнял некоторые работы с двумя ребятами. Тогда и познакомился с Артуром в Будапеште на вокзале Келети, где тот «работал на фендикось». Он со своим товарищем Женей продавал большие пузатые обручальные кольца с пробой, которые были изготовлены из рондоля. В тот раз Тося спас Артура от чеченцев. Один из потерпевших Артура оказался членом их бригады. В тот момент, когда чеченцы ввалились в бар получать деньги, Тося находился рядом с Артуром. Он сразу определил главного и прочитал ему несколько строк из воровского устава.

В конце концов остановились на том, что Артур отдаст половину денег, заработанных в тот раз, – «Отдаст возврат в полкуша».

После этого Тося еще несколько раз встречал Артура в Одессе. И вот сейчас он стоял перед ним.

Прикуп спросонья согласился помочь Артуру и велел подъехать к десяти часам утра.

Ровно в десять Артур опять разбудил его. Уже к одиннадцати Тося переступил порог квартиры, где находились пятеро здоровенных грузин. Среди них был один, который знал о Тосе понаслышке и несколько раз видел его в ресторанах и каждый раз в обществе «весомых». Он сразу представил Прикупа своим друзьям, мешая русский с грузинским. Те стали слушать Тосю с уважением и вниманием. В результате недолгой беседы грузины заплатили один миллион карбованцев. Что являлось вполнину больше реальной покупной цены автомобиля данной марки.

Разбитый «Москвич» остался у них.

Артур был счастлив. Он мог приобрести такую же машину за шестьсот пятьдесят тысяч карбованцев.

– И кто теперь скажет, шо я не миллионер? – говорил он, водя огненными глазами по пачкам блеклых банкнот.

Они подъехали к Тосиному дому. Артур долго благодарил его. Деньги лежали у него в сумке. Прощаясь, он достал двадцать тысяч и протянул Тосе.

– Не знаю, Тося, что и делал бы без тебя, – сказал он.

Тося отодвинул деньги и ответил:

– Спасибо, у меня есть.

Артур понял, что Тося намекает на какую-то конкретную сумму, и сказал:

– А сколько же, по-твоему, я тебе должен дать?

– Я думаю, было бы справедливо, если бы я получил половину от трехсот пятидесяти тысяч, – ответил Тося.

– Но мы же не договаривались, что так будем делить деньги! – не унимался Артур.

– Да, ты прав, Артур. Это моя вина. Но раз мы с тобой не договаривались, считай, что сделал тебе это по-товарищески. А стало быть, не нужно мне твоих двадцати тысяч, – проговорил Тося. – Но хочу тебе заметить, что скупой платит дважды.

В то время Тося познакомился с молодьюми, скромного вида ребятами. Они краснели при встречах с девушками. Всего их насчитывалось двадцать шесть

человек. Они тренировались в различных спортивных залах. Работы они выполняли самые дерзкие: похищали людей, пытали, убивали.

Все эти ребята находились под началом уже немолодого человека по имени Сан Саныч. Он по-отечески, широкой рукой давал им деньги, на дни рождения дарил машины, а на праздники менял их на новые модели.

Команда эта имела отработанную систему конспирации. Каждый из двадцати шести парней, в случае если бы захотел, не смог бы сдать более трех своих товарищей.

Тося сдружился с некоторыми ребятами этой команды, пару раз брал их на работу. Вот и сейчас подумал о них.

Он нашел Близнецов, как обычно, в спортивном зале, во дворе кафе «Снежинка». Прикуп дал задание Славе узнать в ближайшее время, чем занимается Артур. Прощаясь, он предупредил остальных:

– Не пропадите. Будьте на связи.

«На ловца и зверь бежит», – подумал Тося, когда Артур появился как-то утром у него дома.

Артур рассказал:

– Братан, произошла нескладуха там, где я собирался покупать тачку. Придется ждать некоторое время. Но я боюсь, что цены начнут расти. Не знаю, как и быть.

Артур знал, что «братан» когда-то «кидал за машины». И сейчас решил просить его:

– Дружбан, если ты мне кинешь машину, теперь мы с тобой конкретно обговорим, сколько ты будешь на этом иметь. И в этот раз у нас не будет никаких кривотолков.

– Вот это другое дело, – ответил Тося. – Но не знаю, смогу ли я.

Вечером того же дня Слава-Близнец сообщил Тосе, что Артур занимается обменом валюты и стоит с менялами у Привоза.

– Я думаю, завтра мы сделаем эту работу, – сказал Тося. – Готовь троих ребят.

Встретившись с Артуром, он рассказал, что сегодня на заправке познакомился с подходящим продавцом. Но машина не «Москвич», а новая «девятка».

– Но чтобы кинуть эту машину, – сказал Тося, – нужно иметь полторы ее стоимости. Сначала мы ему дадим посчитать деньги. Потом заменим «куклой», в которой должно что-то быть. Если в «кукле» будет меньше половины стоимости машины, он обязательно даст заяву.

Оказалось, что у Артура не хватает двухсот тысяч. Тогда Тося их занял у знакомого ростовщика.

Они сидели у Артура дома и ожидали, когда наступит время идти на встречу с продавцом машины. Возле ворот двора Артур оставил «Таврию», взятую у сестры. Деньги были пересчитаны и находились в Тосиной барсетке, которая стояла посреди стола.

– Когда мы кинем эту «девятку», – говорил Артур, – мы разделим с тобой половину, братан, тех денег, за которые она мне обойдется.

Тося не успел ответить, так как раздался звонок в дверь, и Артур пошел открывать. Послышался шорох в прихожей. Затем появился Артур, который, получив в прихожей удар между лопаток, упал на пороге комнаты.

В комнату вошли Близнецы и еще двое крепких ребят. В руках Слава держал «беретту».

– Всем на пол! Лицом вниз! –скомандовал Близнец.

– В чем дело? – слабо пробормотал Тося.

– На пол! – истерически заорал Слава.

Артур попытался подняться, но тут же получил два сильных удара. Тося послушно лег на ковер.

– Давайте посмотрим, чем вы тут занимаетесь, – сказал Вова-Близнец, защелкивая наручники на руках Артура.

Он подошел к столу и заглянул в барсетку.

– Ах, вот оно что! – сказал он и сильно ударил Артура ногой по ребрам. Тот вскрикнул.

Тося попытался что-то сказать, но также получил удар в живот, отчего громко застонал.

— Вы что, голубые, ребята? — спросил один из друзей Близнецов. — Чего это у тебя брюки расстегнутые? — Он смотрел на Артура.

И вдруг все они куда-то исчезли.

Тося «пришел в себя».

— Где они? — спросил Артура.

Тот ответил, что не знает.

— И вообще что это было? — поднимаясь, спросил Прикуп.

Артур тоже попытался встать, но у него это не получалось, так как руки за спиной оставались в наручниках. Тося подошел к нему и помог подняться. Причем делал это, крихтя от боли. С губы Артура сочилась кровь. Тося перевел взгляд на стол. Барсетки не было.

— Они забрали наши деньги, — сказал он. А потом добавил: — Может, и твою машину прихватили? Где ключи?

— Должны быть в кармане, — отозвался Артур, еще не совсем понимая, что произошло. — Тося, расстегни наручники. Они мне очень давят.

— Как же я их расстегну, если у меня нет ключа? — Тося полез в карман Артуровых брюк за ключом от машины. — А и правда, чего у тебя расстегнуты брюки? — поинтересовался он. В это время нащупал ключ и вытащил его. На колечке висел маленький ключ от наручников. — Как это все понимать? — спросил Тося, недоуменно глядя на Артура.

Артур, ничего не понимая, перевел взгляд с Тоси на ключик.

— Я не знаю. Это не мой ключик... Не знаю, как он там, братан, оказался, — говорил искренне удивленный Артур.

Тося примерил ключ. Он подошел. Артур освободился от наручников.

— Это ты устроил такой спектакль? — сказал Прикуп, взяв телефонную трубку. — Чтобы выбить меня за двести тысяч? Не так ли, Артур?

— Да что ты, Тося! Я сам не пойму, что произошло, — извинялся Артур.

Тося позвонил Вите Игруну, и тот с Родей через десять минут были у Артура дома.

Внимательно выслушав рассказ об ограблении, Игрун сказал:

— Сейчас поедem и перевернем весь город с ног на голову и найдем тех, кто это сделал! Но смотри, Артур, если это окажется твоих рук дело, то мало тебе не покажется.

Тут Артур заявил:

— Я буду звонить в милицию.

— Ах в милицию? — сказал Игрун. — Зачем тогда нужно было звать нас? Решай с ними свои проблемы. А мы в это время будем решать свои.

— Жалко, что они у нас не общие, — добавил Тося.

Он подошел вплотную к Артуру и сказал:

— Дай Бог, чтобы это было не так! Но, даю тебе слово, что обязательно найду этих ребят. И тогда решу, как с тобой говорить дальше.

Они втроем покинули Артура.

— Неужели он даст заявку? — спросил Тося у Вити за обедом.

— Не думаю, — отвечал тот. — Что он там напишет? Что хотел кинуть за машину, а пришли, поставили под пистолеты и забрали наличку и «куклу»? Или он идиот.

Но Артур все-таки написал заявление. Дело было поручено знакомому ему следователю. Тосю вызвали в райотдел, где он «откровенно» рассказал все как было.

— Вы знаете, — напоследок сказал ему следователь, — Артур считает, что это нападение могли организовать вы.

— Почему это он так считает? — удивился Прикуп.

— А потому, что вы ему сказали, что скупой платит дважды. А он потерял именно такую сумму.

— Да это не я сказал. Это кто-то из веляжких, — ответил Тося, искренне улыбаясь.

НЕПРИЯТНОСТИ ПЛЮС ПОКУШЕНИЕ

Через пару дней он с Близнецами на своей машине заехал во двор, где к ним должен был спуститься Гриша Рябой.

— Есть лишь единственный случай, при котором вас могут найти и опознать, — говорил Тося. — Это возможно, лишь если вас примут вместе со мной.

Прикуп остановил машину и хотел посигналить, но Слава его остановил.

— Видишь, тонированная «девятка»? — сказал он. — Это мусора. Кого-то они здесь пасут.

— Уж не Гришу ли? — проговорил Тося. — Нужно предупредить.

Он посигналил и, когда Гриша появился в окне, знаками указал ему на присутствие милиции.

Они выехали со двора и проехали вдоль улицы. Уже поворачивая, Тося заметил, что «девятка» последовала за ними. Он нажал на газ.

Каким-то странным чутьем водитель «девятки» предугадывал движения Тосиной машины. Тосе удалось значительно оторваться и пуститься в лабиринт маленьких улочек. И когда он уже подумал, что они ушли, «девятка» появилась совсем рядом. Началось все сначала. Он опять выскочил на центральные магистрали города и сказал Близнецам:

— У них в машине рация. Скоро за нами последуют еще машины. Приготовьтесь. Как только немного оторвусь, сразу за поворотом будете выпрыгивать.

Он вдавил педаль акселератора и сильно оторвался от идущей по пятам машины. Как только остановился за поворотом, Близнецы выскочили. Он слился с потоком машин и остановился на светофоре. И, как выяснилось, вовремя.

В погоне участвовали три машины, которые остановились, блокировав движение. Его вытащили из-за руля, сильно нагнули головой вниз и завели руки за спину. Придерживая за волосы, его положили на заднее сиденье подъехавшей «девятки» и доставили в райотдел в наручниках.

Там оперативники выместили все зло на Тосе. Они втолкнули его в пустую комнату и долго сильно били. Ему достались многочисленные удары рукояткой «макара» по голове, ногами в грудь, в живот.

— Из-за тебя машину ударили на подъеме. Сто сорок шел. Если бы ты подпустил меня на расстояние выстрела, я бы стрелял, — говорил маленький, крепкий в кожаной куртке, усердно молотя Тосю ногами.

Когда им надоело его бить, один из них достал из кармана отобранный у кого-то баллончик и с наслаждением начал поливать из него Тосю. У того сначала было удушье и слезы. Но вскоре он перестал ощущать действие газа.

Оперативники пытались узнать, что за люди были вместе с ним в машине и куда они делись. Но Тося не отвечал. Они оставили его, пообещав вернуться.

Его отвели в кабинет, где за столом сидели два следователя. Когда он вошел и уселся напротив одного из них, следователи дружно достали платки и принялись утирать слезы.

— Что это за резкий запах? — удивлялись они.

У Тоси болела и кружилась голова. Были сломаны два ребра. Левое ухо посинело и распухло.

— Кто был у тебя в машине и почему ты убегал? — обратился к нему следователь. — Наши ребята злы на тебя еще и за то, что в погоне они зацепили крыло своей машины.

— У меня семья, дети, — начал Тося. — Я хотел немного заработать и взялся подвезти этих двоих. Тем более что они щедро обещали заплатить. Они мне сказали: «Жми» — я и ехал. А вообще я и не подозревал, что за мной кто-то гонится. Сначала подумал, что за быструю езду остановили.

Затем он все это написал на бумаге.

Его увели в камеру. Вернулись трое из тех, кто принимал участие в его задержании. Они вывели его из камеры и завели в какой-то кабинет, посадили на стул в центре комнаты, руки сковали наручниками за спинкой стула и принялись допрашивать.

— Кто был с тобой в машине? Тосю знобило от полученных ранее ударов.

— Подобрал по дороге двух пассажиров, — ответил он.

Маленький взял двухпудовую гирю, стоящую в углу, и, раскачав ее, ударил в грудь Тосе. Тот покачнулся на стуле и издал глухой стон. Руки были крепко затянуты наручниками и сильно болели.

— Кто был с тобой в машине? — повторил маленький и еще раз ударил его гирей.

Тося перестал отвечать на вопросы. Еще некоторое время они издевались над ним, потом ушли. На прощание один из них сказал:

— Мы вернемся и тогда поедem глянем, как ты умеешь плавать.

Через некоторое время его привели к следователю. Тот вернул ему документы на машину и ключи и сказал:

— В этом доме на восьмом этаже сработала квартирная сигнализация. Приехала оперчасть и задержали двоих. Когда они увидели вас, подумали, что вы тоже можете быть причастны к этому делу, и поэтому организовали погоню. Теперь выяснилось, что к этому ты не имеешь отношения. Но ребята очень злы на тебя. Поэтому, пока они на оперативке у начальника, уезжай поскорее.

Прикуп с трудом добрался до машины и поехал домой.

Целый день звонили Близнецы и, когда узнали, что он наконец дома, хотели приехать, но он сказал, что делать этого не стоит.

Ночь он провел дома. Наутро встал, чувствуя себя как побитая собака. Ухо торчало в сторону. Согнуться было невозможно. Болели ребра и почка. Голова была в ссадинах и кровоподтеках.

Дети собирались в садик. Водитель — молодой парень по имени Сергей — подогнал машину. Тося сказал, что отвезет их сам, и отпустил его домой. Он с трудом спустился по ступенькам и сел за руль. Дети устроились рядом, с сочувствием глядя на отца. Вчера во время обыска из машины исчезли три ножа, зажигалка, очки и симпатичная аптечка.

Подъехали к садику. Дети вышли. Он ждал, пока они добегут до своей группы, стоявшей в тридцати метрах от них.

Открылась дверца с его стороны. Тося поднял голову и увидел крепкого мужчину средних лет.

— Ты Прикуп? — спросил тот.

— Ну, — сказал Тося, пытаясь определить, к какой категории относится этот человек. «Может, он из милиции?» — подумал Тося. Но тут парень сказал:

— Перо под седушкой — это твоя смерть! С этими словами он нагнулся над Тосей и нажал кнопку на пассажирской двери. Прикуп увидел совершенно белого, невысокого парня в спортивном костюме, который открыл дверцу и уже собирался влезть в машину. Тося собрал все силы и, навалившись на одного спиной, согнул ноги к груди и сильно ударил другого. Тот вылетел из машины. Но со спины последовал удар молотком по голове. Тося качнулся, и удар получился скользким. Он пришелся в плечо. Последовал еще удар молотком, который оказался точнее первого. Тося успел развернуться к нападавшему с молотком и сильно ударил его ногой в пах.

Было восемь часов утра. У садика стали собираться люди. Поняв это, двое нападавших побежали к машине, которая ждала их у въезда со двора. Это была белая «шестерка» без номеров, в которой сидел лишь водитель.

Тося завел машину и хотел пуститься в погоню, но кровь из раны на голове заливала глаза. Ему показалось, что, когда белая «шестерка» рванула с места,

вслед за ней тронулась другая машина, за стеклом которой он увидел профиль Алика.

Его обступили дети и воспитатели. Он вышел из машины и попросил полотенце. Одна из воспитательниц, молодая женщина, умела останавливать кровь. Она сделала это с помощью движения над головой руками. Также Тосе сообщили, что у Рыжего сзади изпод пояса торчала рукоятка пистолета.

– Сейчас приедет милиция, – сказала директор садика. – Я позаботилась.

Услышав это, Тося сел в машину и, поблагодарив, уехал. «Что это такое было? – думал он дорогой. – На убийство не похоже: можно было сто раз выстрелить. Они хотели меня куда-то вывезти. Интересно, с какой целью?»

Тося пришел к Дворному, когда тот еще спал. Уселся в кресло и вкратце рассказал сонному Мише, что произошло.

– Не может быть! – сказал тот. – Как? Сейчас, в восемь утра?

Но вид Тоси его очень быстро убедил. Дворный пошел к телефону и стал обзванивать всех подряд. Он просил, чтобы каждый предоставил на осмотр своих белых парней.

Затем они перебрались в кафе-резиденцию. Здесь Тосю уложили на диван, и Дворный сказал:

– Я съезжу и привезу всех белых. И ты сам сможешь определить, кто это был.

Но в этот день нападавшие не были найдены. Еще десять дней Прикуп провалялся у себя дома. Но белого так и не нашли. Дворный показал ему двадцать человек, но никто из них не был похож ни на одного из обидчиков.

Сидя за рулем старенькой «семерки», Алик крутил в руках спичечный коробок и говорил Особому:

– Не вышло вцепить. Ничего, у меня есть новый план. В следующий раз Прикупа разорву.

– Мы уже дважды споткнулись на нем. Мастевой он пацан, что там говорить. – Это произнес Особый с заднего сиденья автомобиля.

– Здесь Блондин лоханулся. – Алик оживился и принялся жестикулировать. От этого спичечный коробок стал мелькать у самого носа Дон Кихота, сидевшего рядом на пассажирском сиденье. – Нужно было без базара накатить молотком в жбан. А уже когда б отъехал, открывать вторую дверцу. И все – сели в тачку и уехали. – А там я с него быстро получу пятнашку. Разорву... Кину на погреб. Поставлю бочку с селедкой. На четвертый день он мне тридцать отдаст.

Тося, лежа на диване, нажимал на большие сочные груши. Смотрел телевизор и набирался мудрости и сил. При этом думал: «Похоже, Алик сошел с ума. Всю жизнь я слышу угрозы, и это стало нормой, поднимающей тонус. Если бы я занимался философией, этот случай мог явиться последней точкой в моей профессорской диссертации на тему: „Угрозы. Способы распознавания степени опасности. И каким из них суждено сбыться...“ Но если бы у бабушки был член – она была б дедушкой. И поэтому надо подумать, как закончить с Аликом. А научным трудам в моей жизни места нет».

Поправившись от нанесенных увечий, Прикуп направился в Киев, взяв с собой Байрама.

ПЛАСТИНЫ ДЛЯ ДАНТИСТОВ

В Киеве они встретились с Яшей Самсоном. Это был известный аферист в возрасте сорока трех лет, полноватый, с видом добряка совершенно бесхитростного.

Самсон предложил работать вместе. Он показал золотые пластины, доставленные из Америки. Пластины эти можно было легко продать дантистам. Тося, подумав и посоветовавшись с Байрамом, сообщил Самсону, что они попробуют поработать на эти пластины. И если работа получится, они будут отдавать ему третью долю.

Тося нашел дантиста. Познакомился с ним и предложил пластины. Тот с радостью согласился, так как цена была очень выгодной. Речь шла о десяти тысячах долларов. Так как дантист считал это суммой приличной, он пытался принять все меры предосторожности.

На встречу он взял с собой одного товарища, сведущего в вопросах золота, с которым собирался проверить качество пластин с помощью всяких реактивов. Также они наняли охрану — двоих крепких молодых ребят.

Друзья в назначенное время приехали к кабинету дантиста. Их уже ждали. В кабинет вошли четвером: Тося с Байрамом и лысый дантист с кучерявым товарищем. Двое телохранителей остались ожидать за дверью.

— Сразу приступим к делу, — сказал Тося.

Байрам достал мешочек, в котором находились пластины, и протянул лысому. Тот извлек содержимое и передал кучерявому для проверки. Мешочек напоминал кисет и был сделан из кожи. Этот мешочек понравился лысому. Он держал его нежно, с любовью. Всякий раз, получая от своего коллеги проверенную пластину, он говорил: «Восторг», — и клал ее в мешочек. Когда проверка была закончена, лысый дантист завязал шнурки кисета узлом. Еще раз сказал: «Восторг», — и протянул кисет Тосе.

— Сейчас предлагаю вам посчитать и проверить наши баксы. — С этими словами он разжал пальцы, и кисет очутился в Тосиной руке.

Он хотел спрятать мешочек с золотом в боковом кармане пиджака, но видимо, ошибся, и золотой кисет упал на пол. Кучерявый тут же бросился поднимать ценность с пола. Подняв, положил на стол.

К моменту завершения пересчета десяти тысяч долларов у сейфа лежал мешочек, только в нем находились медные пластины, ни по форме, ни по весу не похожие на те, которые проверял пять минут назад кучерявый.

Дальше шла обычная процедура. Пластины были положены на дно сейфа, сейф закрыл лысый, ключ взял Тося. При этом он сказал:

— Ключ отдам, когда мы с другом сядем в машину. Мы боимся нападения двоих амбалов, которые стоят за дверью. Учтите, если что-нибудь пойдет не так, я проглочу этот ключ. — И он помахал большим ключом у носа растерянного дантиста.

— Нет, нет, что вы! — говорил тот. — Мы порядочные люди. Но раз вы так хотите, нам нетрудно будет провести вас до машины.

Все четвером под охраной двоих здоровяков направились к машине. Когда Тося залез в такси и отдал ключ, Байрам сказал:

— С вами опасно иметь дело! У вас такие головорезы. Признаться, я все время так боялся, что чуть было не наложил в штаны.

Однажды Байраму срочно понадобилось уехать в Одессу по каким-то семейным делам. Тося попрощался с товарищем, а сам остался в Киеве.

ЖИЗНЬ ВТРОЕМ

Прикуп позвонил в Одессу и уговорил Аллу приехать к нему. Она прилетела самолетом и прихватила с собой подругу по имени Ана. Когда последняязнакомилась с Тосей, она сказала:

— Ана. С одним «н».

Ана была молоденькой, красивой и очень ласковой девушкой. Но ум и практичность ее явно не соответствовали внешности. В душе она была матерая львица. Некогда она была пассией одного крупного одесского дельца, Фимы Шнобеля.

Фима был убит в своем доме собственным шестнадцатилетним сыном. Тот убил отца, якобы защищая от него свою мать. Но самое интересное, что бедная вдова после смерти мужа осталась совершенно без денег. Безутешная женщина требовала у Аны, чтобы та отдала ей деньги мужа. Но Ана говорила, что ни о каких деньгах и слыхом не слыхивала.

И вот это создание, скромного и невинного вида, сошло вместе с Аллой с трапа самолета.

После поцелуя, переполненного любовью и страстью, Алла объяснила Тосе:

– Тося, Сережа стал невозможно ревнивым и подозрительным. Пришлось взять с собой Ану. О том, чтобы я ехала одна, и речи быть не могло.

Ана улыбнулась улыбкой, значение которой было известно только ей самой.

В Тосе клокотала страсть. Он не мог дождаться минуты, когда они с Аллой останутся наедине. Мельком взглянув на Ану и улыбнувшись ей, он не мог не заметить ее обаяния и привлекательности.

Усадив обеих подруг в машину, он помчался домой, нарушая правила и обляпывая прохожих грязной водой из луж.

Наконец он очутился в постели с Аллочкой, по которой соскучился до пульса в висках. Они предавались любви, причем для этого использовались диван, журнальный столик, кресло, ковер на стене и даже подоконник.

Вдоволь насладившись друг другом, они лежали на диване. Тося открыл глаза и увидел, как Ана, прижавшись лицом и всем телом к косяку двери, смотрела на него, слегка прикрыв глаза и приоткрыв рот, откуда едва виднелся кончик языка. В ее дыхании чувствовалась страсть, по силе схожая с мощью Везувия.

Он удивленно взглянул на Ану. Та отвернулась и пошла в глубь коридора. Прикуп обратился к Аллочке, которая прижималась к нему:

– Давай позовем твою подружку, чтоб она не скучала.

Алла приподняла голову и внимательно посмотрела на улыбающегося Тосю. В его глазах она увидела знакомый огонек, говорящий о том, что уже все решено.

– Ты уверен, что этого хочешь?

– Очень этого хочу. Пойди поговори с ней и приходите вместе.

Алла нехотя встала, набросила на себя его рубашку и вышла.

– Только не кидай якорь! – крикнул Тося ей вдогонку.

Он налил в фужер шампанского и выпил почти залпом, Затем закурил и принялся ждать, слегка нервничая. Желание дикого, животного секса овладевало им волнообразно. В дверях появилась Алла и завела в спальню Ану, которая застенчиво опускала голову. Ана была одета в джинсы, которые плотно облегли ее красивые бедра. Тося усадил ее на диван рядом с собой. Провел кончиками пальцев по ее лицу. Затем, не торопясь, начал расстегивать пуговицы на ее белоснежной блузке.

Ана сидела не шевелясь, затаив дыхание и опустив голову. Он попросил Аллу, чтобы та помогла ему.

Когда блузка и лифчик были сняты, он уложил Ану на диван и крепко взял за плечи, медленно опуская ее голову на подушку. Расстегнув джинсы и стянув их до колен, он принялся ласкать ее, поглядывая, как та наслаждается этим. Алла стащила с Аны джинсы и трусики и принялась ласкать ее грудь. Та закрыла глаза и, запрокинув голову, начала слегка стонать. Тело ее пришло в движение. Грудь и губы налились, отчего стали манить его еще сильнее.

Ана изумила и удивила Тосю, довольно искушенного в вопросах секса. Это была очень страстная, ласковая, с большим опытом и, главное, с невероятной интуицией в сексе женщина. Желания в Тосиной голове возникали вместе с их исполнением Аной. Он хотел ее снова и снова. При этом Алла не желала оставаться в стороне. Ей передавалось настроение страсти обоих любовников, она целовала, ласкала все участки их тел.

Они втроем провели два замечательных майских дня в Киеве. После чего отправились в гостиницу «Ялта», где еще десять дней не расставались.

Был дивный день, и они решили прогуляться по набережной. Там не спеша ходили отдыхающие, приподняв носы и понюхивая воздух, свежесть которого их заставила сюда приехать.

Увидев множество картин, развешанных вдоль всего парапета, Ана подошла к одной из них и взяла в руки.

– Руками не трогать! – раздался голос владельца произведения, который стоял поодаль в кругу своих коллег.

В это время подошли Тося с Аллой.

– Вы что-то хотели купить? – не унимался владелец.

– Нет, мы хотели руками потрогать, – сказал серьезно Тося.

Влюбленная тройка весело рассмеялась. Смех был таким искренним и заразительным, что кучка художников также разразилась смехом.

– Как ты думаешь, Тося, кто-нибудь из окружающих нас людей догадывается, что мы живем втроем? – спросила Ана, завязывая узел галстука у него на шее.

– Думаю, что не догадываются.

Вечером они сидели в ресторане. Ана надела платье из перьев какой-то редкой птицы. Фасон платья был также редким и оригинальным: впереди, то, что выше талии, выглядело двумя неширокими полосками, которые должны были закрывать грудь от посторонних взглядов. Во время танцев это не получалось.

Они сидели за столиком и счастливо смотрели друг на друга. Алла была справа от него, Ана – слева. Под столом руки обеих расстегивали ему ширинку.

В это время подошел молодой симпатичный парень.

– Извините, я сижу вон за тем столиком и давно наблюдаю за вами. Позвольте мне от чистого сердца подарить бутылку шампанского и коробку конфет в знак моего восхищения всеми вами.

Сказав это, он поставил на стол шампанское и конфеты и тут же исчез.

– Вот тебе ответ на твой вопрос, Ана, – открывая шампанское и широко улыбаясь, сказал Тося.

Они поехали обедать в «Караголь». Это был ресторан в два этажа, сделанный из сруба.

Официант привел их в один из банкетных залов, где они захотели уединиться. Зал выглядел симпатичным. Здесь были чучела кабана и какой-то птицы, а над камином висела оленья голова с ветвистыми рогами. Два стола были накрыты белой скатертью и сервированы.

...Тося наблюдал за Анной, которая, чувствуя его взгляд, ела маслины. Делала она это так, что им овладело страстное желание обладать ею. Этим он поделился со своими подругами, которые с радостью поддержали его. Они страстно принялись его ласкать. У Тоси кружилась голова и кровь била в виски.

Он легко поднял Анну с колен и, сдвинув сервировку соседнего стола на край, уложил ее...

...Тося уселся на свое место и закурил. Алла и Ана достали пудреницы и стали поправлять прически.

В дверь постучали. Вошел официант.

– Вы не станете возражать против присутствия рядом с вами нескольких девушек?

В зал вошли шесть молодых непривлекательных девушек и уселись за стол, на котором только что происходила сцена дикой любви. Расположившись, девушки начали изучать меню. Они были сконфужены атмосферой секса, которая успела проникнуть в каждый уголок этого небольшого зала. Девушки покраснели еще больше, когда Тосины девчонки принялись смеяться. Поерзав на стульях еще немного, они, смущенные, дружно встали и вышли. Чем дали возможность нашему трио продолжить свои игры.

Отдохнув в Ялте, Тося с обеими подругами приехал в Одессу. Алла сразу отправилась домой к мужу и ребенку. Прощаясь, она внимательно всматривалась в его глаза, словно могла найти в них ответ на волнующий ее вопрос. Но ответа не было. А он молчал. Тогда она сказала:

– Ты разве не хочешь, чтобы все стало на место?

– О чем ты? – притворился Тося.

— Теперь мы так и будем вдвоем? Я больше так не могу. Хватит. Теперь тебе надо выбрать. — И она заплакала.

Тося обнял ее и поцеловал, заверяя, что любит ее.

— А поговорим лучше завтра после того, как отдохнем.

Когда Тося отвез домой Ану, та не сказала ни слова, а только обняла его нежно, поцеловала, прижалась к груди и так стояла, не шевелясь. Он нежно отодвинул ее и, попрощавшись, ушел. Но по дороге домой все думал, как же нежна и желанна эта девчонка. Как она необычна и нетребовательна!

Дома встретили дети и Потап, и он на время забыл об Ане.

Вечером приехал Гриша Рябой. Когда Тося упомянул имя «Ана», тот рассказал о хитрости и коварстве этой женщины.

Когда Гриша приехал на похороны Фимы, он поставил машину на кладбищенской стоянке. По дороге у входа на кладбище он увидел Ану. Поздоровался и хотел пройти мимо, но она повисла у него на руке, объясняя тем, что вот-вот потеряет сознание, как это уже случилось пять минут назад.

Гриша пришел к могиле Фимы с Аной под руку, чем привел в неистовство вдову и в замешательство многих участников церемонии.

Также Гриша поведал Тосе, что Ана держала Фиму в кулаке, шантажируя какими-то его делами. Своим рассказом Гриша положил конец сомнениям друга, и Тося решил выбросить Ану из головы, ведь и Алла просила об этом.

С Аллой они направились в квартиру, которую он снимал только для встреч с ней.

Они слились в единую страсть. Не существовало желаний каждого. Было одно общее желание, которое исполнялось с неистовой силой. Они соскучились, потому что давно не были вдвоем.

Позже лежали на кровати, и она рассказывала, как сильно ревновала Тосю, когда видела, что Ана завлекает его гораздо больше.

А в это время муж Аллы, Сережа, сидел в своей машине, которую поставил у входа в подъезд. В одной из квартир этого дома лежала его жена в постели с Прикупом.

Сегодня утром он получил письмо, в котором довольно подробно описывались отношения между Тосей и Аллой. В письме был точный адрес этой квартиры с описанием планировки комнат и с указанием номера и цвета Тосиной машины, а также места, где он ее паркует. Вместо подписи в письме значилось: «Ваша коллега, которая не может наблюдать, как наставляются рога такому великолепному человеку».

Это письмо Сергей получил на кафедре физкультуры и спорта университета, где он работал.

Итак, вот уже три часа он сидел у входа в подъезд, нервничал, жевал спичку.

Тося посмотрел на часы и подпрыгнул на кровати:

— Я пятнадцать минут назад должен был забрать детей из садика! Так быстро бежит время. Думал, у меня есть еще часок.

Любовники наскоро начали одеваться.

— Накрасишься в машине, — открывая дверь, сказал Тося.

Они через ступеньку побежали к выходу.

Сережа глянул на часы. В этот момент парадная дверь распахнулась, и из нее вышел Тося, держа Аллу за руку. Вместо того, чтобы пройти мимо Сережиной машины, он резко повернул влево и повел свою подругу по узкой тропинке вдоль дома.

Чтобы последовать за ними, Сереже нужно было либо выйти из машины, либо объехать соседний дом. Микроогороды, обтянутые проволокой, не давали возможности проехать машине. Сережа решил объехать соседний дом.

Тося уселся в машину и запрокинул голову на подголовник. Силы на секунду покинули его. Дверь машины оставалась открытой.

— Нельзя так резко переключаться на реальную жизнь, на ее заботы и проблемы, — сказал он, удобно развалившись на сиденье и прикрыв глаза. — Даже шевелиться не хочется.

Алла сидела рядом. Она, достав косметичку, приготовилась накрасить припухшие губы, они выдавали мощь и страсть тех трех часов любви, где им уделялось не последнее место.

Тося открыл глаза и увидел бежевую «шестерку», которая медленно двигалась на них. Он глянул на номер.

— Шестьдесят три десять. Какой номер машины у твоего мужа?

Алла перевела взгляд с зеркальца на движущуюся машину.

— Это он! — Она вся вжалась в сиденье.

Прикуп завел машину. «Шестерка» угрожающе приближалась. Тося выжал сцепление и включил заднюю передачу. В случае тарана он рассчитывал смягчить удар. Но перед самым носом «шестерка» свернула и на малой скорости проехала мимо. Тосина машина была тонирована. Через стекла невозможно было рассмотреть человека. Но дверь продолжала оставаться открытой, и Алла смогла увидеть разъяренный взгляд своего мужа.

Прикуп следил за движением машины в зеркало заднего вида. «Шестерка» пошла на разворот. Она походила на коршуна, делающего круги вокруг жертвы. Он закрыл дверь и рванул с места.

Время было вечернее, и час пик достиг апогея. Тося на большой скорости вошел в ряды машин, на которых служащие возвращались из своих комфортабельных офисов. Он несколько побеспокоил их своими маневрами и скоростным режимом. Так что тем пришлось проявить внимание и реакцию. «Шестерка» отставала, но была в поле видимости. Покинув узкие улочки периферии, Прикуп несся по более значительным улицам, ведущим в центр города. Светофоры горели красным, и приходилось их проскакать. Сережа включил фары и с помощью звукового сигнала пытался растолкать машины. Но это ему удавалось гораздо хуже, чем Тосе. Погоня была стихией последнего. Он изучил ее законы и чудесно ими владел. Определив место, куда необходимо было добраться, он знал, что нельзя ехать каким-либо определенным маршрутом. Если при повороте налево требуется остановка, значит, надо поворачивать вправо. Это был основной закон, которого он всегда придерживался.

— Сейчас оторвусь от него, и ты выйдешь. Подождешь, когда он проедет. Возьмешь такси и приедешь домой. Позвони Лариске, чтобы она подтвердила, что ты была это время у нее. Когда придет Сережа, скажешь, что это была не ты.

— Да он не поверит.

— Но и доказать обратное он не сможет.

— Он меня убьет.

— Пусть попробует! К этому времени, думаю, он несколько остынет. Приготовься, на следующем повороте будешь выходить. Все будет хорошо. Я тебя люблю.

Повернув, Тося остановил машину. Поцеловал Аллочку, попросил позвонить.

Как только Алла вышла, он рванул с места и попал в поток машин. Горел красный светофор. Тося остановил машину в левом ряду. С правой стороны подъехала «шестерка». Из открытого окна вылез по пояс Сережа и постучал в закрытое стекло Тосиной машины. Прикуп опустил стекло. Сережа засунул голову в машину и оглядел салон. На заднем диване малинового велюра уютно лежала кукла Барби, нежно оставленная Ксюшкой покатаваться до вечера.

Сережа изумленно глянул на Тосю:

— Где?... Где Алла?

Тося недоуменно пожал плечами:

— Ты, наверное, ошибся, братишка.

Постояв некоторое время, глядя на ничего не понимающего Сергея, Тося не спеша поехал, так как задние машины подняли негодующий вой.

На следующий день Алла рассказала Тосе о письме, которое получил Сережа.

— Он не бил тебя?

— Нет. Я ему сказала, что он ошибся. Конечно, он не поверил, но принял это, так как посчитал удобным. Вот только целый вечер ходил по комнате и повторял с разными интонациями: «Ты ошибся, братишка... Хм, братишка... С блатными связалась, сука».

– Кто знал об этой квартире? – немного подумав, спросил Тося.

– Ира Колесо. Вот и все, – ответила Алла.

– Нет, не все. Об этой квартире знала Ана. – И он многозначительно посмотрел на изумленную Аллочку.

Ана заканчивала университет. У нее вскоре должна была состояться защита диплома. Алла так разозлилась на нее, что решила во что бы то ни стало не дать этому случиться. Об этом и сообщила Ане при встрече.

– Ты решила подкорректировать мою личную жизнь на свой лад. Но у тебя ничего не вышло. А теперь моя очередь немного подправить твою. И у меня это получится.

Она так увлеклась идеей срыва защиты диплома своей бывшей подруги, что стала просить помощи у своего мужа Сергея.

Защиту диплома по каким-то неизвестным для Тоси причинам перенесли на будущий год.

– Я думала, что ты не захочешь после такого со мной встречаться, – однажды сказала Алла, всматриваясь в Тосины глаза с настороженностью.

Они сидели за столом одного из банкетных залов загородного ресторана «Курень» совершенно голыми.

– А что такого произошло? Или у меня исчез интерес к сексу, буйству с цунами? – заключил он и потянул свою подругу к небольшому диванчику, стоящему у стены.

НА КОСТИ, МОНЕТКУ, ПОРТСИГАР

Прикуп снова приехал в Киев и поселился у себя в квартире. Сейчас рядом с ним был молодой крепкий спортивный парень по имени Боря Полонский. Потап также был рядом.

Тося с Борей сразу принялись за работу. Днем они искали простачков на любого рода валютный обмен. А вечером посещали рестораны и казино, где находили веселых, беззаботных людей с тугими пачками денег. И тогда в ход шли всевозможные уловки. Все зависело от того, какой уровень приятельских отношений удавалось достичь с будущим потерпевшим. Нередко ими оказывались картежники, и не только начинающие.

Боря имел большой стаж в различных картежных играх. Дома он часами стоял у зеркала, передергивая колоду. Так он тренировался мошенничать. При этом наблюдал, чтобы выполняемый трюк не был замечен предполагаемым игроком. Бывало, вечер, начатый в ресторане, к утру приносил гораздо больший доход, чем весь день.

В верхнем карманчике пиджака, называемом «чердачком», Прикуп всегда носил с собой маленькие магнитные кости, которые очень помогали при знакомстве.

Определив человека метким взглядом профессионала и подсев к нему, Прикуп заявил:

– Какие я хорошие и красивые купил сегодня кости у американца! Пятнадцать долларов заплатил, полчаса уговаривал.

Он бросил кости на стол, и собеседник с интересом, взяв одну из них, стал рассматривать ее. Кубики были гораздо меньше тех, которые тот привык видеть. Сделаны были из слоновой кости и всегда заинтересовывали собеседника. Тот несколько раз бросил их на стол. При этом магнит был под столом, в наколеннике у Тоси. Он пододвинул ногу к собеседнику, и тот выбросил «шестерки».

Тося предложил разыграть пачку сигарет или бутылку пива. Он проиграл и купил и то и другое. Затем началась игра, в которой бросали со стакана. Партнер проигрывал. Вдруг вместо азарта в нем начали просыпаться вялость и рассудительность.

Тося «отмаячил», появился пьяный Боря и сказал:

— Мне очень нравятся ваши кости. Хочу их купить. — Приплюывая на пальцы и шатаясь, он достал большую пачку денег и начал отсчитывать. — Сколько хотите за эти два кубика?

Тося сказал, что кости не продаются, и попросил партнера отойти вместе с ним от стола. Когда они подошли к выходу из зала, он обратился к своему спутнику:

— Вот деньги, которые вы проиграли. На мой взгляд, вы — очень симпатичный человек. Вся моя трагедия в том, что деньги у человека, который мне понравился, брать не могу. Так что возьмите и не огорчайте меня.

Тот был безмерно счастлив. Скромно опустив голову, он поблагодарил, взял деньги и предложил выпить. Они вернулись к столу уже лучшими друзьями.

За столом спал Боря с пачкой денег в руке. Друзья молча смотрели на эту картину.

— Не слишком ли много у него денег для пьяного? — спросил Тося.

Здесь Боря проснулся, посмотрел на деньги и вспомнил, как он здесь оказался.

— Здесь были очень симпатичные два кубика. Где они? Я их хочу купить, — сказал Боря. Он достал из кармана портсигар с надписью «Рига», открыл его, взял сигарету и прикурил. При этом все заметили, что в портсигаре, кроме сигарет, лежат двадцать долларов, сложенные вчетверо. Тося сказал:

— Кости не продаются. Но сыграть мы можем.

На что Боря ответил:

— В кости я играть не буду. А вот монетку, — и он полез в карман и извлек оттуда двадцатикопеечную монетку, — монетку я бы побросал. Это честная игра. И мы, кстати, могли бы сыграть на ваши кости.

Тося задумался, вопросительно посмотрел на «товарища» и сказал:

— Напротив костей ставьте двадцать пять долларов. Причем я сам бросать не буду. Если вы сумеете выбросить четыре «орла» из пяти возможных бросков, значит, вы выиграли. А если не сумеете, то я.

Боря сказал, что это грабеж, но все-таки согласился. На втором броске выпала снова «решка». Тося забрал деньги и половину выигрыша отдал «товарищу». Тот немного пожеманился, но деньги взял. У него появился интерес к происходящему. Боря сказал:

— А давай сыграем еще раз.

— Нет, больше не хочу, — ответил Тося.

Боря стал уговаривать, и в конце концов Тося согласился, сказав:

— Ты выбросишь восемь «орлов» из девяти возможных бросков.

— Хорошо, — согласился Боря. — Только тогда удвоим ставки.

Началась игра, и на четвертом броске Боря выбросил вторую «решку». «Друзья» снова разделили выигрыш. Боря развалился в кресле, достал большую пачку денег и стал их перебирать в руках, пересчитывая. Тося заметил:

— Может, хотите разыграть все?

— Хм, все! — ответил Боря. — Да у вас у десятерых столько не наберется!

— Сколько же там денег? — ехидно поинтересовался Тосин напарник.

— Шесть тысяч баксов, — ответил Боря, похлопывая пачкой долларов по руке.

Прикуп сказал:

— Мы подумаем. Если ты сможешь выбросить девять «орлов» из десяти. — И победоносно посмотрел на партнера, который улыбнулся в ответ.

— Я согласен, — пьяным голосом сказал Боря.

— Не понимает, что делает этот пьяный дурачок, — нагнувшись к «товарищу», сказал Тося. — У меня, к сожалению, нет с собой столько денег. Сколько реально мы сможем набрать?

Тот, не задумываясь, ответил:

— Пять тысяч у меня есть.

У Тоси с собой не было тысячи долларов, поэтому он за недостающие двести долларов поставил браслет с руки. Когда ставки были сделаны, Боря покрутил в руках монетку, затем протянул Тосину напарнику и сказал:

— Может быть, ты за меня побросаешь? Тот взял монетку и стал рассматривать, не зная, что ответить. Потом глянул на Тосю и, заметив одобрительный кивок, сказал:

— Конечно, могу.

Но Боря передумал и проговорил:

— Нет, давай я сам. А то еще обманешь... Деньгито на кону твои тоже стоят.

Он взял монетку в руку и тут же заменил ее другой, той, которую два дня назад вместе с Тосей изготовили дома. Они сточили на наждачном круге половинки двух двадцатикопеечных монеток и склеили так, что с двух сторон получилось по «орлу». Теперь Боря бросал эту монетку на пол, что было оговорено условиями спора, так как во время игры кто-то мог дернуть за скатерть и тем самым изменить ее ход.

После семи выброшенных «орлов» Боря поменял монетки и долго держал настоящую в руках «решкой» вверх, чтобы Тосин партнер вдоволь мог ею налюбоваться. Когда монетка в девятый раз легла «орлом», Боря тут же ее подменил настоящей, бросил на стол и забрал деньги.

Здесь друзья заметили, что на руке растерянного Тосиного знакомого надеты золотые «Карты». Тося взглядом указал Боре на портсигар. Тот кивнул, а затем пьяно пошатнулся и сел за стол.

— Наконец-то повезло! — сказал он. — Я знал, что повезет.

Тося молча уселся на свое место и принялся постукивать пальцем по краю стола. Вид у него был человека, сраженного сообщением о смерти близкого. Его долист уселся рядом, находясь в таких же чувствах. Он достал сигарету и принялся ее прикуривать. Боря встал и пошел отдавать какие-то распоряжения официанту.

Прикуп открыл оставленный портсигар и достал из него сигарету. А затем глянул на «товарища» и двадцать долларов. Он протянул соседу двадцатку, а сам подвинул портсигар ближе, сказав:

— Запрячь двадцатник. Может, как-то удастся на этом сыграть.

Тося закрыл портсигар, положил на место, сказал:

— Посмотри, больше там ничего нету?

— Там осталось четыре сигареты и больше ничего, — сказал тот.

— А может, в сигарете чего найдется? — предположил Тося и еще раз, открыв, внимательно осмотрел портсигар.

Тут они заметили приближающегося и шатающегося Борю и, быстро закрыв портсигар, положили его на место. Боря подошел с бутылкой коньяка и сказал:

— Давайте обмоем мой успех! Боря, что-то напевая себе под нос, стал наполнять рюмки. Теперь было заметно, что он сильно пьян, потому как коньяк часто проливался на скатерть. Тося обратился к «товарищу»:

— Как-то я собирался купить себе портсигар. Но не для сигарет, а для того чтобы носить в нем деньги.

— Замечательная мысль! — заметил понимающе «товарищ».

Боря долго молча кивал, прежде чем сказал:

— Я тоже ношу в портсигаре двадцать долларов. — И добавил: — Для ГАИ.

— Я знаю только одного человека в мире, который носил в портсигаре деньги. Это Корейко из «Золотого теленка».

— Ты хочешь сказать, что я — лгун? — пьяно пробормотал Боря.

— Я просто хочу сказать, что такого не может быть. — И Тося посмотрел на своего «товарища».

Тот понял, что нужно подыграть, и сказал:

— Конечно, не может быть. Такое бывает только в кино. Чтобы двадцатка в портсигаре — ха-ха-ха!

Здесь Боря вскипел, ошетинился и ударил двумя кулаками по столу так, что на нем подпрыгнули портсигар и графин с фужерами и тарелками.

— Ты, недоносок! — завопил Боря, глядя на Тосино долиста. — Я готов поставить все деньги, которые у меня есть, включая машину и дачу, что в этом

портсигаре находятся двадцать долларов, сложенные вчетверо! А ты чем можешь подтвердить свое недоверие к моим словам?!

Тот молчал, исподлобья поглядывая то на Прикупа, то на Полонского.

— Положи портсигар на середину, — обратился Тося к своему «товарищу». Тот послушно подвинул портсигар. — Не надо суетиться и нервничать, — продолжал Тося. — Мы, как цивилизованные люди, сейчас решим этот спор. На что мы можем с ним поспорить? — обратился он к своему долисту.

Оказалось, что, кроме «Картье», долист готов поставить еще пять тысяч, которые, в случае проигрыша, отдаст не позднее чем через час. Тося тоже поставил пять тысяч долга. А Боря — все наличные и ключи от машины. Деньги и часы аккуратно легли на стол в завернутой салфетке рядом с портсигаром. После чего Боря взял в руки портсигар, перекинул в нем замок перегородки и открыл. В портсигаре находилось четыре сигареты и сложенный вчетверо двадцатник. Боря положил открытый портсигар на стол, а сам засунул салфетку с выигрешем в рукав пиджака.

— Сегодня дивный день, и мне потрясающе везет! — сказал Боря, вставая из-за стола.

Вытащив двадцатку из портсигара, Тося сел в кресло и тупо рассматривал ее. Боря захлопнул портсигар и направился к выходу.

— Круто мы с тобой сегодня попали, — сказал Тося, протягивая «товарищу» двадцатку. — Тебя хоть как зовут, товарищ ты мой по несчастью?

— Гоша, — ответил тот, держась за голову обеими руками. — Я владелец предприятия. Здесь, в пригороде. Сегодня как-то все, с самого вечера, пошло наперекосяк. Да и очутился я здесь совершенно случайно. Охрану отпустил, с девушкой хотел загулять. И вот — загулял: ни девушки, ни денег.

В это время вернулся Боря.

— Чуть не забыл, — весело сказал он. — Что ж вы молчите? Ай-яй-яй! Так нехорошо! С вас по пять тысяч, а вы не отдаете. Как нехорошо!

«Друзья» переглянулись, вспомнив о долге.

— Зачем ты опять двадцатник в портсигар наложил? — обратился Тося к долисту. — Я же тебе говорил проверить, чтобы он пустой был, а не двадцатки туда совать.

Они втроем вышли на улицу и принялись останавливать такси. Тося с Борей о чем-то спорили, когда Гоша перебежал на противоположную сторону дороги к остановившейся машине. Боря был «увлечен спором и не заметил этого». А Гоша сел в машину и был таков.

Друзья перестали спорить, и Боря протрезвел. Они подошли к «БМВ», которая стояла здесь же, в десяти шагах, и уселись в нее. Тося сказал:

— Сегодня был бурный день. Поедем отдыхать домой или заедем за девками?

«УБЕРЕГИ НАС БОГ ОТ ДРУЗЕЙ НАШИХ»...

Они продолжали жить в небольшой, но уютной Тосиной квартире. В первой половине дня Бори не бывало дома. Он подыскивал подходящих клиентов или занимался хозяйственными вопросами, такими, как мойка машины или сдача в химчистку белья.

Именно в это время в их доме стал появляться Нодар, С Недаром они познакомились стихийно. Тося никогда не мог вспомнить, как именно это произошло.

Когда Прикуп сидел в машине и ждал, пока Боря подберет нужного клиента, Нодар спешил предложить свои услуги. Он бросался в людской водоворот и приводил простачка, именно такого, который был нужен.

Однажды он привел армян, которые хотели купить полторы тысячи долларов. Как ни старался Тося упаковать их «куклой», у него ничего не получалось. Он четыре раза менял натуру «куклой» и наоборот. Тогда он понял, что ничего не получится, и решил «отломать» третью часть их денег. Сделал он это весьма искусно, так что ни армяне, ни Нодар, ни Боря этого не заметили.

По дороге домой Нодар очень сожалел, что не получилось, и поддевал Тосю, указывая на опытность и бдительность обоих армян. Прикуп соглашался с ним, кивая. Боря с интересом поглядывал на разгоряченного Нодара и безропотного Тосю.

Когда подъехали к дому, в котором жил Нодар, Тося достал деньги и сказал:

— Твоя доля — сто семьдесят долларов. Хочешь — выплачу баксами, а хочешь — купонами. — И он вопросительно взглянул на Нодара.

Тот удивленно открыл рот.

— Так ты все же?.. Ну ты и способный! Когда же это тебе удалось?

На следующий день Нодар появился ни свет ни заря. Свой ранний визит он объяснил тем, что ему удалось познакомиться с «жирным лохом». Тося с Борей «отработали» клиента. Нодар стал заходить чаще.

Однажды Нодар зашел и в дверях сказал Тосе:

— Что-то сердце прихватило. Дай прилечь гденибудь.

Прикуп помог добраться до дивана держащемуся за сердце Нодару, а сам пошел на кухню искать в аптечке валидол. Нодар, положив таблетку под язык, сказал, что чувствует себя лучше. Попросил приготовить ему кофе. Тося снова оказался на кухне.

В другой раз Нодар сказал, что очень устал и хотел бы вздремнуть часок. Тося оставил его одного в комнате.

Нодар очень любил вместе с Тосей ставить машину на стоянку. При этом у него каждый раз находилась минутка, чтобы побеседовать о чем-то с охранником.

Когда Нодар приходил к Тосе, тот закрывал Потапа в ванной или на балконе, так как собака невзлюбила гостя.

Однажды Нодар сказал:

— Что же ты не знакомишь меня с Потапом?

На что Тося ответил:

— Извини. Потап также этого хотел бы.

Они приблизились к большому балконному стеклу, за которым сидел здоровенный пес. Увидев Нодаратак близко от себя, пес злобно зарычал и бросился на стекло. Вид огромных острых зубов собаки заставил гостя оказаться в коридоре.

На следующее утро Боря ушел на стоянку за машиной. Вернувшись, он рассказал:

— Вчера через час после того, как мы поставили машину, на стоянку вернулся Нодар и, сказав охраннику, что Тося послал его за машиной, открыл ее и долго в ней сидел, пытаясь завести. Но, когда у него не получилось, ушел.

Тося слушал Борю и не мог поверить в то, что тот говорил. Он быстро оделся и спустился к машине. «БМВ» цвета «зеленого золота» гордо стояла у подъезда. Прикуп сел в машину и осмотрел ее. Все было на месте. Магнитофон весело и нежно подмигивал красными огоньками.

— Позавчера он спрашивал меня, сколько стоит такая машина, — задумчиво произнес Тося. — А, он все продумал. Единственное, чего он не смог заметить, так это того, как я включал и выключал «секретку». Наверное, он рад был взять хотя бы магнитофон. Но не смог, так как охранник тут же заподозрил бы неладное. Интересный тип, — заключил Тося. — В то время как я варил ему кофе и оберегал его сон, он делал слепки с моих ключей. У него не получилось с машиной и не вышло с квартирой, так как он понял, что Потап разорвет любого, переступившего порог. Убереги нас Бог от друзей наших, а уж от врагов я уберегусь сам!

НЕ ОБОГАЩЕНИЯ РАДИ ЖИВ ЧЕЛОВЕК

Он приехал на несколько дней в Ялту, прихватив с собой Натаху. Та была счастлива: неделю вдвоем, только он и она. Их не будут разделять его многочисленные друзья, к которым постоянно присоединялись все новые лица.

Они часами валялись на пляже. Посещали рестораны в установленном гостиничным режимом время приема пищи.

Спокойный и размеренный отдых ему очень скоро надоел. К вечеру второго дня он уговорил троих музыкантов из варьете сопровождать его завтрак музыкой. Утром следующего дня трио приступило к работе.

Завтрак в номер был внесен официанткой под несущуюся по всей гостинице «Хава-Нагилу» в исполнении саксофона и скрипки. Пианист же, поставив «Ямаху» и тяжелую колонку в углу коридора, задорно подпевал.

Прикуп с наслаждением приступил к завтраку. Он пил шампанское, любясь, как скрипач с любовью и нежностью играл «Чардаш» Монти над изумленной и растерянной Наташей. Она сидела за столом как завороченная, не зная, как поступить, чтобы не показать своих чувств.

После завтрака, продолжавшегося четыре часа, было решено совершить прогулку. Вся компания высыпала из номера и направилась к морю, останавливаясь и подолгу задерживаясь у магазинчиков и баров, встречающихся на пути. В одном из таких магазинчиков ему на глаза попала видеокамера. Не долго думая он купил ее, заплатив тысячу четыреста долларов США. Теперь все веселье было заснято на пленку.

Так или примерно так были проведены еще четыре дня. За это время к числу его знакомых смогло прибавиться еще несколько человек, примкнувших к шумной компании в очередном ресторане.

Возвращаясь домой, он вел машину на огромной скорости, что заставляло молчать Натаху, которая делалась не в меру разговорчива, как только они оставались вдвоем. Сам он в это время предавался воспоминаниям. Перед глазами ясно всплыла сцена приобретения видеокамеры. «Камера хороша, — думал Прикуп. — Но какой же я лох, что уплатил столько денег. Как бы отбить хотя бы треть этой суммы, чтобы не быть замученным совестью за содеянное?» В упаковочной коробке находились три книжки инструкций к видеокамере, написанные на разных языках. Это обстоятельство и было решено использовать в «отбивании» третьей части уплаченного.

По приезде в Одессу Прикуп разыскал Джину — молоденькую девушку, которая и ранее участвовала в его «спектаклях». Ей вручил коробку с видеокамерой и двумя книжками паспортов и дал четкие указания. После чего Джина отправилась по магазинам в центральной части города.

Зайдя в один из них, она направилась к секции с множеством всевозможной аппаратуры. Здесь, у магнитофона с музыкой быстрого ритма, стоял продавец. Немного полноватый, невысокого роста, средних лет, с маленькими хитрыми глазками, он смотрел на пеструю коробку в руках Джини. Та, поставив коробку на прилавок, произнесла:

— Мой муж в плавании до Нового года. А мне нужны деньги оплатить круиз на теплоходе «Шота Руставели» с 24 августа по 8 сентября. Тысяча двести долларов. Вот я и зашла узнать — за сколько можно продать эту камеру?

Продавец оживился и извлек полупрофессиональную технику из коробки. Он долго изучал названия кнопок и листал страницы одного из паспортов. Наконец сказал:

— Эта камера может быть продана за тысячу долларов.

– Спасибо за информацию. – Джина скромно улыбнулась. – Я узнаю точно у свекра, за сколько она покупалась. Он знает цену, так как покупал ее вместе с сыном в фирменном магазине Стамбула. Тогда и решу точно – стоит ли ее продавать.

К закрытию магазина в него заглянул Тося. Он легко узнал хитроглазого продавца, которого подробно обрисовала Джина. Внимательно ознакомившись с продукцией некоторых ведущих корпораций по производству электронной техники, Прикуп заметил продавцу:

– Покажи-ка мне, дружок, вон ту видеокамеру. «Сони», кажется? – Он указал на самую дорогую модель.

Рассматривая нежно переданную Хитроглазым вещь, Тося говорил:

– Слабовата. А не смог бы ты достать для меня чтонибудь подороже? Понадежнее, профессиональное.

Далее он потратил пять минут, объясняя Хитроглазому, какой надлежало быть его будущей покупке. Прикуп приводил цифры, характеризующие умение камеры снимать при различной освещенности. Хитроглазый вспомнил, что именно при трех люксах может снимать та камера, которую приносила днем девушка.

Тося, выслушав характеристики «дневной камеры», сказал:

– Это именно то, что нужно. Где эта девушка? Я должен взглянуть. Если все так, как ты говоришь, – беру без разговоров. Плачу полторушку ей. Тебе премиальные.

Для иллюстрации слов Прикуп достал толстую пачку долларов и, покрутив перед носом Хитроглазого, спрятал в карман.

Продавец загорелся надеждой на большой куш и высказал уверенность, что девушка зайдет на следующий день. Он оставил цифры телефонов на листе бумаги и, вручая ее посетителю, произнес:

– Звоните в любое время. Думаю, к вечеру разыщу девушку и вы сможете приобрести аппарат.

На этом их первая встреча была закончена.

На следующий день Прикуп трижды звонил в магазин. Но девушка в нем не появлялась. На третий день он позвонил в обед и узнал, что девушки не было. Как только Хитроглазый повесил трубку, зашла она. Продавец с грустью заметил, что прежней коробки в ее руках нет. Подойдя к прилавку, она заявила:

– Так как эта камера стоит на триста долларов дороже предложенной вами суммы, я бы и хотела продать ее за ту цену, которую заплатил мой муж в Стамбуле.

– Я, пожалуй, возьмусь вам помочь, – произнес Хитроглазый. – Не знаю почему, но испытываю к вам симпатию. Именно поэтому постараюсь продать вашу вещь за столько, сколько вы просите. Сейчас же ступайте и принесите камеру мне. Не забудьте паспорта.

Джина ушла, пообещав вскоре вернуться. Хитроглазому пришлось некоторое время дожидаться девушку, мечтающую оказаться на теплоходе, идущем в круиз.

Она легко переступила порог магазина, неся в руке два паспорта на видеокамеру. Подошла к вышедшему ей навстречу Хитроглазому. Передав яркие книжицы продавцу, она сказала:

– Бывают случаи, когда в магазинах под видом проверки камеры покупатель снимают фильмы. И, мягко скажем, не очень бережно с ней обращаются. По этой причине оставляю только паспорта. Когда найдется покупатель, я тут же привезу саму камеру. В квитанции можем написать, что сданы лишь паспорта. В то же время я сама попытаюсь ее продать.

Продавец бережно сложил книжицы в целлофановый пакет и попросил Джину зайти к вечеру следующего дня.

– Я предложу ее своему приятелю, – напоследок заметил Хитроглазый.

Когда вечером этого же дня Прикуп появился в магазине, продавец с гордостью вручил ему обещанные паспорта. Внимательно просмотрев один из них, Тося сказал, что покупает, и оставил пятьдесят долларов задатка. Пообещал зайти на следующий вечер, чтобы забрать покупку.

Это были еще пять минут, потраченные на общение с Хитроглазым.

На следующий день Прикуп появился в дверях магазина. Только не к вечеру, а к обеденному перерыву.

— Еще не приносили. Жду, — встретил его Хитроглазый. — Мы ведь договорились на вечер.

— Не могу усидеть на месте. Не терпится покрутить обновку. Говоришь, при свечке может снимать? — Свое удивление Прикуп демонстрировал гримасой на лице. — Слушай, может, какие проблемы у тебя с этой девушкой? Почему камеру нельзя купить днем?

Хитроглазый пытался что-то объяснить покупателю, но тот, не слушая его, продолжал:

— Ты, видать, не слишком убедителен для нее. Ты дал ей задаток? — Прикуп говорил, как старый учитель. Он с горечью осознал, что Хитроглазый никак не становился в русло должного поведения. Теперь Тося твердо направлял собеседника. — Не дал. А ты возьми и дай ей задаток, чтобы придать вес словам. Паспорта ведь у нас. Куда она без них? Вещь без паспорта — считай, ворованная. Стоит дешево. Не каждый купит. Ты ничем не рискуешь. Если возьмет задаток — будет твердо уверена, что камера уже не ее. Все точно так, как при покупке авто. — Тося извлек из кармана большую пачку американской валюты и добавил: — Вот тебе еще пятьдесят. Задаток.

Хитроглазый «нехотя» взял зелененькую бумажку из рук Прикупа и сказал:

— Эти сто мы вычтем из тысячи семисот в окончательный расчет. Сегодня в девятнадцать часов.

В семнадцать часов в магазине появилась взволнованная Джина:

— Когда я узнавала цену на камеру у свекра, тот все понял и решил помочь. Он привел покупателя, который платит на триста долларов дороже и уже сидит дома с деньгами. Но не дает, объясняя тем, что без паспорта цена вдвое меньше. Вот я и зашла, чтобы забрать паспорта.

Хитроглазый начал уговаривать наивную на вид девушку принести видеокамеру ему, так как она очень устраивает одного приятеля, который уже внес за нее деньги. Затем он предложил Джине задаток в пятьдесят долларов и сказал:

— Неси камеру и тогда заплачу тебе еще тысячу четыреста.

— Ну что вы! — возразила Джина. — Вот если бы вы сейчас дали шестьсот, а когда я привезу камеру, оставшиеся восемьсот, тогда я смогла бы рискнуть потерять лицо перед свекром и его другом-покупателем. Камеру я привезу вместе со свекром, и совсем необязательно ему знать об этих шестистах долларах.

Хитроглазый долго пытался уговорить Джину поехать за видеокамерой за меньшее количество «зеленых», но девушка была непоколебима в своем решении. Тогда он сходил в кабинет к директору и, вернувшись, предложил требуемую сумму. Джина взяла деньги и исчезла за закрывшейся дверью. Глядя ей вслед, Хитроглазый думал: «Я ничем не рискую. Куда она без паспортов?»

Прикуп ждал в машине за углом. Джина, усевшись рядом, протянула деньги.

— Шестьсот, — произнес Тося. — Схожу заберу сотку.

Джина подняла на него глаза, в которых читался вопрос.

Тося решительно подошел к прилавку, за которым стоял Хитроглазый, подсчитывая на калькуляторе будущий доход.

— Что же это получается, дружок? — Прикуп был зол и негодовал. — Я просил достать профессиональную камеру. А ты пытался втасовать мне это фуфло? И не говори! Слушать не хочу. Быстренько отдавай мой задаток. А я еще подумаю, может, стоит накинуть тебе иск на гриву за попытку дурануть меня.

Прикуп получил сто долларов, за которыми Хитроглазый снова ходил в кабинет к директору. Это и были четвертые, последние пять минут, забранные общением с продавцом с хитрыми глазами.

Прикуп укладывал в коробку видеокамеру. Сверху он положил книжицу паспорта и сказал:

— Странные эти японцы. Вот теперь порядок: одна вещь — один паспорт.

ЧЕСНОК ПРИПОДНИМАЕТ ЗАВЕСУ

У входа в казино Тося встретил Лешу Глаза. Теперь они вместе вот уже два часа приводили в смятение и замешательство как публику, так и администрацию заведения.

Изрядно выпив спиртного, двое гуляк вначале не давали покоя женской части посетителей. Потом у Тоси переменилось настроение, и он, оставив общество Глаза, уселся за игорный стол. Долго шла игра. Он проигрывал. Каждый раз комментировал проигрыши бурными эмоциями и крепкими выражениями на весь зал. Стол, за которым играл Прикуп, попал в центр внимания администрации. У крупье не было ни настроения, ни желания играть с пьяным Тосей, и он пытался закончить игру. Но Тося, сильно сердясь, требовал продолжения. Он уже проиграл две тысячи долларов, когда подошел Глаз.

– Тебя разыскивает один человек, – сказал Леша, положив руку другу на плечо.

Тося повернулся и увидел за спиной Глаза пожилого высокого мужчину, который смотрел на него изпод роговых очков. Надменный взгляд и строгий дорогой костюм говорили о значительности этого человека и твердости его характера. Тося с интересом взглянул на пожилого мужчину.

– Вы и есть Тося Прикуп? – спросил его тот, подойдя ближе. Он смотрел на Тосю прямым изучающим взглядом.

– Да, я Тося Прикуп. Чем обязан вашему вниманию? – ответил Тося. Он упирался рукой в стол, но его все равно равно показывало от выпитого.

– Я – Чеснок, старый приятель вашего отца.

Тося протрезвел в одну секунду. Это имя часто возникало в его голове. Он знал от Ромы, что последнюю свою работу отец делал вместе с Чесноком.

– Извините, я не ожидал вас увидеть. Очень рад.

Тося взял пожилого мужчину под руку и с почтением повел к столику, заботливо усадив в кресло, сам уселся напротив. Глаза, стоявшего рядом, он попросил удалиться и не мешать. Прикуп принялся молча разглядывать Чеснока. Тот выдержал его взгляд и сказал:

– Ты очень похож на него.

– Чеснок, я вас очень прошу, расскажите о его смерти. Вы ведь один из последних, кто видел его живым.

В Тосином взгляде были надежда и мольба.

– Я расскажу все, что знаю, – сказал старый жулик. – За этим я и приехал сюда. Мне очень нравился Аркан своим дерзким и в то же время мечтательным характером. Ты прав, я – один из последних, может быть, и последний его настоящий друг, которого он видел перед смертью. Через два месяца после своего освобождения Аркан прилетел в Вильнюс, – продолжал Чеснок. – Там мы и познакомились. С ним вместе мы кинули одного толстого грузина за хорошие бабки. Знакомство наше было недолгим – всего один месяц. Целый месяц рядом со мной жил человек, от которого исходило задор и энергия.

Мир казался полнее. Аркан был неистощим на выдумки. Каждый раз, перед тем как затянуть кого-либо в свои фокусы или другие заморочки, которых у него было множество, он говорил: «Чеснок, если этот парень похудеет на несколько купюр, ты сможешь пережить это безболезненно?» И я каждый раз отвечал ему, что постараюсь. Меня поражало и восхищало его отношение к людям, которых он делил на две категории: первые – кого можно кидать, и вторые – кого нельзя. Но вторых он не кидал не потому, что боялся последствий, а потому, что считал этих людей своими товарищами. Поэтому его уважали и любили во всех городах, где он бывал.

В тот последний день, когда мы разделили деньги и он с Ромой приехал ко мне, я заподозрил неладное. Накануне Рома сказал, что едет в Одессу вместе с Арканом. А когда они пришли прощаться, Аркан сказал, что Рома остается. Тогда я понял, что один из двоих лжет. Так как к этому времени я очень расположился к Аркану, решил прийти на вокзал и глянуть: кто же из двоих? Я зашел в кабак, который находился на втором этаже, и оттуда стал наблюдать за ними. Рома попрощался с твоим отцом и сделал вид, что собирается остаться, на самом же деле запрыгнул в последний вагон поезда. Только через месяц я узнал, что Аркана убили. В голове сразу возникли подозрения, но я не хотел зря поднимать шум. Нужно было все проверить. Я долго тебя искал. А потом случилось так, что я долго не мог искать тебя. Последние пять лет я внимательно следил за твоими передвижениями. Знаю почти о всех работах.

И вот я здесь и говорю тебе, что знаю твердо: Рома – вот тот, кто помог уйти из этой жизни твоему отцу.

Авторитет Чеснока был велик среди братвы. Его знали и уважали урки, чьи имена вызывают холодный пот у обывателя.

Сейчас этот пожилой лихач судьбы, стоя перед ним, открывал глаза на реальность вещей, происходящих под самым носом.

Эту ночь, а также три последующие Тося провел в гостиничном номере Чеснока. Он был вне себя, рвался застрелить Рому, вспоминая все его притворство. Ведь он доверял ему самые сокровенные тайны, считая вторым отцом.

Чеснок сдерживал Тосю, но успокоить его удалось лишь к вечеру следующего дня.

– Я не хочу, чтобы ты совершал необдуманные поступки, – говорил Чеснок. – Когда остынешь, продумаешь, что будешь делать, помогу тебе по мере сил. Годы, к сожалению, не те. Но кое-что пока еще могу.

«Как подл этот мир! – думал Тося. – Сколько лет убийца отца был рядом и носил маску близкого человека, готового прийти на помощь в любую минуту. И мать сейчас живет с ним, а до сих пор любит отца. Но этот гад и тут все устроил. Каково будет ей узнать правду?»

– Вы можете не тратить времени на уговоры. Этот человек недостоин жить. Ничто не сможет остановить меня, – сказал Тося. Затем, подумав, добавил: – Лишь одна смерть.

Говорил он это совершенно спокойно. Теперь полностью овладел собой и смотрел на мир другими глазами, словно сняв очки с чужими диоптриями.

– Я не собираюсь тебя отговаривать. Хочу лишь, чтоб ты был осторожен и не наделал ошибок в приступе гнева. Береженого – Бог бережет, небереженого – конвой стережет. – Чеснок обнял Тосю за плечи и слегка потряс. – Ты – копия Аркана.

Еще несколько дней Тося провел в номере Чеснока. Он валялся в постели и бродил по комнате. Чеснок заказывал еду в номер, но Тося ни к чему не притрагивался. Наконец он появился в гостиной, где сидел Чеснок, просматривая газеты и потягивая пиво из банки.

– Я долго размышлял над тем, на что способен, если исключить аферу. Смогу ли заниматься чем-либо другим? И вот что я понял. Во-первых, умею рисовать и резать по дереву. Во-вторых, жизнь научила понимать желания и настроения людей. И я воспользуюсь этим, открыв фирму, в которую вложу все свои сбережения. А это без малого восемьдесят тысяч долларов. Знаю, чем будет заниматься моя фирма. Даже подсчитал примерный доход. При этом брал цифры, заниженные в пять раз от возможных цифр нижнего предела. Но прежде всего отомщу за смерть Аркана. Это будет последнее мое дело. В последний раз преступлю закон. А потом свою вину перед всем человечеством начну замаливать неустанной работой, направленной на духовное возрождение человека.

Чеснок поперхнулся пивом:

– Я не совсем понял. Ты собираешься духовно возрождать человека?

– Он сам будет возрождаться. Я лишь попытаюсь ему помочь. И не надо смеяться. Я создам такие условия, при которых каждый сможет меня обмануть. А именно: моя фирма решит проблемный вопрос заказчика, который, получив решение, сможет убедиться в его рациональности. А уж потом, если сочтет нужным оплатить

услугу, – сделает это, определив для себя ее стоимость. Секрет состоит в том, что каждый будет понимать, что если он не оплатит эту работу фирмы, то никто не сможет его в этом упрекнуть. И платить не станет. Каждый раз, смотря телевизор, он будет видеть рекламу фирмы. Каждый раз она будет звучать в радостном ключе. Слушая рекламу, он будет вспоминать, как из-за таких, как он, фирма терпит убытки. В эти минуты он будет общаться со своей совестью. Рано или поздно совесть победит, и он заплатит, сожалея, что так подло и непорядочно обошелся с теми, кто отнесся к нему как к родному.

– Ну а если совесть не победит и никто не станет платить? Твои деньги скоро закончатся, и ты вылетишь в трубу.

– У меня есть несколько секретов. Готов спорить, что сначала так все и будет. Но потом... Прежде – Рома.

СОУС СПАСАЕТ ЖИЗНЬ

Тося созвонился с Эдиком Чириком и договорился встретиться с ним в Донецке. Чирику присвоили имя вора в законе девять московских уроков.

В Донецке был свой вор, звали которого Вова Саратов. Говорили, что он враждебно воспринял это известие. «Московские жуки не сочли нужным узнать его мнение на этот счет. А у него есть что сказать».

Чирик приехал в столицу Донбасса, чтобы положить конец слухам и разногласиям между ворами.

Они сидели на террасе ресторана «Червонный кут». Джип Чирика и два «мерса» охраны стояли не подалеку, поигрывая отблесками лучей светящегося бульвара. Друзья обменивались новостями. Тося рассказал Чирику о Роме и объяснил цель их встречи. Чирик, внимательно выслушав Тосю, решил, что дело правое:

– Я предоставлю тебе столько людей, сколько потребуется. А также оружие – какое пожелаешь.

Подали отварную осетрину и рыбный соус. Тося попросил Эдика передать соус. Тот поднял блюдце, на котором стояла соусница, и протянул Тосе. Соусница соскользнула по блюдцу и, падая, опрокинулась ему на брюки. Эдик извинился за неуклюжесть, объясняя тем, что думал – блюдце и тарелка цельные. Протянул салфетку Тосе. Подоспевший официант предложил свои услуги и порекомендовал Тосе пройти в туалетную комнату, где он поможет избавиться от пятен.

Прикуп отправился в туалет, прикрывая огромные пятна носовым платком.

В то время когда официант замывал пятна у Тоси на брюках, возле ресторана остановился «УАЗ» зеленого цвета. Рядом с ним – мотоцикл с двумя мотоциклистами. При этом они оказались как раз напротив столика, за которым расположился Чирик с четверью охранниками. Эдик любовался красотой вечернего бульвара, берущего разгон у ресторана и стремительно несущегося к горизонту.

Раздались автоматные очереди.

Когда Тося вбежал на террасу, Эдик лежал на полу рядом с опрокинутым стулом в луже крови и в кишках одного из охранников, лежащего почти на нем. Маленький автомат был зажат в руке телохранителя.

Как выяснилось позже, Эдик получил тридцать две пули.

Похороны были дорогими. Съехались шикарные машины с номерными знаками разных городов страны. Тося все время был у гроба своего друга. Но вот он почувствовал на плече чью-то руку. Обернулся и увидел Рому, выказывающего свое сожаление по

поводу смерти Эдика. Тося с трудом сдержал переполнявшие его гнев и ярость мести. Рома понимающе похлопал его по плечу.

На поминках в ресторане к нему подсел Дворный. Долго молчали. Тося сказал:

— Кому это было нужно?

— А ты не знаешь кому? — вопросом ответил Дворный. — Из него извлекли пули. Они из автомата, который только разработали. Это оружие еще не поступило на вооружение ни к «Альфе», ни к «Бете». Вот и подумай, — заключил Дворный.

Прикуп подумал, но тут же понял, что ему очень сложно разобраться в интригах высшего пилотажа.

— Миша, хочу рассказать тебе о нашем последнем разговоре с Чириком.

И Тося рассказал, как узнал, что Рома убил отца, и что хочет рассчитаться с Ромой именно в поезде почти так же, как тот когда-то усадил Аркана в отдельное купе. Услышав этот рассказ, Дворный сказал:

— Ты целиком можешь положиться на меня. Я сделаю то, что не успел сделать Чирик. Я дам Роме стопроцентную наколку в том городе, который ты назовешь. Мне он поверит и послушает.

— Это так, — подтвердил Тося. — Ты у него пользуешься авторитетом. И если скажешь, что его ждут в каком-то городе, он, конечно же, поедет один. А мне больше ничего и не нужно. Не хочу расстраивать мать. На ее долю выпало и так немало огорчений. Я не посрамлю его чести перед людьми только потому, что не хочу, чтобы знали, что у моего отца был такой друг.

— Тося, давай не будем сегодня о делах, — прервал его Дворный. — Приходи завтра ко мне. Все и обсудим.

ВПЛОТНУЮ СО СМЕРТЬЮ

На следующий день Тося отправился к Дворному. «Наверное, еще спит, — думал он дорогой. — Интересно, отчего Дворного называют Дворным? Наверное, потому, что у него такой большой двор, — улыбнулся про себя Тося, вспоминая два огромных дома на углу улицы, огороженные высоким забором. При входе — большой вольер из толстых стальных прутьев, за которым живет Рона — пятилетняя кавказская овчарка не в меру агрессивного характера. Говорят, что в окне чердака Дворный держит „максим“, ствол которого направлен на вход. — Интересно, так ли это?»

Если бы такое говорили о ком-нибудь другом, он ни за что бы не поверил. Но, зная дерзость Дворного, он верил. Тося несколько раз видел Дворного в деле к знал, с какой легкостью тот лишал людей денег и крова, а иногда здоровья и даже жизни.

Тося увидел за собой милицейскую машину с включенной сиреной и световой сигнализацией. Она, обойдя его на полной скорости, свернула в тот поворот, куда нужно было и Тосе. Сердце странно кольнуло. Он нажал на газ и повернул вслед за милицией. Так они подъехали к калитке двора. Она была распахнута настежь. Но Рона молчала.

Двое милиционеров, переступив порог, остановились. Из включенной рации слышался женский голос, говорящий одно и то же. Тося подошел к калитке и увидел Дворного, лежащего возле стола в луже крови. Рядом с ним застыла в неестественной позе какая-то женщина. Тяжело раненная Рона с трудом дышала в вольере. Со стола из простреленного кокосового ореха капало молоко. Его капли падали на лицо Дворного.

Тося ехал в своей «БМВ». Он целый час мотался по городу, чтобы прийти в себя. Сейчас он направлялся в аэропорт. Решил отправиться в Москву для встречи с Лешей и Хубертом. Тосе пришлось на пару дней отложить мечь. «Придется это делать самому. Больше ни с кем говорить об этом не стану. Прямо магия какая-то. Не проходит и суток, как всех их убивают», – думал Тося, паркуя машину на стоянке аэропорта.

Из кассового зала он позвонил в Ригу Васе. Трубку взяла его жена Лайма. Узнав Тосю, она сообщила, что Вася уже неделю как находится в Москве и проживает в гостинице «Минск».

Тося позвонил другу в номер гостиницы. Тот оказался на месте. Узнав, что Тося вылетает в Москву, с радостью согласился встретить его во Внуково.

Друзья обрадовались встрече. Тося рассказал, что приехал для разговора с Лешей и Хубертом по поводу новой работы. Но он принимать участие в ней не будет, так как решил завязать. Об этом и прибыл сообщить им.

– А чтобы им легче было это пережить, помогу по мере сил осуществить задуманное. Но не участием, а советом. Есть кое-какие думки. Ну, а как ты, Вася? По-прежнему кидаешь за ваучеры или что у нас теперь?

– Нет, Тося. Я давно не занимаюсь кидняками. У меня свое дело. Оно приносит стабильный доход. Не могу сказать, что больше, чем афера. Но зато сплю по ночам крепче. Да и нравится мне это. Здесь я нашел себя. Лайма не нарадуется. В семье покой и идиллия.

Тося смотрел на друга, на его счастливый вид и глаза, горящие жизнью, Он искренне радовался за своего товарища.

– А что ты делаешь в Москве?

– Завтра встречаюсь с представителями одной английской фирмы. Они приехали в Москву на презентацию. У нас давно наметились деловые отношения. В этот раз встречаюсь с ними, чтобы подчеркнуть свое уважение. А там, кто знает, может, что-то из этого получится стоящее. В любом случае мне приятна встреча с этими людьми. От них веет мощью и стабильностью.

Тося видел, как Игорь взахлеб говорит об иностранных компаньонах. «Вася стал правильным пацаном. У него обязательно все получится» – думал он.

Он распрощался с Васей, пожелав ему успехов в начатом деле, и направился к Леше.

На поминках у Чирика Рома почувствовал что-то неладное. Он слишком хорошо знал Тосю. Ему было знакомо значение того взгляда, каким Тося тогда на него смотрел. Да и сегодня он случайно узнал от Кацапа, что Чеснок – в Одессе. «А у меня даже не объявился, – думал он. – С какой же целью он приехал?»

Рома позвонил молодой проститутке, которая работала у «Красного». Он неоднократно пользовался ее услугами. Та находила денежных клиентов, которых он «потрошил».

Рома встретился с Анжеликой – так звали юную пугану. Он подробно объяснил ей задачу, которая сводилась к тому, чтобы она познакомилась с одним из телохранителей Чеснока.

Это был молодой, коротко стриженный парень. Анжелика без труда затащила его в постель за пятьдесят долларов. Тот сказал, что его босс встречался с каким-то молодым парнем, чтобы рассказать подробности убийства его отца.

Когда Рома узнал об этом, его стали терзать мысли: «Откуда же это может быть известно Чесноку? Ну, старая лисица, вынюхал все же. Что же предпринять?»

Парень по имени Кныш купил дом по соседству с Аликом. Он отстроил его, превратив в замок. На новоселье созвал множество знакомых и соседей. Гулянье происходило как в самом доме, так и в его дворе.

Среди приглашенных был Алик, который, сидя за столом, прислушивался к беседам, пытаясь выискать для себя что-либо полезное. И не напрасно. Он услышал, как справа от него упомянули имя Прикупа. Он стал прислушиваться к разговору двух крепких парней.

Один из них говорил, что завтра едет встречать Тосю, который просил пару дней сопровождать его. В это время напротив говорящего сидел другой молодой человек,

который также внимательно вслушивался в беседу, стараясь не упустить ни одного слова. Это был Юра, который приехал из Сум по поручению Леры. Лера сказал ему:

– Ты познакомил меня с человеком, который кинул меня за пятнашку. И если не отыщешь его до конца месяца, эту пятнашку буду получать с тебя.

И теперь Юра совершенно случайно узнал, что Тося прилетает завтра в Одессу.

Получив такую информацию, Алик и Юра тут же поднялись и вышли. Один из них направился в гостиницу к телефону. А другой поехал согласовывать дальнейшие действия с Дон Кихотом.

Когда Лера узнал о времени прибытия Тоси в Одессу, то собрал своих приближенных. Они отобрали четверых человек, имеющих практику подобной работы. Этой же ночью группа выехала на двух машинах. Они были экипированы по последнему слову техники: здесь были и микрофон-пушка, и всевозможные подслушивающие устройства, был газ паралитического действия и электрошок разных мощностей, а также оружие с лазерным прицелом. Прежде всего Лера хотел вернуть свои деньги, а может, и включить проценты. Но для этого нужно было располагать информацией о том, сколько всего денег может быть у Прикупа. В первую очередь в задачу группы входило узнать это, оставаясь незамеченными.

Хуберт и Кушевой провожали друга в аэропорту Внуково.

– Хорошую ты, Тося, подкинул идею, – произнес Хуберт, прикуривая под табличкой «Курение запрещено». – Жаль, что ты не с нами.

– Думаю, Прикуп всегда с нами, – сказал Леша, проделывая сложную растасовку карт одной рукой. – Мы с Хубертом решили выделить тебе долю с этой работы. И даже не говори! Все решено.

Выдался на редкость тяжелый день. Вернувшись в Одессу, он не успел побывать дома. Водоворот накопившихся дел нес его от ресторанов к офисам, а оттуда – на роскошные дачи. Сегодня он повидал всех друзей и знакомых. Даже тех, о которых начал забывать. Он с удивлением заметил, что, ведя разговор, видит собеседника потенциально деловым партнером, старается найти место каждому в своем большом будущем бизнесе. Он понял, что идея – начать свое дело – овладевает им помимо его воли.

«Вот только закончу с Ромой, – думал Прикуп. – Много времени это не займет. Не буду готовиться долго. Он не стоит изощренной мести. Я убью его, как собаку, в которой ночует волк».

– Серега, – Прикуп обратился к молодому крепкому парню, ведущему автомобиль, – ты мне очень помог. Но на сегодня все. Останови, я сяду за руль.

Тот послушно нажал на тормоз. Следом остановилась еще одна машина, в которой находился второй охранник.

– Здесь мы расстанемся. Дальше доберусь сам, – сказал Тося, усаживаясь на водительское сиденье.

– Мы с Виталей могли бы проводить вас на своей машине, – заметил крепыш.

– Нет. Благодарю. На сегодня все. – Прикуп повернул ключ – машина завелась. – Завтра увидимся. Отдыхайте.

– Чесноку не понравится это.

– Здесь за углом живет телка, которую я собираюсь попилить. И в этом деле ваша помощь мне не нужна. Пока.

Крепыш вышел из машины и исчез в автомобиле с Виталей. Тося тронул с места. Он повернул направо, налево, проехал по пешеходной дорожке и был таков.

Охранники еще некоторое время носились на большой скорости по кварталу, исследуя его дворы и улочки. Поняв, что объект скрылся, отправились с докладом к Чесноку.

Прикуп подъезжал к своему дому. В багажнике стояла большая сумка со всевозможными детскими игрушками. Ему не терпелось вручить их детям, по которым до боли соскучился.

«Еще немного, – подумал он, проезжая мимо арки родного двора. – Объеду дом по большому кругу».

Заканчивая объезд, перед последним поворотом он заметил белую «девятку», одиноко стоявшую у края дороги в том месте, откуда великолепно просматривался подход к Тосиному подъезду.

Он не спеша проехал мимо, с трудом разглядев четверых парней за темными стеклами машины. Сделал поворот. «Девятка» тронулась с места. Он проехал мимо дома и остановился на светофоре. «Девятка» остановилась у края дороги в пятидесяти метрах. Включился зеленый сигнал светофора, и он медленно покатил.

Водитель следовавшей за Тосей машины недоумевал:

– Почему он так медленно едет? Как мне быть: постоять или ехать за ним?

– Постоим немного. Как только он подъедет к тому повороту – трогай за ним. Отпустим его подальше. Нужно, чтобы он не заметил хвоста. – Это говорил плотный мужчина в спортивном костюме с большим толстым перстнем на безымянном пальце.

Тося, заехав за поворот, о котором говорили в «девятке», тут же свернул в арку двора. Проехав на большой скорости по его лабиринтам, он выехал к тыльной стороне своего дома. Остановил машину на территории детского садика, а сам поднялся в дом. После бурной встречи, всплеска радости и эмоций он уединился в спальне с Наташей. Взял телефон и набрал номер. Когда ответили, сказал:

– Хочу, чтобы вы немедленно установили охрану у моего дома. Все внимание сосредоточьте на детях и Натахе. Меня там не будет. Относиться к работе вы должны с повышенным вниманием. – Положив трубку, он обратился к растерянной Наташе: – Детям ничего не говори. Не нужно, чтобы они знали, что их охраняют.

– Что случилось, Тося? – прижимая к груди руки, сжатые в кулаки, спросила она.

– Время тревожное, – ответил он. – Меня сегодня не жди. Дела.

Тося позвонил Грише, и тот сказал, что заедет за ним. Вскоре друзья встретились и отправились в сауну, где провели весь вечер за разговорами и интенсивным отдыхом с массажем и женской лаской.

– Так кто же это мог быть? – спросил Гриша, когда друг закончил свой рассказ о Роме и сегодняшнем преследовании.

– Могу сказать точно, что это не какой-нибудь мститель из народа, – проговорил усмехаясь Тося. Он удобно устроился за дубовым столом с ароматным чаем.

– А все же?

– Какой-нибудь Алик, или Лера, или еще какой поц, который думает, что я булка с маслом. И выбить меня за лавэ – пара пустяков. Кем бы ни были эти люди, хочу, чтобы в этот раз все они очутились в месте, специально мною подготовленном.

– Где это?

– Один старый заброшенный шурф в катакомбах. Метров пятьдесят, с бушующей на дне магмой. Находясь возле такой дырки, каждый чувствует, что стоит на краю жизни. Там я быстро разгадаю этот ребус. Этот шурф может изменить ход игры с анонимным противником с финалом в точности до наоборот. Обстоятельства уведут в сторону от намеченного. Не реагировать на них не могу, а реагировать – нет времени. Сейчас бы закончить предложенную партию с Анонимом, так нет. Придется ему постоять в очереди, где первый – Рома.

Но все это начнется завтра. А сейчас подвези меня в одно место.

Гриша остановил машину у подъезда.

– Ты уверен, что хочешь ночевать именно здесь, а не у себя? Ты ведь сегодня только приехал. Мог бы провести эту ночь с домашними.

– Именно эту ночь хочу провести здесь. Я так долго ее ждал. Да и Аллочка многим рискует, оставаясь на всю ночь со мной.

– Тебе видней, – сказал Гриша. – Тогда до завтра. А к нашему разговору хочу добавить: обязательно возьми меня с собой на встречу с Ромой. Наверняка тебе кто-то будет нужен. И этим кем-то хочу быть я. Случай особый. Месть святая.

– Вот и хорошо, – согласился Прикуп. – Обговорим завтра все детали, а в субботу будем начинать.

Тося вышел из машины и направился к подъезду. Гриша включил мотор и не спеша поехал по ухабам двора. Когда он свернул за угол дома, раздался выстрел, затем – второй, а за ним – третий.

Гриша включил задний ход. Подъезжая к месту, где оставил друга, он увидел, как большая черная иномарка выехала со двора. Номерных знаков не было.

Он остановил свою машину и подбежал к Тосе, лежащему на холодном бетоне ступенек. Гриша приподнял голову друга и, сев рядом, положил к себе на колени. Он заметил, что Прикуп хочет что-то сказать, и наклонился ближе. Тося приоткрыл рот — в горле клокотала кровь. Он прилагал огромные усилия, чтобы улыбнуться, но губы скривились в гримасе, он произнес:

— У каждого бывает день, который кончается навсегда.
«И с этим не поспоришь», — подумал Рябой.

See more books in <http://www.e-reading.ws>